

Пролог

Я знаю, что так нельзя. Нельзя уходить от реальности. Нельзя прятаться в своих снах от настоящего. Но именно сейчас мне безумно, до дрожи в ослабевших пальцах хочется, чтобы настоящее стало сном, горьким большим кошмаром, который забудется и развеется, а я проснусь в Его руках, прижимаясь к Нему, реальному, моему. К мужчине, который вот уже лет пятнадцать, как стал моим самым близким человеком, хоть и не существующим в реальности. Но в это ещё можно верить разуму и логике. А сердцем вот не получается. Я знаю, что Он есть. Просто не в этом мире. Где-то в другом пространстве, и нам никогда не встретиться и не пересечься, разве что в наших снах. Но и этого скоро не будет, как не будет меня. Интересно, из его памяти я тоже сотрусь? Исчезну?

Он появился так давно, что я уже и не вспомню, когда впервые почувствовала, что в моих детских сновидениях кто-то присутствует, с искренним интересом и недоумением изучая меня и мои наивные грёзы, наблюдая вместе со мной за осколками моей жизни, проникшими в сны. А потом мы стали разговаривать. Он стал другом для несмышлёной девчушки, которая не понимала, почему мама в ответ на рассказы о черноволосям парне, приходящем в её сны, начала вдруг возить её в гости к странным бабкам и жутким тётям. Это продолжалось, пока одна из них не прикрикнула строго на мою родительницу, что нечего ребялёнку пугать, что ничего ей от такого общения не сделается, что этот мальчик, можно сказать, мой ангел-хранитель, вот пускай и охраняет. Это она сказала маме, а мне тихонько прошептала на ухо, чтобы я постаралась впредь не рассказывать никому о своём друге из снов, чтобы его не прогнали. Потому что когда-то он спасёт мне жизнь. Это было так давно. Это уже почти забылось, а сейчас вот всплыло в памяти. Как бы мне сейчас хотелось ей поверить. Как бы мне хотелось не чувствовать боли... и жить.

— Привет, — шепчу я, когда чувствую Его присутствие.

Он не приходил уже очень давно. Такое иногда случалось. Мой... друг исчезал из моих снов на недели, месяцы. Но никогда ещё так надолго. Целых полгода прошло. А мне так его не хватало.

— Здравствуй, Рами, — ощущаю его за спиной, но продолжаю смотреть на море. Такое бескрайнее и бесконечно прекрасное, как я его помню. Жаль, что этим летом сил поехать к нему не осталось.

— Я не думала, что ты вернёшься. Но ждала.

— Я знаю. Потому и вернулся, — его ладонь касается моей, наши пальцы переплетаются.

Не выдержав, оборачиваюсь и встречаюсь взглядом с глазами такими же бездонными и синими, как вечернее небо над морем. Мой Тай. Сейчас я вижу, насколько он красив. Мужественное лицо, твёрдая линия подбородка, нос чуть с горбинкой, чувственные губы с приподнятыми уголками. Такие притягательные. И этот взгляд. Проникающий буквально в душу. Сейчас я его вижу и тщетно стараюсь запомнить каждую чёрточку, каждую линию. Чтобы, проснувшись, снова в досаде кусать губы, от того, что не смогу вспомнить ничего, кроме смутного образа. Ничего кроме взгляда.

— Почему тебя так долго не было? — никогда раньше я так с ним не говорила, требовательно, с горечью. Но, если бы он задержался ещё на чуть-чуть, могло бы быть уже поздно. Я бы его больше не увидела. И не попрощалась.

Что такое считанные дни? Сказал бы мне кто-то. Остаться бы здесь с Ним. Навсегда. Не хочу в реальность. Там я лежу прикованная к больничной кровати, лысая и тощая, потерявшая всякую надежду. Мне только и осталось, что жить своими снами. И ждать. А Его всё не было.

— Я скучала, — признаюсь, склоняя голову ему на грудь, пряча лицо. Не хочу показывать своей слабости. И слёз.

Он вздыхает и обнимает за плечи, прижимает к себе.

— Я тоже, Рами. Если бы ты только знала насколько. — Чувствую, что его грызёт что-то, слышу горечь в любимом голосе. — Но я пришёл чтобы сказать тебе то, что давно уже должен.

— И что же это? — не хочу, не хочу смотреть ему в глаза и видеть в них приговор. Не могу не смотреть правде в лицо и поднимаю голову твёрдо встречая полный печали взгляд.

— Я пришёл, чтобы отпустить тебя. Чтобы больше не держать своим незримым присутствием в твоей жизни. Я хочу, чтобы ты была счастлива, Рамина. Там в своём мире, куда я не могу дотянуться, чтобы быть с тобой рядом.

— А чего хочу я, тебя не интересует? И это ведь нас обоих касается? Если ты меня держишь, то и я

тебя? Или нет?

От мысли, что где-то там в параллельном пространстве, другом мире, или на другом конце вселенной, в раю или преисподней, у него существует кто-то, для кого он реальный, для кого он хочет свободы от меня, я задыхаюсь, мертвею внутри. Закусываю губы почти до крови, чувствуя, как теряю контроль, как врывается в моё сознание боль... боль... так много боли. Отшатываюсь от него, не позволяя удержать. Растворяюсь, ускользаю песком между пальцев, чтобы очутиться в собственной палате. Стою у кровати. А там лежит тень. Это не я. Не я. Хочется выть от безысходности. Он прав. Я держу его. И не имею на это никакого права.

— Рамина, пожалуйста выслушай меня, — вокруг смыкаются его руки, волос касаются нежные губы. А потом он застывает, каменеет, смотря на умирающую девушку перед нами. — Кто это? Рами...

— Уходи, Тайрэн. Я освобождаю тебя.

Глава 1

Рамина

Мне всю жизнь казалось, что я чего-то не успеваю. Нет не так. Что я должна всё успеть к какому-то определённомому моменту. Попробовать, узнать, прожить. Поэтому и неслась по жизни, как угорелая, отчего моя нервная и дёрганная мама вечно хваталась за сердце, умоляя свою доченьку-сорванца не лезть на то дерево, не гладить ту большую злую собаку, не гонять с мальчишками-хулиганами во дворе на, ужас какой, взрослом велосипеде, не приставать ко всем знакомым взрослым со всякими глупыми вопросами, не стрелять с рогатки, не гулять по стройке, не залезать на крышу любоваться закатом, не... не... не... В общем, когда я узнала от одного из тех самых мальчишек об открывшихся при одной из школ нашего городка занятиях по скалолазке и возжелала туда ходить, она уже была морально готова согласиться на такое не девчачье занятие. Всё-таки моё многочасовое ползание по стенке со страховкой, под присмотром спокойного уравновешенного тренера пугало её значительно меньше, чем перспектива что я движимая вечным шилом в одном месте опять куда-нибудь влезу, встряну, и так далее.

Маму я всегда очень любила, каждый раз искренне жалела, что расстраиваю её, обещала, что исправлюсь, но не могла... что-то снова гнало меня вперёд. И порой она, замазывая зелёной очередную мою ссадину, сетовала, что во всём виноваты гены неизвестного мне дедушки, который тоже по жизни мчался ураганом, да так что даже не заметил, как у него дочь родилась. Кстати, бабушка так и не рассказала, кто же отец её ребёнка, ограничиваясь лишь краткими ёмкими и не всегда цензурными выражениями, что мать всегда жутко обижало. И про мою похожесть на этого самого деда тоже она, кстати, первая сказала. Не верить ей не получалось, с учётом, что мои собственные родители всегда были образцом размеренности. Они никуда не спешили, ничего не искали, довольствовались тем, что есть, жили себе, работали, вечерами тихо разговаривали на кухне за чашкой чая, порой гуляли под ручку в парке. А тут я. Такая вот. Да.

Скалолазка стала для моих родных и их нервов настоящим спасением. Ну а я научилась направлять свою внутреннюю потребность к движению в нужное русло. Не успокоилась, нет. Но со стороны так казалось. Это увлечение прочло вошло в мою жизнь, хотя и стало лишь одним из первых. Поняв, что утолять свою жажду новых впечатлений можно и не травмируя психику мамы, я начала ходить на всевозможные кружки и занятия, подыскивая себе по душе. Чем только не занималась, чего только не пробовала. Никогда не называла себя экстремалом, но, наверное, им я и являлась. Так в моей жизни появилось и ещё одно сначала увлечение, а потом и любимая работа. Занятие, которое приносило мне море удовлетворения и удовольствия. До недавнего времени. Пока я не заболела.

Всё началось с моего падения.

Янтарь уверенно брал преграду, тело двигалось в унисон с мощью большого сильного животного, когда боль, едва ощутимо зудящая на подкорке с самого утра и приглушенная обезболивающим, внезапно разрослась, затопив мозг давящим чувством. Я чудом не грохнулась на оксер, через который как раз прыгал мой конь. Спасли лишь отработанные до автоматизма реакции. Свалилась я позже. Сломав себе руку.

А потом была больница, операция, обследования, анализы и внезапный страшный диагноз. У меня выявили лейкоз. И стало понятно, что синяки, появляющиеся на теле в последнее время слишком часто, следствие не только моего активного образа жизни. Как и ломота в суставах и мышцах, которую я наивно списывала на усталость. И головные боли, которые умному человеку не следовало игнорировать. Но я терпеть не могла болезни. Терпеть не могла признавать свою слабость. И где-то глубоко в подсознании я боялась того, что предчувствовала всю свою жизнь.

Статистика говорит, что лейкомия лечится. Этим я тешу себя, когда силы меня покидают после мучительных процедур, после химиотерапии. Это я говорю родителям, в это я отчаянно пытаюсь верить. Но как же мне страшно. Совместимого донора костного мозга для меня так до сих пор и не нашли. И с каждым днём мои шансы на жизнь всё больше тают.

За окном начинается дождь. Тяжёлые капли громко бьют по стеклу, шумят жёлтой листвой клёна, усыпляют. Я лежу и плююсь, не моргая, слушая и пытаюсь успокоиться после того, что мне приснилось.

Тай не ушёл, когда я в полном отчаянии попыталась его прогнать. Не ушёл. И узнал то, что я не хотела ему открывать. Впервые я видела его таким злым. Он орал на меня, требуя ответов, которые я не хотела давать. Впервые я видела его страх и отчаяние. И мне горько было осознавать, что боится он за меня. Мой принц из снов, как я когда-то назвала его в детстве, узнал, что я умираю. И вместо того, чтобы попрощаться, как собирался, он сказал, что вернётся. Что будет со мной. Пускай хотя бы во снах. Это эгоистично и неправильно с моей стороны. Но я не могу не радоваться тому,

что снова его увижу.

Слышу, как отворяется дверь, но шевелиться не хочется. Откуда-то знаю, кто это пришёл.

— Привет, Ромка, — в поле моего зрения появляется белый халат и зелёные лучистые глаза моей лучшей подруги. Она улыбается, хоть этого и не видно под маской. Для меня. Пряча жалость, чтобы лишний раз меня не раздражать.

— Привет, Ксю. Рано ты сегодня, — растягиваю губы в ответной улыбке.

— Ага, отпросилась у Антон Саныча, очень хотела тебе сказать, что все наши решили сдать анализы. И ученики тоже. А вдруг повезёт.

— Правда? — вскидываю брови. — Ого. Приятно.

— Да ладно. Это мелочи. Уж я-то знаю.

Ага. Ксюха первая, кто попытал удачу, когда среди моих родственников не нашлось подходящего донора.

Подруга проводит со мной большую половину дня, молча поддерживая во время обхода, развлекая во время переливания крови. Уходит лишь когда является мама. Посменно меня стерегут. Боятся оставлять. А я делаю вид, что этого не понимаю.

Ночью же я снова один на один со своими страхами. С самой собой. И надеждой. Она вернулась ко мне вместе с Ним. Ночью я снова могу позволить себе спрятаться от реальности в своих снах. Засыпаю, даже не представляя, куда бросит моё сознание. Точно знаю лишь, что Тай придёт, раз обещал.

Когда я залезла на эту крышу первый раз мне было, кажется, лет восемь. Я тогда, уже уходя, разодрала икру об незамеченную арматуру и пришла домой, заливая весь свой путь кровью. Ох как на меня тогда ругались родители. И, естественно, запретили ходить сюда опять. А потом эта крыша мне приснилась. Уж больно красиво было наблюдать отсюда закат. Настолько, что мозг воссоздал эту картинку. И в этом сне был Тай. Мы сидели, смотрели на пылающий небосвод и говорили, говорили, говорили. Он был старше меня, красивый статный черноволосый и синеглазый подросток, умный настолько, что у меня дух захватывало, и вместе с тем не знающий об нашем мире столь многих элементарных вещей. Именно тогда Тай мне и признался, что он реальный, просто живет в другом мире. А почему может ходить в мои сны и сам не знает.

На этой крыше я побывала ещё не раз. Она стала моим тайным местом. Сюда я приходила, когда хотела увидеть звёзды, что было вполне реально, поскольку наш дом стоял особняком на отшибе и огни нашего маленького городка не так сильно мешали. Здесь я пару раз встречала рассветы, когда слишком поздно возвращалась с дружеских вечеринок и мне хотелось побыть в тишине наедине с собой. И самое главное — здесь мы часто виделись с Таем. В снах, конечно.

Сегодня он меня ждёт. Сидит на краю и смотрит на Днепр и зарево Борисполя по другую его сторону. Белая рубашка и чёрные брюки, высокие сапоги. Всклоченные волосы, как будто их кто растрепал. Щетина на квадратном подбородке. Красивый до бабочек в животе.

— Привет, — обнимаю его со спины, прижимаясь щекой к макушке.

— Привет, — его ладони накрывают мои. — Как ты? — столько тревоги в этом голосе.

— По-прежнему.

— Иди ко мне, — мужчина тянет меня за руку и вскоре я уже сижу у него на коленях. — Расскажи мне.

— Не надо, Тай. Зачем тебе эти подробности? Я не хочу твоей жалости.

Он сжимает губы, смотрит на меня из-под нахмуренных бровей, заставляя чувствовать себя нашкодившей девчонкой.

— Расскажи мне, Рамина. Что за болезнь? Почему тебя не могут вылечить? Что прогнозируют? Я хочу понимать суть проблемы, — непререкаемо требует, но я всё ещё пытаюсь упираться.

— Я не понимаю, зачем тебе это знать. Разве это что-то изменит?

— Рами! — гаркает он таким тоном, что послушаться нереально.

И я рассказываю. Всё в подробностях, как он и хотел. А когда заканчиваю, с облегчением понимаю, что в тёмной синеве глаз плещется отнюдь не жалость. Тай действительно ищет решение. А мне

почему-то вспоминаются давно забытые слова одной цыганки, к которой водила меня мама.

И к чему уже вторую ночь подряд в памяти всплывает этот эпизод из моего детства? Только ли от того, что он мне сулит призрачный шанс на спасение? Невидящим взглядом смотрю перед собой, а перед мысленным взором рисуется образ статной красивой женщины. Тёмные волосы с медно рыжими бликами собраны в косу и закручены в низкий пучок, на тёмно-зелёной блузке россыпь розочек цвета пудры, чёрная прямая юбка и жгучий взгляд карих, как шоколад глаз.

— О чём ты сейчас думаешь, Рами? — вырывает меня из воспоминаний Тай.

Моргаю и всё вокруг резко меняется. Теперь я стою напротив этой самой цыганки, а она прожигает меня своим взглядом, словно душу насквозь видит.

— Кто это? — Тай позади меня с интересом рассматривает Милеву, так её, кажется, звали.

— Ой сильная кровь. Какую душу притянула, деточка, — улыбается она, не замечая мужчину рядом. — Не бойся, мамку твою лишь на время отослала — сказать тебе кое-что должна. Ты же умная девочка, Рамина. Хочешь, чтобы твоего друга от тебя прогнали?

— Нет, — шепчу я испугано, как тогда.

— Тогда, молчи. Не рассказывай больше никому, с кем в снах гуляешь. Он нужен тебе. Придёт время и только в его силах будет спасти тебе жизнь. Если согласишься.

— На что? — вырывается у меня. На губах цыганки появляется кривая улыбка.

— Умереть, чтобы жить, Рамина. Твой час близок.

Этого она точно раньше не говорила. Я вообще не знаю, откуда это взялось. Стою, замерев, вижу как отклоняется Милева на стуле, не сводя с меня прищуренного многозначительного взгляда.

— Что это значит? — не выдерживаю я.

— Он знает. Найдёт способ, — вскидывает она брови и переводит взгляд на стоящего позади меня Тая.

И я разворачиваюсь к нему, смотрю в застывшее лицо, задумчивые прищуренные глаза.

— Тай... ты понимаешь о чём речь?

— Да, — произносит твёрдо.

— Ведьму себе возьмёшь, маг из чужого мира. Готов к этому? — смеётся за моей спиной цыганка.

Наши с ним взгляды встречаются, мне страшно увидеть в них отторжение, может даже злость, но там лишь твёрдая решимость.

— Прости, — срывается с моих губ.

— За что? — удивлённо вскидывает он брови.

— Я и забыла эти её слова. Маленькая была. О том, что я твою душу притянула. Выходит, это моя вина, что ты несвободен от меня.

— Глупая, — смеётся Тай, беря моё лицо в ладони. — Конечно ты притянула, привлекла в свои сны собственной вкусной силой, чистым светом, теплом. Но остаться я решил сам. И сейчас решаю я.

О чём он говорит? Что решает? Что сейчас вообще произошло? И кто эта ведьма, которую он себе возьмёт? Я? Серьёзно? В голове роится столько вопросов, что я снова начинаю проваливаться в боль. Она скалится острыми клыками, пугая знакомой агонией. Но на этот раз остаётся без добычи. Мужчина склоняется к моим губам, заслоня собой от одного из моих личных монстров. И целует. Впервые за все наши общие сны.

Таю в его руках, растворяюсь в нём, забываю себя. Меня нет, есть ощущение этой ласки, его языка во рту, нежных губ на губах. Ощущение силы и мощи мужского тела, рядом с которым можно чувствовать себя маленькой и хрупкой. Я так давно мечтала хотя бы во сне его целовать, но боялась оттолкнуть, показав всю глубину своих чувств. А сейчас... сейчас... Мои руки впиваются в широкие плечи. И хочется, чтобы он сжал меня ещё сильнее, удержав подле себя, забрав себе... Ему одному я готова это позволить. Какая ирония. Так безумно любить того, кого видеть можешь только в снах. Он никогда мне ничего не обещал. Это было бы глупо... Но я, вопреки доводам рассудка, всегда чувствовала себя принадлежащей ему. словно метку на сердце имела.

— Рами, — он прикусывает мою губу, целует уголок рта. — Я готов был тебя отпустить, уйти, прекратить эти сны. Но не теперь. Я не отдам тебя смерти. Ты моя. Только скажи, что хочешь быть со мной. Дай мне право действовать.

— Хочу... — признание слетает с губ так легко, как может только в снах. Синие глаза в ответ полыхают торжеством. — Жаль, что это невозможно.

На чувственных губах появляется кривая многозначительная ухмылка.

— Возможно. Поверь мне, возможно если не всё, то очень многое. Другой вопрос в цене. Твоя — будет прежняя жизнь. Свою — я скоро узнаю. Меня выбрасывает из твоего сна. Наверное, ты просыпаешься. Продержись ещё немного. Всё скоро решится.

Он снова сминает мои губы своими, берет меня этим поцелуем, вырывая стон из груди. Заставляя цепляться за белый батист его рубашки.

— Люблю тебя... — шепчу ему в губы, но его рядом больше нет.

Глаза распахиваются и смотрят в серый предрассветный потолок. Он давно мне вместо неба. Кто-то ещё до меня наклеил над кроватью фосфоресцентные фигурки месяца и звезд, но к утру их уже почти не видно. Веки жжёт непролитыми слезами. Но я не буду им поддаваться. Он снова мне снился. И просил держаться. Я держусь.

Тайрэн

Ладони всё ещё чувствуют тепло её тела, но я уже знаю, что проснулся. Глушу в себе досаду, отодвигаю на задний план липкий страх, что это была последняя наша встреча, вину, что едва не потерял её, так надолго оставив. Время бежит стремительно. И у неё его почти нет. Значит, мне нужно действовать не теряя ни секунды. Идея, которая озарила вчера моё пьяное сознание, готовое хвататься даже за самую хлипкую соломинку, решение, которое ещё с вечера вызывало сомнения из-за своей невероятности и невозможности, после того, что мне открылось сегодня в её сне, кажется теперь единственно возможным. Теперь я уверен, что спасение для неё есть. Раз уж ей ведьма ещё в детстве его предсказала. Но сначала надо рассказать всё отцу, поскольку коснётся моё решение не только меня.

С гудящей головой поднимаюсь с кровати и, вызвав камердинера, направляюсь в ванную. Нужно привести себя в надлежащий вид — негоже являться к родителям на завтрак с двухдневной щетиной и перегаром. Даже если отцу уже доложили, как его наследник вчера на пару с другом срывал злость и отчаяние на кабаке и его незаконопослушных посетителей в не самом благополучном районе города, а потом лорд Гиерно самолично явился, чтобы утихомирить нас с его же племянником и доставить наши туши по домам.

— Ваше высочество, подать завтрак? — кланяется Норгин, сменивший два года назад вышедшего на пенсию верного Кирина, когда я выхожу из ванной в гораздо более цивилизованном виде.

— Нет. Я собираюсь присоединиться к их величествам. Узнай, проснулись ли они, — велю, натягивая выглаженную им рубашку.

— Будет сделано, ваше высочество.

Одеваюсь, слыша его удаляющиеся шаги, а сам пытаюсь предугадать реакцию отца на моё заявление. Рад точно не будет. Поймёт ли? Надеюсь. Хотя это ничего уже для меня не изменит. Свои решения я не склонен менять. А в данном случае для меня это смерти подобно. Жить с осознанием, что мог попытаться её спасти, а не сделал, я вряд ли смогу.

— Ваше высочество, ваш отец уже бодрствует и желает вас видеть, — сообщает вернувшийся слуга.

— Отлично, — не став застёгивать камзол, выхожу из своих покоев, намереваясь дать своему королю все основания передать мой статус первого наследника одному из младших братьев, коих благодаря нашей горячо любимой маме у меня имеется целых три вихрастых лба.

Он встречает меня внимательным взглядом из-под нахмуренных бровей. В гостиной больше никого нет, мама, наверное, ещё спит.

— Здравствуй, отец, — произношу с кривой улыбкой и сажусь напротив. — Мне нужно с тобой поговорить.

— И тебе доброе утро, сын. Уверен, что нужно. Слушаю тебя, — его величество Яргард Сэйнар

откидывается на спинку кресла и выжидающе вскидывает бровь.

— Я люблю одну девушку, — нет времени начинать издалека. Но подобрать слова весьма затруднительно.

— И кто она? Ты из-за неё вчера разнёс к бесам этот кабак? Я знаю её? Она из Сэйнара? — не чувствую, чтобы отец был особо удивлён. Скорее всего, мои душевные метания не остались им незамеченными.

— В этом самая большая сложность. Моя Рамина живёт в мамином родном мире, — и всё же мне удаётся ошеломить моего сдержанного родителя. Вся его сдержанность вмиг испаряется.

— Как ты можешь любить девушку из другого мира? Как ты её увидел? — его величество даже с кресла вскакивает, чтобы нависнуть надо мной, требуя ответов.

— Отец, извини, у меня сейчас нет времени на подробные объяснения. Я расскажу всё вкратце. Помнишь, я вам с мамой в детстве рассказывал, что мне снятся странные сны? Нэлли тогда почти сразу поняла, что это про её мир.

— Ты говорил, что это прекратилось.

— Да говорил. Чтобы не волновать вас. Её особенно. Она тогда страшно переживала, боялась за меня, ночами не спала, приходила меня проверяла во сне, вот я и решил так успокоить. Тем более, что никакого вреда мне от этих сновидений не было.

— Откуда тебе было это знать... — начинает отец, но я вскидываю руку, прося остановиться.

— Пожалуйста, не перебивай и выслушай. Да сны не прекращались. Я, как видишь, цел и невредим. Возможно, они начались, из-за моих эмпатических способностей, возможно из-за того, что я про этот мир часто думал, сам понимаешь почему, а может причина в том, что однажды Богиня мне этот мир показала во сне, когда хотела, чтобы я принял Нэлли. Я лично склоняюсь к мысли, что сыграло роль сочетание всех этих факторов и кое-каких других. Это уже неважно. Сначала это было редко, я видел никак не связанные фрагменты чьих-то сновидений, а однажды оказался в сне одной девочки. Она чем-то привлекла меня, и я стал сознательно искать её каждый раз, когда засыпал. Это и была Рамина. Мы видим общие сны уже пятнадцать лет. И я уже давно люблю её.

— Тай — это бесперспективное чувство, — произносит отец, хотя я в полной мере ощущаю его сочувствие.

— Ты думаешь, я этого не осознавал? — С горечью интересуюсь у него. — Знал бы ты, сколько раз я пытался не приходить к ней больше. Не держать. Забыться с другими. Позволить ей полюбить другого. Она ведь тоже любит. Меня. Представляешь? Я чувствовал это всей душой. И все равно каждый раз срывался и эгоистично искал её в сновидениях опять. Самый долгий период, который я смог без неё выдержать — это последние полгода. Но я снова сорвался. Для себя нашёл оправдание, что должен попроситься. Это случилось прошлой ночью.

— Что случилось прошлой ночью, сын? — спрашивает отец, кладя руку на плечо и сжимая.

— Я узнал, что она умирает. Там. А я тут и ничем помочь не могу, спасти её не могу. И я мог её больше никогда не увидеть, не узнать даже, что с ней случилось, если бы не пришёл. Я мог потерять её навсегда, — в груди снова больно сжимается и ноют сбитые костяшки на обеих руках, напоминая, что можно забыться в яростном угаре.

— Мне жаль, Тай, — не хочу читать его эмоции, мне от своих больно. Мотаю головой, сжимая зубы до скрипа. А потом выдыхаю и произношу главное:

— Нет. Не надо жалеть. Просто прими моё решение. Я сейчас еду в Храм.

— В Храм? Зачем? — этот вопрос, как ни странно, принадлежит матери. Поворачиваю голову и встречаюсь с её встревоженным взглядом. — Кто умирает?

Её величество королева Анэллия Сэйнар замерла на пороге спальни, видимо услышав часть нашего с отцом разговора.

— Здравствуй, мама. Умирает моя любимая девушка. В твоём родном мире. И я иду в Храм, чтобы умолять Богиню спасти её, как тебя. Притянув душу в этот мир. А потом я собираюсь взять её в жёны, если это будет возможно.

Мама, испуганно выдохнув, смотрит на меня огромными глазами цвета тёплой карамели, потеряв дар речи. Зато отцу есть что сказать.

— Ты понимаешь, насколько бредово это звучит, Тайрэн? Допустим, Богиня тебя послушает,

допустим даже сделает, как ты просишь. Но для этого нужно, чтобы одновременно с ней кто-то умирал здесь.

— Совванир большой. В любую минуту в нём где-нибудь кто-нибудь умирает, как это не прискорбно, — возражаю я.

— Хорошо. А если её душа попадёт в тело замужней женщины, или пожилой? Женишься на старухе с молодой душой, сын? Или на мужчине может? Настолько твоя любовь сильна? — зло бьёт наотмашь аргументами родитель.

— Яр! — вскрикивает Нэлли.

— Мам, он прав, это вероятно. Но исходя из твоего случая и случая Ларики Соланьяри, и её размышлений в дневниках, хоть выборка и невелика, конечно, есть основания надеяться, что возраст и пол должны приблизительно совпадать. Мне даже, кажется, что иначе это может не сработать. Я признаться, много думал об этом раньше. Даже Матушку Настоятельницу донимал расспросами, под предлогом интереса, вызванного твоим случаем. Но всегда наталкивался на неприемлемое условие. Её смерть. Потому и отбросил эти мысли давно. Сейчас это, как понимаете, уже не невыполнимое условие, а неотвратимая угроза. Если я не попытаюсь это сделать — она умрёт.

— От чего она умирает? — хмурит мама брови и идёт сначала ко мне, чтобы, как всегда, обнять и поцеловать, а потом к мужу, чтобы устроиться на его подлокотнике, как любит делать. Он привычным движением обнимает её за талию, прижимая к себе.

— Она назвала эту болезнь лейкемией. Объясняла, что это связано с кровью. У нас таких нет, насколько я знаю.

— Рак крови, — Нэлли скорбно закрывает глаза. — В моём прежнем мире от этой болезни много людей умерло.

— Да. Рами говорила, — киваю я.

— Рами? — удивлённо вскидывает брови она, посмотрев на меня.

— Рамина, — с нежностью произношу имя любимой. — В ней столько же света и тепла, сколько в тебе, мама.

Глава 2

Отец так и не принял до конца моё намерение. Он не стал мне напоминать про долг, про то, сколько надежд он питает на мой счёт, как и не сказал, что мой брак неизвестно с кем при наличии братьев, истинных Сэйнаров по крови и силе, может сделать невозможной передачу мне власти, когда придёт время. Это даже от него не зависело. Сила просто изберёт более сильного и нужного стране. Что ж, тогда я стану верной опорой Рикарду, или Дастиану, может даже Айвэну. Уж как сложится. Его величество король Яргард не стал лишать меня прав наследования, давить, или ставить ультиматумы, поскольку видел, что своё решение я менять не стану. А результат ещё неизвестен. В конце концов, он сам меня воспитал и не мог не понимать, что я уже всё взвесил и просчитал последствия, как и смирился с тем, что, по сути, отказываюсь от того, ради чего родился. Это тяжело. Но... Смириться со смертью Рамины я не смогу и требовать этого даже отец не посмеет. Особенно он.

Храм Великой Праматери встречает меня благостной тишиной. Свет, преломляющийся через витражные окна, непостижимым образом создаёт в прохладном воздухе просторных залов иллюзорное чувство чьего-то присутствия. А может не такое уж и иллюзорное. Уж мне ли не знать, что Богиня порой устаивает своих чад не только пристального внимания, но порой и более ощутимого вмешательства.

Эхо моих шагов по мраморному полу отражается от стен, уносясь прочь коридорами, извещая служительниц о внеурочном посетителе. И спустя несколько секунд навстречу мне выходит, как ни странно, сама Матушка Настоятельница Ваота. Ждала? Не удивлюсь.

— Приветствую вас в Храме, ваше высочество, — весьма пожилая уже женщина улыбается мне с тем извечным выражением мудрых глаз, что заставляет думать, что же такого же ей известно, неведомого тебе.

— И я вас, пресветлая Ваота, — вежливо склоняю голову перед главной служительницей Богини. — Мне нужен ваш совет.

— Совет? Конечно, чем смогу постараюсь вам помочь. Желаете пройти в мой кабинет?

— Нет, у меня очень мало времени. Давайте лучше в малый королевский ритуальный зал.

Она удивлённо вскидывает брови, но не возражает. Лишь приглашающе ведёт рукой, а затем следует рядом, показывая путь, который я за последние пятнадцать лет уже неплохо изучил, четырежды присутствуя на ритуалах посвящения и инициализации юных Сэйнаров, сначала близняшек-сестёр, потом братьев. Этот зал, можно сказать, личный для нашей семьи. Здесь свершаются те обряды, которые не для посторонних глаз, личные, сокровенные.

Дверь закрывается за нашими спинами, отрезая от внешнего мира, оставляя наедине с поразительно живой статуей Праматери, взирающей на мир с ласковой улыбкой.

— Что вы хотели спросить, ваше высочество? — интересуется Ваота, слегка повернув голову и взглянув на меня через плечо.

— Как мне обратиться к Богине за помощью?

— Я так понимаю, вы имеете в виду не просто благословение?

— Оно мне, конечно, не помешает, но нет. Я хочу просить кое-что гораздо более сложное и, возможно, нарушающее законы мироздания, — признаюсь я, наблюдая за тем, как пожилая женщина хмыкает, поворачивается к статуе и смотрит в лицо Богине. Без удивления, надо признать. Я и сам скольжу взглядом по воплощающему женственность мраморному лицу. — Что мне сделать? Принести жертву?

— Праматери не нужны жертвы, чтобы выслушать своих детей, — поджигает губы Ваота. — А к вам, Сэйнарам, Она особо благоволит. Достаточно лишь искренне открыть своё сердце её взгляду, и попросить, отринув гордыню. А потом иметь мужество услышать ответ. Думаю, вам этого не занимать, принц Тайрэн. Вы правы, здесь лучшее место, чтобы обратиться к Ней. Пускай сила вашего рода вам поможет, — она поворачивается ко мне и склоняет голову набок. — Я полагаю, вы хотите говорить с ней прямо сейчас?

— Да.

Настоятельница кивает и направляется к алтарю, над которым Богиня держит в руках золотую чашу. До меня доносится её тихий шёпот, волос касается странное дуновение, словно вздыхает кто-то. А потом я в полном недоумении наблюдаю, как в чаше появляется похожая на вино жидкость. Ваота обеими руками берёт этот сосуд из ладоней статуи и поворачивается ко мне.

— Праматерь готова услышать. Готовы ли вы, ваше высочество, просить её милости?

— Готов, — твёрдо произношу, принимая чашу.

— Тогда пейте. Это поможет войти в транс. Я оставлю вас, чтобы не мешать.

— Благодарю, светлейшая Ваота.

Она кивает и молча обходит меня, чтобы покинуть зал. А я выпиваю в пару глотков божественного происхождения зелье, или что это такое, не позволяя себе сомнений и колебаний. Ни на что не похожая на вкус горьковато-терпкая жидкость мягко обволакивает пищевод, проваливаясь клубком тепла куда-то в район солнечного сплетения. Странное чувство покоя обволакивает, как-то незаметно забирая всё, что грызло меня в последнее время. Закрываю глаза, позволяя себе окунуться в это чувство. Тело будто исчезает, и лишь отголоском сознания я улавливаю удар коленями, на которые, кажется, опускаюсь.

— Ну здравствуй, Тай, — слышу перед собой голос. Обычный в общем-то. И смутно знакомый.

Открываю глаза и тону в невозможном сизом взгляде. Мне всегда казалось, что бездна должна быть холодной, но сейчас я узрел, что она тёплая и полная вселенской мудрости. Великая Праматерь. Она может показаться, как юной девушкой, так и зрелой женщиной, воплощая в себе всю женскую суть и красоту.

— Моя Богиня, — склоняю я голову. На коленях уже и так стою.

— Что ты хочешь у меня просить, мой мальчик? — она скользит невесомо ближе и проводит пальцами по моим растрёпанным волосам.

— Милости, Праматерь. Не для себя.

— Так уж и не для себя? — хмыкает она.

— Для меня это тоже станет милостью, — соглашаюсь я, не собираясь спорить с той, от кого зависит жизнь Рамины.

— Какой покладистый Сэйнар. Сильно ж тебя прижало. Говори. Я слушаю.

— Я прошу тебя спасти девушку, которую я люблю. Она живёт в мире, из которого пришла Нэлли. И сейчас умирает от страшной болезни, — я смотрю ей в глаза, открывая душу нараспашку, позволяя видеть всё, что чувствую.

— И как же я должна её спасти? — склоняет голову набок Богиня, словно и не прочитала уже это в моей голове.

— Умоляю, перенеси её душу в этот мир, как сделала это с Нэлли, — прошу как можно смиренней.

В тумане глаз Праматери зажигаются искры, губы поджимаются.

— Ты думаешь, это так просто?

— Нет. Ты же знаешь сама, — качаю головой.

— Дерзишь, — констатирует она. — И что, правда готов взять в жёны любой, кем бы она не стала?

— Это всё равно будет она.

— Ты знаешь, что я имела на тебя большие планы, Тайрэн. Ты должен был стать великим королём. Для тебя я Нэлли привела в этот мир. Это твоя благодарность? — она даже не повышает тон, но теперь этот голос буквально пронизывает до костей.

— Прости, — оправдания тут излишни. Но меня оглушают её слова про Нэлли. Никогда я даже не предполагал такого. Ради меня? Или рода?

— Так просто? Откажешься от своего предназначения ради любви? — шуруется Пресветлая.

— Нет. Ради её жизни.

— Не обманывай меня, Сэйнар. Тебе не обязательно связывать судьбу с той, кем она станет в этом мире, — гневно замечает моя собеседница. — Ты хочешь её для себя.

— Значит, всё-таки станет. Благодарю смиренно, моя Богиня, — выхватываю я главное из её фразы.

— Дерзкий мальчишка, — фыркает иронично Праматерь. — Ты правильно понял, здесь должен кто-

то умирать, чтобы она могла занять место ушедшей души. Только тогда возможен этот переход. И есть ещё одно условие. Она должна согласиться. Добровольно. Выбрать жизнь, даже через смерть. Даже если придётся уйти раньше, чем она могла бы.

— Я скажу ей, — согласно киваю я, мысленно уже подбирая слова.

— Нет. Ты больше не пойдёшь в её сны. Твоя Рамина должна сама решить, — заставляет меня вздрогнуть Богиня. Но как она узнает? Надо было объяснить ей в прошлый раз. Надо было...

— Нет, не надо было! — улыбается мне Праматерь и от её мягкой улыбки мороз идёт по коже.

— Я больше не смогу ходить к ней в сны? Как же я её найду? Ты скажешь мне, где она?

— Нет, не скажу. Сны вы будете некоторое время видеть, слишком сильно ваши души уже связаны, но помнить их не сможете. И они будут исчезать по мере того, как расстояние между вами будет сокращаться. И последняя уступка с моей стороны Я назначу вам место встречи. Большого не проси. Любишь? Найдешь.

Почему мне кажется, что меня сейчас то ли наказывают, то ли испытывают? Или даже нас? Зачем эти сложности? Почему нельзя помнить сны? А может она не сможет добраться до этого места встречи? А может попадёт в опасность? Может Рамине будет нужна моя помощь, а я даже не буду знать об этом?

— Ты правильно ей сказал. Всё возможно. Дело лишь в цене, — склоняется ко мне Богиня. — Ты просишь меня ради твоей любви нарушить судьбу мира. Искупи. И докажи, что оно того стоило.

Из транса в реальность меня вытряхивает резко, оглушающим броском в холодную воду. Я сгибаюсь пополам и упираюсь кулаками в пол, ожидая, пока перед глазами исчезнет мельтешение и желудок перестанет проситься наружу. Интересным зельцем меня угостили. В голове до сих пор звучит голос Праматери. Что ж. Того, что будет непросто, следовало ожидать. Вот только никогда я не думал, что Нэлли, женщина, исцелившая когда-то душу и сердце несчастного ребёнка, которым я был, и ставшая мне настоящей матерью, попала в этот мир из-за меня. Мне тогда было десять, я считал себя недостойным любви моральным уродцем, и это целиком и полностью было заслугой той, что меня родила, но всё равно больной любовью побитого щенка любил эту женщину. И когда её отравили, боялся потерять её, даже такую жестокою, ненавидящую меня, своего единственного сына. Она выжила, но стала другой. А потом мы с отцом узнали правду. Это больше не была королева Тэрэса, вместо неё в это тело пришла другая душа. Светлая, тёплая, исцеляющая и согревающая своей любовью. Тогда я впервые общался с Богиней, точнее Богиня говорила со мной. Она показала мне во сне другой мир, из которого и явилась наша с отцом Нэлли, показала каким человеком та была, чтобы я принял её. Потом уже у меня появилось предположение, что именно этот сон и стал основной причиной многих других, благодаря которым я и нашёл мою Рамину. И это теперь спасёт ей жизнь.

Рамина

После обеда мне стало хуже. Всё тело болело невыносимо, особенно место недавнего перелома. И голова... Голова болела так, что мне в одно мгновение хотелось выть и лезть на стенку, а в следующее не шевелиться и умереть. Нет. Нельзя так думать. Не смей, Ромка!!! Ты должна жить! Должна бороться!

А потом пришла мама.

— Доченька моя, нашли. Тебе нашли донора, представляешь? — ворвавшись в мою палату, в перекошенной маске, она едва не плакала, её глаза светились безумной надеждой.

— О чём... ты? — сипло выдохнула я.

— Донор, Рами. Тебя вылечат... — мама трясущимися руками зажала ладонью рот и заплакала. — Тебя должны вылечить, родная.

— Мам, — зажмурилась я, чувствуя, как подступает к горлу тошнота. Донор. Донор — это хорошо. — Мам, не плачь. Расскажи всё. Откуда? В международной базе нашли?

— Да, я не дослушала, откуда именно, да и какая разница? — Мама осторожно села возле меня и взяла за руку. — Сейчас придёт Георгий Владимирович, он расскажет тебе о подготовке.

О подготовке я уже читала. Я много чего читала. Переживу ли? Сил совсем не осталось.

Мой лечащий врач действительно пришёл. И действительно подтвердил мамины слова. Мне нашли донора. Совместимость хорошая. Прогнозы... А какой у меня выбор?

Остаток дня пролетел в консультациях, сдаче анализов, тестах и подбадривающих разговорах. Приехал папа. Забегала Ксюха поддержать. Вот только взгляд Георгия Владимировича мне не нравился. Нет, мужчина отлично умел держать лицо, но какое-то глубинное знание нащёптывало мне, что не верит он в благополучный исход. Выдержать пять, или семь дней жёсткой химии, предназначенной убить мой собственный больной костный мозг, в том состоянии, в котором я сейчас нахожусь, будет сложно.

— Отдыхай, Рамина, — улыбнулась мне медсестра, собирая и вынося капельницу вечером. — Завтра тебе понадобятся силы. Тамила Рустамовна можно вас на минуточку? — взглянула она на мою бледную маму, которая мужественно пыталась держать себя в руках. Иногда так тяжело понимать, что люди чувствуют на самом деле.

— Да, конечно. Сейчас. Рами, мне остаться с тобой? Ночью? — она осторожно поправила мою подушку и подоткнула одеяло. Как в детстве.

— Нет мам, вам с папой тоже надо отдохнуть. Езжайте домой, — вяло улыбнулась ей. — Я спать буду. Устала.

На пороге как раз нарисовался папа со стаканчиком чая для супруги и наши взгляды встретились. Я глазами показала на маму, и он понимающе кивнул, молча обещая увести её.

— Точно? — нахмурилась она.

— Точно, — уверено кивнула я.

Папа, вручив маме стакан, подошёл ко мне и погладил голову, обдав родным теплом, сжал мою ладонь.

— Держись, родная.

И, обняв жену за плечи, повёл её на выход. А я внезапно почувствовала резкий укол в сердце и поддавшись порыву, тихо позвала.

— Мам, пап. — А когда они остановились и обернулись, произнесла то, что должна была говорить значительно чаще: — Я люблю вас, — и добавила так уверено, как только могла. — Со мной всё будет хорошо.

Они ушли, а я ещё долго лежала, пялясь на игру теней за окном, вспоминая мамин всхлип, папин скупой кивок, и его опущенные ресницы, прячущие слёзы. На душе было беспокойно, мысли скакали пьяными зайцами, пока сон наконец надо мной не сжалился и не пришёл покой. Мне так хотелось снова увидеть Тая.

— Он сегодня не придёт, — услышала я женский голос, когда, оглянувшись, увидела вокруг одну тьму.

Вздвогнув, резко обернулась, ища глазами того, кто это сказал, но чернота давила со всех сторон, заставляя паниковать и задыхаться. И тут напротив меня забрезжил свет. Маленький и тусклый поначалу огонёк притягивал и пугал одновременно.

— Иди. Ты должна кое-что увидеть, — шелестит возле уха.

— Кто здесь? — поборов дрожь, спрашиваю я, пытаюсь выровнять дыхание. Где Тай? Почему мне это снится?

— Потому что он заплатил свою цену. А ты сможешь? — теперь голос звучит передо мной, будто кто-то стоит напротив, смотря прямо в лицо. Жуткое ощущение, когда этого кого-то не видишь.

Хочется спросить, что я должна смочь, но память услужливо выхватывает из закров разума серьёзный пристальный взгляд синих глаз и слова про мою и его цену. Я должна отказаться от прежней жизни?

— Да, — смеётся бесплотный голос, превращаясь в многоголосое эхо.

— Как?

— Иди на свет и смотри.

Ладно. Иду. Он кажется ужасно далёким, и поначалу даже не думает приближаться, ноги вязнут в тьме, каждое движение даётся с трудом. Да что ж такое? Тай ради меня что-то там заплатил, а я тут

в потусторонней трясине барахтаюсь. Мне надо на свет, раз я должна что-то там увидеть. И словно в ответ на мои мысли этот самый свет внезапно начинает расти, заполняя всё вокруг сначала серостью, а потом ослепительной белизной. Закрываю глаза спасая их от рези и чувствую, как меняется что-то вокруг.

— Ох, госпожа. Не делайте этого. Ужас какой! Что же это делается?!! Напишите деду, дяде. Попросите помощи. Расскажите правду. Они спасут вас, — умоляюще причитает и частит голос, судя по всему, принадлежащий пожилой женщине.

Распахиваю глаза и ошарашенно смотрю на двух женщин, сидящих друг напротив, молоденькую девушку с виду лет семнадцати-восемнадцати и старушку в чёрном, с покрытой на восточный манер головой. Девушка, кстати, словно в противовес, одета в длинное прямое белое платье с богато вышитым воротом и манжетами. Длинная коса ниже пояса, сама миниатюрная, даже хрупкая, смуглая, явно восточных кровей. Её глаза закрыты, лицо бледное. Они сидят на софе с кучей подушек возле окна в неизвестной мне комнате. Бледные губы «госпожи» изгибаются в горькой усмешке.

— Я писала, няня. Отец явился лично, чтобы продемонстрировать мне, как уничтожает их и поведать, что перенастроил мой почтовый футляр и теперь вся моя почта будет идти через него. Он сказал, что ещё одна такая выходка и свадьбы я буду дожидаться в доме жениха. Что его дочери не пристало порочить доброе имя почтенного миразу и его верного соратника мерзкими наветами. Что мои выдумки и большие фантазии не должны стать помехой в его планах, и мне надлежит смириться и стать достойной женой тому, кого он выбрал для меня. А сестра погибла случайно.

Они даже не замечают меня. Растеряно покашливаю, пытаюсь привлечь внимание, но ни одна ни другая не обращают на это внимание.

— Я ничего не могу сделать, Гапка. Меня стерегут днём и ночью, — она судорожно всхлипывает, утыкается лбом в плечо няни, говорит безжизненным голосом. — И скоро этот день придёт. Он придёт. За мной. Как обещал. И будет делать со мной всё что пожелает. Это чудовище... Я не смогу... не смогу... он убил Солю... уничтожил её. Она угасла рядом с ним, а никто этого не видел, никто не видел её синяков и того, как осторожно и скованно она порой ходила... И я не видела... Гапка... я не видела... Он мучил её. А я узнала слишком поздно и ничем ей не помогла, не спасла сестру. Не проси меня передумать. Это жестоко. Я боюсь... страшно боюсь умирать... но стать игрушкой чудовища боюсь ещё больше. Ты знаешь, что он мне сказал, когда отец согласился? Что он давно уже желает меня, что видел, как я прекрасна и понял, что получит меня во что бы то ни стало. И что я никуда от него не денусь. Чтоб его величество умирает, и моему отцу слишком нужна его поддержка, чтобы ему отказывать в такой малости, как ещё одна дочь. Гапка, Соля погибла, как только мне исполнилось восемнадцать. Ты понимаешь, что это значит?

От услышанного у меня сжимается сердце, я шагаю к плачущей девушке, но всё внезапно исчезает, снова выбрасывая меня во тьму.

— Постой! Так нельзя! — по инерции я делаю эти пару шагов. Кручусь вокруг своей оси, ища хоть кого-то. Эта девочка ведь убить себя собралась. Надо её спасти. Остановить.

— Не могу, — грустно произносит тот самый голос. — Она приняла своё решение.

— Но её толкнули на это. Ещё не поздно... можно же что-то сделать... куда-то обратиться... где это вообще находится? — я хожу туда-сюда, мечусь во тьме, забыв, что она меня пугала вначале.

— Это мир твоего Тая. Мой мир.

Эти слова заставляют меня резко тормознуть, ошарашенно открыв рот. Мир Тая?

— Почему я должна была это увидеть? — не знаю, с кем разговариваю, но приходит понимание, что к этой неведомой особе, по-видимому, обратился Тай.

— Ты можешь занять её место. Твоя душа будет в её теле.

— Что? Нет!!! Не такой ценой!!! — решительно качаю я головой.

Голос смеётся и по коже ползут ледяные мурашки. Кто же это? Её присутствие ощущается повсеместным, давящим, дыхание спирает от пристального взгляда невидимых глаз. К кому обращаются с такими просьбами? В голову приходит только одно объяснение. И оно пугает до дрожи, по правде говоря.

— Да, Рамина. В этом мире меня почитают, как Богиню. И твоё спасение у меня вымолил тот, кого ты любишь, принеся в жертву слишком многое. Я могу тебя спасти. Её нет. Она уже приняла решение. Уже выпила яд, — голос Богини пронизывает ознобом до костей впечатывая каждое слово. — Ты не желаешь принимать жизнь ценой чужой смерти, а та, кого ты так благородно

пожалела, не побоялась принять смерть ценой чужих жизней. Как думаешь, что будет со старой доброй няней, которая принесла своей госпоже то, что она попросила? Думаешь, её пощадят? Девочка предпочла не думать об этом, как и не искать других путей, предпочла сдаться. За всем стоят чьи-то решения, Рамина.

Склоняю голову, признавая горькую правду. Занять чужое место. Чужое тело? Это в голове не укладывается. Но Тай... Я не имею права обесценивать его поступок. Что он отдал, ради моего столь радикального спасения? Страшно даже представить.

— Что я должна сделать?

— Умереть, — почему-то кажется, что Богиня пожимает плечами.

— А разве я не умираю? — удивлённо вскидываю я брови.

— Пока нет. Тебе осталось ещё несколько дней жить, возможно дольше, если проявишь достаточно силы воли. Очень мучительных дней, надо признать, — озвучивает она то, что я и сама чувствовала. Знала откуда-то.

Несколько дней жизни и призрачный шанс на большее, возможность ещё побыть с родными, хоть и страдая, в обмен на другую жизнь, в другом теле, в другом мире. Там, где Тай. И неведомое чудовище, претендующее на это самое тело.

— Почему сейчас? — спрашиваю я у своей собеседницы, понимая, что решение у меня только одно.

— Потому что она умирает сейчас. Решайся, пока не стало поздно.

Решаться. Решаться. Киваю, словно с головой в омут бросаюсь. А может так оно и есть.

— Хорошо. Я согласна.

— Умная девочка, — хмыкает Богиня. — Не подведи его.

Я хочу спросить еще столько всего, но тьма внезапно забивает мне рот, тягучим чёрным туманом заползает в лёгкие, отнимая дыхание, несясь по сосудам, венам, оплетая тело. И мягким саваном обволакивает сердце. Оно испуганно трепыхается, словно пытаюсь вырваться, но стальные тиски душат его. Боль выворачивает, накатывает, превращаясь в агонию. И я откуда-то знаю, что наяву моё сердце именно сейчас умирает, останавливается, где-то там в палате. Кажется, я даже слышу встревоженные голоса медсестёр и Георгия Владимировича. Боль разрывает на куски, и я ору, захлебываясь тьмой, пока не падаю навзничь, чтобы прекратить дышать и быть, растворяясь в ощущении невесомости.

Меня приводит в себя резь в животе и тошнота. Распахиваю глаза, чувствуя, что ещё немножко и захлебнусь. Переворачиваюсь набок, позволяя желудку очиститься. Кто-то помогает мне, убирая волосы от лица, гладит спину, всхлипывает.

— Ох, Великая Праматерь, бедненькая моя. Госпожа Мирэн, давайте. Вот так. Вот так. Вот и хорошо, что не подействовало. Вы ж затихли совсем, даже сердечко не билось. Я думала, всё отошла моя госпожа. А вы возьми да очнись. Как же хорошо. Не надо вам помирать. Не давайте мне больше таких страшных приказов. Мы что-нибудь обязательно придумаем. Я если надо, пешком до Замайры дойду, чтобы помощи для вас у вашего дяди просить.

Она всё причитает, а я начинаю осознавать, что это происходит на самом деле. Моя душа заняла место этой Мирэн, которая таки действительно отравилась.

— Воды... — сиплю я, содрогаясь в болезненных конвульсиях. — Промыть желудок. Помогите... Гапка.

Глава 3

Няня Мирэн так счастлива, что её бедная девонька выжила, что едва ли не вихрем срывается с места, собираясь вызвать какую-то целительницу.

— Стой! — мой хриплый рык, несмотря на довольно мелодичный голос нового тела, получается довольно резким — старушка замирает, как вкопанная, смотря на меня испуганно. Но останавливается. А это сейчас главное.

— Госпожа?... — жалобно произносит она. — Вы же сказали промыть вам желудок.

— Да. Но не надо никого звать. Отец... ведь узнает? — в её глазах мелькает страх, и я убеждаюсь, что понимаю ситуацию правильно. Вряд ли папаша моей предшественницы будет рад, что его дочурка, которую он тут собрался выгодно продать замуж, обрадуется, что она выпила яд. А достанется от него нам с Гапкой. Смотрю ей в глаза и, как можно уверенней, прошу: — Пожалуйста, дай воды и помоги добраться до ванной.

— Как скажете, госпожа, — няня хмурится, явно не до конца согласная со мной, но покорно возвращается и помогает мне подняться на ноги.

Тело ощущается вялым и слабым, коленки дрожат, в животе по-прежнему режет и крутит, да и тошнота мучит. Но эти ощущения и не сравнить с тем, что мне порой приходилось переносить раньше, в процессе лечения. Ничего. Переживём и сдюжим. Почему-то приходит мысль, что с выводом яда из организма мне тоже подсобили. Лоб покрывается испариной, всё тело тоже. Да в ванную мне определённо нужно, вот прям чувствую жизненную потребность смыть с себя всю гадость.

А дальше я делаю всё, чтобы помочь своему новому организму очиститься с помощью большого количества воды и общения со специфическим аналогом белого фаянсового друга, а потом прошу Гапку набрать в ванну воды, тщательно разыгрывая слабость и вместе с этим наблюдая, как она это делает. Хочется столько всего спросить, узнать, разобраться, но приходится давить в себе своё природное любопытство, понимая, что более палевно будет разве что честно во всём признаться. Вот совершенно не факт, что эта добрая старушка будет со мной такой же доброй, как со своей подопечной. Значит вопросы обдумываем. Тщательно. Эх. Тай, где тебя носит?

Гапка заканчивает с добавлением в воду всяких ароматных примочек и помогает мне снять грязную одежду, а потом и забраться в ванну.

— Что-нибудь ещё госпожа Мирэн?

— Можешь убрать там? — киваю я на дверь в спальню. — Так чтобы никто не узнал. Может вылей что-нибудь на кровать, скажи я разлила случайно.

Её глаза удивлённо расширяются, но в них появляется одобрение... и благодарность.

— Конечно, госпожа, — кивает старушка и удаляется, оставляя меня наконец одну.

А я выдыхаю, медленно окунаюсь с головой под воду и вынырываю обратно, проводя дрожащими чужими ладонями по чужому лицу, пытаюсь совладать с зашкаливающими эмоциями. Я в другом мире. Я в другом мире. Я. В другом. Мире. Капец. Полный. Это кажется сном. Диким, безумным, нереальным. Заниматься такими глупостями, как щипание себя за мягкие части, конечно, не собираюсь... Но, божечки, я жива и относительно здорова. Я есть... И больше никогда не увижу своих родных... В душе сражается тоска с ликованием, заставляя меня лить слёзы и истерично улыбаться, зажимая ладонью рвущиеся из груди всхлипы. Не сойти бы с ума...

Я не питаю надежд, что будет легко. Даже того, что мне показал бестелесный голос, достаточно, чтобы понимать — причины поступить так у Мирэн были довольно вескими. Есть ли вероятность, что она себе навдумывала, как считает её отец? Приходится признать, что есть. Девочка могла быть впечатлительной... но как же то, что она говорила о сестре? Ужас какой-то! Если это правда. Надо разобраться. Узнать, как можно больше. И делать отсюда ноги. Ибо ни за какого миразу выходить замуж я не собираюсь. Независимо от того, мразь он, или нет.

Может все эти масла и благовония в воде целебные, а может доставшийся мне организм достаточно здоровый, но мне постепенно становится лучше. Я откидываюсь головой на бортик и закрываю глаза. За последние недели для меня уже привычными стали тоска, отчаяние и страх. Не смерти даже. Я боялась перестать быть. А сейчас... Возвращается присущая мне жажда жизни, приправленная здоровым азартом. Мне безумно жаль девочку Мирэн... Пф... девочку. Я всего на пять лет старше, но почему-то она мною воспринимается именно так. Бедная девочка Мирэн. Искренне, всей душой желаю, чтобы, переродившись, она прожила хорошую и долгую жизнь, без предательства самых родных людей и женихов чудовищ. А я воспользуюсь дарованным мне вторым

шансом на полную. Надеюсь лишь, что мои родители почувствуют как-нибудь, что со моей душой всё хорошо. Присниться бы маме... Как Тай снился мне. Больно думать о них, но лучше так, чем всё равно умирать в страданиях на их глазах.

— Госпожа, помочь вам? — интересуется Гапка — интересное у неё имечко, однако, — возникая на пороге ванной.

— Да, помоги, пожалуйста, — ухватившись руками за бортики, я с удовольствием поднимаюсь из воды, наслаждаясь отсутствием уже привычной болезненной ломоты во всём теле, и бросаю взгляд в зеркало напротив. Красивая фигура. Женственная. Я была более поджарой, по крайней мере, до болезни. Ожидать от себя новой особой силы и ловкости не приходится, а они мне могут понадобиться. Ладно. Это дело наживное.

Служанка помогает мне ополоснуться, выбраться из ванны и заворачивает в огромное мягкое полотенце, а затем промокает длинные густые волосы, тяжело оттягивающие голову. Так хорошо снова чувствовать волосы на голове. Даже не представляла, как скучала по этому.

— Я всё убрала. Вылила на кровать сок раната. Его кислый запах перебил тот другой. А потом позвала служанок сменить постель. Сказала, что вы случайно разлили, но думаю, вашей матери всё равно доложат.

Ага. С матерью у нас, значит, отношения не особо близкие. Бросаю на няню внимательный взгляд. Как бы её поаккуратней спросить, чем это чревато?

— Думаешь, она может догадаться? — тихо интересуюсь у хлопчущей вокруг меня старушки.

— Вы же знаете, как сложно провести вашу матушку, госпожа. Думаю, вам надо ждать её визита в ближайшее время, — шепчет Гапка, поглядывая с опаской на дверь, за которой слышится голоса, как я понимаю, служанок.

Сжимаю челюсти, пряча эмоции, и опираясь на подставленное плечо женщины. То, что долгое время я была столь беспомощной, вынужденно полагаясь на помощь окружающих, зачастую совершенно посторонних людей, теперь неожиданно играет мне на руку, позволяя спокойно принимать услужливую заботу этой женщины, тем самым играя нужную роль. Представляю, как бы я отреагировала, будь прежней. Нет, может бы и пересилила себя для «надо», но внутри меня бы точно корёжило и раздражало. А так вот даже притворяться паинькой не надо. Я пока паинька и есть, и могу сойти за изнеженную юную госпожу. То, что мне досталось тело непростой по социальному статусу девушки понятно не только из окружающей роскоши. Наталкивает на нехорошие подозрения в этом плане и услышанный разговор девушки со своей няней. Кто же ты была, бедняжка Мирэн? И не спросишь же ни у кого. Придётся слушать внимательно и собирать информацию по крупицам. Терпения мне!

В комнате уже действительно наведена чистота, а двое служанок, в отличие от Гапки, одетых в голубые платья и белые головные уборы с закрытыми лицами, увидев меня низко кланяются, после чего молча уходят, унося грязное бельё. Ёлки-палки, тут женщины прячут лица? Может ещё и без мужчин из дому не выходят? Попала, так попала.

— Вам бы прилечь, госпожа. Вон шатает как. Да и я сказала, что у вас голова закружилась, когда вы сок пролили, — дождавшись ухода лишних ушей, просит Гапка.

— Спасибо, няня. Что бы я без тебя делала, — улыбаюсь я ей, искренне чувствуя огромную благодарность. Пускай помогает не мне, но без неё я и действительно не знаю, как справилась бы.

Она поднимает на меня растерянный взгляд и в светло-карих глазах неожиданно появляются слёзы. Сухая морщинистая рука поднимается и гладит меня по лицу.

— Ох, госпожа, — всхлипывает старушка. — Я же вас, как родную, люблю. И сестру вашу любила. Разве я могу иначе? Вы же у меня на руках выросли. У меня сердце кровью обливается, как подумаю, что ей пришлось пережить. И так страшно, что и вам такую участь уготовили. Только нельзя этого допустить. Нельзя.

Её слова пробирают до слёз и меня, заставляя чувствовать вину, что я не та, кому они сказаны. Что ж ты не остановила свою подопечную? Почему дала ей яд? Почему не отказалась выполнять такой нелепый и страшный приказ? Это никак не укладывается у меня в голове. Не сходится и всё тут. Старушка сейчас искренна. Откуда-то знаю это, чувствую даже. Тем не понятней. Неужели здесь настолько беспрекословно слушаются господ, что даже юной дурочке готовы помочь отравиться, и себя заодно приговаривая к смерти?

— Ты права. Нельзя, — киваю ей. — Я больше не буду опускать руки и найду выход. — И чтобы перевести разговор на другую тему, прошу: — Можешь мне помочь с одеждой?

Процесс одевания много времени не занял. Я, как могла, спрятала свой культурный шок, когда мельком заглянула в гардеробную Мирэн, скрытую за резными ажурными дверями. М-да. Точно непростая девушка. Тем тяжелее будет вырваться из этой золотой клетки. Гапка выбрала для меня простую длинную сорочку из тонкой и приятной белой ткани, явно предназначенную для сна, и помогла в неё облачиться.

Я решаю послушаться совета доброй женщины и действительно прилечь. Тело бодрым отнюдь не ощущается. Может удастся поспать.

С этой мыслью и забираюсь в кровать, которая даже сухой оказывается и без всяких неприятных запахов. Интересно, как они её высушили так быстро?

Сон одолевает меня, кажется, как только я касаюсь головой подушки, словно подстерегал на ней.

— Ты хорошо держишься. Я начинаю понимать Тайрэна, — хмыкает рядом уже знакомый голос.

Распахиваю глаза, опасаясь снова увидеть вокруг сплошную тьму. Но обнаруживаю себя посреди огромного светлого зала с резными колонами, уходящими под высоченный потолок. Передо мной возвышается статуя из белого мрамора. Красивая, искусная настолько, что кажется, будто губы женщины сейчас изогнутся в ласковой улыбке.

А на ступеньке у её подножия сидит... она сама. В живом обличье.

— Здравствуйте ещё раз, — сглатываю я, понимая, с кем общаюсь.

— На «ты» мне больше нравилось, — склоняет она голову набок, рассматривая меня невозможными в своей чуждой красоте глазами.

— Эм, я попытаюсь. Благодарю за второй шанс, — склоняю я голову. — И, наверное, за понимание языка тоже.

Не могут же в другом мире на моём родном говорить. А я всё понимаю и говорить свободно могу. Не обошлось тут без помощи Богини, это точно. В ответ на мою благодарность она кивает, принимая и подтверждая мои мысли.

— Могу я задать некоторые вопросы... про этот мир и то, как мне теперь быть?

— Ну попробуй, — улыбается она, и я стараюсь не утонуть в сизом тумане её взгляда.

— Кем была Мирэн?

— Принцессой Мирэнхаш младшей дочерью старшего принца королевского рода Босвари.

Ёшкин кот. Принцесса. Попала я знатно. Буквально притом.

— Я так понимаю, она стала разменной монетой в борьбе за власть, — размышляю вслух. Всё равно она мои мысли читает. — Этот миразу, который жених, действительно убил её сестру?

— Да, он послужил причиной её смерти, — хмурится Богиня.

— Он опасен? Если я сбегу, отступится?

— Не отступится, — подтверждает мои опасения спасительница, устроившая мне вместо смерти квест на выживание. Ладно, квесты я раньше любила. Может и в этом выиграю. А значит пора собирать подсказки. Сомневаюсь, что вопросы мне можно задавать неограниченно.

— Что это за страна?

— Босвария, — отчего-то начинает веселиться Богиня.

— А Тайрэн где живёт? Как его найти? — вскидываю я бровь.

— Твой Тайрэн родом из соседнего королевства, оно называется Сэйнар, — сообщает моя собеседница и неожиданно этим не ограничивается, продолжая рассказывать. — Попасть туда тебе будет очень сложно, поскольку границу без разрешения не пересечь. Я обещала ему назначить для вас место встречи. Это будет вот этот Храм, который ты сейчас видишь. Он называется Обитель Праматери и здесь ты сможешь найти защиту от тех, кто будет искать сбежавшую Мирэнхаш. И здесь он сможет тебя найти.

От того, что существует место, где я могу укрыться и дожждаться встречи с Таем, на душе становится как-то легче. Надо туда лишь добраться. Всё-таки чётко поставленная задача значительно улучшает настроение.

— Хочешь ещё что-нибудь спросить? — в голосе Богини слышится искренний интерес.

— Очень многое на самом деле, — хмыкаю я. — Но сомневаюсь, что вы мне расскажете, как мне сбежать и попасть, куда надо.

— Правильно понимаешь. Я не могу говорить, что тебе делать. Ты должна сама принимать решения.

— Тогда расскажите мне, пожалуйста, что я должна знать об этом мире и себе, чтобы смочь преодолеть этот путь, — облакаю я в слова всё то, что крутится в голове.

— Какая умная девочка, — смеётся Богиня, похлопывая рядом с собой. — Можешь присесть, если хочешь.

А когда я опускаюсь на предложенное место, поворачивается ко мне, оказываясь совсем рядом, снова гипнотизируя своим взглядом.

— Первое что ты должна знать это то, что Совванир — магический мир. Примерно половина его населения обладает хотя бы крупицами магической силы, а аристократия и представители королевских родов одарены особенно.

Магия? Серьёзно? Это... круто на самом деле... но жутковатенько. Особенно, если мне этой магии нечего противопоставить. Потом до меня доходит, что именно она сказала ещё. Представители королевских родов. А Мирэн у нас, значит...

— Правильно. Она обладала даром. Довольно сильным, но не развитым, поскольку в Босварии женщин принято обучать только азам.

— А я? Мне этот дар остался, или ушёл вместе с ней?

— Ты принесла с собой свой собственный дар. Он другой. Таких в моём мире давно не было, потому что ведьмы прекратили рождаться в Совванире много веков назад. И да, способности Мирэн тебе остались, поскольку они завязаны на кровь, а у тебя её тело.

Я ведьма? Неужели действительно правда? Но я даже не думала, не предполагала о себе такого. Просто порой знала о людях и событиях больше, чем другие, иногда даже о тех, которые ещё не случились. Но относилась это к способности анализировать информацию и интуиции.

— Что я могу? — голос мой звучит как-то хрипло и испуганно.

— Ты — ведьма. Ведьмы ведают, знают. Видят суть событий, могут смотреть в прошлое, настоящее и будущее. К тому же лично твой дар к убеждению удачно совпал с аналогичным Мирэн и стал сильнее. Ещё от неё тебе досталась способность чувствовать ложь. Это природные таланты, которые можно использовать силой воли, как только осознаешь и почувствуешь свою силу. Остальному придётся учиться.

Охохонюшки, это всё надо переварить и обдумать. Я ведьма. Подумать только. Бабушка, наверное, опять бы деда "ласковым" словом помянула. Почему-то все мои тараканы всегда его наследию приписывались.

— Всё остальное ты сможешь узнать и сделать самостоятельно, Рами. Уверена у тебя хватит и ума, и сноровки, — произносит Богиня, давая понять, что аудиенция закончена. — Твой мужчина тебя уже ищет, тебе остаётся идти ему навстречу.

— Благодарна, что вы не оставили меня в неведении, Богиня, — склоняю я голову, понимая, что она вполне могла ограничиться тем, что перенесла меня, не устраивая этого ликбеза.

— Я согласилась привести тебя в этот мир. Теперь ты его часть. Знание своих сил — это то, без чего тебе не выжить. Разве могу я так обесценить свой собственный дар? — улыбается лукаво Богиня и добавляет уже задумчиво: — Выбор уже сделан, мне интересно, что из этого получится.

О каком конкретно выборе она говорит, понять я не успеваю, потому что меня вырывает из сновидения чьим-то настойчивым шёпотом.

— Госпожа Мирэн, госпожа Мирэн, ваше высочество, проснитесь. К вам пришла ваша матушка и желает немедленно с вами говорить.

Распахнув глаза, я не сразу понимаю, где нахожусь, и что происходит. Какая Мирэн? Чья матушка? Осоловело моргаю и фокусирую взгляд на склонившейся ко мне старушке в чёрном. Гапка, кажется. Да точно. Мирэн, это она мне. А матушка тогда кто? Мать девушки в чьём теле я теперь обитаю.

— Госпожа?..

— Да, Гапка, сейчас... — выдыхаю я сипло.

— Дочь моя, я долго должна тебя ждать?!! — прерывает меня на полуслове заданный не самым приятным тоном вопрос. В спальню входит высокая статная женщина. Белое прямое платье, богато расшитый чёрный кафтан сверху и белый с золотом головной убор, похожий на хиджаб, украшенный искусной вышивкой, делают её образ царственным и резким одновременно, а лицо, хоть и красивое, отталкивает высокомерной холодностью и недовольством, которое ярко читается в глазах. — Что с тобой? Почему спишь посреди дня?

И как ей отвечать? Как обращаться и что вообще говорить, чтобы не выдать себя. Мне ни в коем случае нельзя вызывать даже тени подозрений. Все должны считать меня Мирэн. Иначе не сбежать.

— Простите... мама, — произношу шёпотом и понимаю, что угадала.

— Что с голосом? — вскидывает бровь эта высокомерная особа.

— Плакала, — выдаю самый правдоподобный вариант. Не знаю, стала бы Мирэн матери в этом признаваться, или нет, но это неплохой способ вызвать эту холодную мегеру на откровенность.

— Выйди, Гапка, — коротко приказывает она няне, и та, низко поклонившись, удаляется, чуть ли не пятясь и не поднимая голову. Ой-ей. Мамочку, похоже, бояться надо.

Она смотрит на меня, поджав недовольно губы. Я же пытаюсь сообразить, что мне сейчас делать. Уж точно не лежать. Не надо давать никаких оснований думать, что Мирэн могла себе причинить какой-нибудь вред. Да и неуютно под этим пристальным взглядом в кровати валяться. Так что осторожно выбираюсь из-под одеяла и сажусь.

— Долго ты собираешься вести себя, как капризный ребёнок? — наконец произносит моя визитёрша.

Сказать тут нечего, поэтому покаянно опускаю голову. Мне кажется, это на всех родителей хоть как-нибудь да работает. А она, сложив перед собой руки в замок, продолжает менторским тоном, даже ходить туда-сюда начинает.

— Твоё поведение — недостойно твоего статуса и порочит имя твоего отца. Если миразу Рифат узнает, что ты хотела написать о нём королю, как ты думаешь, чем это может обернуться для нашей семьи?

Вот понятия не имею, но мне очень даже интересно. Метод работает, так что закусываю губу и страдательно жмурюсь, изображая мучительную работу мысли, рождающую раскаянье.

— Молчишь? А я тебе скажу. Он будет вправе не только расторгнуть вашу помолвку, обесславив твоё имя, но и отказать твоему отцу в поддержке. И тогда на трон взойдёт его высочество Корим, на чью помощь ты так наивно рассчитывала. Думаешь ему есть до тебя дело? Нет. Ты для него всего лишь дочь конкурента, хоть и племянница.

Вот в последнем её утверждении я явно чувствую, что она лукавит. Но значит ли это, что на этого Корима можно надеяться? Вот совершенно не факт.

— Что касается твоих выдумок, так это и вовсе полная чушь. Соля погибла в результате несчастного случая. Рифата не было дома, когда она выпала с балкона, и это неопровержимый факт. Ты сама себе напридумывала ужасов, начав искать в поведении сестры то, чего не было.

Что самое удивительное, она, кажется, не врёт. Это конечно не означает, что говорит правду, просто похоже сама в это верит. Как тут разобраться? Прокручиваю в голове то, что слышала от Мирэн.

— Он сказал, что видел, как я выгляжу и захотел получить меня себе, — жалобно «признаюсь» я, предполагая, что этот факт возмутит родительницу Мирэн. Не тут-то было. Но хотя бы лекция продолжается, что мне и надо.

— Да. И что? — насмешливо изгибает брови Тамира, снова останавливаясь напротив меня. — Конечно, в Босварии это не принято. Но в других странах, даже на моей родине, женщины не прячут лица. И мужчины выбирают себе жену не вслепую. Рифат признался нам с твоим отцом, что случайно видел тебя без девичьей хариджи и с тех пор потерял покой. И будь Сольхиль жива, он бы не посмел и мечтать о тебе, но так случилось, что он теперь вдовец и не может позволить, чтобы тебя отдали кому-то другому. Тебе радоваться надо, что мужчина хочет тебя, а не благосклонность твоего отца, или твоё приданное.

Ого. Этот миразу Рифат однозначно хитрый и продуманный чел. Если мразь, то обезопасил себя от

того, что Мирэн расскажет правду, опередив и поведав свою версию, а если не мразь, то тоже обложил девочку по полной.

— Да я согласна, что он может тебе казаться устрашающим. Его многие боятся и небезосновательно. Да он намного старше. Так ведь не старик, а видный мужчина, к тому же довольно привлекательный. И самое главное — этот брак выгоден нам всем. Ему самому, потому что он желает, чтобы именно ты была его женой. Твоему отцу, потому что сейчас решается судьба Босварии и нашей семьи. Тебе, потому что этот мужчина в тебя влюблён, и редко кому из благородных халит так везёт с мужем. И в конце концов, почему ты не думаешь о своей племяннице Лалерин? Кто может стать ей лучшей матерью? Родная тётя, или чужая женщина, которую её отец приведёт в дом, если ваш брак не состоится?

— Лалерин, — потрясённо выдыхаю я, отчего-то почувствовав, как сжимается болезненно сердце.

— Да-да, — язвительно кривит губы моя невольная информаторша. — Вспомнила, что у Соли была дочь? О ней ты не беспокоишься? Малышка Лале осталась без матери. И её, кстати, уже завтра, привезут в наш дворец, чтобы она могла быть с родной тётей, а не с чужими няньками и наложницами отца. А ты тут ерундой страдаешь.

Глава 4

Своё смятение я даже не прячу. Это уже полная неожиданность. Что я буду с этой малышкой Лале делать? Тем более, что собираюсь как можно скорее уносить отсюда ноги. Тамира молчит, видимо ожидая какого-то ответа. Я тут ещё не определилась, как соотнести с услышанным от Тамиры слова Богини: «Он послужил причиной её смерти.» Их ведь тоже можно по-разному трактовать.

— Я постараюсь взять себя в руки, мама, — подбираю самый подходящий нейтральный ответ.

— Надеюсь на это. Берись за ум, Мирэнхаш, — велит она и направляется к выходу, бросив напоследок. — Я приказала, чтобы тебя осмотрела целительница.

— Зачем? — вырывается у меня.

«Мамаша» на миг останавливается, поворачивает голову и зыркает через плечо с таким видом, будто я несусветную глупость сморозила. Но хотя бы без удивления. А потом, не прощаясь, покидает «мою» спальню. И что теперь делать с этой целительницей? А вдруг она обнаружит следы яда каким-то магическим способом? Я ведь ничего об этом не знаю. И каким ядом Мирэн травилась, кстати, тоже не знаю.

Стоит мне остаться одной, как возвращается Гапка.

— Как вы, госпожа Мирэн?

— Более-менее хорошо, — задумчиво тяну я. — Мама сказала, что сейчас придёт целительница.

Выразительно смотрю на няню, как бы намекая на общий секрет, надеясь, что она, может, попытается успокоить свою подопечную. Но в этот момент открывается дверь и в комнату вливается полная дама в светло-серой одежде с очень-очень важным видом.

— Добрый день, ваше высочество, — слегка склоняет она голову. — Позвольте вас обследовать.

Мне не остаётся ничего другого, кроме как позволить. Если бы я ещё знала, как это обследование проходит. Может лечь? Подумав, именно так и делаю. Возражений и удивления не наблюдаю и незаметно выдыхаю. Вот и ладненько.

А дальше я впервые наблюдаю проявление той самой магии. Целительница подходит ко мне, протягивает надо мной руки, и они вдруг начинают самым настоящим образом светиться. Не знаю, как мне удалось не выпучить глаза, наблюдая эту иллюминацию.

— Зачем вы принимали снотворное посреди дня? — подозрительно интересуется светящаяся тётка.

— Чтобы спать? — вскидываю удивлённо бровь. Нет, ну что за глупый вопрос? Хотя... снотворным даже в моём мире травятся. Ага. Делаем честные-честные глаза. — Мне надо было успокоиться, отдохнуть.

Не знаю, почему, но движимая странными инстинктами я приподнимаюсь на локтях, пристально смотря в нахмуренные глаза целительницы.

— Это ведь хорошо, что я успокоилась. Её высочество Тамира довольна. Нет разницы, как я это сделала. Правда ведь?

А она вдруг как-то заторможено кивает, не отводя от меня взгляд.

— Правда.

— Вот и хорошо. А в остальном, я полностью здорова. Ты же видишь, — настойчиво и уверенно произношу, буквально чувствуя, как исчезают последние её сомнения.

— Вижу, — подтверждает женщина. Я же улыбаюсь довольно и откидываюсь обратно на подушки, отпуская её взгляд.

Что это на меня за озарение нашло, интересно? Та самая магия Убеждения? Целительница растеряно ведёт головой, смотрит на свои руки, потом на меня. Бормочет что-то про то, что я здорова и спокойна, а это хорошо. И неспеша удаляется, сопровождаемая брошенным украдкой удивлённым взглядом Гапки.

— Госпожа... — неуверенно приближается ко мне няня, когда мы остаёмся одни. Вот только в глаза явно опасается смотреть. — Ваша магия... она стала значительно сильнее?

Это звучит не сколько вопросом, сколько утверждением. А я, вздохнув, принимаю решение,

неизбежное в моём случае. Сидя взаперти, с подготовкой успешного побега справиться проблематично. И это ещё мягко говоря. Мне точно не помешает помощь и союзник в этом непростом деле. А вариантов, кроме Гапки, больше и нет. К тому же меня беспокоит тот момент, что мой побег может стать приговором для верной служанки. С этим надо что-то решать. Может действительно отправить её в эту, как её там... В общем, куда она там собиралась пешком идти, чтобы помощи для Мирэн просить. Как бы там ни было, мне нужна помощь, а значит, придётся раскрыть часть своих карт.

— Да, Гапка. Стала. Когда я... чуть не умерла, мне приснилась Богиня, — признаюсь я, осторожно подбирая слова. Старушка вскидывает на меня потрясённый взгляд. Но я не замечаю в нём сомнений в моём здравом уме, наоборот в нём загорается благоговение. — И она сказала мне искать убежище в Обители Праматери. Ты знаешь, где этот Храм?

Няня ахает, вскинув ладонь к лицу. От потрясения даже оседает как-то обессиленно. Боясь, как бы пожилой женщине не стало плохо, резво вскакиваю и помогаю ей присесть на кровать, сама устраиваясь напротив.

— Праматерь Великая, как же я сама, дура старая, не додумалась, — выдыхает она. — Конечно. Это единственное место в стране, где женщина может укрыться от мужской власти, вверив себя Богине.

— И что, даже принц свою дочь оттуда забрать не сможет?

— Даже король, госпожа. Великая Праматерь нашего мира выше их всех. Хотя в Босварии и чтут больше её сыновей, — поджимает губы Гапка. — Там вы действительно сможете укрыться. Но это далеко. Даже на лошадях. А вы ведь не умеете верхом.

А вот тут я едва удерживаюсь от ироничного смешка. Слышал бы кто-нибудь из моих знакомых, что лучший берейтор нашего конного клуба Рамина Романова да не умеет верхом ездить, точно бы рыдать от хохота начал. А Мирэн, значит не умела. Ничего. Научим.

— Значит, я должна туда попасть, — констатирую очевидное. — Разузнать бы дорогу.

— Это не проблема, госпожа Мирэн. Я когда-то давно, задолго до того, как пришла служить вашей матери, ходила с паломниками в Обитель Праматери. Моя дочь тогда очень болела, и никто из целителей, которых мы могли себе позволить, не мог её вылечить.

— Богиня исцелила её? — сглатывая, интересуюсь я. Хочется верить, что так.

— Да. Я готова была на любую жертву ради спасения моей Тамиты. Но Настоятельница Обители сказала, что, когда моя дочь вырастет и войдёт в дом к мужу, я должна буду пойти в услужение к жене принца. А потом стать няней её дочерей и дать им всю любовь, на которую способна. Это и будет моей платой за её дар. Я так и сделала. Так и стала няней сначала вашей сестры, а потом и вашей. И сейчас всё сделаю, чтобы помочь вам сбежать.

Вскидываю на старушку глаза, а она смотрит с такой любовью, что до слёз пробирает. Понимала ли Мирэн, насколько преданна ей эта женщина? Думаю, да. И скорее всего, воспользовалась этим, чтобы заставить старушку принести отраву. Понять могу... но... нет, не могу.

— Спасибо, няня. Я пока не знаю, как. Но обязательно придумаю способ вырваться отсюда. И сделаю всё, чтобы ты из-за моего поступка не пострадала, — поддавшись порыву, обещаю я, обнимая старушку. И пока она растроганно не расплакалась, бодро интересуюсь. — Как думаешь, можно мне уже поесть, после... снотворного, или пока не стоит?

Конечно же Гапка не может оставить свою девоньку голодной. Так что вскоре мне приносят обед. А потом я заявляю, что хочу побыть одна, и принимаюсь тщательно изучать свою клетку. Особенно меня интересуют, окна и балконы. Надо же увидеть, откуда мне лезть придётся.

Тайрэн

Чувствую себя зверем в клетке.

Эту ночь я вовсе не ложился спать, здраво опасаясь, что во сне могу нарушить запрет Богини, а это означало бы рисковать её милостью, от которой зависит жизнь Рами. Потому и провёл ночь в Департаменте, решив потратить это время с пользой. Всё-таки это лучше, чем надираться и крушить кабаки. Ко мне ожидаемо присоединились Корин с Камэли, которые сейчас оба маются в отпуске, и мы с друзьями весьма плодотворно провели время, сначала в архиве, изучая старые интересные материалы, а потом раскалывая главного подозреваемого в деле о нашумевшем в

последнее время похищении девушек, которого как раз задержали.

Точнее недоноска с особым энтузиазмом и фантазией допрашивала Мэл, а мы с её братом лишь со стороны наблюдали за тем, как здоровый мужик, заикаясь, зеленея и бледнея, вываливает всё что знает, и что не знает тоже. После чего сие милое и одновременно жуткое белокурое создание, являющееся моей подругой детства, с лучезарной улыбкой заявило, что, пожалуй, с разведкой завяжет, потому что тут интересней. Я в принципе давно подозревал, что с Департамента она ушла неохотно и только потому, что брата, желающего попробовать себя на новом поприще, одного не хотела бросать. Близнецы Сатори, племянники герцога Гиерно, талантливейшие маги и сильнейшие боевики, ещё с Академии стали постоянным предметом спора между родным дядей, главным безопасником Сэйнара и графом Россаром, главой разведки.

— Рэн, ты домой? — поинтересовался Кор, когда мы утром доложились Гиерно о полученных сведениях.

— Да, — киваю я. — Я сегодня нужен отцу на переговорах с босварийцами.

— Я слышала от Скар, что принц Корим лично прибудет, и даже обещался в гости к ним зайти, — с преувеличенно незаинтересованным видом произнесла Мэл, шагающая впереди. Мы с Корином за её спиной переглянулись, но дружно промолчали. О первой любви нашей Колючки нам обоим было известно. Правда сама она это чувство упорно отрицала, фыркая и заявляя, что босварийки дуры, раз позволяют собой так помыкать. Особенно её возмущал факт наличия у принца наложниц. То что у большинства аристократов Босварии они есть, Камэли явно задевало меньше. Но когда Корим семь лет назад женился на принцессе из Кранады, она с неделю ходила злая, как оса. А потом как-то успокоилась и больше про принца не упоминала. До недавнего времени.

— Он правда окончательно расторг брак? — обернулась и посмотрела на меня Мэл.

— Да. Храм подтвердил их обоюдное желание расстаться. Для рода Босвари лишь рождение ребёнка делает брак нерасторжимым, а наследника принцесса Инира ему, как вы знаете, так и не родила.

— Интересно почему? — задумчиво поджала губы девушка.

— Можешь у него сама сегодня спросить, — хмыкнул я. — Отец устраивает ужин для близкого круга, и я приглашаю вас, как моих ближайших друзей.

Было у меня подозрение, что Мэл фыркнет и откажется, как сделала бы это раньше. Но она удивила меня задумчивым взглядом, согласным кивком, и робкой надеждой мелькнувшей в её эмоциях.

На этом мы и разошлись. Я порталом ушёл во дворец, а близнецы уехали в свой общий городской дом.

А теперь вот встреча босварийцев позади. Первый этап переговоров тоже. До ужина ещё далеко. Мне нужно тщательно проработать все пункты предлагаемого Коримом договора, просчитав риски и преимущества, чтобы потом доложить отцу, но мысли упорно ускользают к тому, что возможно где-то в другом мире умирает моя Рами, или не умирает, а снова страдает от боли, сражаясь со своей болезнью, или может её тело уже умерло, а душа переместилась в этот мир, и сейчас она в чьём-то чужом теле неизвестно где, неизвестно в каких условиях, неизвестно в каком состоянии, возможно напуганная, возможно раненная, а может обездвижена, как была Нэлли... В руке с треском переламывается перо, и лёгкая боль от впившихся в кожу деревянных щепок возвращает меня в реальность. Мотнув головой, прогоняю доводящие до безумия картинки из головы и снова пытаюсь вникнуть в то, что читаю. И некоторое время даже получается.

Отвлекает меня тихий стук. Подняв взгляд на дверь, и прислушавшись к эмоциям, я поднимаюсь и отправляюсь лично открывать, так как точно знаю, кто это. И я рад этому визиту, понимая, что он мне нужен, как никогда.

Стоит мне распахнуть дверь, она привычно окидывает меня пристальным взглядом, словно в душу заглядывает и шагает ближе, чтобы обнять. А я так же привычно склоняюсь, чтобы получить свой законный поцелуй в лоб, и обнять её в ответ.

— Тебя в последнее время застать одного почти нереально, — произносит с лёгкой грустью. — Можешь уделить мне немножко своего времени?

— Конечно, мама. Проходи, — я пропускаю Нэлли в свой кабинет и запираю дверь.

Она проходит и останавливается посередине комнаты с каким-то потерянным видом. Я чувствую, насколько тревожно у неё на душе и это явно в мой адрес. А ещё ощущаю осязаемую нотку горечи. И этому тоже, кажется, я причиной. Мама обнимает себя за плечи и оборачивается ко мне.

— Я хотела тебя кое-что спросить, Тай. Почему ты меня обманул тогда, что больше не видишь эти сны?

Чувствую себя безчувственным чурбаном. Каково ей было узнать вчера всё это и вдобавок понять, что я ей лгал? Выглядит мой поступок не самым лучшим образом. Хотя я и не жалею ни секунды о своём решении. Чувствуя каждый день страх за тебя родного человека, я не мог поступить по другому.

— Прости за это, — шагаю к ней и беру в руки её холодные ладони, чтобы поднести к губам. — Я ощущал, как ты переживаешь и боишься за меня. И хотел защитить тебя от лишних волнений. И уж точно не хотел этим обидеть, или показать своё недоверие.

Нэлли смотрит на меня пристально, читая сейчас мои эмоции, и в её собственных, к моей радости, мелькает облегчение.

— Мне нечего тебе прощать, Тай. Не извиняйся, — улыбается она и проводит ладонью по моим волосам. — Даже будучи ребёнком ты вёл себя, как мужчина. Можешь рассказать мне о своих снах? И о Ней? Мне хочется знать больше о девушке, которая похитила сердце моего старшего сына.

Хмыкнув, я увлекаю её к креслам у окна. Но начинать рассказ не спешу. Пару минут смотрю на маму, пытаюсь определиться с ощущениями и их значением. Нэлли, впрочем, занимается тем же.

— Я чувствую в твоих эмоциях сомнения, — наконец выдаёт она, буквально сняв с языка мою собственную фразу. — Что тебя гложет?

— Помимо того, что Рамина может умереть?

— Ну, если бы у тебя не было оснований считать эту проблему решённой, ты бы тут сейчас не сидел над бумагами, — замечает мама. — Значит, есть ещё что-то?

— Я не уверен, что знаю её настолько хорошо, как мне казалось.

Эта мысль грызёт меня ещё с той ночи, когда я увидел, насколько Рами больна. Слишком сильным был контраст между тем, что девушка мне показывала, и тем, что происходило с ней на самом деле.

— Почему? — мягко спрашивает Нэлли.

— Пока мы были детьми, она ничего от меня не скрывала, вся была, как на ладони. Я купался в её обожании, её любовь была так очевидна, так ощутима. У меня не было шансов устоять. Но со временем, Рами стала меняться. Она... научилась скрывать свои чувства. Это были её сны, я тоже не рассказывал ей многого о себе, потому не чувствовал себя в праве ждать полной откровенности. Хотя, каюсь, привык считать её своей. Она воспринималась мной, как часть меня, моя тайна, моя мечта, моя девочка Рамина. Понимал, что это неправильно, что она ведь реальный человек, что заслуживает нормальной жизни в своём мире, семьи, любви, страсти, настоящих чувств и событий, а не тех, что во сне.

Вздыхаю, бросая на Нэлли растерянный взгляд, пытаюсь подобрать слова.

— А сейчас ты понимаешь, что возможно совсем скоро встретишь её в реальности. И не знаешь, чего ждать, — понимающе кивает мама.

— Да. Совсем не знаю. Мы, по понятным причинам, никогда не говорили о наших чувствах. Я мог лишь догадываться по её эмоциям. Но ты же знаешь, как часто они могут означать что-то совершенно другое. Может у неё есть в реальности кто-то, а я был лишь фантазией. Она сказала, что хочет быть со мной, и это хоть как-то примиряет с тем, что я столь многого о ней не знаю. Она ведь даже не собиралась признаваться мне в том, что умирает. И лишь, когда мои слова вывели Рами из себя, заставив потерять контроль над своим сном, я увидел правду.

— Контроль над сном? — удивлённо вскидывает брови Нэлли.

— Да. Представляешь, она сознательно контролировала свои сны? Я долго не мог понять, как это у неё получается, пока не узнал, что Рамина — ведьма, — хмыкаю, с удовольствием наблюдая мамино потрясённое изумление.

— Ведьма? Ты уверен, что о моём родном мире говоришь? — слышу, полное недоумения.

— Ну абсолютно полной уверенности нет. Но и причин сомневаться тоже, — пожимаю плечами и невольно улыбаюсь.

Мама в некотором ошеломлении качает головой, явно утрясая в мыслях то, что я на неё вывалил только что.

— А ты, Тай? В своих чувствах ты уверен?

— Я уверен, что люблю её душу, сущность. Люблю её свет, нежность, ум, доброту. Но понимаю, что это лишь часть личности, и понимаю, что с реальной девушкой всё может быть... несколько сложнее. Но я готов узнать её и взять на себя ответственность. Она — моя теперь. Я лишь переживаю, что не могу проконтролировать, чтобы всё прошло хорошо, убедить её, что это правильное решение.

Почему-то в ответ на мои слова Нэлли начинает громко смеяться, качая головой.

— Ох, Тай. Ты такой Сэйнар. Неважно, что вами движет, с курса всё равно сбить невозможно. Девочка ещё не знает с кем связалась.

— Не знает, да, — соглашаюсь я, вспомнив тот факт, что действительно никогда не говорил, кем я являюсь в своём мире. С этим тоже могут возникнуть трудности.

— В любом случае, она будет дурочкой, если откажется от тебя. Ты у меня самый лучший. Так что...

Но договорить мама не успевает, потому что в дверь кто-то настойчиво стучит, перебив её на полуслове.

— Извини, мам, кажется, это что-то срочное, — Юстэн бы не стал меня беспокоить во время разговора по пустякам, и другим бы не позволил. Посылаю импульс охранкам, отмыкая дверь. И на пороге тут же возникает мой секретарь.

— Ваше высочество, извините, что отвлекаю, но вам пришло письмо из Храма. Вы велели...

— Да-да! Велел. Давай сюда скорее! — забыв обо всём, вскакиваю я из своего места и бросаюсь к нему, в нетерпении выхватывая свиток из рук.

Печать взламываю, едва замечая. Вчитываюсь в ровные строчки, и чувствую, как сбивается дыхание.

«Ваше высочество, мне было сказано, что та, которую вы ждёте, уже сделала свой выбор. Обещанное Богиней место встречи — храм Обитель Праматери на западе Босварии. Дабы унять вашу тревогу о её безопасности, принц Тайрэн, меня также просили вам передать, что девушка в путь отправится не одна, а с паломниками через три дня. Удачи в поиске.

С уважением Матушка Настоятельница Ваота»

— Что там? — с волнением спрашивает Нэлли, подходя ближе.

— Рамина здесь, мама. Она здесь, представляешь! Мне осталось её лишь найти!

Не веря в происходящее, я сделаю глубокий выдох, хватаясь за голову и даже не пытаюсь усмирить бешенный стук сердца. О, Богиня, это действительно сработало! Моя Рамина в Совванире! Жива!!! В Босварии правда, но это ближе, чем та же Кранада, например, или северные княжества, в которые не ведут порталы и надо идти через горные перевалы. У меня даже есть шанс найти её раньше, чем она доберётся до места встречи. Достаточно лишь узнать, какие паломничества идут к этой Обители и найти то, что отправится в путь через три дня. Кажется, мне срочно нужно пообщаться с нашим гостем.

На радостях я хватаю Нэлли в объятия и кружу её вокруг себя, заставив рассмеяться от неожиданности.

А потом ещё раз перечитываю послание, тщательно запоминая каждую строчку, чтобы ничего не перепутать. О том, как буду узнавать мою попаданочку, я пока понятия не имею. Но это уже такие мелочи по сравнению с тем, что она жива и в моём мире. Разберусь.

До ужина увидеться с Коримом Босвари у меня, к сожалению, не получилось. Отправленный на его поиски Юстэн вернулся с информацией, что его высочество отбыл куда-то с личным визитом. Судя по всему, к Гиерно, как и упоминала Мэл. У меня даже мелькнула мысль отправиться следом, но это было бы пустой тратой времени, так что пришлось запастись терпением. Мои предположения о местонахождении босварийца подтвердились, когда на ужин он явился вместе с герцогом и его супругой Скарлетт. Поговорить с ним наедине я так и не успел, поскольку был занят в это время важным разговором с отцом, графом Россаром и графом Товальдо, занявшим пару лет назад пост Первого советника.

Отец после того, как в нашу с ним жизнь столь радикальным образом вошла Нэлли, не без помощи своего друга, моего наставника и заодно главы Департамента госбезопасности герцога Севастьяна

Гиерно, постепенно и основательно вычистил двор от гнили в лице приспешников своей покойной жены и моей матери королевы Тэрэсы, большинства соглядатаев её отца и моего деда короля соседней Арганды Гельмута Сиродаса, кроме нескольких для слива выгодной нам информации, и сторонников предателя герцога Шаньерга, бывшего Первого советника, который имел глупость связаться с тем же Гельмутом. И теперь хотя бы ближний круг нашей семьи состоит из людей надёжных и проверенных. И второй принц Босварии Корим, в каждый свой визит, весьма хорошо в этот круг вписывается вот уже лет так четырнадцать, с тех пор, как его отец король Ардорах взял открытый курс на примирение и союз с Сэйнаром, а на переговоры стабильно приезжает сам второй наследник, поскольку его старший брат Гедаш до сих пор является ярким противником дружбы между нашими некогда враждующими королевствами.

— Тайрэн, мне сообщили, что ты искал меня, — поворачивается Корим ко мне, уделив должное внимание первой смене блюд, обсудив с моей мамой преимущества образования в Сэйнаре, и согласившись с ней, что права босвариек в этом плане сильно и неоправданно ущемлены,

— Да. У меня есть к тебе просьба, которую я хотел обсудить, — киваю я, ловя на себе внимательный взгляд отца.

— И какая же? — вскидывает заинтересованно бровь босвариец.

— Личная, — хмыкаю я. — Мы можем поговорить после ужина?

— Конечно. Я, признаться, заинтригован, — улыбается Корим, а я ловлю отчётливую волну восхищения и волнения от сидящей рядом Камэли. Но бросив косой взгляд на подругу, в который раз убеждаюсь, что лицо она умеет держать превосходно. Ни капли заинтересованности. Только что ей это даст?

Мой взгляд она замечает, изгибает вопросительно бровь, а потом, видимо понимает, чем он вызван, и внезапно густо краснеет. Да ладно. Не думал, что она умеет. На мой невольный смешок Камэли гневно щурит глаза и пытается наступить мне каблуком на ногу.

— Мэл, это правда, что ты подала заявление о переводе в Департамент? — интересуется сидящая напротив племянницы мужа Скарлетт Гиерно. Зная, насколько сильный она интуит, уверен, герцогиня и заметила всё, и правильно поняла, а теперь явно привлекает к Камэли внимание.

— Правда, — вместо девушки отвечает сам герцог и бросает ироничный взгляд на присутствующего за этим же столом графа Россара. — Огаст рвёт и мечет.

Его оппонент на это замечание лишь недовольно щурит глаза, но никак не отрицает.

— Постойте, — в некотором шоке поворачиваюсь я к близнецам. — Я правильно понимаю, что вы решили разойтись, как напарники?

— Вот и я о том же, — ворчит глава разведки.

— Мы с братом решили, что пора каждому выбирать то, чего душа требует, — спокойно замечает Мэл, сосредоточенно разрезая мясной рулет на мелкие кусочки. — Я получила огромное удовольствие, работая в ведомстве графа Россара, — на этих словах она учтиво кивает бывшему начальнику. — Но мои планы на жизнь с этой работой, увы, несовместимы.

— Каковы же твои планы? — лукаво спрашивает Скарлетт.

И я неожиданно замечаю, что ответа Камэли с интересом ждёт и Корим. А эмоции босварийца, хоть и не похожи пока на то, чего жаждет от него моя подруга, от равнодушия весьма и весьма далеки. Мэл внимательный взгляд мужчины словно и не замечает, загадочно улыбается краешком губ, задумчиво поглаживая ножку бокала. А затем произносит с чувственным смешком.

— Они личные, тётя Скар. Я тебе потом расскажу, — и словно невзначай, бросает взгляд на застывшего Корима. Оценивающий, истинно женский, но мимолётный. Задевающий кое-кого за живое. Заставляющий делать стойку. Пожалеть его, что ли?

От наблюдения за открывшейся охотой меня отрывает разгоревшаяся дискуссия между братьями. Рикард с Дастианом последние минут двадцать, склонившись друг к другу, рьяно обсуждали что-то, каждый доказывая свою точку зрения, но, видимо, так и не пришли к согласию и привычно решили искать правды у нас с отцом. Причиной спора стали ни много ни мало исторические и магические причины исчезновения ведьм и их дара с лица Совванира несколько веков назад. К обсуждению, конечно же, решили подключиться сёстры. Николь и Софи не могли не иметь по этому поводу своего мнения. В результате вскоре к дискуссии присоединились почти все присутствующие. В какой-то момент я поймал мамин ироничный взгляд. Кто бы знал, что в нашем мире впервые за много веков снова появилась ведьма.

Глава 5

Рамина

В это трудно поверить, но я рада новости, что вместе с маленькой Лалерин приезжает её отец и доставший мне по наследству жених миразу Рифат. А всё потому, что обследование покоев Мирэн привело меня к неутешительным выводам, что из них выбраться будет почти невозможно, если не осмотреться на местности.

Не заметив на окнах решёток, уже и обрадовалась — уж спуститься я придумаю как. Мирэн была девушкой хрупкой, так что её вес руки-ноги без проблем выдержат, главное знать, что делать. Но меня постигло жесточайшее разочарование. Стоило выглянуть в окно, сразу стало понятно, почему нет решёток. За стеклом вместо просторов неведомой мне Босварии, раскинулся роскошный, ухоженный, красивый, с фонтанами, деревьями и цветником... внутренний двор. Чтоб вам пусто было!!! Ну кто такое вообще придумал?!! Клетка, так ещё и без вида на свободу. Кошмар. Надо отсюда выбраться как можно скорее, так и с ума сойти недолго. Я — создание свободолюбивое. Меня закрывать нельзя. Всем же хуже будет.

Вот и получилось так, что уже готовый набросок плана пришлось отвергать за несостоятельность. И обследовать покои дальше, изучая мебель, предметы декора, дополнительные помещения. А потом звать Гапку и осторожно с ней разговаривать, провоцируя на подробности. В результате к вечеру голова просто гудела от обилия деталей и сведений, которые надо было не просто осмыслить, а ещё и сообразить, как их использовать. Когда пришла пора ложиться спать, я в результате ещё долго не могла уснуть, ощущая информационный перегруз. А ещё... Меня подгоняло острое внутреннее знание, что бежать надо в ближайшие дни, а рабочих идей, как это сделать, в голове пока не водилось. Из комнаты не выпускают, стерегут. Планировки дворца я не знаю. Что за его пределами — тоже. Так и хочется себя пожалеть. Но, если уж смерть — не безвыходная ситуация, то это, тем более. Всё равно найду способ.

С этой мыслью я и уснула. Сильно надеясь, что мне приснится Тай. Но ночь пролетела, как один миг без сновидений. Зато утром я почувствовала себя совсем бодрячком, и от этого ощущения буквально плясать хотелось. Я — здорова! Здорова! Меня ничего не болит! И в моих силах прожить долгую счастливую жизнь. Гапка явилась на первый зов, недоумевающе таращась на мою широкую улыбку.

— Госпожа? Что сделало вас такой радостной?

— Не поверишь, няня. Новый день. И то, что я в нём жива, — слетела с моих губ чистая правда.

Я видела, что моё объяснение старушке пришлось по душе, хоть и удивило. И в который раз задумалась должна ли я ей открывать правду, или нет. С одной стороны, это опасно, а с другой, позволило бы мне открыто расспрашивать няню обо всём. Может я могла бы как-нибудь убедить пожилую женщину правильно отреагировать? Надо будет потренироваться сознательно на людей воздействовать. Кстати, насчёт тренировок. Как бы мне не хотелось взяться за свою физическую форму, если придётся бежать в ближайшие пару дней, сейчас лучше ничего не начинать. Стоило только представить, какой крепатурой поблагодарит меня тело Мирэн после первых тренировок, и как с этими ощущениями будет «легко» выполнить побег, энтузиазм уступил место здравому смыслу.

За завтраком и этими самыми размышлениями меня и застала неожиданно явившаяся в «мои» покои Тамира.

— Доброе утро, Мирэнхаш.

— Здравствуйте, мама, — поднявшись, склонила я голову. Не знаю, правильно ли, но никого не перекосило, значит сойдёт.

— Я получила послание от твоего будущего супруга, — с упором на последние слова, сообщила она, явно проверяя мою реакцию.

Так, губками дрожим, глазки опускаем и смиренно интересуемся.

— И что же мирази Рифат написал?

— Он сообщил, что привезёт дочь лично. И что желает пообщаться со своей невестой. Ты должна быть готова в полудню, чтобы встретить их вместе со мной в общем зале. И когда твой жених приедет, ты будешь с ним мила и приветлива. И никаких истерик! Поняла меня?!!

Я смогу выйти из комнаты. Только не бы не выдать, насколько эта новость меня радует.

— Поняла, мама. Я буду мила и приветлива, — изображаю полное смирение, отчего Тамира довольно кивает. Жуть. Вот это мамаша. Сомневаюсь, что она хотя бы минуту свою дочь на руках держала. Наверное, спихнула сразу на нянек.

Убедившись, что я её поняла, и не собираюсь создавать проблемы, принцесса Тамира удаляется, а я прошу Гапку наполнить мне ванну и, пока буду купаться, подобрать мне наряд, чтобы скромно, но изысканно красиво. Будем усыплять бдительность.

И вот наконец этот полдень. На мне нежно-голубой наряд, вышитый белым шёлком и жемчугом. Головной убор проще по крою, чем тот, который я видела на матери Мирэн, и называется хариджи. Он полностью скрывает волосы, закрывает лоб и нижнюю часть лица, оставляя открытыми лишь глаза. Но выглядит красиво и для меня по-восточному экзотично. Хотя, каждый день такое носить я бы точно не хотела.

Рассудив, что вряд ли мне позволят разгуливать по дворцу без сопровождения — а вдруг принцесса Мирэнхаш от своего «счастья» принудительного спрятаться надумает? — прошу Гапку идти со мной я не стала, а сама решительно толкнула дверь, чтобы наконец выйти из своих покоев. За дверью, как и ожидалось, обнаружились стражники, и меня под конвоем повели знакомиться с женихом и племянницей.

По дороге я очень старалась не выдавать свой пристальный интерес к окружающему, но тем не менее из-под ресниц отмечала и роскошный интерьер, и направление движения, и расположение комнат в коридоре. Интересно, выходят ли те, что напротив моей, окнами за пределы дворца? По идее должны. Ну не может ведь там быть ещё один внутренний двор. Это вообще уже какая-то слишком странная планировка получится. После коридора были ступеньки, какой-то зал, с фонтанами, красивыми резными расписанными арками и белыми колоннами, потом ещё коридор, широкая деревянная дверь, от которой пришло ощущение какой-то пульсации, потом ещё коридор и наконец большой зал, где меня уже в компании нескольких служанок ждала Тамира, тоже с закрытым лицом.

Окинув мой наряд оценивающим взглядом, она, кажется, остаётся довольна. Глазами указав мне на место рядом с ней, женщина устремляет всё своё внимание на высокую под потолок двухстворчатую дверь, которую как раз начали открывать двое стражников.

Шаги я слышу ещё до того, как вижу его. В зал, ведя за руку маленькую девочку, лет четырёх-пяти, входит высокий широкоплечий мужчина в тёмном. Лицо холодное, жёсткое, довольно резкое, хотя, конечно, не уродливое. В чёрных волосах едва заметна лёгкая седина. Движения выверенные, хищные. И взгляд, от которого мороз по коже. Особенно, когда он останавливается на мне, и ледяная отстранённость стирается чем-то тёмным, опасным, одержимым.

— Приветствую вас, ваше высочество принцесса Тамира, ваше высочество принцесса Мирэнхаш, — останавливаясь напротив нас, учтиво и обманчиво мягко здоровается гость, лишь мельком взглянув на стоящую рядом маму Мирэн, и снова переводит немигающий взгляд на меня. А я уже вполне натурально начинаю побаиваться. Поднимать глаза и встречаться с ним взглядом мне уж точно не хочется.

— И я вас приветствую, миразу Рифат, — величественно склоняет голову Тамира, после чего слегка поворачивается ко мне. Ага, значит отмолчаться не получится.

— Доброго дня, миразу Рифат, — не поднимая голову, произношу вежливо, буквально кожей чувствуя его внимание, несмотря на закрытую одежду.

Чтобы не смотреть в пол, цепляюсь взглядом за крошечную фигурку племянницы Мирэн. Она в этих босварийских девчачьих нарядах выглядит хрупкой тихой куколкой, царапая что-то внутри меня. Такая маленькая. И уже пешка в играх взрослых. Жалко до слёз. Повинуясь внезапному, но непреодолимому порыву, шагаю к девочке, застывшей рядом с отцом.

— Здравствуй, Лалерин.

Она неожиданно вздрагивает и поднимает на меня глаза цвета горького шоколада, в которых плещется удивление, недоверие, надежда... Личико скрыто, но от этого детского ранимого взгляда мурашки бегут по коже.

— Не знаю, помнишь ли ты меня, Лале. Я сестра твоей матери... Мирэн.

— Я тебя помню. Здравствуй, тётя Мирэн, — едва слышно произносит крошка, потом смотрит на свою бабушку и заученно здоровается: — Здравствуйте, принцесса Тамира, — и снова опускает взгляд. М-да.

— Здравствуй, Лалерин, — немного смягчается мегера, и дав знак служанкам, застывшим позади неё, сообщает девочке: — Тебя сейчас отведут в твои новые покои. А потом мы с твоей тётей Мирэн к тебе зайдём. Побудешь это время с нянями?

Малышка послушно кивает и позволяет себя увести, даже не взглянув на отца. Тамира же обращается к своему зятю.

— Миразу Рифат, вы писали, что желаете поговорить. Прошу, за мной.

Получив его утвердительный кивок и подхватив меня под руку, она устремляется куда-то прочь из зала. А позади слышатся мужские шаги. И почему у меня создаётся впечатление, что меня ведут на заклание?

Вскоре мы оказываемся в большой комнате, похожей на гостиную. Низкие диванчики, пушистые ковры, столики с креслами, вазы с цветами, изящные ажурные светильники. Всё красиво, но без души как-то. Тамира, отпустив мой локоть, разворачивается к мужчине, который зашёл следом и остановился у двери, собираясь что-то сказать. Но не успевает.

— Я хочу поговорить с своей будущей женой наедине, — он говорит тихо, и этот голос напоминает острую сталь спрятанного под бархатом клинка.

— Миразу Рифат, я понимаю ваше желание познакомиться с Мирэнхаш ближе и с разрешения мужа иду вам навстречу, нарушая устаревшие условности... — пытается возразить хозяйка дома.

— Через две недели ваша дочь войдёт в мой дом, как жена. Я чту её честь, скромность и невинность, но говорить с ней хочу без свидетелей, — мужчина по-прежнему не повышает голос, но от ноток ледяной угрозы в нём становится зябко. И жутко как-то.

Мать Мирэн гордо вскидывает подбородок, но в глазах я замечаю искорку страха.

— Хорошо. У вас есть полчаса, — цедит она сквозь зубы и реально уходит. Оставляя меня сам на сам с этим жутковатым мужиком, который вполне может посчитать, что раз девушка уже почти жена, то и ждать ничего не надо.

Пользуясь тем, что стою к нему в пол-оборота, пытаюсь прикинуть, что можно использовать в качестве оружия, если придётся отбиваться.

— Ты всё ещё боишься меня, — произносит он, подходя ближе, застывая рядом, но хотя бы не касаясь.

— Да, — выдыхаю, не видя причин лгать. Откуда-то знаю, что мой страх он чувствует. Как чует страх своей жертвы хищник.

— Но тебя уже не трясёт от одного моего присутствия, — констатирует Рифат. Он возвышается надо мной и давит своей тёмной удушливой энергетикой. Паника Мирэн становится всё более понятной.

— Мама объяснила мне, насколько я ошибалась в своих выводах относительно вас, — пытаюсь я дать объяснение тому, что не настолько трепещу, как моя предшественница.

— Меня радует, что ты решила смириться. Я не хочу... тебя обижать, — в его голосе слышится удовлетворение, но и едва заметную паузу я замечаю, отчего мысли скачут испуганными зайцами.

— А чего же вы хотите? — дрожь даже не приходится изображать.

— Тебя, крошка Мирэн. Я хочу тебя. Твоей покорности. Твоего смирения передо мной. Хочу взять твою невинность, научить тебя дарить мне удовольствие и получать наслаждение от того, что я буду с тобой делать. Хочу, чтобы ты стала моей послушной девочкой. Не заставляй меня принуждать тебя, смились и станешь моей драгоценной принцессой.

— Драгоценной принцессой взаперти? — закрывая глаза, интересуюсь я. Пытаясь не думать о том одержимом голоде, что звучит в его словах.

— Это от тебя зависит. Если покажешь мне, что принимаешь меня как своего будущего мужа и господина, я попрошу твоего отца отменить свой приказ держать тебя взаперти, — вкрадчиво сообщает мне мужчина.

О-о-о, вот это было бы здорово. Если бы не одно «но». Мало ли что он захочет взамен.

— И как я должна это показать? — осторожно интересуюсь я.

— Сними хариджи. Я хочу снова видеть, что будет мне принадлежать.

И всего-то? В чём подвох? Хотя, если для Мирэн открыть лицо мужчине, означает признать его право видеть её, быть мужем, то это может считаться веским доказательством её смирения. Пф. Ладно. Снимем. Мне ж то фиолетово видел он моё лицо, или нет. А вот послабление контроля будет нелишним. Тут главное изобразить внутреннюю борьбу. Надо представить себе, будто я перед ним не платок с головы снимаю, а, как минимум, трусы.

Крепко зажмурившись, я неуверенно киваю, изображая своё, трижды ха-ха, смирение. Поднимаю дрожащие руки к виску и принимаюсь бороться с маленькой незаметной застёжкой, которая держит ткань на лице. От мужчины слышится сдавленный выдох и волна пугающего напряжения. Что ж ты озабоченный такой? Позволяю себе вздрогнуть и замереть. Я же невинная затюканная Мирэн сейчас, мне пугаться положено.

— Не останавливайся, девочка, — хрипло велит он. — Я тебя не трону сейчас.

Ну ла-а-адно, уговорил. Я, конечно, боюсь-боюсь. Но чего не сделаешь для пользы дела? Ещё одно движение и вышитая серебром ткань падает с лица. Чувствую его движение, Рифат делает шаг и становится прямо напротив меня.

— Посмотри на меня, Мирэн.

Я смиренная. Я смиренная. Смиренная, прям ужас. Медленно поднимаю глаза и ловлю его взгляд. Смотри на меня. Нравлюсь? Хочешь? Смотри.

— Ты стала ещё прекрасней, — почти выдыхает он. И смотрит. Глаза в глаза. — Сними хариджи с волос. Я хочу их увидеть.

Ага. Этого сбить с толку значительно сложнее, чем целительницу. Тут надо очень тонко и осторожно. Как по осеннему льду.

— Не пугайте меня, миразу. И я не буду вам противиться. Вы ведь хотите моей покорности.

— Больше жизни хочу, — сипит он, как замороженный. А, собственно, почему как? Замороженный и есть. Я прям сама себя бояться начинаю. Даже не верится, но у меня получается. Какое-то глубинное интуитивное знание подталкивает, подсказывает что делать, чтобы заморочить, убедить, заставить поверить в то, в что я хочу. Главное правильно хотеть. Не противореча.

— Сидя взаперти, как узница, я не могу смириться. Никак не могу. Я ведь не узница. Я ваша девочка.

— Моя... — его карие глаза темнеют до черноты.

— Взаперти я чахну и думаю глупости. Отмените моё заточение, Рифат. И я буду вам очень-очень благодарна. Вы же хотите, чтобы я была вам благодарна. Чтобы я подчинилась добровольно.

Он всем телом подаётся ко мне, обдавая жарким дыханием, и я едва не теряю контроль над ситуацией. Ой-ей. Осторожно, Ромка! Осто-ро-жно! Теперь чтобы смотреть ему в глаза, приходится голову запрокидывать, настолько он выше. Эх. Я не была настолько миниатюрной, как Мирэн.

— Жена подчиняется мужу. После свадьбы. Помогите мне не бояться этой свадьбы. Пожалуйста, — прошу всем сердцем, продолжая смотреть ему в глаза, заставляя себя, и в результате его, верить в то, о чём говорю. — Пожалуйста, Рифат.

— Не бойся нашей свадьбы, я помогу, — капитулирует его сознание.

— Спасибо, Рифат. Я благодарна, — и закрепляем эффект конфетой. Стараясь не путаться в движениях, я медленно отстёгиваю хариджи на горле и стягиваю его с головы под немигающим взглядом мужчины. И отпускаю этот голодный пугающий взгляд, позволяя на себя полюбоваться.

Мирэн оставила мне в наследство длинную густую косу, которую, пришлось закалывать на затылке, чтобы кончик не болтался ниже края хариджи. Мои собственные волосы в прошлой жизни когда-то были светлее с рыжинкой, и такие длинные я никогда не отращивала, неудобно ведь. Но мне нравится эта роскошная красота. Жалко будет отрезать. Может получится как-то спрятать?

Нравятся они не только мне. Рифат шумно втягивает воздух, буквально пожирая меня взглядом.

— Распусти, — приказывает хрипло.

Вынимаю шпильки, и коса тяжело бьет по плечу, но скользнуть на спину не успевает перехваченная мужской рукой. Он неспеша, как в замедленной съёмке, тянет её, наматывая кончик на ладонь. И теперь уже сам гипнотизирует меня взглядом. Тёмным, порочным, голодным, пугая до дрожи. Я не Мирэн. И прекрасно представляю, чего ему может от меня хотеться. Я, может, и не против игр пожестче, но точно не с этим хищником. У меня где-то в этом мире свой имеется. Надеюсь.

— Твоё послушание достойно вознаграждения, Мирэн, — произносит наконец Рифат, наигравшись с моими волосами. Пригладив косу на моей груди. Не трогает он. Как же. — Я сегодня же поговорю с твоим отцом и расскажу, что мы с тобой пришли к согласию и пониманию, что ты согласна стать моей женой, и держать тебя взаперти больше не нужно. Мы ведь пришли к пониманию, Мирэн?

— Да, миразу Рифат, — склоняю я голову.

— Вот и умничка. Будешь меня радовать, и я буду добр с тобой. Это ведь не сложно, правда?

— Нет, миразу, — тихо соглашаюсь я. — Можно я надену хариджи?

Довольный моей покладистостью, он кивает. И я поспешно скручиваю косу обратно, а затем и головной убор надеваю, надеясь, что делаю это правильно. Он вроде бы и не сложной конструкции, но первый раз это самостоятельно делаю.

В дверь стучат. Почти сразу она распаивается и в комнату wpłyвает Тамира. От её внимательного взгляда, конечно же, не укрывается тот факт, что я как раз опускаю руки от лица.

— Мирэн, возвращаясь к себе, — велит она, и я чувствую облегчение. Правильно. Разбирайтесь без меня.

Не прощаясь с недовольным «женихом», проскальзываю мимо неё и выхожу из гостиной. Маму надо слушаться, ага. Особенно, если она так вовремя приходит. А за порогом меня уже ждут сопровождающие. Будем считать этих угрюмых бородатых дядек почётным эскортом.

В покоях Мирэн меня встречает исполненная беспокойства и тревоги Гапка.

— Госпожа?... — шагает она ко мне.

— Всё хорошо, няня. Я поговорила с миразу. И убедила его, что смирилась со своей участью. А он пообещал мне, что повлияет на отца и меня больше не будут держать взаперти.

— Ох... — выдыхает пожилая служанка.

— Гапка, ты свободно можешь покидать дворец? — интересуюсь я, пока она не успела разволноваться окончательно.

— Да, госпожа.

— Хорошо. У меня будет к тебе просьба. И серьёзный разговор. Потом.

— Конечно, госпожа, — склоняет голову Гапка.

После общения с жутким миразу мне страшно хочется искупаться, смыть из себя липкую грязь его взгляда, но позволить я себе этого не могу. С минуты на минуту может явиться Тамира, мы вроде как должны провести маленькую Лалерин. Так что очистительные процедуры потом. И разговор с Гапкой тоже.

Принцесса Мегера действительно приходит довольно быстро. Но, как ни странно, про наш разговор с Рифатом и моё предположительно неприличное поведение ничего не говорит, а коротко велит мне следовать за ней. Следовать приходится недалеко. До покоев напротив. Оказывается, именно здесь и поселили маленькую Лалерин.

Девочка обнаруживается в спальне, где сидит на кровати уже без головного убора и хмуро наблюдает за служанками, которые разгружают сундуки с её вещами. Девочка, кстати, оказывается дивно хороша. Пухлые щёчки, на которых скорее всего появляются милые ямки, когда она улыбается, большие тёмно-карие глаза, цветом напоминающие отцовские, естественно, тёмные волосы. В общем восточная красавица. Только очень грустная.

— Тебе нравятся твои новые покои, Лале? — интересуется её бабушка. Довольно сухо, надо признать. Словно не к родной внучке обращается. Хотя, чему я удивляюсь? Если она дочерей выгодно продавать не стесняется...

— Они большие, — безразлично пожимает плечами малыш. Что-то не нравится мне её состояние. Разве дети её возраста могут быть настолько ко всему безразличны?

Однако Тамира ответом внучки полностью удовлетворена. Она некоторое время наблюдает, правильно ли служанки выполняют свои обязанности, выдаёт им ценные инструкции. Потом точно так же инструктирует появившуюся рядом и склонившуюся в низком поклоне женщину, оказавшуюся няней, и собирается удалиться, выжидая взглянув на меня.

— Я хочу побыть с Лалерин, мама. Если ты не возражаешь, — прошу я, ведомая знанием, что так

надо, и, подумав, добавляю. — Мне кажется, миру Рифат именно этого от меня ожидает, как от своей невесты.

Женщина удивлённо вскидывает брови, смотрит на меня испытывающе. Но в конце концов согласно кивает.

— Хорошо. Твой будущий супруг тобой доволен, потому не вижу причин ограничивать ваше с Лале общение. Ей действительно нужна твоя забота. Надеюсь, ты не подведёшь наше доверие.

— Как я могу, мама? — обтекаемо отвечаю ей.

В результате остаюсь почти сам на сам с маленькой девочкой, чья мама недавно умерла при непонятных обстоятельствах. А папа срочно желает жениться на мне, чтобы воплотить в жизнь свои большие фантазии. Уф. Капец. Некоторое время просто смотрю на малышку. А она меня словно и не замечает. Вопрос: «Зачем мне это надо?» в голове даже не возникает. Я чувствую, что ей плохо. И чувствую нужду ей помочь. Как это сделать? Как мне с ней себя вести? Даже понятия не имею. Для начала точно нужно удалить лишние уши.

— Оставь нас, — велю я няне, застывшей у двери. Служанки, закончив с сундуками, к этому моменту уже ушли.

— Ваше высочество... — начинает возражать женщина, явно не собираясь выполнять мой приказ. А от девочки тянет чем-то таким тяжёлым, что кишки внутри сворачивает.

— Пошла вон! — рявкаю я, чувствуя, как поднимается внутри волна ярости. Слишком много мне сегодня пришлось давить в себе себя. Слишком сильно я чувствую потребность спасти ребёнка, пока сама не знаю от чего. И слишком многое эта фифа себе позволяет.

Фифа вздрагивает, сразу теряет весь свой гонор, который решила тут показать затюканной юной принцессе, и убегает наконец прочь. А я осторожно подхожу к маленькой девочке.

— Лале, как ты себя чувствуешь? — интересуюсь я у малышки. Она поднимает на меня рассеянный взгляд, словно только теперь заметила моё присутствие. А может так оно и есть. Моргает грустными потухшими глазками. И молчит.

Приседаю вокруг неё на корточки, всматриваюсь в милое личико и интуитивно тянусь ладонью к её волосам. А дальше происходит что-то жуткое. Меня обжигает первое же прикосновение. И хочется руку отдернуть, но я словно приклеенная не могу пошевелиться, больше того обхватываю её личико и второй ладонью, подаваясь к ней всем телом, почти касаясь своим лбом её склонённой макушки. Всматриваясь. Не глазами. Чем-то значительно более глубоким. Божечки, сколько тоски. И страха. И какой-то страшной голодной пустоты. Она сворачивается тёмным коконом вокруг девочки, высасывая все её силы, всю жизнь. Малышка Лале любила свою маму. И мама любила её. Так сильно любила. Но её не стало. И пришла чужая страшная женщина, пугая, рассказывая, что Лале теперь никому не нужна. Никому. Ей так хочется к маме. Ей она всегда была нужна. А сейчас никому. Может, если умереть, мамочка снова будет рядом? Боль, тоска, обречённое чувство ненужности пожирают её изнутри. И словно этого мало, чужая ненависть оплетает то, что я могу назвать разве что аурой крошки. Ненависть и пожелание смерти. Потому что ЕГО дочь, потому что от другой женщины.

Так нельзя оставлять. Это возможно не убьёт, но сломает, покалечит. Потому что никто и не додумается помочь. За что же это тебе маленькая? Как снять эту грязь? Глажу шелковистые волосики, чувствуя, как подкатывает к горлу горечь. И замечаю, что мои пальцы сминают мутную грязь, вокруг малышки. Вспоминаю собственное желание искупаться и смыть всё лишнее. Может я смогу ей помочь?

— Лале, я хочу искупать тебя с дороги. Не испугаешься?

Она вяло качает головой. Сонная. Уставшая.

Поднимаюсь на ноги и беру её за руки, чтобы поднять. Малышка послушно встаёт. Ну что ж. Попытка не пытка.

Спустя почти час с лишним я выношу из ванной завернутую в полотенце спящую Лале. Довольная до нельзя. Оказывается, я таки ведьма. Иначе объяснить то, что я сумела сделать, просто не получается. Стягивая грязь и тьму с ауры ребёнка, смывая это, очищая её для новой жизни, я чувствовала себя так, словно творила самую правильную и естественную на свете вещь. Осталось уложить её. И позвать эту наглую няню, пусть посидит с ребёнком. Мне тоже искупаться позарез надо.

Уже поднимаясь, я бросаю взгляд на окно напротив кровати. И замираю. Там за стеклом и ажурными ставнями, закрытыми сверху на засов, вдалеке виднеются горы. Словно замороженная,

подхожу ближе шаг за шагом. Пока не упираюсь в широкий подоконник с наваленными на нём подушками. Там действительно горы. И сады. Белеющая дорога вьющаяся и исчезающая между деревьями. И никаких стен напротив. Кажется, я нашла путь к свободе. Едва дыша, впитываю это волшебное зрелище. И неохотно от него отрываюсь, чтобы вернуться в свои покои. Теперь допрос Гапки ещё более актуальная необходимость.

Можно ведь спросить, что она мне посоветует, куда податься, какую дорогу выбрать. И уже от этого плясать. А завтра попрошу достать мне мальчиковую одежду и отправлю её прочь из дворца. Чтобы не подставлять своим побегом. Детали ещё продумаю. Но свет в конце туннеля уже определённо видно.

А спустя несколько часов, узнав всё о близлежащем городе, окрестностях, и возможных путях к Обители Праматери, беспрепятственно проведая всё ещё спящую Лалерин, я уснула, абсолютно довольная собой. И внезапно почувствовала, как меня обнимают такие знакомые руки.

— Рами, душа моя. Наконец-то...

Глава 6

— Тай, — выдыхаю я, а в следующий миг он сминает мои губы жадным поцелуем, заставляя забыть обо всём на свете. Как же я соскучилась! Как же я боялась, что больше не увижу его в снах теперь, что в этом мире мы не будем ими связаны.

Он подхватывает меня под ягодицы, поднимая, и я цепляюсь за широкие плечи, словно он единственная моя опора, обхватываю его ногами, вжимаясь всем существом в вожделенную твёрдость мужского тела. И целую, целую так же жадно в ответ. Выплёскивая в этой иступлённой ласке свой страх, свои сомнения, стирая их безумной радостью, благодарностью и граничащим с сумасшествием удовольствием. Мне плевать, что это сон. Мне плевать...

— Рами... жива... здесь... — губы Тая отрываются от моих, и прижимаются снова, срывая прерывистой вздох, прикусывая нижнюю губу, и залиывая нежно место укуса. — Найду. Совсем скоро найду тебя и сделаю своей. Как же я переживал за тебя. Моя, Рами. Моя девочка.

— Вот как ты заговорил, собственник махровый, — отстраняюсь я и заглядываю в пылающие тёмной синевой глаза. — Найдёшь и сделаешь?

— И найду, и сделаю. Никуда теперь от меня не денешься, — улыбаются самые сексуальные мужские губы, какие я только видела. Стукнуть бы его, да только поцеловать больше хочется.

И тут до меня доходит.

— Стой. Как быстро ты можешь добраться из своего Сэйнара в Босварию? — спрашиваю я у него.

— Я уже завтра там буду. Пройду порталами.

Акхм. Ну да. Порталами. И как я не додумалась?

— И я могу тебе сказать, где я нахожусь, а ты мне посоветовать, как отсюда выбраться?

А вот на этих словах он мрачнеет. Всматривается пристально в моё лицо. И садится вместе со мной в обнимку на... огромную кровать. Эм, а где это мы? Раньше сны всегда были мои и декорации, соответственно, тоже. Я даже невольно отрываю от него взгляд, чтобы оглянуться вокруг. Ого. Большая комната, обшитые резными панелями из тёмно-красного дерева стены, великолепные картины на них и, кажется даже гобелены. Роскошные ковры, изысканная мебель. И кровать, размерами больше похожая на стадион. Резные столбики заставляют поднять голову и офигеть. Надо же. Балдахин. Резной такой. Красивый.

— Богиня не сказала тебе? — отрывает меня от созерцания Тайрэн.

— Не сказала что? — подозрительно интересуюсь я, опуская голову. И чувствуя конкретную подставу.

— Мы можем в этих снах рассказывать друг другу что угодно, но это никак не поможет нам в поисках, — хмурит он брови. — Мы ничего не будем помнить, когда проснёмся.

— Но почему?! — вырывается у меня потрясённое. — Раньше ведь помнили. Я помнила. Почти всё.

— Это плата за то, что твоим спасением Богиня изменила судьбу мира. Если дословно. Она хочет, чтобы я искупил свою просьбу к ней таким образом. И ты, получается, тоже, — играя желваками, сообщает мужчина, прижимая меня к себе ближе, зарываясь лицом в шею.

О как. Ну-у-у, в общем не так уж и непонятно. Я ведь уже приняла, что будет нелегко. И согласилась. Хотя от помощи Тая бы не отказалась.

— Скажи, что с тобой всё в порядке. Где ты? Здорова? Не ранена? Сможешь добраться в этот храм?

— Да куда ж я денусь? — фыркаю, преувеличенно бодро. — Жива, здорова. Столкнулась с некоторыми трудностями в виде неадекватных родственников моей предшественницы и слишком настойчивого жениха.

Чувствую, как каменеет тело Тая. Он отстраняется и поднимает голову. На меня устремляется пристальный тёмный взгляд.

— Жениха? — рычит он.

— Ага, — склоняю я голову, с исследовательским интересом изучая его реакцию. Ревнует. Нет, правда, ревнует.

— Кто он?

— Какая разница? Ты же всё равно не вспомнишь потом, — хмыкаю я, заставляя его недовольно сжать губы. — Не собираюсь я замуж. Тай, я никогда раньше не спрашивала. Ты, просыпаясь, помнил мою внешность?

Глаза мужчины сужаются, буравя меня хмурым взглядом.

— Нет. Только глаза, — признаётся он. — А ты помнила?

— Нет. Тоже только глаза.

— Значит, узнать меня тоже не сможешь, — вздыхает Тайрэн, и начинает спокойно так стягивать с меня футболку. — Жаль. Я, признаться, надеялся на это. Но ладно. Придумаю что-нибудь. Главное встретиться.

— Что ты делаешь? — опешив, выдыхаю я.

— Собираюсь с пользой потратить наш совместный сон. Они, кстати исчезнут, когда мы будем близко друг к другу. А мне всегда хотелось узнать, каково это взять тебя во сне, — и пока я ошарашенно моргаю, преодолевает моё чисто символическое сопротивление и отбрасывает мешающую ему вещь. — М-м, какая интересная штучка, — выдыхает он, рассматривая моё кружевное бельё. — Мне очень нравится, как это на тебе выглядит.

Хм. Ещё бы. Зря я что ли, покупая когда-то этот комплект, столько представляла, как покажу его Таю? Комплект остался в прошлой жизни. Но в сознании-то ведь отложилось.

— Я сейчас по-другому выгляжу, — вырывается у меня.

— Ты девушка? — изгибает вопросительно бровь, накрывая ладонями мои груди и проводя большими пальцами по возбуждённым соскам.

— Пф. Не проверяла. А это для тебя важно? — фыркаю я, невольно прогибаясь, подставляясь под его ласку. Если это во сне настолько приятно, то каково будет в реальности? Я так хочу этой химии между нами. Пускай она будет, когда мы встретимся.

— Конечно. С парнем я такие вещи делать не хочу, — доверительно сообщает мне Тай, лукаво улыбаясь, и склоняется, чтобы поймать губами напряжённую вершинку.

— А-а-ах, и что ты будешь делать, если я не девушка? — всхлипываю, зарываясь пальцами в его волосы.

— Ра-а-ами, дразнишь бессовестная, — ворчит мужчина и прикусывает сосок, сорвав с моих губ стон.

— Угу, — соглашаюсь я.

— Значит, девушка, — удовлетворённо кивает Тайрэн, и я вдруг оказываюсь опрокинута на кровать. А он опускается сверху. Уже без рубашки. О-о-о. А шорты мои куда делись? — Как хорошо, что теперь ты в моём сне. Твои слишком невинны.

— Тай... — успеваю я выдохнуть, прежде чем мой рот оказывается в плену его губ, и все сомнения разом теряют важность. Имеет значение лишь тяжесть его тела на моём, лишь руки, которые, кажется, касаются меня везде. И эти губы... О-о-о, что он творит своими губами! И языком! А-а-ах!

Я не знаю, как буду ощущать его кожу, я могу лишь представлять, какой у него запах, я даже вообразить не могу, что почувствую, когда моё тело примет его в реальности, но сейчас я плавлюсь от малейшего его прикосновения, сгораю в его жажде, словно он не тело моё берёт, а душу. А может так оно и есть?

Между нами нет больше одежды. Впиваюсь пальцами в перекатывающиеся под гладкой кожей мышцы, оставляя на нём свои метки, которые исчезнут вместе с этим сном. Всклипываю, запрокидывая голову, хватаю ртом воздух, когда сильные мужские руки разводят мои ноги. Тай скользит губами по моей изогнутой шее, ласкает языком чувствительную кожу. И ловит мой вскрик, когда одним движением наполняет собой. До боли, до реальности, до сумасшествия. Комната теряет очертания, мы словно в невесомости. Мои стоны и его толчки. Переплётные тела и связанные души. И ослепительное наслаждение, затапливающее мой разум и моё тело.

Я просыпаюсь, содрогаюсь от самого яркого оргазма в моей жизни. Мышцы сводит, и тело выгибается от волн, прошивающих меня вполне удовольствием, которое никак по другому понять невозможно. Мамочки. Это что же мне приснилось? Точнее кто? И почему я ничего не помню? Надеюсь, это хоть Тай был. Конечно он. А кто же ещё? Но почему я ничего не помню?

Пытаясь отдышаться, смотрю в расписной потолок, вспоминая, кто я и что я, а главное, где я. Раскинувшись на кровати, с разведёнными ногами, будто между ними только что властно двигался кто-то большой и сильный, с влажной пульсацией в самом сокровенном месте, с пересохшими губами и сердцем, норовящим выпрыгнуть из груди, я сейчас скорее всего представляю весьма занимательное и развратное зрелище. Хорошо, что Гапка тут не ночует, а другие служанки являются только по приказу. А то бы впечатлились. Переворачиваюсь набок с неудовлетворённым стоном. Ну так нечестно. Раздразнил меня. А сам, чёрт знает где. А вообще интересная побудка. Бодрая.

Через узорчатые ставни уже пробивается утренний свет, и я думаю о том, как бы мне хотелось увидеть, каков восход солнца в этом мире. Ничего. Скоро увижу. Если всё получится, то уже завтра. В общем, хватит разлеживаться, Ромка! Пора прорабатывать детали плана и воплощать их в жизнь.

Сходя в ванную, я вызываю служанку. Является Гапка, притом довольно быстро, словно ждала, когда позову. Приносит мне лёгкий завтрак и хорошую новость. Стражи у моих дверей больше нет. Сдержал-таки слово женишок двинутый. Значит не зря вчера старалась.

— Няня, посиди со мной пожалуйста. Выпей чаю, — прошу, заглядывая ей в глаза. Две чашки на подносе дают мне подсказку, что такое приглашение для неё не будет неожиданностью. Гапка действительно охотно соглашается, присаживаясь напротив. — Скажи, а твоя дочь, о которой ты мне рассказывала, она далеко живёт? О ней знают?

— Знают ли, мне неведомо госпожа. Я о своей семье никому и не рассказывала, кроме вас. Но живёт Тамита далеко. Она замуж вышла за купца, и они уже шестнадцать лет, как живут в Сэйнаре. Зять мой в Босварии бывает, хоть и крайне редко, и обычно присылает мне весточку, предупреждая о приезде. Если помните, я несколько месяцев назад отпрашивалась у вас, чтобы сходить в Гьяран. Тогда и виделась с ним в последний раз и получала весточку от дочери.

Гьяран, это ближайший к резиденции принца Гедаша город, как я вчера уже выяснила. Дочь в Сэйнаре, это для Гапки не есть хорошо. Кажется, Богиня говорила, что границу без разрешения не пересечь.

— А другие родственники? Может у тебя ещё кто-то есть? — спрашиваю у няни Мирэн.

— Нет, госпожа. А почему вы спрашиваете?

— Я хочу, чтобы ты сегодня ушла из дворца. Купишь мне кое-что, спрячешь, где договоримся, а потом тебе нужно будет исчезнуть. Я не хочу, чтобы из-за меня с тобой случилась беда.

Когда до Гапки доходит, она ошарашенно смотрит на меня. А потом начинает качать головой. Испуганно так.

— Нет, госпожа. Ни к кому я не пойду. Бесполезно это, всё равно найдут. Если не ваш отец, то миру точно. Это приговор тем, кто приютит меня. Я тут останусь.

Она, что серьёзно? Собирается оставаться на смерть? Ну уж нет. Я не могу этого допустить. Мне безумно хочется спросить, что значит это слово «миразу», то, что это не имя и не фамилия, а скорее титул, я уже поняла. А может должность? Почему он так страшен и влиятелен? И как от такого скрыться? Может как-нибудь с толку сбить? Пустить по ложному следу?

— Как ты думаешь, Гапка? Где меня будут искать в первую очередь? — тихо спрашиваю я у старушки.

— Ну сначала, конечно, дворец обыщут. И окрестности. Меня попытаются допытать. Но я уже приготовила себе то, что поможет мне навсегда замолчать, — начинает рассказывать няня, вышибая из меня дух своей откровенностью. — Потом, конечно, проверят порталы в Гьяране, ожидая, что вы отправитесь в столицу к деду, или дяде. Ну а потом уже начнут проверять все пути из Гьярана и искать вас в других направлениях.

Порталы, значит.

— Няня, а как простые люди? Свободно могут перемещаться порталами? — может ведь принцесса этого не знать? Вполне.

— Это дорого госпожа. Мало кто может себе позволить. В Гьяране два портала. Один для господ, тот самый, которым и ваша семья пользуется. А второй для остальных. Там и порталышки не такие сильные, и дальность переноса меньше.

Вот что мне надо. Убедить всех, что я ушла куда-то порталом. А на самом деле махнуть в нужную мне Обитель. Надо подумать, как это сделать. А ещё лучше разобраться на месте в Гьяране. И, кажется, делать это придётся вместе с Гапкой. Ну не могу я человека на смерть бросить.

— Няня, я хочу, чтобы ты купила мне мужскую одежду. Как для мальчика, — прошу у старушки.

Она шокировано прижимает ладонь к губам, но по мере осмысления, кажется, начинает понимать преимущества моего плана.

— Но как же... Вы сможете притвориться?

— Мне очень надо. Значит, смогу. Сделаешь?

— Да. Принести её вам сюда?

— Нет, — мотаю головой. — Давай условимся о каком-нибудь примечательном месте за пределами дворца. Будешь ночью ждать меня там. Потом уйдём в Гьярану вместе. И себе тоже купи что-нибудь другое. Не чёрное.

— Но это ведь вдовый наряд. Я не имею права носить другое, — ошарашенно шепчет бедная Гапка.

— А я надевать мужскую одежду? — изгибаю я бровь.

— Праматерь Великая, нет, конечно, — мотает она головой.

— Но мы хотим жить. Значит правила можно нарушить, — уверенно произношу, вкладывая ей это убеждение в сознание.

— А как вы выберетесь из дворца? — наконец смиряется с неизбежным попранием приличий няня Мирэн.

— Спущусь из окна Лалерин.

Как старушка не упала в обморок, даже не представляю. Она буквально побелела, прижав обе ладони к лицу и смотря на меня перепуганными глазами.

— Девонька моя, что же это вы удумали? Может выйти как-нибудь получится? Вы же убиться так можете, — шепчет потрясённо.

— Не убьюсь. Я уже придумала, как это сделать безопасно, — а подробности ей знать необязательно. — Прокрасться через весь дворец незамеченной, ты же сама знаешь, что невозможно. А так меня только поздним утром хватятся. Мы уже в Гьяране к тому моменту будем, — по крайней мере, я на это надеюсь. Сомнения в выносливости доставшегося мне тела вполне обоснованы, как и в способности Гапки быстро передвигаться.

Словно прочитав мои мысли, старушка вздыхает тяжело. Смотрит жалостливо.

— Госпожа Мирэн, не надо вам меня с собой брать. Обузой вам буду. Не могу я задерживать вас. Давайте лучше всё-таки тут останусь и как-нибудь внимание отвлеку, чтобы вам времени больше дать.

— Нет, — категорично возражаю, понимая, что ни за что так не поступлю. Да и, если подумать, путешествовать вдвоём с человеком, который хоть знает, куда двигаться, для меня же лучше. — Я никуда без тебя не уйду, няня. А сейчас давай договоримся о деталях. Пришлѐшь мне вместо себя кого-то, кто не побежит каждое моѐ движение докладывать, и уходи.

На составление плана с учётом моего незнания многих местных реалий и осторожного прощупывания почвы, ушѐл не один час. Самым сложным моментом мне казались финансы. Идею с выносом драгоценностей я честно обдумала, но интуиция мне подсказывала, что это чревато серьёзными неприятностями, и няня подтвердила эти мои подозрения, стоило мне вскользь про них упомянуть. Продать драгоценности, как она сказала, мы нигде в Гьяране не сможем из-за магической метки, а даже если сможем, нас тут же выдадут. Так что вопрос денег озаботил меня ещё сильнее. И тут Гапка огорошила меня, заявив, что деньги у неё есть и много. Дворцовой прислуге платят хорошо, а она долгие годы была няней принцесс. А поскольку самой ей ничего и не надо, то женщина просто откладывала, собираясь завещать их дочери, а теперь они вот нам помогут сбежать. Мне неловко было соглашаться на её предложение, но другого выхода я пока не видела. Пришлось утешать себя мыслью, что я с Гапкой обязательно сочтусь.

После того, как все важные моменты были наконец согласованы, старушка, посоветовав, кого из служанок лучше звать, если что-то понадобится, обняла свою госпожу Мирэн в моѐм лице и ушла к себе, чтобы, захватив самое необходимое, исчезнуть из дворца. Одной заботой стало меньше. Теперь все зависит лишь от того, смогу ли я воплотить задуманное в жизнь.

А для этого мне необходимо оценить стену, по которой придётся спускаться, и подготовиться к самому спуску. Да и проведать Лалерин нужно, чтобы убедиться, что с ней после вчерашнего всё хорошо. К девочке я отправилась сразу, как ушла Гапка, сообщив вскользь о своём намерении при

служанках, чтобы меня не искали. Сегодня надо ещё побыть послушной пайнкой.

Дело идёт к обеду, и кроха должна уже проснуться. В коридоре у дверей моих покоев стражи действительно не наблюдается, так что в комнаты Лале я добираюсь беспрепятственно. А увидев малышку, внезапно застываю, любуюсь этим милым созданием. Она сидит на своей кровати и сосредоточенно расчёсывает волосы красивой кукле в жёлтом платице.

— Здравствуй, Лале, — присаживаюсь я рядом с ней, игнорируя няню, застывшую у кровати с постным лицом.

— Здравствуй, тётя Мирэн, — бросив на меня мимолётный взгляд, здоровается малышка.

— Как ты себя чувствуешь? Выспалась?

Лале пожимает плечиками. И продолжает равномерно скользить гребнем по вполне натуральным на вид волосам игрушки.

— Какая красивая у тебя кукла. Как её зовут? — интересуюсь я, вглядываясь в личико ребёнка и пытаюсь понять, легче ли ей.

— Ясмина, — тихо произносит ребёнок.

— Какое восхитительное имя, — с восхищением хвалю искусно-деланную тряпичную куколку. — Она у тебя, наверное, любит прихорашиваться.

Лале кивает, а я обращаю взгляд на няню, ловя ту за разглядыванием моей скромной персоны. Прищуриваюсь недовольно, вскинув бровь, и гримза бледнеет.

— Лалерин уже завтракала? — спрашиваю я у настороженной женщины.

— Да, ваше высочество, — склоняет та голову.

— Я хочу знать её распорядок дня. Когда Лалерин положено обедать, ужинать? — мне нужно остаться с ребёнком наедине, но я не хочу, чтобы из-за меня она голодная сидела, потому хочу понимать, сколько у меня времени.

Няня девочки с недоумевающим видом сообщает мне, что Лалерин сегодня долго спала, потому завтракала совсем недавно и до обеда ещё далеко. Выслушав служанку, я сообщаю, что хочу побыть с племянницей один на один, а она может быть свободна до обеда. Надеюсь, справиться с четырёхлетней тихой крохой пару часов я сумею. Сегодня няньке хватает ума не возражать, и она, коротко поклонившись, удаляется. А я обратно поворачиваюсь к девочке. Та, явно, слушала наш разговор, но по-прежнему занята куклой.

— Твоя Ясмина не будет возражать, если я тебя тоже причешу и заплету косу? — спрашиваю у крохи, почему-то вспомнив, как одна из моих хороших приятельниц — мы ходили с ней на один скалодром — работающая детским психологом, как-то рассказывала, что малышам после потрясений и сильных стрессов бывает свойственно говорить о своих переживаниях в третьем лице, приписывая их кому-то другому. А ещё мне элементарно нужно прикоснуться к девочке, чтобы посмотреть, не осталось ли той гадости, которая её душила.

— Ясмина не возражает, — сообщает мне Лале, бросив осторожный взгляд.

Рядом с девочкой стоит резной деревянный ларец, в котором я нахожу красивую золочённую щетку для волос и кучу всяких украшений. Залезаю на кровать позади девочки и приглаживаю роскошную гриву иссиня-чёрных волос.

— А Ясмине нравится здесь? — интересуюсь, прикрывая глаза, вспоминая вчерашние действия и отпуская что-то внутри, позволяя себе ВИДЕТЬ.

— Ясмине здесь одиноко, — вздыхает Лалерин.

— Почему? Она хочет обратно в дом твоего отца? — той пакостной гнили, что вчера была вокруг неё, уже нет, но тоска по-прежнему мучает детское сердечко. Тут я, к сожалению, бессильна. Или пока не знаю, что делать в таких случаях.

— Нет, — качает головой Лале. — Там страшно без мамы.

Это заявление заставляет меня замереть.

— Чего же боится Ясмина? — тихонько спрашиваю у маленькой понурившейся девочки.

Но кроха умолкает и принимается натягивать на куклу маленькую копию хариджи. И я чувствую,

что на мои вопросы она сегодня больше отвечать не будет. Давящее чувство в груди заставляет меня попытаться её разговорить ещё немного, но Лале снова отвечает односложно, как вчера, замкнувшись в себе. Что я могу для неё сделать ещё? Разве что-то могу? Мне надо бежать! Надо! Это не мой ребёнок. И даже не моя племянница. Она здесь во дворце бабушки и дедушки. Пускай они корыстные сволочи, но ребёнку ведь уход и безопасность обеспечат. Да, няни — не мама, так ведь и я — не мама. Я ей никто, на самом деле.

Вздохнув, поднимаюсь и иду к окну. Всё-таки у меня была ещё одна причина прийти сюда. Выглянув и убедившись, что никого там внизу нет, и меня не увидят, сбрасываю мягкие туфли и забираюсь на подоконник. Иначе дотянуться до засова наверху никак не получится. Тот поддаётся довольно легко и вскоре я уже распахиваю узорчатые ставни, а потом и створки окна. Высовываясь и окидываю внимательным взглядом отвесную стену. Никаких балконов. Это даже хорошо. Нет риска, что кто-нибудь выйдет и увидит меня, ползущую по стене. Окна есть, но только по этому этажу и далеко. С этого ракурса я их разглядеть не могу. А внизу глубокий овраг. Без воды, что не может не радовать. И самый приятный момент — это лозы дикого винограда, покрывшие довольно большой участок стены слева до самой крыши. Это будет даже легче, чем я думала. Дотянувшись без труда, хватаюсь за одну и с силой дёргаю. Намертво. Меня должны выдержать. Страховка, конечно, не помешает, но побег становится всё более осуществимым. Значит, ночью, как только все уснут, я сюда вернусь. А сейчас пора закрывать, чтобы не вызывать даже тени подозрения. Да и для девочки открытое окно — источник опасности, так что запираем ставни на засов и раскладываем подушки, как были раньше.

Остаток времени до обеда я провела, заплетая Лалерин сложную косу, раз уж обещала. Та не возражала, а порой мне казалось, что девочке хочется ко мне прижаться. Это ощущение заставляло меня чувствовать, как щемит что-то в груди, мешая свободно дышать. И глаза почему-то жгло. Именно поэтому, закончив сплести шелковистые пряди и перевязав их лентой, я поддавалась глупому порыву и, внутренне костеря себя на чём свет стоит, за то, что провоцирую лишнюю для ребёнка привязанность, осторожно обняла хрупкое тельце. А Лале, вздрогнув и замерев испуганным зверьком, внезапно обернулась и уткнулась лицом мне в плечо, окончательно перевернув что-то внутри.

Глава 7

Этот бесконечный день наконец позади. Меня больше не стерегли, по крайней мере, явно. Я даже сделала вылазку и прогулялась коридорами, потом посидела во внутреннем дворике, делая вид, что люблю цветы и фонтаны, а на самом деле, всматриваясь, прислушиваясь и изображая для всех смиренное отсутствие бунта. За этим занятием меня, кстати, и застала Тамира. Я попыталась намекнуть ей, что Лале тоскует по матери, но «любящая» бабушка отмахнулась, заявив, что девочка ещё слишком маленькая и всё это скоро забудется. У неё есть всё необходимое и скоро даже будет новая мама. Забудется, да. Только крохе ещё и ласка нужна. Эх.

Но думать об этом я себе запретила. Не моя ответственность. Хотя и болит сердце за малую. Вечер я провела в своих покоях в одиночестве, отослав всех служанок прочь. Мне предстояло найти подходящую для спуска одежду. Не в узком платье же лезть. И в панталончиках на завязках. Смех один. К моему облегчению в гардеробе Мирэн обнаружили плотные мягкие шаровары, видимо предназначенные для холодного времени года. Платье, подкатав подол, я завязала на поясе. Хариджи... Ну пока в мальчика не переоделась, придётся быть местной девочкой. Эта штука движений не сковывала, волосы хорошо держала. В общем выбрав самый простенький и невзрачный вариант из имеющихся, я решительно в него облачилась. Хуже всего дело обстояло с обувью. Я, благодаря первому тренеру, никогда не издевалась над своими ногами, обувая скальники на два размера меньше, но мягкие туфли Мирэн, были слишком... мягкими и лёгкими. Такие и слететь могут в самый неподходящий момент. Рылась я долго, пока не нашла одни, слегка маловатые, похожие на эспадрильи с мягкой кожаной подошвой. Смирившись, что ничего лучше не найду решила брать их.

Во дворце всё уже стихает. Пора. Погасив светильники, я сооружаю из одежды Мирэн под одеялом подобие человеческой фигуры и принимаюсь тщательно разминаться. Шея, плечи, руки, спина, ноги. Странно чувствовать, насколько по-другому реагирует это тело на с детства привычные упражнения. Но как же приятно, вместо ломоты и слабости, снова чувствовать силу в мышцах, хоть и далеко не такую, как раньше. Разогрев и подготовив организм к предстоящей нагрузке, насколько это возможно, тихонько выскальзываю из своих покоев и открываю дверь в комнаты напротив. Она подаётся с едва слышным скрипом, и я замираю, настороженно прислушиваясь. Из спальни девочки льётся приглушенный свет магического ночника, отчего в гостиной всё довольно хорошо видно. И слышен храп из комнаты няни. Лучше не придумаешь. Спи, гримза, спи. Тихонько прикрыв за собой, пересекаю крадучись расстояние до спальни Лале. Она спит на своей кровати, свернувшись в трогательный клубочек.

Уйти, не убедившись, что с ней всё в порядке, я никак не могу. Едва дыша, приближаюсь и склоняюсь над крошкой. Прикасаюсь боюсь, чтоб не разбудить, потому легонько глажу воздух вокруг её головы, прислушиваясь и всматриваясь в ровное свечение её энергии. Какая же она красивая и светлая душой. Только бы не сломали. Знать бы, как сложится судьба этой крохи. Может тогда мне будет спокойней. И прежде, чем я понимаю, что совершаю что-то совершенно необратимое, моё сознание погружается в уже знакомое состояние, и вокруг разворачиваются картинки будущего... страшного... короткого...

С ужасом отпрянув от девочки, падаю на пол, трясая головой и задыхаясь в панической атаке. Горечь подкатывает к горлу, внутренности скручивает от страха. Не за себя... Нет... нет... так нельзя. Нельзя! Нельзя! Нельзя! Я не могу её здесь оставить. Не могу. Сдохну, но унесу.

Вскакиваю на ноги и бросаюсь к двери. Закрываю её, чтобы храпящая нянька нас не услышала, и бегом возвращаюсь к девочке.

— Лале, Лале, проснись, солнышко. Проснись, моя хорошая, — шёпотом прошу у малышки, глядя её по волосам.

Она распахивает глазки и непонимающе таращится на меня, прижимая к груди свою куклу.

— Тётя Мирэн...

— Лале, послушай меня. Не только твоей Ясмине страшно и одиноко. Мне тоже. Очень-очень. И я хочу уйти отсюда в одно хорошее безопасное место. Вот прямо сейчас. Пойдешь со мной, Лале? Или останешься?

Те секунды, что она, нахмутив маленькие бровки, думает, воспринимаются мною, как вечность. Я могу её убедить и заставить, но мне нужно, чтобы она добровольно захотела идти, потому что тащить насильно ребёнка, неизвестно куда точно не имею никакого права. Соглашайся же, малыш.

— С тобой, — шепчет тихо.

— Хорошо. Но нам может быть трудно. И идти туда придётся долго. Мы же справимся вместе, правда? — она кивает, а я осторожно обнимаю кроху, чувствуя, как облегчение затапливает с

головой, словно решение, принятое в данную минуту, единственно правильное и верное. — Ты у меня очень храбрая и смелая малышка. А сейчас давай быстренько собираться. Надо тебя одеть и обуть. Только тихонько, чтобы никто не слышал. Хорошо?

Она снова кивает, а я поднимаюсь и устремляюсь в её гардеробную. Тут вещей не настолько много, как было у Мирэн, но шароварчики тоже обнаруживаются. Схватив их, а ещё синенькие платице и хариджи, я возвращаюсь к ребёнку. Одеть не проблема. Лале безропотно и молча позволяет это сделать. Надо решить, как с ней спуститься. Наверное, стоит соорудить что-то типа слинга, привязав её к спине, иначе не представляю, как это повернуть. Что ж, Ромка. Ты не ищешь лёгких путей, правда? Мама опять бы грустно вздохнула. Но поняла бы. В данном случае точно.

Лишь спустя где-то полчаса, или даже больше, я оказываюсь на поддоннике, готовясь сделать тот самый решающий шаг наружу. Ух. Даже страшно что-то. Лалерин затаилась, прижавшись щекой к моим лопаткам, надёжно примотанная к моей спине простынёй и сверху ещё тонким синим покрывалом, больше призванным скрыть первую, потому что та белая. Ох, тяжело будет... Но как там говорят? Своя ноша не тянет? Затеяв это безумие, я однозначно признаю её своей. Так что сейчас проверим. Разворачиваюсь и, придерживаясь за лозу винограда, ищу правой ногой первый зацеп. Мыском нахожу уже присмотренный днём выступ и убедившись в его надёжности переносу на эту ногу свою тяжесть. Теперь главное быть максимально осторожной и не убить руки раньше времени. И учитывать смещённый центр тяжести. Огромный минус — отсутствие страховки, из плюсов, отсутствие нависания, прямой угол и наличие всяких выпирающих декоративных финтифлюшек, названий которых я не знаю. И виноград, да. Тело всё-таки справляется довольно неплохо. Адреналин мне в помощь, как говорится. Осторожно и выверенно, делая шаг за шагом, шепотом рассказывая Лалерин свои действия, я не позволяю себе ни на минуту усомниться в своей способности справиться с этим спуском, и он мне покоряется. Вскоре моя нога вместо скользить по освещённой луной стене натывается на твёрдую землю. Ю-ху, мы выбрались.

— Всё, Лале. Мы на свободе, — довольно сообщаю я девочке, а в ответ доносится тихое сопение. Спит мелочь и в ус не дуёт. Надо же.

Перебравшись через овраг, я расправляю подол платья и прячу лицо на всякий случай. Пора искать, где тут дорога, о которой говорила Гапка. Найти её, правда, не составляет труда. В лунном свете она белеет и манит, зовя вперёд, зажигая в душе какую-то глубинную потребность и тягу к неизведанному, желание пройти этот путь и найти то, что меня там ждёт. Эх, дедушка. Жаль, что мы так и не познакомились. Хотела бы я знать, от кого мне моё шило досталось.

Пожилая няня должна ждать меня в кипарисовой роще, которая тут одна и виднеется издалека тёмным массивом впереди. Поправив перевязь с Лале, чтобы ей было удобней, а мне легче, я решительно направляюсь в нужную сторону. Представляю, как очумеет старушка, увидев нашу прибавку в компанию беглецов. Как объяснить? Частичной правдой, как же ещё. Бросить ребёнка на растерзание больному на всю голову психопату, для которого ничего святого нет, я точно не могла. Чем бы я тогда была лучше этого ушлёпка? Но как сделать, чтобы наша троица не привлекла к себе внимание, пока представляю слабо. Ладно я превращусь в мальчика, который сопровождает бабушку в паломничестве. Никто такого от принцессы не ожидает. И никто кроме семьи Мирэн и миразу в лицо меня не узнает, а я сомневаюсь, что он весь такой важный будет по дорогам лично рыскать. Гапке достаточно надеть другой цвет, лица-то никто не увидит, а малая... Можно в мальчика, тоже, но она ведь не сможет притворяться. Выдаст, как пить дать. И раз один мальчик оказался девочкой, почему не может и второй? Не-е. Не вариант. Может будем говорить, что она болеет и мы её по этому поводу в Храм тащим, или что болела. Надо с Гапкой посоветоваться, зачем ещё в эту Обитель ходят. И надо к кому-то прибиться, чтобы не идти только втроём и не привлекать внимание своим количеством. Может ещё паломники какие?..

За этими размышлениями я даже не заметила, как дошагала до нужной мне рощи. Как я и рассчитывала, никто мне не встретился. Искать мою сообщницу не пришлось, она сама вышла мне навстречу, увидев издалека. Оказывается, ждала на опушке. И конечно же вся извелась от переживаний.

— Госпожа, как же я боялась, что у вас не получится, — шёпотом запричитала, бросаясь ко мне.

— Тш-ш, Гапка. Говори тише, пожалуйста. И называй меня Ромин, или Рома. Нечего... моё имя всем слышать, — прошу я у неё. Об этом я уже давно подумала. Исходя из тех местных имён, что я слышала, такой мужской вариант моего, наконец-то родного, не должен привлечь лишнее внимание. — И госпожой не зови. С этого момента я — твой внук. Ты достала одежду?

— Да го... Ромин, — запнувшись, закивала она, и махнула рукой в сторону рощи. — Там спрятала. И себе вот купила, как вы велели.

Свои обновки она, кстати, уже надела. Совсем другой человек с виду. Хоть и в сером.

— На «вы» тоже не зови, бабушка, — хмыкаю я, направляясь в указанном направлении. — Пойдём, я

переоденусь. Времени нет. Надо до рассвета в Гьяране быть. Сначала наведемся к общему portalу. Попытаюсь сбить с толку порталщика, а потом укрыться где-то и найти попутчиков до Обители...

— Я уже нашла, — огорошивает меня старушка, семеня рядом. — Сделав всё, что... ты мне велел, я решила сходить в Храм помолиться за... тебя. И узнала, что завтра утром из Гьяраны отправляется караван паломников в Обитель Праматери. Там много больных, служители и родственники повезут их на телегах и согласны за небольшую плату и посильную помощь взять попутчиков.

И эта бабуля считает себя обузой? Вот что бы я без неё делала? Хочу расспросить подробности, но она меня опережает.

— Гос... Ромин, а что это у тебя на спине?... Ты же говорил, что из дворца налегке бежать надо, — осторожно интересуется Гапка, заметив мою ношу.

Ага, говорил.

— За спиной у меня Лале, — вздохнув, признаюсь я. Всё равно сейчас кроху придётся отвязывать, чтобы переодеться. Да и нельзя такое скрывать.

— Лале? — потрясённо выдыхает старушка. — Но... зачем? Как же вы... как же мы с ней?

— Помоги мне её снять, чтобы не разбудить. Я всё расскажу по дороге. Оставлять её нельзя было.

Девочка в ответ на наши манипуляции что-то бормочет во сне, разочек даже открывает глазки, но я её укачиваю, и она засыпает обратно. Так что, уложив её в ворохе из простыни и покрывала на землю, за неимением другого варианта, я быстро переодеваюсь в простые прямые штаны, вместо шаровар, стягиваю платье, хватаюсь за рубашку и понимаю, что надо что-то делать с грудью. Эту двоичку с лишним мужской одеждой не спрячешь.

— Гапка, нож есть?

— Да... Ромин. Я купила, — кивает няня, явно офигевая с происходящего.

— Давай сюда.

Она опасливо протягивает мне нужную вещь. А дальше я зверски издеваюсь над одеждой Мирэн, превращая платье и хариджи в котором пришла в длинные полосы ткани.

— Помоги перемотать грудь, чтобы не видно было, — протягиваю Гапке свёрнутые рулоны.

Дважды объяснять не приходится и вскоре я превращаюсь в хлипкого парнишку. Остаётся такая малость, как волосы. А вот здесь даже плакать хочется от жалости. Я к этой косице уже привыкла.

— Не режь, — гладит меня по руке старушка. — Каптан с капюшоном глубоким. Я тебе куфий на голову купила, заматаем и спрячем, снимать на людях не будешь. Жалко такую красоту.

Понимаю, что это глупо. Что такое волосы, когда на кону жизнь? Жизни? Но воспоминание о гладкой лысой макушке заставляет меня пойти на поводу этой блажи. И Тай. Я ведь встречу его. Я хочу быть для него красивой. Пусть это не моя внешность, не моё тело, пусть эти волосы не я растила. Но я их заслужила. Я приняла вызов, с которым бедняжка Мирэн не справилась. Значит, уже моё всё. И думать я впредь только так и буду. Нет больше Мирэн. Есть я, Ромин, для всех. И Рамина для того, кто, надеюсь, меня уже ищет. И я совсем не Рифата имею в виду.

Потому переплетаю косу потуже и позволяю Гапке намотать мне на голову тёмно-серый платок, который она назвала куфией. Намотка интересная получается, лицо, если нужно, тоже можно спрятать. Следом натягиваю простой коричневый кафтан, или каптан, как его здесь называют и обуваю высокие мягкие сапоги.

— Ну как? Можно меня в этом узнать? — хмыкаю, поворачиваясь перед своей попутчицей, красуюсь.

— Нет, — ошарашенно бормочет она, рассматривая меня. — Ты теперь даже двигаешься по-другому.

Ещё бы. Это притворяясь Мирэн в этих её узких платьях, приходилось семенить. А теперь я спокойно могу размашисто шагать, как мне удобно. Может и не по-мужски, что в общем-то поправимо при должном старании, но и не по-принцессному.

Спрятав остатки одежды Мирэн под грудой камней, мы общими усилиями привязали спящую Лале к моей спине, хоть Гапка и порывалась свою подставить, и отправились наконец в путь. Роцца, казалась небольшой и быстро осталась позади, но вдоль дороги и дальше росли кипарисы. Идти пока не тяжело. Ноша действительно своей оказалась. И мило спящей. Что-то мне подсказывает, что это всё ещё последствия моего ведьмовского и возможно не очень умелого и тонкого

вмешательства. Но вреда я ей точно не причинила. А сонливость... пройдёт.

— Вы... Ты обещал рассказать, зачем надо было брать Лале, — то ли моя настойчивая просьба была воспринята за приказ, то ли Гапка решила сразу не допускать в обращении даже намёка на мой пол, чтобы ни при каких обстоятельствах не выдать, но обращалась она ко мне теперь, как к парню. Буду следовать её примеру.

— Помнишь, я говорил, что мне привиделась Богиня. В общем у меня не только дар Убеждения усилился. Появились и кое-какие новые способности. Я теперь могу видеть и знать многие вещи, — на этих словах Гапка бросает на меня удивлённый и настороженный взгляд. — И когда, я... хотел напоследок проверить, как кроха себя чувствует, мне привиделось её будущее. Миразу... он страшный человек. Он... больной на всю голову. И в ярости из-за моего побега будет творить ужасные вещи. Я... не хочу рассказывать то, что видел. Просто поверь мне. Её нельзя было оставлять.

Она закрывает глаза, скорбно поджав губы. А потом кивает с пониманием и одобрением. Некоторое время мы шагаем молча. Эйфория потихоньку начинает спадать, и ноша становится весьма ощутимой. Ничего. Донесу. Я и не такие тяжести таскала в походы. Эх, держись изнеженное тело. Закончилась халява. Теперь пахать придётся.

— Расскажи мне про этих паломников. Где они собираются? Мы сможем уже сегодня к ним присоединиться?

— Собираются при Храме Праматери, он один в городе, остальные только Навию и Явару посвящены. Ждут уже несколько дней, как я узнала, как раз для того, чтобы могли присоединиться ещё нуждающиеся в милости Богини. Мы не будем выделяться, — обнадеживает меня Гапка.

— Хорошо. Тогда нужно придумать нам историю, если вдруг придётся о себе что-нибудь говорить. Посоветуешь что-нибудь правдоподобное?

— Не знаю даже, что тебе советовать... внучок — вздыхает старушка. — Мы можем сказать, что идём просить за чьё-то здоровье.

— За твоего мужа может? — выдвигаю я предположение.

— Нет. Старая я уже, значит, и муж у меня старый должен быть. Такому уже стыдно чертогов Навия бояться да милость у Богини выпрашивать. К Праматери больше за женское здоровье идут просить, за деток. Можем сказать, что за малышку хотим умолять. Да негоже к ней болезни кликать таким притворством.

М-да. Даже если бы гоже, не заставишь ребёнка болезнь сыграть.

— А может... Скажем, что мы с Лале брат и сестра. А болеет наша мать, твоя дочь, назовём её, например, Малика, или, как скажешь, по-другому. Сильно болеет. Не встаёт. Беременная. Отец наш, допустим, умер, вот она и слегла. Вот и идём. Как думаешь, поверят?

Гапка даже останавливается и ошарашенно на меня смотрит. И даже забывает, что ко мне на «ты» нужно.

— В такое могут поверить, — нахмутив брови, тянет она. — Как вы это придумали только? С тех пор, как... тогда... вы выжили, изменились вы сильно, принцесса. Словно другим человеком стали. Вы сильнее, смелее, решительнее, чем когда-либо до этого. И мысли такие говорите. И силы эти... такое раньше только ведьмы умели, но ведь нет их больше.

Горько хмыкаю. Хотелось бы мне тебе признаться. Но сейчас точно не время. Никому от этого добра не будет. Может потом как-нибудь.

— Смерть многое меняет Гапка. Слишком многое. Я побывала по ту сторону. И выбрала жизнь. И за эту жизнь теперь готова бороться до последнего. Вот и изменилась. Сильно. Да.

Дальше разговор как-то не клеится, и мы снова молчим некоторое время, каждая, переваривая своё. Я не могу не думать о том, что в пути может возникнуть уйма ситуаций, в которых я никак не сойду за Мирэн. А Гапка не дура. Уже подозревает что-то странное во мне. И вот что с этим делать? Как ей признаться, что её обожаемая госпожа таки своего добила и умерла? И как она отреагирует? Что меня ждёт, если кто-нибудь узнает обо мне правду? Конечно, исходя из того, что Тай выпросил у Богини моё спасение таким радикальным способом, можно предположить, что прецеденты с попаданцами в этом мире уже были. Но вот совсем не факт, что это всем известно, что к этому нормально относятся, и что это мне ничем не угрожает. Я скорее поверю, что наоборот. Люди — они люди везде.

— Ты пользовалась общим порталом, когда-нибудь, Гапка? — прерываю я молчание, решив вытянуть

как можно больше информации.

— Нет, только с вашей... твоей семьёй ходила в Замайру. Но в здании общего была, когда провожала зятя, пару раз.

— Расскажи, чем они отличаются, пожалуйста. И, кстати, нам надо придумать тебе другое имя. Как я себе.

Старушка задумывается на минуту.

— Я могу быть Заримой, так хотела назвать меня мама, когда родила, но бабушка настояла по-другому. А про портал, конечно, расскажу. Что именно... тебя интересует?

— Всё, — хмыкаю я. — Вот буквально каждая деталь, которую ты сможешь вспомнить.

И она принимается добросовестно вспоминать. А на память, как оказывается, пожаловаться точно не может. Подробное описание здания, зала, самого портала и того, как он выглядит, кто его обслуживает и кучи других деталей занимает у нас почти час. Ноги потихоньку начинают гудеть. Лале спокойно себе дрыхнет. Мы идём. И всё бы хорошо, если бы не странное предчувствие, зарождающееся внутри. Вот прямо чудится мне, что навстречу нам кто-то едет. Я даже в родном мире предчувствиями не пренебрегала. А оказавшись в этом и узнав, что ведьма, и давным-давно поняла, что приходят эти видения и знания не просто так.

— Надо спрятаться... Зарима. Немедленно, — чувствуя, как тревога уже ощутимой горечью подкатывает к горлу, велю я, сворачивая с обочины в высокую траву и направляясь к высоким тёмным свечкам кипарисов.

Моя попутчица, как обычно, даже не думает спорить, быстро семена следом, и вскоре мы залегает в неглубоком овраге, за плотно стоящими деревьями. И как раз вовремя, потому что с той стороны, в которую мы направлялись, доносится топот копыт. Затаив дыхание, я всматриваюсь в даль уходящей за поворот дороги и вскоре начинаю различать стремительно приближающиеся тёмные силуэты всадников.

— Великая Праматерь, ваш отец вернулся, — тихо ахает Гапка. — Что же теперь будет?

Отец, значит? Тот, который принц и дочерями не гнушается расплачиваться с теми, кто ему сильно нужен. Ну-ну. Наблюдая, как проносится мимо группа всадников, я пытаюсь понять, стоит ли опасаться, что моё отсутствие заметят раньше времени. Возможно, Мирен придут будить раньше, чем я приказала. Да ещё и Лале пропала. Нянька обнаружит это, как только проснётся и явится в комнату подопечной. Но до утра у нас время есть. Знаю это. Но поторопиться всё равно стоит. К тому моменту, как про побег принцессы Мирэнхаш станет известно, мы должны уже провернуть фокус с порталом и укрыться в Храме.

— Всё хорошо будет, — обещаю старушке. — Но давай-ка быстрее постараемся идти.

Остаток дороги до города мы преодолеваем где-то за часа полтора. Под конец я уже едва переставляю ноги. Лале становится всё тяжелее и тяжелее, а мне отчаянно хочется спать. Но я упрямо, подсаживаю сползающую перевязь и шагаю дальше, не позволяя себе останавливаться, потому что понимаю, потом сдвинуться с места будет сложнее. Ох и крепатура меня завтра догонит. И не факт, что у меня будет возможность уединиться и хорошенько размяться, разгоняя кровь по сосудам и ноющим мышцам.

Гьярана на первый взгляд чем-то напоминает мне и испанскую Гранаду, и даже маленькие города Тосканы. В свете восходящего солнца и всё ещё горящих фонарей улочки и живописные домики кажутся особенно красивыми. Но любоваться на них у меня нет времени. Гапка уверенно семенит впереди, да так быстро, что я едва успеваю за ней с Лале на спине. Хорошо, что хоть в мужской одежде. И тут до меня доходит мой почти косяк. Вот это я чуть не просчиталась! Нельзя мне к portalу в мужском виде идти. Хуже палево будет только если ещё и рассказать, куда мы идём на самом деле.

— Га... Зарима, стой, — окликаю я старушку. Она тут же тормозит и разворачивается ко мне.

— Что-то случилось? — интересуется осторожно.

— Нет, но может, — хриплю я, равняясь с ней и сгибаясь в три погибели, пытаюсь отдышаться. — У тебя ведь есть запасное платье для себя?

— Есть.

— Хорошо. Давай найдём какую-то укромную подворотню и давай мне его. А хариджи у тебя ведь нет, скорее всего?

— Нет, только карилья для меня.

— Ага, вот её и давай.

Спрятавшись между домами и убедившись, что никаких окон здесь нет и никто не увидит, как я переодеваюсь, мы быстро перевешиваем кроху Лале на спину Гапке. Девочка правда просыпается всё-таки при этом, но на мою просьбу вести себя тихо-тихо, сонно моргая и позёвывая, согласно кивает. Чудный ребёнок. А дальше я прямо поверх мужской одежды натягиваю на себя платье своей попутчицы. Куфий приходится снять и вместо него напялить женскую карилью. Достая из кармана штанов захваченную специально для порталщика дорогую и драгоценную штучку похожую на лалатику из золота, изумрудов и жемчуга. Примечательная штучка.

— Придётся Ляльку тебе немного поносить, — сообщаю я Гапке. — Мне нужно будет сильно сосредоточиться.

Ну и надо быть больше похожей на принцессу Мирэн, которая вряд ли бы сама ребёнка таскала, имея рядом хоть и пожилую, но няню. Кроха опять придремала, прижавшись щекой к своей Ясмине, зажатой в охапке. Что мы сонные с ней потом будем делать, понятия не имею. Но разберёмся.

— Вы и так устали, госпожа. Дальше я нашу девочку понесу. Мне не тяжело, — понативно кивает старушка. И указывает головой на высокое здание, которое возвышается в конце улицы. — Вон уже городской портал.

Вздохнув, я запрокидываю на миг голову, жмурясь от удовольствия, когда лица касаются утренние солнечные лучи. Слушаю, как просыпается город, где-то раздаются голоса, шаги, открываются двери и ставни. Ну здравствуй первое утро свободы.

— Пойдём, Гапка. Проверим, насколько сильным стал мой дар.

Глава 8

Городской портал Гьяраны, как я поняла с объяснений Гапки, открывает свои гостеприимные двери для тех, кто в состоянии оплатить переход, на рассвете. На входе все обязательно проходят досмотр на предмет иллюзий и запрещённых артефактов. А дальше в порядке живой очереди допускаются в порталный зал, где дежурный маг принимает координаты и запускает портал. Весь мой на коленке деланный план строится на том, что в тот же зал и прибывают путники из других городов. И выходят они через другие двери. И я собираюсь выйти, как прибывшая. Вместе с Гапкой и Лале. Убедив дежурного порталщика, что мы ушли. Понимаю, что слишком многое учесть наперёд сейчас просто не могу, что слишком надеюсь на свой ещё не изученный дар и да, на наглость. Но допустить, чтобы отец Мирэн и этот мерзкий миразу рыскали по городу, обыскивая всё и вся, и в конце концов нас обнаружили, я не могу. А именно так и будет, если не убедить их, что мы ушли порталом в другой город. Вижу я это отчётливо. И вижу, что мне по силам справиться.

Досмотр мы проходим без особых проблем. Я внаглую рассказываю магу на пропускном пункте про больного дедушку, которого нам вот позарез надо провести в Замайре, даже не особо парясь чтобы моя байка была логичной и правдоподобной. Смотря прямо в глаза здоровенному мужику, в сером каптане больше похожем на мундир, я на полную отпускаю свой дар, сплетая в одно усилие наследие Мирэн и свою собственную ведьмовскую силу, чувствуя, как пульсирует в висках от напряжения. И он поддаётся. Кивает, сочувствует и признаёт, что ничего такого в том, что женщины сами куда-то собрались путешествовать, нет. Иллюзий ведь не носят, и запрещённых артефактов тоже. За нами стоит небольшая очередь, в основном из мужчин, но имеется и парочка женщин, конечно же в сопровождении. И я не без угрызений совести намекаю дежурному, что в сумках этих людей могут быть очень тщательно спрятаны запрещённые артефакты и их надо тщательно и не спеша проверить. Мне не надо, чтобы они вошли в зал слишком рано. Возможно, кто-то из путников, ожидающих своей очереди, недоумевает, о чём это я так долго шепчусь с магом, но меня это сейчас не волнует, я пришла не прятаться, а наоборот привлекать внимание. После досмотра нас пропускают в зал. И я наконец вижу воочию этот пресловутый портал. Точнее даже целых два. Иду впереди, Гапка с девочкой за мной следом. Стараюсь не таращиться на две громадные арки, стоящие в ряд. Бросаю украдкой взгляд в сторону выхода для прибывших. И шагаю навстречу обернувшемуся к нам порталщику. Мужчина окидывает нас удивлённым взглядом.

— Доброго утра, хоаль. Вы без сопровождения?

— Да, уважаемый, — я улыбаюсь, несмотря на то, что улыбку он увидит только в глазах. А они мне от Мирэн красивые достались. Золотисто-карие, как янтарь. В такие не смотреть просто невозможно. Смотри же. Смотри. И слушай! — Нам очень надо в Замайру. Вы сейчас нам откроете туда портал.

— Я не могу, — дёрнув головой, выдавливая из себя мужчина.

— Почему? Объясни.

— Мощности перехода не хватит. В столицу общими городскими порталами можно добраться только через промежуточный пункт Вэнтару, — глухо сообщает маг-портальщик.

— Хорошо. Тогда сейчас ты введешь координаты Вэнтары.

— Да, — растерянно кивает он.

— И мы в него уйдём. Втроём. Я и старушка с ребёнком. Ты увидишь, как мы шагнули в портал. Увидишь собственными глазами. И не будешь смотреть по сторонам. Ты будешь уверен, что мы ушли через него.

В висках начинает пульсировать, под носом и на губах ощущается что-то мокрое и тёплое, но я не обращаю на это внимания, не смея отпустить взгляд мужчины. И раз за разом повторяю одно и то же, чувствуя, как его разум изо всех сил сопротивляется. Он не хочет мне верить, мои слова ничем не подтверждены в его сознании, но у меня нет времени и возможности искать более правильные, вплетая их в чужие мысли. Потому я и вклиниваюсь столь грубо, продавливая его волю, выплёскивая свою силу, чувствуя, что трачу непомерно много. Но я должна его убедить. От этого зависит наша жизнь. Кладу на поднос для платы украшение Мирэн.

— Это наша плата за переход. Тут более, чем достаточно. Открой нам портал. И смотри, как мы в него уходим. А потом работай, как обычно. Иди! — отпускаю его взгляд, отдав последний приказ.

Мужчина, тяжело сглотнув, отворачивается, поднимается на постамент с порталом и делает какие-то пасы, словно плетёт что-то пальцами. А потом впечатывает ладонь в колонну арки. Воздух идёт рябью и я завороченно наблюдаю, как исчезают, размываются очертания зала в этом мареве.

— Проход открыт, — ровно произносит маг.

— Быстро, Гапка. За мной, — шёпотом командую я, устремляясь к мареву портала.

Мы взбегаем по ступенькам, но в шаге от него резко сворачиваем и проскальзываем между двумя арками. Гапка, зная мой замысел, сразу же семенит прочь к выходу. А я оглядываюсь, чтобы проследить, подействовало ли на порталщика моё внушение. Мужчина стоит и угрюмо смотрит в проём портала, словно провожая кого-то взглядом. Не знаю, как долго он будет слушаться приказа не смотреть по сторонам, так что пора уносить ноги. К двери ведущей из зала бегу изо всех ног, насколько это получается в узкой юбке. Мои попутчицы уже ждут меня в пустом коридоре. Я же внезапно чувствую, как сильно кружится у меня голова, в глазах темнеет и тело непреодолимо начинает оседать на пол.

— О Богиня пресветлая, — бросается ко мне Гапка. — Надорвалась девочка моя. Держись. Только не падай, нам ещё выйти отсюда нужно.

Да. Нужно. Не падать. Стараюсь. Да что ж в голове так больно и гулко-звонко, словно на неё кто колокол надел и колотит сверху? Кое как собрав себя в кучу и опираясь спиной на стенку, я возвращаю себе вертикальное положение.

— У тебя кровь, — ахает старушка. Так вот почему тряпка на лице ощущается мокрой. Недолго думая, я бросаю взгляд вокруг и, убедившись, что никого рядом по-прежнему нет, сдираю её с головы. А потом кое как стягиваю платье снова возвращаясь к мальчишескому виду, спрятав волосы под капюшон каптана. Запихав всю одежду, кроме окровавленной карильи, в котомку, отобранную у Гапки, подставляю ей лицо, протягивая уже испорченный головной убор.

— Вытри, пожалуйста.

Пожилая няня действует быстро и сноровисто. И вскоре уже прячет окровавленную тряпку в сумку у меня на плече, заявив, что мы можем идти. Не знаю, как я буду в чём-либо убеждать дежурного на выходе. Но его там не оказывается. А с той стороны, где проходят досмотр входящие, доносятся крики и громкая ругань. Кажется, второй дежурный тоже туда умчался. Не воспользоваться этим просто глупо. Так что мы, не теряя ни секунды, уносим ноги из здания городского портала. Я на адреналиновом заряде поначалу двигаюсь весьма живо, но постепенно чувствую, что силы заканчиваются. Ноги начинают заплетаться, а перед глазами уже не просто пятна чёрные скачут, а, кажется, будто мне в лицо кто чернилами плеснул.

— Ромин, держись родименький, — приговаривает Гапка, незаметно пристраиваясь рядом и подныривая мне под руку, заставляя опереться на неё. — До Храма совсем недалеко осталось. Там сможешь отдохнуть. Ты такой молодец. Всё у тебя получилось. И ещё больше получится. Держись... внучок.

Дорогу до Храма я запоминаю плохо от слова совсем. Мощенные белой брусчаткой улочки, дома, заборы, цветы, кипарисы, всё сливается в сплошной круговорот, сопровождаемый звоном в голове и отчаянным усилием на надрыве. Дойти. Не упасть. Сделать ещё один шаг. Не висеть на бедной Гапке всем весом. Храм вырастает перед нами внезапно. Может я бы и его не заметила, если бы старушка, тащившая меня всю дорогу на буксире, не остановилась резко, отчего меня слегка занесло на повороте, ощутило приложив об стену какого-то дома. Голова в результате бессильно запрокинулась, и я увидела впереди величественное здание, со стремящимися в небо изящными шпилями и витражными окнами. И так мне туда захотелось. Сильно-сильно. Где бы сил взять?

— Ромин, без куфия тебе нельзя дальше. Капюшон может слететь, — обеспокоенно заглядывает мне в лицо Гапка. — Пойдём сюда, я помогу.

Она увлекает меня куда-то, и мы оказываемся в какой-то нише между домами. Я устало прислоняюсь спиной к стене, склоняя голову. И внезапно слышу тихий испуганный детский голосок.

— Тётя Мирэн, ты помрёшь? Как мама?

Няня ахает, но сразу же берёт себя в руки. Накрывает морщинистой рукой детскую ладошку.

— Нет, ну что ты, крошечка. Твоя тётя просто очень сильно устала. — Она приседает на корточки и развязывает простыню, с одной стороны, позволяя Лале сползти по её спине и стать на ноги. А потом разворачивается, чтобы посмотреть на малышку. — Мы сейчас придём в одно хорошее место, и она там отдохнёт. А я за тобой тем временем присмотрю. Меня... Замира зовут. Я когда-то была няней твоей мамы. А теперь и твоей буду. Хочешь?

— Не знаю, — шепчет девочка, с опаской поглядывая то на меня, то на няню. — А тётя Мирэн не исчезнет?

— Нет, Лале, я никуда не исчезну, — через силу выдыхаю я, опускаясь перед ней на колени, заглядывая в огромные глаза цвета шоколада. Ловлю её взгляд, и последним усилием воли

деликатно касаюсь детского разума. — Но меня теперь зовут Ромин. Я на время побуду твоим старшим братом... Ромином. А ты можешь меня звать Ромкой. Ромка. Рома. Запомнила, Лале?

— Да, — шепчет девочка. — Ромка.

— Умничка, Ляля, — улыбаюсь я солёными от крови губами и опустошённо закрываю глаза.

Как навстречу моему лицу устремилась каменная брусчатка, я уже не увидела, сдавшись на волю накрывшей меня тьме.

Придя в себя, я не сразу понимаю, где нахожусь. Вокруг звучат тихие голоса. Лежу я на чём-то довольно твёрдом, но удобном, как ни странно. Под головой подушка. И укрыта чем-то. Голова по-прежнему раскалывается. И лицо болит. Особенно нос.

— Ваш внук полностью исчерпал свой магический резерв и едва не довёл себя до выгорания. Пару недель не сможет пользоваться магией вовсе, да и потом это надо будет делать осторожно. Я бы вам советовал позвать целителя, но мог бы ускорить процесс восстановления.

— Не надо целителя, — хриплю я, едва осознав, что речь идёт обо мне. Уж кто-кто, а целитель точно поймёт, что перед ним не парень. Иначе грош ему цена. А если грош цена, то тем более не надо.

— Юный хали, вы не понимаете, — мужской голос смещается и теперь звучит надо мной. Приходится открыть глаза и взглянуть на невысокого смуглого крепыша, облачённого в что-то наподобие рясы. Служитель Храма, как мне подсказывает интуиция, смотрит на меня неодобрительно. — Ваш резерв почти истощён, ещё немного и наступило бы полное выгорание и тогда ваше восстановление было бы или невозможным, или весьма болезненным и длительным.

— Но не наступило ведь, — несмотря на общую вялость и болезненность любых гримас, я умудряюсь вскинуть бровь.

— И тем не менее, лишь целитель может сказать, какие последствия для молодого неокрепшего организма может иметь ваше состояние, и дать рекомендации, как действовать в дальнейшем, чтобы избежать осложнений, — недовольно поджал губы служитель. — Вам даже не надо никуда идти. Здесь в Храме присутствуют два замечательных лекаря, которые собираются сопровождать караван паломников во имя служения Явару и его пресветлой Матери.

В тоне мужчины слышится искренняя обеспокоенность, потому я игнорирую пульсирующее болью в висках раздражение, и благодарно улыбаюсь ему.

— Спасибо вам за заботу. Но я не собираюсь в ближайшее время пользоваться магией. Если нам с бабушкой и моей сестрой будет позволено отправиться вместе с караваном в Обитель Праматери, думаю будет правильным пройти этот путь со всем смирением перед волей Богини. Физически я чувствую себя вполне сносно, а магия... пускай восстанавливается постепенно. Будет мне урок впредь лучше рассчитывать свои силы.

Служитель вздыхает и уважительно склоняет голову.

— Похвальное стремление, юный хали. Что ж, вижу ваше нежелание продиктовано разумными соображениями, хоть я и не согласен с некоторыми из них. Поэтому настаивать больше не вижу смысла. Единственное, что настоятельно вам порекомендую всё же прислушиваться к себе и, если слабость и головные боли не пойдут на убыль в ближайшие пару дней, обратиться всё-таки к врачевателю, который будет сопровождать караван.

— Обязательно, хали, — медленно киваю. — Благодарю вас за участие и помощь.

Он склоняет голову, явно прощаясь, и удаляется, а я осторожно скашиваю глазами в сторону, ища Гапку. Моя доблестная попутчица, благодаря которой я не запорола весь наш побег, тут же возникает рядом и присаживается возле меня.

— Расскажи мне всё, бабушка, — прошу у неё.

— Ох, Ромин. Слава Богине, ты пришёл в себя. Я так переживала, — она берёт меня за руку, сжимает её то ли поддерживая, то ли ища поддержки у меня. — Когда ты... упал, я не смогла сама тебя дотащить до Храма и попросила случайных прохожих позвать служителей. Они отозвались на мой призыв, а узнав, что мы собирались присоединиться к паломникам и вовсе помогли отнести тебя сюда. Пресветлая Матушка Настоятельница проявила большое участие в нашей судьбе, прислав служителя светлого Явара осмотреть тебя, вместо целителя. Мне пришлось рассказать, что ты надорвался, защищая нас от грабителей. Потому что лицо разбито.

— Лицо разбито? — ошарашенно переспрашиваю я.

— Да. Ты... упал лицом на брусчатку, — едва слышным шёпотом сообщает она мне. — Нос разбит и распух. И синяки под глазами.

М-да. Вот и причина столь приятных ощущений. По описанию сушая красавица. А с другой стороны — замечательная маскировка.

— А где Ляля? — спрашиваю, вспомнив, кто стал причиной моего последнего издевательства над собой.

— Вон она. Играет со своей куклой и новой подружкой, — кивает Гапка куда-то в сторону.

Я осторожно поворачиваю голову и вижу двух девочек в простых платьях без головных уборов. Они увлечённо в четыре руки украшают волосы Ясины, сидя на соседней через одну койке. Недоумённо скашиваю глаза на Гапку.

— Здесь можно не прятать её лицо? — едва слышно интересуюсь у старушки, так чтобы больше никто не слышал.

— В Храме Богини детям можно. Здесь собрались в основном женщины и дети. Мужчины, которые будут их сопровождать, живут в другом здании. А служителям Явара, помогающим при Храме его Матери, из-за их обетов не строго возбраняется видеть лица чужих женщин.

Слушая объяснения старушки, я пытаюсь разложить для себя всё по полочкам. Как всё запутанно. Боги этого мира, в которых мне в моей ситуации не верить не получается, Праматерь, Явар, кажется, Навий какой-то ещё имеется. Все эти храмы, служители, обычаи, правила. Как в этом разобраться, не выдавая себя? Да ещё эти босварийские традиции. Хотя, они мне в некоторой степени на пользу. И, кстати, о них.

— А почему я здесь, бабушка? С женщинами? — не то чтобы мне хотелось к мужикам, но как-то странно, что парня с женщинами поселили. Или в Храме свои законы?

— Ляля устроила истерику, когда нас попытались разлучить, — вздохнула Гапка, бросив сочувственный взгляд на малышку. — Цеплялась за тебя, плакала. На эти вопли вышла сама Настоятельница и велела пока тебя положить в общем зале, вместо лазарета, тут всё равно сейчас почти никого нет, и я всем сказала, что ты несовершеннолетний. А на ночь нам, возможно, выделяют какую-то отдельную комнату, чтобы не травмировать твоим отсутствием сестру, которой и так пришлось многое перенести. Мне пришлось поведать нашу... историю. И про вашего отца, и про то, что ваша мать в лечебнице.

Получается, наша легенда уже пошла в люди. Вот и ладошки. Расслабившись, откидываюсь на подушки и наконец осматриваюсь вокруг. Мы находимся в просторном помещении, заставленном кроватями. Высокие колонны, витражные окна, узорчатая лепнина. Высокие двойные двери и несколько поменьше. Мраморный пол, застеленный коврами. Красиво. Похоже на то, что я видела во сне с Богиней, но в более... восточном стиле. Или здесь уместней сказать босварийском? В зале действительно почти никого нет, кроме парочки женщин, одна из которых, судя по всему, и является матерью второй девочки, ибо периодически бросает на ту наблюдающие взгляды.

— Ромин, — снова касается моей руки ладонь Гапки, привлекая внимание.

— Мм?

— Нам нужна в дорогу провизия и одежда для Ляли. Я могу сходить на рынок, если ты в состоянии присмотреть за... сестрой, — объясняет она мне очевидные вещи, о которых я, каюсь, пока не подумала.

Виновато смотрю на пожилую няню, ставшую для меня настоящим спасением. Мне бы сходить с ней, чтобы она сама этим всем не занималась. Но даже, если я себя сейчас соскребу с этой койки, тащить мелкую в город — настоящая глупость.

— Конечно, в состоянии, — осторожно киваю Гапке.

Она смотрит на меня оценивающе, словно измеряет на глаз уровень моих жизненных сил. Приходится ободряюще сжать морщинистую руку и улыбнуться, изображая отсутствующую бодрость.

— Я справлюсь. Мне не хочется отпускать тебя одну, бабушка, но ты права. Об этом действительно надо сегодня побеспокоиться. Рассказывай, как за Лялькой смотреть. Кормить надо? Или может ещё чего?

Может Мирэн и преподавали какое-нибудь ребёнкеведение, хотя вряд ли, с учётом, что её саму няня воспитывала, но Ромин имеет полное право в детях не разбираться, как и я. Впрочем мой вопрос никакого удивления у Гапки не вызывает, и она охотно принимается мне рассказывать, что наша девочка уже и позавтракала и даже пообедала, что в отхожую комнату она водила её буквально недавно, но если что, то находится столь нужное помещение во-о-он там в углу за колоннами. Тут няня опять с сомнением смотрит на меня, явно пытаясь представить, как я осилю такое мероприятие, на что приходится уверить, что справлюсь и осилю, хоть сама в этом и не уверена. Далее следует краткий инструктаж, что, где да как. И моя сердобольная попутчица-сообщница вся в сомнениях и тревогах всё-таки уходит, а я пытаюсь принять хотя бы сидячее положение. Лале ухода няни даже не замечает, зато на моё перемещение в пространстве реагирует моментально, повернув голову и уставившись большими настороженными глазищами. А в следующую секунду она оставляет подружку и куклу, чтобы без слов броситься ко мне и со всего размаху врезаться своим маленьким тельцем в моё, обхватывая ручками за шею и утыкаясь личиком куда-то в плечо? Вот что эта кроха со мной делает? Нельзя мне плакать. Нельзя. Ромин от обнимашек не рыдает.

В общем как-то так получилось, что всё то время, что Гапка отсутствовала, Лале провела у меня на руках. Её подружка вернулась к матери, а моя девочка, сбегав за своей Ясминой, уселась в кольцо моих рук, прижавшись ко мне всем телом, и вскоре придремала, сладко посапывая, устроив себе дневной сон. Так меня и застала наша няня, вернувшаяся с покупками и новостями.

— Говорят, сегодня утром порталы перекрыли, — сообщает она мне, стараясь не показывать своего волнения. — По всей Босварии.

— Да? — не скрываю я удивления. Вот это размах поисков, однако. — А не говорят почему?

— Ловят кого-то. Приказ миразу, — с нотками страха в голосе, произносит старушка.

И вот как понять, где именно ловят? Если по всей Босварии, то по идее мой план сработал и теперь «женишок» ищет меня в Вэнтаре. А порталы, судя по всему, перекрыл, чтобы дальше никуда не ускользнула. Ну-ну.

Упаковывая покупки в наши сумки, Гапка рассказывает, что видела ещё и дополнительные патрули в городе, но особых обысков, вроде как не наблюдалось, женщин на улицах не хватало, под хариджи и карильи не заглядывали. И это ещё больше меня уверило в том, что план удался. Понятно, что город тоже проверят, но если бы отец Мирэн и её жених думали, что я ещё здесь, то явно искали бы тщательнее.

Обсудив ситуацию в городе и с порталами, мы сообщаем перекладываем крошку Лале в кровать, и я как раз уговариваю Гапку прилечь и тоже поспать, когда к нам подходит одна из служительниц Храма, чтобы провести в отдельную комнату, выделенную нам троим по распоряжению Настоятельницы. Моих силёнок едва хватает, чтобы самой подняться, не говоря уже о том, чтобы перенести ребёнка, так что приходится опять положиться на помощь старушки. И лишь перебравшись в отведённую нам комнату и закрывшись там от посторонних глаз, мы с Гапкой, уложив нашу малышку, позволяем себе тоже отдохнуть. Она заняв койку у стены, засыпает, а я просто валяюсь, позволяя телу восстанавливаться, пялясь на небо за окном и размышляя о том, что ждёт нас впереди. Здесь в Храме, надо признать, чувствую себя в безопасности, словно тут Богиня присутствует и оберегает. А что будет завтра... Посмотрим.

Глава 9

Валяться весь остаток дня я себе не позволила, понимая, что Ляля максимум через пару часов проснётся, а Гапке наоборот надо поспать. Она и так смотрела за мелкой, пока я в обмороке пол дня валялась. Поэтому, почувствовав, что слабость понемногу отпускает, заставила себя подняться с кровати, поправила куфий на голове и отправилась искать кухню и пропитание, что оказалось не так уж и сложно, достаточно было спросить дорогу у деловито сновавших в коридорах людей, готовящихся к завтрашнему отъезду. Заодно разведала обстановку. Бедного мальчика, который так храбро защищал свою бабушку, с радостью покормили сердобольные служительницы Храма. Отказываться было бы сущей глупостью. Я ещё и разрешение привести сестрёнку покормить, когда она проснётся, выпросила, чтобы бабушку не будить. Простая каша с маслом, мёдом, орехами и кусочками сухофруктов показалась мне самым вкусным, что я пробовала в жизни, а свежий хлеб с сыром и вовсе заставил меня закатывать глаза от удовольствия. Из всех сил стараясь есть хотя бы культурно, я уже задумалась, как бы вымолить добавку, когда мне эту добавку поставили перед самым носом, заявив, что с магическим истощением питаться надо хорошо, чтобы восстанавливаться быстрее. Да кто ж против? Было бы чем.

А насытившись, я действительно почувствовала себя намного лучше. И в комнату вернулась уже не раненной улиткой, а вполне себе уверенной черепахой, игнорируя любопытные взгляды встречающихся мне будущих попутчиков. Потом, как я и предполагала, проснулась Лале, поход на кухню повторился, но теперь уже с её участием и покормили теперь уже нас двоих. Я снова не

стала отказываться, потому что, как ни странно, снова проголодалась. Ну а вечер провела, наблюдая из-под полуприкрытых век, как постепенно оживает наша кроха, общаясь и играя с другими детками в общем зале. Поглядывая на меня, стесняясь, немного несмело, молчаливо, но всё же с явным удовольствием. Так нас и застала проснувшаяся Гапка. Окинув мою сгорбившуюся на лавке у стены фигуру, она тут же запричитала.

— Ромин, тебе ведь лежать побольше надо, чтобы восстанавливаться. Ты почему меня не... разбудил?

— Потому что ты устала и тебе надо было отдохнуть, — улыбнулась я уголком рта. — Не ворчи, бабушка. Со мной всё хорошо.

— Вижу я это "хорошо", — проворчала она. — Вон уже едва сидишь. Иди-ка ты спать, а я дальше сама за нашей Лялей посмотрю. Завтра тяжёлый день.

Я могла бы поспорить, но сил действительно почти не оставалось. Спать хотелось немилосердно. Так что, поцеловав в макушку насторожившуюся мелкую и успокоив, что я всего лишь спать, а не исчезать, обняв благодарно Гапку, поплелась в выделенную нам комнату. А там выключилась, как только коснулась головой подушки.

— Рами? — слышу я слегка удивлённый голос Тая.

Подняв голову, встречаюсь с его изучающим взглядом. Не поняв сначала в чём дело, опускаю глаза и окидываю себя взглядом. Вот те раз. Я, оказывается, явилась к нему в сон уже не в виде спортивной высокой кудрявой брюнетки, а в облике миниатюрной и женственной Мирэн. Неужели настолько привыкла к этому телу?

— Ты так сейчас выглядишь? — интересуется мужчина с нескрываемо довольной улыбкой, подходя ближе, проводя ладонью по длиннющей косе, обнимая и прижимая к себе.

— Нет, — фыркаю я, вспомнив о расквашенном носе и синяках под глазами. — Сейчас я замаскирована так, что меня мама неродная не узнает. И папа с женихом тоже. Но если ты о теле, то да. Нравлюсь?

— Ты мне и прежняя безумно нравилась, — отстраняет он меня немного, рассматривая моё запрокинутое лицо, простое белое платье, точнее то, что под ним. Что-то между нами однозначно изменилось с тех пор, как я попала в этот мир. От этого собственнического мужского взгляда всё внутри дрожит и переворачивается. — Но, пожалуй, я рад убедиться, что ты теперь не парень. Это бы нарушило мои на тебя планы.

Ах да. Найти и сделать своей. И тут-то до меня доходит, что я помню свой предыдущий сон. Тот в котором он меня... о-о-о. Так вот почему я проснулась в таком состоянии.

— Я действительно ничего не помнила, — шепчу ошарашенно, заглядывая Тая в глаза. — Проснулась и даже не была уверена, что с тобой во сне была.

— Не уверена, говоришь? А тебе ещё кто-то может сниться? — сужает потемневшие глаза Тай. И его ладони на моей талии ощутимо тяжелеют.

— Ну сны — это такая ненадёжная штука. Мало ли кто мне может присниться, — тяну задумчиво, а в следующий миг оказываюсь впечатана в большое пышущее ревностью тело.

Закусив губу, чтобы не рассмеяться, смотрю в темную синеву его глаз, когда он склоняется ко мне и завладевает ртом в столь желанном жадном поцелуе. И с наслаждением запускаю пальцы в мягкий шёлк его волос, целую в ответ, лаская с неменьшим жаром, пробуя языком его на вкус, как и он меня. Большие ладони подхватывают меня под ягодицы, прижимая ещё ближе, раскрывая мои бёдра, чтобы вжаться между них. Неся меня куда-то с нескрываемыми намерениями.

— Тай, постой. Тай, мне нельзя, — хриплю в его губы, сама не в силах оторваться.

— Почему? — прикусывает он мою губу.

— Рядом со мной ночуют мои попутчицы. Я себя выдам, — признаюсь ему, и сама же целую мужественную линию подбородка.

— И как ты себя выдашь? — хмыкает он.

— А то ты не понимаешь? — утыкаюсь лицом в его шею, мечтая вдохнуть его запах в реальности.

— Неужели всё так явно? — излишне веселится кое-кто.

— А у тебя, значит, не явно? — гневно сужаю я глаза.

В ответ слышу его многозначительный смешок. Тай усаживается куда-то, и я снова оказываюсь у него на руках. Оглядываюсь вокруг и понимаю, что декорации изменились с прошлого раза. Это помещение далеко не такое богатое, как то, в котором я видела. Чистая опрятная комната с большой, но невысокой кроватью, на которой мы и сидим, стол, ковёр, парочка стульев и столько же диванчиков, и на этом всё.

— Это гостиница, — замечая мой интерес, объясняет мужчина. — Я потратил некоторое время, чтобы выяснить, какие паломничества будут отправляться в Обитель Праматери этим утром. А когда узнал, то не смог добраться до Гьяраны порталами, потому что их все какого-то беса перекрыли. Придётся на лошадях, а это займёт некоторое время. Потерпишь ещё немного, маленькая? Я уже близко.

Ошарашенная его словами, я некоторое время пытаюсь переварить информацию.

— То есть, ты знаешь, где меня искать уже сейчас?

— Получается, что так. Богиня сделала мне поблажку, чтобы я не переживал о твоей безопасности и поведала, что ты отправишься в Обитель с паломниками. И время назвала. Вычислить, откуда, не такая уж и проблема. Я ведь не ошибся? Ты в Гьяране? — он испытывающе смотрит мне в глаза.

Киваю в ответ. И с досадой хмыкаю, невольно качая головой. Признаюсь тихо:

— Порталы перекрыли из-за меня.

Мужчина замирает на миг и тут же, ухватив пальцами за подбородок заставляет снова посмотреть ему в лицо.

— Почему?

— Ну-у-у, в общем это меня сейчас по всей Босварии ищут и ловят. Отец и жених девочки, в чьё тело моя душа попала.

— Кто они? — совсем уже хмуро уточняет Тай, как-то хищно подбравшись.

Я открываю рот, чтобы ответить, и тут меня буквально выдёргивает из сна тихим испуганным шёпотом.

— Ромин, Ромин, проснись, — трясёт меня за плечо Гапка.

— Что случилось, бабушка? — пытаюсь я разлепить запухшие глаза и рассмотреть её лицо в полумраке комнаты.

— В Храм ночью приезжали яншары от миразу. Я слышала разговор служительниц. Настоятельница возмущена и отказала в обыске, но ей предъявили требование назвать всех, кто вчера пришёл. Ищут молодую женщину с ребёнком. Или двоих с ребёнком. А та сказала, что таких не было. Яншарам пришлось отступить, они здесь не вправе. Но служительницы переживают, что утром на выезде из города паломничество могут сильно проверять. Что будем делать, Ромин? — заламывает в панике руки старушка.

— Ехать, — вздыхаю я, сонно потирая лицо и пытаюсь поднять в сидячее положение протестующее болезненное тело. Охохонюшки, как же всё ломит. Размяться бы, да негде. — Мне придётся брать на себя роль главы семьи. Мужчины. Если бы они всерьёз думали, что мы здесь, то не уступили бы, значит проверяют лишь для галочки. Узнать меня не узнают. Чтобы поверили, придётся постараться. Можешь посоветовать, как мне себя вести, к кому как обращаться, как себя назвать? Сколько ещё до отправления, кстати?

Даже в темноте я замечаю, насколько удивлённым становится взгляд Гапки. Кажется, спросонья изъясняюсь я совсем не так, как должна бы Мирэн. Но до чего надоело притворяться. А ведь придётся. По крайней мере, пока не придумаю, как ей признаться. А сейчас у нас другие насущные проблемы. Смотрю на спящую на кровати рядом девочку.

— Ляльку замаскировать как-то особенно не получится. Она ребёнок, как ребёнок. Одежду ты ей уже поменяла. Думаю, этого достаточно, тем более если она ещё и с другими девочками сидеть будет. Я уже, как смогла, изменилась. Остаёшься только ты, няня. Другая одежда — это хорошо, но может, кто слишком наблюдательный и глазастый тебя по фигуре узнает. Давай сделаем тебя на время потолще. Но не настолько, чтобы это бросилось в глаза нашим попутчикам.

— Потолще? — удивлённо переспрашивает довольно-таки сухошащая пожилая женщина. — А как?

— Проще простого. Надо тебя чем-то обмотать, — произнеся это, я начинаю осматриваться вокруг, в поисках подходящего варианта. Одежда слишком толсто, простыня может подойти, но тонковата.

Разве что две. — А куда ты дела покрывало из дворца? Оно бы, пожалуй, подошло.

— Выбросила вчера, когда ходила на рынок. И простыню. В заброшенный колодец, — поджав губы, сообщает Гапка.

Вот как? Так, пожалуй, действительно безопасней. Повезло мне с попутчицей, словами не передать как. Жаль, что она меня за другого человека считает.

— Спасибо, что подумала об этом, бабушка, — улыбаюсь, сжимая её руку. — Что-нибудь придумаем. Не бойся, мы справимся.

Паломничество к Обители Праматери отправилось от стен Храма в Гьяране спустя два часа после моего пробуждения. К этому моменту мы успели изменить моей пожилой попутнице фигуру, действительно обмотав простынями и одев её в тёплые шаровары и сразу в два платья из плотной ткани. Попутно она делилась своими соображениями о том, как мне говорить с этими яншарами, если доведётся. Проснувшуюся Лялю облачили в простенькое платье из беленного льна и удобное голубенькое хариджи. А вот примечательную куколку Ясмину вместе с крохой торжественно спрятали на дно нашей котомки замотав в походные одеяла, купленные няней, чтобы злые дяди у ворот не отобрали. Получив свою порцию завтрака на кухне, мы втроём вместе со всеми выслушали благословения и напутствие Матери Настоятельницы Мелики и начали грузиться в крытые телеги, похожие на фургоны из фильмов про американских переселенцев. С беленькими такими круглыми брезентовыми крышами.

Я с завистью поглядывала на мужчин, сопровождающих караван верхом, но нам коня было взять неоткуда. Просить Гапку тратиться ещё и на животину моей наглости не хватало. Так что пришлось, сдерживая болезненные гримасы, занять место в повозке вместе с той самой женщиной, с чьей дочерью уже успела подружиться наша Лялька, и её больным девятилетним сыном, из-за которого она и едет в Обитель. Без мужа, кстати. Потом к нашей компании добавилось ещё три женщины, одну из которых сопровождал супруг верхом, а две остальные тоже были с детьми, спящим малышом лет двух на мой дилетантский взгляд, и девочкой постарше, наверное, лет восьми, с ярко выраженной хромотой. Правил нашим транспортом служитель Храма Явара. Впрочем, эти молчаливые мужчины, посланные своим Настоятелем в помощь, похожие на монахов в белых рясах, управляли почти всеми повозками в караване, за исключением нескольких принадлежащих лично паломникам, как я поняла.

Наконец все собрались-пересчитались, и фургоны один за другим начали выезжать из территории Храма. Всего в караване их насчиталось двенадцать штук. Стоило нам двинуться, как Лале тут же метнулась ко мне и, прижавшись всем телом, с опаской и интересом выглянула наружу. Мы сидели у заднего борта, откуда было прекрасно видно Храм, ставший нам первым убежищем. Величественное здание оставалось позади, постепенно удаляясь, а впереди ждала долгая дорога. И, конечно, хочется надеяться, что она пройдёт без сложностей и приключений, но как-то не очень верится в это. И вот не понятно пока — это моя ведьмовская натура предупреждает, или просто нервы шалят?

— А куда мы едем? — шёпотом интересуется малышка, уткнувшись губами мне в ухо.

— В то самое хорошее место, о котором мы с тобой говорили, — повернув голову, целую её в прикрытую хариджи щёку. Лале моргает и смотрит на меня удивлённо. В глазах больше нет той беспросветной тоски, которую я видела во дворце. Она, словно нежный цветочек, постепенно открывается. И это согревает изнутри, задевая странные, незнакомые струны. Привязываюсь я к ней. И чем дальше, тем сильнее. Моя она уже.

— А мы долго будем ехать? — вскидывает девочка маленькие бровки.

— Да. Но нам будет интересно, — подмигиваю крохе и угадываю её улыбку по сияющему взгляду. — Беги поиграй с подружкой. Как её зовут, кстати? Знаешь?

— Сая. Она хорошая, — признаётся смущённо Лале и добавляет: — И маленькая. Как я.

Интересно, она раньше со сверстниками какими-нибудь виделась? Наверное, нет, раз так удивляется этой Сае. Повозка тарыхтит по брусчатке, городские ворота уже близко, наша кроха будет менее заметна в детской компании, потому, погладив маленькие ладошки и широко улыбнувшись, поворачиваю её к играющей в нескольких шагах девочке.

— Это же замечательно, что она, как ты. Значит вам точно не будет скучно вместе в пути. Беги к ней, Ляля.

Мелкая не упирается и послушно шагает к подружке и вскоре уже с удовольствием возится с какими-то деревянными фигурками, которыми та с ней охотно поделилась. Надо крохе каких-нибудь игрушек раздобыть помимо её слишком примечательной Ясины. А я высовываюсь из-под крыши и смотрю на дорогу. Повозка как раз притормаживает. Мы находимся где-то в середине каравана, и

первые уже проходят досмотр у ворот. Что ж, служительницы оказались абсолютно правы. Проверяют. Бросаю взгляд на сидящую напротив Гапку, та тревожно сжимает дрожащие пальцы. Улыбаюсь ей ободряюще, пытаюсь поделиться своей уверенностью, что всё сейчас получится. Должно получиться. Жаль, я не могу пока пользоваться даром. Надеюсь, что и не понадобится. Что я зря вчера надрывалась?

Из-за этого досмотра у ворот образовывается самая настоящая пробка. Повозки каравана выстраиваются в очередь, медленно продвигаясь вперёд и стопоря остальных желающих выехать из города. И чем дальше, тем больше народу собирается и ощутимей становится сгустившееся вокруг напряжение. Моё внимание почти сразу привлекает, судя по всему, торговый обоз, поравнявшийся с нашим фургоном. Несколько крытых и под завязку гружённых телег сопровождает грузный мужчина в богатых одеждах и с десяток вооружённых верховых молодчиков. Сидя у борта нашего фургона, я не только всё прекрасно вижу, даже ворота, если высунуться чуть дальше, поскольку улица ведущая к ним идёт под уклон и изгибается, но ещё и слышу. И мотаю на отсутствующий ус, да. Гапка, конечно, прекрасный источник информации, но, к сожалению, далеко не всё я могу у неё спросить, а она не всё рассказать. Особенно, что касается поведения и элементарных вещей, таких как обращения и повадки, принятые у местных мужчин. Вот и наблюдаю теперь незаметно, запоминая словесные обороты, отмечая всё, что может мне пригодиться.

Но вскоре всё моё внимание невольно сосредотачивается на лошади одного из охранников обоза, как я понимаю. Он находится к нам ближе всех остальных, и я не могу не замечать, насколько мужчина неумело, грубо и... бестолково обращается со своим конем. Молодой гнедой жеребец ведёт себя слишком нервно, дергает и трясёт головой, напрягает шею, прогибает покрытую испариной спину и переступает тонкими ногами. Это не похоже на простой испуг, больше смахивает на болезненную реакцию. Слишком уж характерно животное запрокидывает голову, обычно так лошади снимают напряжение в шее и холке, заодно блокируя чувствительность в теле. И очень часто это ведёт к сопротивлению и открытому неповиновению. А молодой парень вместо того, чтобы разобраться и успокоить жеребца, дёргает за уздцы, и лупит его стеком, заставляя стоять спокойно. Если бы я увидела такое в клубе, этот удод этим же стеком от меня и получил бы. Но сейчас привлекать к себе внимание таким образом — это глупость несусветная. Но и развидеть я не могу. А когда коня угрожающе заносит в сторону нашей повозки, а придурок замахивается чтобы огреть его по шее, моё терпение лопается.

— Хали не делайте этого. Он от боли так себя ведёт, — высовываюсь я из фургона.

Мужчина бросает на меня раздражённый взгляд, но я встречаю его абсолютно уверенно. Ну что ж. Внимание привлекла. Отступить уже некуда.

— Посмотрите, как он голову набок запрокидывает и глаза выкатывает. Ему больно. Наказывая стеком, вы делаете только хуже, — объясняю я, стараясь не задевать мужское эго, вооружённого до зубов наёмника. — Позвольте попробовать его успокоить.

— А ты кто такой, что лезешь, куда не просят? — неприязненно щерится тот.

— Меня зовут Ромин, хали. Я просто хочу помочь вашему животному. Здесь в повозке больные дети и им страшно. Вы же не хотите, чтобы им был причинён вред, — вскидываю я бровь.

— Дай пареньку попробовать, Хамиль, раз сам не можешь усмирить свою животину, — рывкает спереди тот самый грузный мужчина, который, судя по всему, у них главный. — Не хватало ещё иметь проблемы с храмовниками.

— Как скажете, хали Нарвэй, — цедит сквозь зубы удод со стеком, меряя меня прищуренным взглядом.

Игнорируя тянущую боль во всём теле, я выбираюсь из повозки, прыгая на брусчатку, и делаю осторожный шаг к лошади.

— Можете на время спешиться? — вскидываю глаза на всадника. Тот бросает взгляд на наблюдающего за нами своего начальника и, поджав губы, выполняет мою просьбу и даже протягивает мне поводья. — Благодарю. Как зовут коня?

— Харик, — бурчит тот, явно недовольный моим вмешательством. Но мне уже плевать. Всё своё внимание я сосредотачиваю на животном.

— Тише, Харик, тише, хороший. Не бойся меня. Я помочь тебе хочу, — приговариваю и протягиваю руку к носу, позволив познакомиться со своим запахом, а потом скольжу ладонью дальше.

Он косит на меня испуганным глазом, пытается броситься в сторону, но я начеку и держу поводья настолько крепко, насколько могу в теперешнем состоянии. И принимаюсь круговыми движениями массировать лоб, нажимая и заставляя его расслабиться.

— Ну же, позволь тебе помочь, — воркую, и делаю шаг ближе, чувствуя, что конь замирает, прислушиваясь к своим ощущениям. — Уши твои трогать не буду, ты же мне не настолько доверяешь, да? А вот тут разомну. Давай, мой хороший, покажи, где тебе больно.

Постепенно жеребец успокаивается, опуская голову и даже утыкаясь мне лбом в грудь. И я с чистой совестью пользуюсь этим, чтобы обследовать его и нащупать наконец сведённую напряжённую мышцу. А дальше действую привычно, прислушиваясь к реакции животного, разминаю и снимаю напряжение в тревожащем его месте. И конь полностью успокаивается. Умный. Послушный. Вряд ли его этот олух растил. Купил, скорее всего.

— Ну вот и всё. А ты боялся, — с наслаждением утыкаюсь лбом в тёплую шею благородного животного. Как же я соскучилась по своим любимым резвым мальчишкам. По Янтарю. По Акбару.

— Как ты это сделал? — слышу удивлённый голос его хозяина.

— Просто нашёл место, которое его беспокоило. Мышцу вашему Харику свело. Давно он под седлом? — интересуюсь, возвращая поводья.

— Первый год, — уже гораздо миролюбивей признаётся Хамиль, кажется.

— Ясно, — уже открываю рот, чтобы выдать подробные рекомендации, как обращаться с молодым жеребцом, но ловлю на себе ошарашенный взгляд Гапки в медленно удаляющейся повозке. М-да. Не палимся? Угу. Совсем. — Хороший он у вас. Счастливого пути.

— И тебе, малец. Спасибо за помощь, — хмыкает парень.

— Не за что, — бросаю уже на ходу, догоняя наш фургон. А когда залезаю и усаживаюсь обратно на своё место, понимаю, что, кажется, организовала себе проблемы раньше времени.

Гапка смотрит на меня не просто удивлённо. В её глазах роится столько вопросов, сомнений и даже страхов, что у меня волосы на затылке шевелятся. Я даже не знаю, радоваться мне, или огорчаться, что задать свои вопросы она сейчас при свидетелях не может. Хорошо хоть Лялька моего отсутствия не заметила, кажется.

Постепенно очередь с досмотром дошла и до нас. Двое военных, тех самых яншаров, которых так испугалась Гапка ночью, заглянули в наш фургон и пробежались глазами по всем присутствующим, удостоив меня лишь мимолётного взгляда. Более внимательно присмотрелись к детям, но три девочки, играющие на полу рядом со спящим мальчиком, выглядели так органично и по-простому, что заподозрить среди двух младших уворованную мною дочь принцессы у них не получилось. Потом сосредоточились на женщинах, но все попутчицы нам достались довольно крупного телосложения, да и Гапка из общего ряда благодаря нашим стараниям не выбивалась. Не найдя никого соответствующего искомым параметрам, яншары, пожелав нам хорошего пути и милости Богини, отправились к следующей повозке. А наша миновала наконец ворота, покидая Гьярану.

У-у-ух. Божечки, неужели выбрались?! Все-таки не зря я вчера надрывалась. Проверка эта действительно лишь для проформы. Ищут меня явно в другом месте. От затопившего тело облегчения, казалось, что я сейчас воспарю к потолку нашего качающегося фургона. Хотелось смеяться и плакать одновременно. А мне ведь до сих пор казалось, что я спокойна. Ох. Единственное, что теперь омрачает мне настроение, это задумчивые глаза сидящей напротив старушки. Она уже взяла себя в руки, но это отнюдь не значит, что забыла свои сомнения. Надо с ней поговорить, как только предоставится такая возможность. Всю первую половину дня мы двигаемся почти безостановочно, кушая на ходу, и лишь для других нужд делая краткие остановки. Меня такой темп более чем радует, ибо означает удаление от Гьяраны и преследователей. Но по мере движения сидеть и любоваться на проплывающие виды, напоминающие мне наше средиземноморье, становилось всё сложнее. Тело нещадно болит, припоминая мне и ползание по стенам, и забег ночью с Лялькой на спине, и наконец вчерашние мои подвиги с магическим истощением. И если с последним я ничего поделать не могу, наверное, то с крепатурой можно было бы побороться, если бы появилась возможность. И она появляется, когда мы наконец делаем привал.

Глава 10

Останавливаемся мы на большом покатом холме на обнесённой большими белыми валунами поляне. Вокруг растут кипарисы, создавая тень от палящего солнца. Повозки выстраиваются кругом, всадники, спешившись, расходятся помогать своим женщинам выбираться из фургонов, остальным приходится справляться самим. Я соскакиваю и снимаю Ляльку, которую мне подаёт Гапка, потом насколько могу, помогаю ей самой. И временно оказываюсь не у дел. Мою попутчицу зовут помогать готовить обед на всех, мелкую она забирает с собой, а я, как «главный мужчина в этой семье» неожиданно получаю возможность просто размять ноги. Так почему бы не найти укромное место, чтобы размять всё, что болит?

Бросив вокруг взгляд украдкой и убедившись, что на меня никто не смотрит, ухажу с поляны, проскальзываю между двух гигантских валунов и отправляюсь искать подходящее укромное место. А найдя его между каменных глыб в отдалении от места стоянки, принимаюсь методично сначала разминать все мышцы, до которых могу добраться руками, разогревая и уменьшая боль, а потом приступаю к осторожным упражнениям, постепенно переходя от разминки к растяжке. Вот бы каждый день заниматься. Может получится как-то ускользать и заниматься собой? Посмотрим. Если нет, то уж как-нибудь вытерпеть до встречи с Таем я смогу.

Не знаю, как сложатся наши отношения в реальности, но уже тот факт, что от него не надо будет таиться, делает нашу будущую встречу особенно желанной. Знаю, что этому мужчине смогу доверять, даже если мы не будем вместе. А то, что такой вариант развития событий тоже возможен, я прекрасно понимаю. Всё-таки сны и реальность — совсем разные вещи. А вдруг химия между нами так и не случится. А вдруг я ему не понравлюсь. А вдруг мне его запах будет неприятен, бывает же такое. А вдруг... этих вдруг так много. Слишком хорошо представляю, сколько всего он мог не показывать и не договаривать, сама ведь не всегда была откровенна. Например, Таю ничего не известно про мои попытки заменить его кем-то реальным. Да, у меня были мужчины. Целых два раза я вязывалась в подобие отношений. Вышло мимолётом. Лучше б не было. Послевкусие осталось так себе. А о том, что он не чужд женского общества, тут и к гадалке не ходи, сомнений даже не возникает.

Вот и получается, мы знаем столь многое друг о друге, связаны на каких-то неосязаемых уровнях, но так же много осталось нами недосказано. Тай рассказывал мне о своей семье, что его мать умерла, когда ему было десять, говорил об отце, как о своём примере во всём, о мачехе, которую любит, как родную, о младших братьях и сёстрах, в которых души не чает, но ни слова не говорил о том, кто он и чем занимается. Он вообще о себе мало говорил, если разобраться, больше спрашивал, слушал, смотрел, вникал. А я показывала ему в своих снах любимые трассы, которые преодолевала, страны в которых бывала. Рассказывала о своём мире, о книгах, фильмах, семье, лошадях, обо всём на свете, но ни слова не упоминала о своих чувствах, мечтах, желаниях, боясь признаться, что все они по-глупому и наивно были связаны с ним так, или иначе. И не спрашивала, что я значу для него. Даже понимая, что встреча наша нереальна, не мечтать о нём я не могла и невольно всех сравнивала с этими мечтами. Надо ли говорить, что все проигрывали? У Тая наблюдался только один недостаток — он был моим сном.

А оказалось вот как. Я сейчас в его мире. И это, капец, реальность. И наша предстоящая встреча тоже реальность. И мне... немножко страшно. Ладно, не немножко. А вдруг он реальный не такой, каким я его представляю? А вдруг и я для него окажусь не такой? А-а-а-а. Как же всё сложно! Вот пока из дворца думала, как убежать, убегала, из города выбиралась, размышлять обо всём этом времени не было, а сейчас, чувствую, эти мысли меня ещё не раз догонят. Хотя что толку их мусолить? Встретимся, тогда и разберёмся. Только если бы оно так просто контролю поддавалось.

Соединив в замок прямые руки за спиной и склоняясь вперёд, растягивая подколенные сухожилия, я внезапно лопатками чувствую, что за мной наблюдают. Поднимаюсь и поворачиваюсь, оглядываясь вокруг, но замечаю лишь краешек карильи скрывшейся за камнями женщины. Нет, нам точно надо поговорить. Поправляю куфий на голове, направляюсь к месту стоянки, намереваясь привести в исполнение это решение, но это оказывается так просто. Стоит мне появиться на поляне, как в руки вручают миску с какой-то мясной кашей, краюхой хлеба и куском солёного сыра, притом делает это не Гапка, а одна из наших попутчиц из фургона.

— Подкрепись, хали Ромин, бабушка твоя уже извелась, переживая что ты поешь не успеешь, — ворчит добродушно женщина, а я, поблагодарив, нахожу глазами няню Мирэн. Она как раз кормит Ляльку и как-то слишком усердно не замечает мой взгляд. И тут сложно.

Только бы не натворила глупостей. Меня она может знатно подставить, но как это предотвратить? Как не крути, разговор — единственный вариант. А насколько откровенный, посмотрим.

Вот только разговора со мной Гапка усердно избегала всё то время, что длился привал. А потом при всех в фургоне поговорить, естественно, тоже не было возможности. Но самое неприятное заключалось в том, что она стала не менее усердно отвлекать Ляльку, не позволяя той ко мне

лишний раз приближаться. Сначала я на это даже не обратила внимания, но к вечернему привалу не заметить её манипуляций было уже просто невозможно. И вот тут уже поднимался другой вопрос. Что она себе придумала? Слишком уж настороженные, изучающие и напуганные её взгляды я порой на себе ловила.

Не получилось поговорить и вечером. Избегая смотреть в глаза, Гапка вручила мне ужин, покормила сонную кроху, поела сама, отказалась отойти поговорить под предлогом, что устала и девочку надо спать укладывать, и даже попросила моей помощи, чтобы Ляльку отнести в фургон. А потом выдала мне одеяло и прошептала, что я, как парень, должна спать у костра, а не с женщинами в фургоне.

— Прости, Ромин. Но по-другому нельзя. Не поймут, — бросила она выразительный взгляд на наших попутчиц.

— Всё в порядке, бабушка, — улыбнулась я. — Как-нибудь переживу.

— Не ложись рядом со всеми, — прошептала старушка, глянув искоса. — Куфий может во сне сползти и выдать тебя.

Разумно. Кивнув, я пожелала ей доброй ночи и отправилась искать себе место для ночлега. Ночь выдалась тёплой. Земля за день нагрелась так, что и без костра не замёрзну, даже в тонком одеяле. Так что, отойдя в сторону, я постелила себе у валуна и раскидистого дерева рядом с ним. Усталость брала своё. Это тело к походным условиям, конечно, непривычное, но в прошлой жизни ночевать под открытым небом в походах мне доводилось, так что, уютившись, я довольно быстро уснула, погрузившись в какие-то сумбурные бредовые сны.

Пробуждение получилось странным.

Рядом кто-то едва слышно бубнит, на лице у меня лежит какая-то тряпка, закрывая глаза. Руки почему-то сложены на груди в замок и ладони связаны. И вдобавок к этому меня усердно чем-то посыпают. Мотнув головой и сдвинув с глаз неплотную повязку, я в полном офигении таращусь на Гапку. В свете луны её раскачивающаяся фигура выглядит гротескно и даже жутковато. Старушка с закрытыми глазами, чуть не плача, напевает что-то, похожее то ли на молитву, то ли на заклинание. И пригоршнями разбрасывает надо мной какой-то белый порошок, то и дело заставляя жмуриться, чтобы в глаза не попало.

— А что ты делаешь? — интересуюсь я, как можно спокойней. Руки связаны неплотно. Оружия у неё вроде как нет. Вываться и сбежать ещё успею. Но интересно ведь. Магичит, или дурью мается?

Гапка вздрагивает и смотрит на меня ошарашенно. Словно это не я, а она меня за столь бредовым занятием застала.

— Девонька моя, ты не бойся, я выгоню это из тебя. А если сама не осилю, то слуг Явара попрошу.

— Что выгонишь? — кочуют мои выпученные глаза на лоб.

— Беса, который в тебя вселился.

А-а-а. Не выдержав, я начинаю тихо хрюкать от смеха, стукнувшись затылком об землю. Бедная старушка в ответ высыпает на меня целую горсть соли, как на вкус оказалось, заставив отплевываться и жмуриться. Это было бы жутко, если бы не было так смешно. Понимаю, что веду себя неуместно, но, видимо нервное напряжение сказывается, и остановиться не могу. Вот уж точно, чего не ожидала, что меня за нечисть примут.

— Изыди, коварный, — всхлипывает Гапка.

— Я не бес, — подавившись нервным смехом, сообщаю ей, осторожно приоткрыв один глаз.

— А кто? Моя Мирэн была совсем другой. Не имела такой большой силы. Она не умела по стенам лазить, с лошадьми говорить. И не творила такие странные вещи, как ты сегодня днём. Ты вселился в неё, когда она выпила тот яд и чуть не умерла, — шипит старая преданная няня, готовая отстаивать свою подопечную даже у беса. Тут уже не до смеха. Сердце щемит от необходимости сказать правду.

Вздохнув, произношу то, что скрывать больше не имею права.

— Мирэн умерла, выпив тот яд. Её больше нет. Мне жаль.

Гапка отшатывается, смотря на меня глазами, полными слёз, боли и страха.

— Кто ты? — спрашивает шёпотом, прижимая ладонь к губам.

— Не бес. Меня зовут Рамина, — тихо признаюсь ей, грустно закрывая глаза. — Я была обычной девушкой в другом мире и умирала от неизлечимой болезни. Но очень хотела жить. А твоя Мирэн выбрала смерть и хотела умереть. Ваша Богиня предложила мне занять её место. И я согласилась. Теперь в этом теле другая душа. Моя.

Осторожно освобождаю руки, сажусь и поднимаю взгляд на шокированную старушку. Она недоверчиво рассматривает меня, словно впервые видит. И плачет. Тихо, безысходно, горько. Не выдержав, подаюсь к ней и крепко обнимаю, прижимая к себе. Она вздрагивает, замирает настороженно поначалу, а потом, обмякнув, цепляется за меня.

— Это я её убила, — шепчет потерянно. — Я не смогла противостоять её дару, принесла тот яд проклятый, не отговорила. Ох, девонька моя. Как же так? Как же так? Умерла. Умерла. Не уберегла я ни её, ни Солю.

— Не ты виновата, я ведь знаю, как действует эта сила. Мирэн сама так решила, и в этом нет твоей вины. Она переродится. И проживёт другую жизнь, счастливую, — пытаюсь я хоть как-то успокоить пожилую и разом сникшую женщину, дать ей новый смысл. От её горя сама чуть не плачу, сглатывая горький ком в горле. — Нам нужно позаботиться о Лале. Отвести дочь Соли в Обитель Праматери. Защитить от человека, из-за которого уже умерли обе твои подопечные. Помогите мне, пожалуйста. Я почти ничего не знаю про этот мир. Без тебя мне не справиться. Пожалуйста, не бросай меня.

Она не отстраняется, но молчит так долго, что я начинаю переживать. Точнее, начинаю переживать значительно сильнее прежнего. Когда на мою голову опускается ладонь, даже вздрагиваю от неожиданности.

— Хорошо. Я помогу тебе, девочка, — говорит тихо старушка.

Волна облегчения, затопившая меня, оказывается такой сильной, что я бы пошатнулась, если бы стояла. Вот даже не представляла, что настолько успела привязаться к этой милой женщине с огромным добрым и любящим сердцем.

— Спасибо, — срывается с моих губ прерывистый выдох.

Гапка, отстранившись, неловко кивает, бормочет что-то о предстоящем сложном дне, поднимается на ноги и уходит обратно к фургонам. А я, тщательно стряхнув с себя соль, укладываюсь обратно спать. Здоровый сон мне действительно нужен. И спокойный. Всё-таки тот факт, что моя попутчица теперь знает правду, заставляет меня чувствовать себя значительно лучше. Особенно с учётом того, что я теперь могу откровенно её расспрашивать обо всём, не вытягивая информацию по крупицам. А мне очень много чего хочется знать.

Второй день пути проходит к нашей вящей радости на удивление спокойно. Гапка, хоть и выглядит слегка подавленной, но меня больше не избегает и моему общению с Лале не препятствует. Кроха, кстати, тяготы пути переносит вполне спокойно. Я как-то раньше думала, что её сверстники более склонны к капризам и сложны в уходе и обращении, но то ли я ошибалась, то ли нам достался особенный ребёнок, Лялька капризничать почти не умеет. Для неё главное знать, где я нахожусь, а в остальном она абсолютно беспроблемная. Она с удовольствием ест то, что и все, играет простыми игрушками, которыми делится с ней Саяна, или Сая, как её все зовут. И даже позволяет той играть с Ясиной, которую мы благополучно извлекли из котомки. А во время обеденного привала Гапка сама позвала меня обедать отдельно в стороне от всех остальных. Там, наблюдая за играющей рядом Лале, я и попросила её рассказать более подробно о семье Мирэн, о том, что собой представляет миразу Рифат. И чего от него можно ждать. Пожилая нянька двух принцесс, предупредив, что сама далеко не всё знает, начала свой рассказ.

Что ж. Не зря говорят: «Меньше знаешь — лучше спишь». С этой информацией точно так же. Я, конечно, понимала, что принцу простой аристократ настолько не указ, что раз этот Рифат может диктовать условия отцу Мирэн, то он точно очень влиятельная особа в этой стране. Но узнать, что меня теперь ловит крайне обозлённый моим побегом и маниакально настроенный в мой адрес целый глава Службы безопасности, которому, по сути, подчиняются все правоохранительные органы Босварии и частично даже армия... Пф, попала я знатно. Выжить бы. Так и про отца моей предшественницы информация не порадовала. Принца Гедаша Босвари Гапка охарактеризовала, как жёсткого, даже жестокого человека, способного на многое ради своих целей. А сейчас его главной целью является королевский трон. Нашлась в этой бочке дёгтя и ложка мёда. У бедняжки Мирэн имелся дед, король этой страны Ардораш Босвари, и дядя, младший брат её отца Корим Босвари, который имел не меньше шансов взойти на трон. И эти двое, по глубокому убеждению няни, точно пришли бы на помощь девушке, если бы узнали. Я позволила себе в этом усомниться, но к сведению приняла. Слишком мало данных, чтобы делать выводы об этих властных имущих мужиках. Всегда считала, что от таких игр надо держаться подальше, потому что задавят и не заметят. Лучше в Обители укроюсь. А потом уже подумаю, что дальше.

Большого рассказать за время привала Гапка не успела, но мне и этого хватило, чтобы было о чём размышлять остаток дня. А вечером мы снова сели отдельно от всех, на приличном расстоянии от костров. Лялька уже сонная умостила у меня на руках, мы неспешно ели, скрытые полумраком, когда моя попутчица, задумчиво пожевав губу, спросила.

— А что дальше, Рома?

— О чём ты? — вскинула я бровь.

— После того, как мы доберёмся до Обители? Что ты собираешься делать дальше?

Не в бровь, а в глаз. И вот что ей отвечать, если я сама толком не представляю? Поставив себе цель, я, как привыкла делать всегда, упёрто к ней следую. А дальше...

— Не знаю, — честно признаюсь старушке. И объясняю вкратце: — В этом мире есть один человек, которому известно обо мне. Богиня сказала, что он будет там меня ждать. И поможет. В любом случае Обитель — это единственное место, где мы сможем укрыться от всех, кто нас преследует. На месте разберусь...

На этом разговор приходится прервать, потому что я замечаю, что к нам приближается одна из наших попутчиц по фургону. В руках она держит две кружки с чем-то парующим и распространяющим приятный пряный аромат. Она, не поднимает глаз, и это меня старнно царапает, заставляя настороженно следить за каждым её движением.

— Хали Ромин, хоаль Зарима, позвольте угостить вас вкусным и полезным узваром из сушёных ранат и винограда, мы сварили его на всех.

Мне, как «мужчине» этот самый узвар преподносят первой. С благодарным кивком принимаю кружку, и уже подношу к губам... но внезапное острое чувство тревоги, даже опасности, скручивает меня настолько сильно, что я едва не роняю посудину.

Хорошо хоть брала так, чтобы на спящего у меня на коленях ребёнка ни в коем случае не опрокинуть. Справившись с собой, сжимаю горячий металл так сильно, что пальцы жжёт и смотрю на женщину, что принесла это угощение. Ну же. Мне так нужна моя сила. Не магия. Ведьмовская сила. Я хочу знать. Но сколько не всматриваюсь в сутулую фигуру, никакой опасности и негатива от неё не чувствую. Может нужен телесный контакт, как с Лале, когда я увидела её возможное будущее? Но трогать замужнюю женщину, играя роль даже парня-подростка чревато конфликтом с её мужем. Тем временем она вручает напиток и Гапке.

— Бабушка, не спеши пить. Оно горячее. Обожди немного. Хоаль Рахима, благодарю за заботу и угощение. Мы обязательно отведаем.

Женщина склоняет голову и удаляется, а я встречаюсь взглядом со своей попутчицей. Та смотрит на меня удивлённо, явно не понимая, что происходит. Если б ещё я понимала.

— Не пей. Я чувствую непонятную тревогу. Не могу разобраться, с чем это связано. Может несварение от него будет, а может и чего похуже, — пытаюсь объяснить ей так, чтобы не поднимать зазря панику. — Давай, на всякий случай я вылью это за валунами.

Вот что мне в Гапке безусловно импонирует, это умение верить тому, что я говорю, и понимать, когда лучше не спорить.

— Давай, я сама вылью. А ты уложишь Ляльку, она уже крепко спит, — кивает она на сладко сопящую у меня на руках девочку. Приходится согласиться.

— Хорошо. Кстати, как думаешь, это нормально, что она такая молчунья? Я в детях слабо разбираюсь, — интересуюсь, признавая своё дилетантство и заправляя смоляную прядку под головной убор крохи.

— Соля тоже была молчуньей, — грустно улыбается старушка, поднимаясь на ноги. Я следую её примеру, правда сначала спрятав личико девочки, а потом осторожно перехватывая её так, чтобы она обняла меня за шею, положив голову на плечо. По-другому с ней на руках подняться в фургон не смогу.

Пока Гапка скрывается в кустиках, прихватив с собой кружки с узваром, я слегка и незаметно разминаю ноги, радуясь, что тело понемногу приходит в норму. Надо будет утром попробовать где-нибудь спрятаться и сделать хотя бы простейший комплекс упражнений. Только нянюку свою предупрежу, а то опять всполошится и бесов из меня попытается изгнать, а я соли уже на месяц вперёд наелась.

— Всё. Я вылила, — сообщает старушка, вернувшись с пустыми кружками и тоже пряча лицо.

— Бабушка, я утром отойду от лагеря немного, чтобы потренироваться. Хочу быть сильнее. Не пугайся. Хорошо? — тихонько сообщаю ей, когда мы неспеша направляемся к повозкам. А потом, не выдержав, хмыкаю. — И солью меня больше не посыпай.

Она бросает на меня быстрый нечитаемый взгляд, который тут же отводит. И... Мне кажется, или я действительно слышу хихиканье?

— Не буду. Она на тебя всё равно не действует, — наконец выдаёт Гапка наигранно сокрушённым тоном, заставив ошарашенно поперхнуться.

— Конечно. Меня такими мелочами не проймёшь, — фыркаю в ответ, чувствуя, как ещё один камень падает с души. Неужели меня даже принять готовы?

Когда мы подходим, в фургоне уже все готовятся ко сну. Подняв Ляльку в повозку, я укладываю её, куда показывает няня. Пожелав ей спокойной ночи, забираю своё одеяло и снова отправляюсь спать на улице. На этот раз так далеко уходить, как прошлой ночью, не собираюсь, но и рядом со всеми ложиться не хочу по понятным причинам.

— Эй ты! Ромин, кажется? — слышу окрик одного из мужчин, сопровождающих караван.

— Да, хали? — поворачиваюсь к нему и выжидающе смотрю на подходящего ко мне громилу с густой курчавой бородой, в пыльной жупархе.

— Пойдём к нам, что ты всё только возле баб своих трёшься? — хлопнув меня по плечу так, что я едва не приседаю, басит вполне добродушно бородач.

Я, честно говоря, не нахожусь с ответом вот так сразу. И моей заминки мужику вполне хватает, чтобы за то самое ушибленное плечо утащить меня к костру, где уже собралась чисто мужская компания. Не считая слугителей Явара — те по обыкновению сидят отдельно, а сейчас уже и вовсе спят все, кроме парочки часовых. За нашим приближением наблюдают с интересом почти все.

— Асхаб, ты в своём порыве дружелюбия, смотри мальцу руку не выдерни, — хмыкает сухощавый носатый мужчина в синей куфие.

— Обижаешь, Мухир. Я ещё соображаю, что делаю. Да и парнишка не задохлик. Да Ромин? — хохотнув, выдаёт мой конвоир.

— Конечно, хали Асхаб, — с энтузиазмом киваю я, хотя он мне явно льстит. От захвата его лапищи назавтра всё плечо посинеет.

— О, видишь? Толковый мужик растёт. Садись, парень, — меня бесцеремонно водружают на свободное место. Бородач плюхается рядом, и вручает мне кружку с чем-то горячим. Чутьё молчит, я принимаю. Пахнет алкоголем, специями...

— Что ты нюхаешь? Пей, — хмыкает тот самый носатый.

— Вот ничего ты не понимаешь, Мухир. Без запаха и вкус не тот, — возражает здоровяк, который меня привёл и сам шумно вдыхает пар, идущий от его собственной кружки.

Хмыкнув, я согласно киваю и делаю решительный глоток. О-о-о, главное, как девчонка от удовольствия не застонать. Это кто ж такую прелесть приготовил и как она называется? Я с удовольствием перекаत्याю на языке пряный хмельной напиток.

— Вкусно. Спасибо, — как можно более низким голосом благодарю я, обхватывая кружку обеими руками.

— То-то же, — хмыкает Асхаб. — Ну рассказывай.

— Что? — удивлённо интересуюсь у него, чувствуя на себе взгляды всех присутствующих.

— Почему бабушку с сестрой ты сопровождаешь, а не кто-то постарше?

— Некому больше, — бурчу я, вспоминая, как себя вели немногочисленные мои ученики пацаны-подростки, если кто-то сомневался в их способности справиться со сложным делом. И показывая всем своим видом, что вдаваться в подробности не хочу. Легенду рассказать, конечно, могу, но, если меня спросят подробности, спалюсь, как пить дать.

— Вот как? — понятно кивает Асхаб. — Ну что, мужик ты, Ромин. Хвалю.

— Я видел, как ты коня усмирив в Гьяране, — подаёт голос, сидящий рядом с Мухиром, коренастый коротышка. — Что это за магия была?

— Не магия, — отрицательно качаю я головой. — Ему больно было. Мышцу свело, а я понял и смог помочь.

— И откуда же ты такой знаток взялся? — вскидывает брови мужчина.

— Меня отец научил, пока был жив, — отвечаю уклончиво, опять насупившись. И стараюсь перевести разговор на другую тему. — Скажите, а дорога до Обители безопасна? Со мной сестра маленькая.

Уловка срабатывает и мужчины переключаются на обсуждение дороги, возможности разбойных нападений, которые в нашем случае почти нереальны, потом кто-то вспоминает, что слышал, будто у каких-то путников в прошлом году детей украли. Потом и вовсе откровенные байки начинают травить. Я вся обращаюсь во внимание, параллельно прислушиваясь к себе, и тревога отзывается царапающим зудом на подкорке. Но разобрать на что именно из услышанного, пока не получается.

Посиделки у костра вопреки моим опасениям надолго не затягиваются. Вскоре мужики начинают зевать и постепенно разбредаются спать. Уношу ноги и я, прихватив своё одеяло и улучив минуту, пока решивший взять надо мной шефство Асхаб отвлёкся на разговор с Мухиром. Ну, надо сказать, что уношу я их весьма нетрезвой походкой. Йошкин кот, это тело точно хрупкое и нежное до не могу. С одной кружки захмелеть, это сильно. Эх. Надо проспаться.

С этой здоровой мыслью я нахожу то самое место, где мы с Гапкой и Лялькой ужинали. Тут между двух деревьев и парочки валунов весьма уютно. И даже нежное принцесское тело не ломит от сна на твёрдой земле. Чудесный всё-таки напиток. С глупой улыбкой на лице я заворачиваюсь в одеяло и засыпаю.

И просыпаюсь, чувствуя, что что-то не так.

Глава 11

Резко сев, морщусь от неприятной тяжести в голове. Но лёгкое похмелье — это последнее, что для меня имеет сейчас значение. Я прислушиваюсь. Вокруг стрекочут цикады, в кронах деревьев надо мной тихо шумит ветер. Ничего, что бы могло вызывать тревогу, не слышно. Ушами. Но всё во мне кричит, что грядёт какая-то опасность. Поправив куфию, поднимаюсь с земли и осторожно, почти крадучись, направляюсь к лагерю. Вокруг потухшего костра спят мужчины, от горы, похожей на Асхаба доносится раскатистый храп, ему подхрапывают ещё несколько голосов. Никаких часовых не замечаю. Ну служители Явара же должны были кого-то оставить на посту? Иду дальше, туда, где виднеются белые рясы сидящих у такого же потухшего костра храмовников. На моё приближение они ровным счётом никак не реагируют. И, подходя ближе, я начинаю понимать, почему. Так называемые часовые, прислонившись друг к другу, просто спят. А внутри всё уже скручивает от тревожного предчувствия. Не думая, бросаюсь к ним и принимаюсь по очереди трясти обоих, но добиваюсь лишь того, что мужчины заваливаются наземь. Они спят? Или... Присев, трясущимися пальцами нахожу шею одного и нащупываю мерное биение пульса. Спят. Просто... нет совсем не просто. Вспоминаю вчерашний напиток, от которого отказалась. Который был для всех? Снотворное? Зачем? Чего ждать? Что делать?

— Просыпайтесь!!! Просыпайтесь!!! Тревога!!! — ору я, что есть мочи.

Стараясь не паниковать, вскакиваю на ноги и бросаюсь к остальным храмовникам. Но все они спят абсолютно беспробудно, не реагируя ни на мои вопли, ни на тычки и попытки их растрясти.

Слышу какое-то кряхтение у второго костра и кидаюсь туда. Асхаб, вяло шевелится и поворачивается на спину, растирая сонное лицо.

— Что стряслось? — он смотрит на меня едва разлепившимися глазами. — Ромин, ты чего вопишь, как бес на жаровне?

— Все спят, — отдышавшись, пытаюсь ему объяснить причину своей паники. — Даже часовые. Никого не могу разбудить. Что-то не так.

— Эй, не пори горячку, парень. Сейчас разберёмся, — ворчит бородач, заторможено садясь. — Может просто перебрали чего вчера? Чего ты всполошился?

— Предчувствую опасность, — смотря ему в глаза, признаюсь я, пытаюсь передать, насколько всё серьёзно. Гапка моим предчувствиям верит безусловно, значит в магическом мире — это норма.

— И часто твои предчувствия сбываются? — уже гораздо менее беспечным тоном спрашивает Асхаб, прищурив один глаз. И сейчас он совсем не похож на простого добряка.

— Всегда, — произношу и тут воздух разрывает рвущий душу детский крик. Этот голос узнаю, наверное, из тысячи.

— Рома!!! Рома!!! Рома!!! Рома!!! — истошно и испуганно визжит где-то у повозок Лялька, и я срываюсь на бег, всем существом стремясь ей на помощь.

Спаси!!! Успеть!!! Дура!!! Надо было к ней первым делом бросаться, а не мужиков будить. Никогда себе не прощу, если с крохой что-то случится. За спиной слышу приглушённое ругательство, и ор теперь уже Асхаба, призывающий всех к подъёму. И словно в ответ, раздаются детские крики ещё с нескольких фургонов. Но я не обращаю на них внимания, и несусь вперёд, движимая лишь одним желанием найти и защитить Ляльку, и сейчас расстояние до нашего фургона кажется мне космическим. Когда я почти добегаю, её крик обрывается на самой высокой ноте, заставляя меня внутри похолодеть. Резко обогнув повозку, я даже не замечаю, как перемахиваю через бортик, ища глазами Ляльку. Но замечаю только скрючившееся на полу тело Гапки и огромную кровотокающую шишку у неё на лбу. Урою тварей!!! Краем глаза замечаю, что остальные женщины, кажется, спят. Но Саяны, в отличие от мальчишки Мири и хромой Гайди, тоже нет. Об этом я думаю, уже выскакивая наружу. Куда бежать? Где ты, Лялочка моя ненаглядная? Наша повозка этой ночью получилась крайней в ряду, дальше небольшая роща.

До безумия хочу ЗНАТЬ!!! Тянусь всем существом к девочке, пустившей корни в моём сердце. Где ты, Лалерин? Кажется, где-то там позади звенит сталь, кажется, кто-то кричит и матерится, кто-то отдаёт резким смутно-знакомым голосом приказы. Там бой? Какая разница? Меня тянет в другую сторону. Туда, где среди деревьев вихляет мерзкий подонок, уносящий в охапке двух девочек. Мою девочку. И я снова срываюсь на бег, уже не отпуская это видение, ведомая им. Догнать!!! Уничтожить!!!

Не знаю, откуда это во мне берётся, но внутри поднимается такая жгучая волна неконтролируемой ненависти, что кажется, будто лёгкие горят в ревущем пламени, и сердце бьёт набатом об клетку из рёбер. Глаза застилает пелена, и зрение становится почти туннельным. Я, кажется, даже слышу,

как пытит удирающий с детьми недоносок, знаю для кого, знаю зачем. И ненавижу его всей душой!!! Чтоб ты собственной кровью захлебнулся, мразь!!! Не позволю!!! Не отдам!!!

Я настигаю его неожиданно. Едва не налетаю на внезапно остановившегося между деревьев мужика, и слышу сначала странный хрип, противный бульк и истошный визг мелких, когда его руки разжимаются, и обе девчонки начинают падать на землю. Каким-то чудом успеваю подхватить Ляльку, прижав к себе одной рукой, второй хватаю за шкирку Саю, оттаскивая от похитителя.

— Рома, — всхлипывает моя кроха, обхватывая шею, дрожа всем маленьким тельцем. И её подружка, как ни странно, тоже цепляется за меня, прижавшись лбом к моим ногам.

А я, прижав лица мелких к себе, чтобы они не смотрели, делаю осторожный шаг, обходя продолжающего стоять с опущенными руками мужика. Но стоит мне увидеть, что его остановило, я отшатываюсь, чувствуя, как подкатывает дурнота, и перед глазами темнеет. Ташу девочек прочь, спотыкаясь, задыхаясь от ужаса, пытаюсь развидеть стоящую перед глазами картину напоровшегося горлом на острый сук подонка. И захлебнувшегося кровью. Нет! Нет! Это не может быть из-за меня! Или может?

Звук приближающихся шагов резко и моментально выдёргивает меня из состояния удушающей паники, заставив вскинуть голову и уставиться на незнакомца, бегущего к нам. Резко приседаю и опускаю девочек на землю. Смотрю им по очереди в глаза и отдаю чёткий приказ, пользуясь тем, что поднятая страхом и адреналиновым всплеском собственная сила ещё не схлынула.

— Лялька, Сая, прячьтесь!!! Быстро!!!

Они поддаются сразу, не сопротивляясь моей воле, хватаются за руки и несутся вместе прочь куда-то в сторону, а я, оглянувшись и найдя глазами здоровенную оглоблю, поднимаю её и иду навстречу ещё одному врагу. Понимаю, что мало что могу ему противопоставить, но хотя бы дам девочкам время найти укрытие.

Замахнувшись, заставляю выродка в чёрной одежде и такой же куфие притормозить, злобно оскалившись, и достать из ножен кривой клинок.

— Уйди с дороги, мелочь, и я не буду тебя потрошить.

Ага, так я тебе и поверила. Сплюнув, вскидываю подбородок, криво ухмыляясь. Поняв, что уступать я не собираюсь, он раздражённо цыкает языком и идёт на меня. И тут затылок взрывается болью, руки сами разжимаются, роняя моё единственное оружие. И тьма внезапно накрывает противной удушливой волной.

Тайрэн

Я могу только догадываться, откуда взялось это непреходящее ощущение, что Рами в опасности. Просто знал это, проснувшись два дня назад в гостинице, где мы остановились после того, как в свите Корима прибыли в Босварию, вывели в столичном Храме, когда и откуда планируются отправляться паломничества в Обитель Праматери, потом узнали, что общественная порталная сеть по неназываемым причинам перекрыта по приказу миразу Рифата Зайраха, и верхом преодолели приличное расстояние по пути из Замайры в Гьярану. Вспомнить, снилась ли мне Рамина, я не мог, как и говорила ли она мне что-нибудь о том, что с ней. Но, видимо снилась и говорила. Беспочвенной паранойей я никогда не страдал.

Как результат, мы уже двое суток почти без продыху мчимся, чтобы нагнать этот паломнический караван, в котором должна находиться моя знакомая незнакомка. И по моим расчётам уже к рассвету мы должны найти их место стоянки. Прошлый привал храмовники устроили на холме, не отъезжая от дороги. Скорее всего поступили так и на этот раз. Чего им опасаться. Явару служат в основном маги. И неслабые. Да и кто рискнёт нападать на слуг самого чтимого в Босварии Бога?

— Рэн, я слышу крики, — сообщает Мэл, которая несколько минут назад по привычке вырвалась вперёд, разведывая дорогу, а теперь, придержав коня, ждёт нас с Кором, немного привстав в стременах и устремив взгляд вперёд, где на склоне соседнего холма можно различить белые крыши фургонов. — Кажется, кто-то поднимает тревогу. Это должны быть наши паломники.

Слух у нашего Чудовища отменный, так что сомневаться в её словах не приходится. Кивнув, я прищипываю коня, это же делает Корин, а за ним и его сестра, и мы втроём пускаемся в галоп, стремясь, как можно быстрее оказаться на месте происшествия.

Когда мы вылетаем на поляну, вокруг которой расположились полукругом повозки паломников. У

костров валяются мужские тела, и первое что я слышу, это лязг оружия, детские крики и громогласный рёв какого-то здоровенного мужика, пробегающего мимо нас к повозкам.

— Они пришли за детьми! Спасайте детей!

Разбираться, кто такие «они», за какими детьми пришли, кто нападает, а кто защищается, и что вообще здесь происходит, можно долго, а можно...

— Кор, Мэл, валим всех! Потом разберёмся! — спешившись, гаркаю я, перекрикивая шум и видя, что мои товарищи уже собрались включиться в заварушку. Мэл так даже успела кого-то подстрелить.

Близнецам дважды объяснять, что я имею в виду, не приходится, и спустя несколько секунд на моих запястьях смыкаются их руки, активируя готовые объединяющие плетения. Его изначальную схему когда-то выбил у босварийцев мой глубокоуважаемый наставник герцог Гиерно, как он тогда выразился, в качестве компенсации за моральный ущерб и угрозу жизни его супруге, после их очень занимательной совместной командировки в эту страну. Потом плетение было им тщательно изучено и усовершенствованно, позволяя объединять силы даже не двух магов, а гораздо большего числа. Единственным условием является доверие и сработанность. Заклинение частичного стазиса, тонко настроенное на человеческие параметры, молниеносно расщепляется в моих пальцах, напитываясь силой троих магов, и срывается веером во все стороны от нас, обездвиживая всех в радиусе метров двадцати пяти. Этого по моим расчётам должно хватить.

— А ты не мелочишься, — фыркает Мэл, отпуская моё запястье, и обзревая несуразно застывшие фигуры. — Обожаю эту твою разработку. Когда уже плетением поделишься?

— На свадьбу подарю. Подданных строить, — хмыкаю я, разминая пальцы, в которых до сих пор покалывает наша общая магия.

— С чего ты взял, что она будет? — закатывает глаза Чудовище.

— Как? Ты разве не этого добиваешься? — интересуюсь, оглядываясь, пытаюсь решить, кого первым разморозить, чтобы быстрее разобраться, кто есть кто.

— Пф, всё что я от него хотела, уже получила, — как сытая кошка жмурится девушка, облачённая в строгую чёрную жупарху с синей куфией на лице, решительно шагая к тому самому здоровяку, что орал про детей.

— И что же ты хотела? — подозрительно интересуется Кор, догоняя её. Я тоже иду следом, признавая её выбор разумным. Этот амбал точно не из нападающих и был вполне дееспособен.

— Не маленький. Сам догадаешься, — фыркает Мэл.

— Он посмел... — мгновенно вспыхивает её брат.

— Я его не спрашивала, а потом ему было всё равно, — мурлычет девушка, заставив нас двоих ошарашенно выпучить на неё глаза, и останавливается у нужного нам мужика. — Вот этот лапочка нам всё расскажет. Правда? — она треплет громилу по лицу, и я, даже не снимая эмпатическую блокировку, догадываюсь, какой бурлящий коктейль из эмоций тот ощущает.

Хмыкнув, посылаю короткий импульс, и заклинание отпускает свою жертву. Мужик, до этого едва стоявший с поднятой на бегу одной ногой, пошатывается, хрипло выдыхает и шарахается от Мэл. Вот как она это делает?

— Имя? — интересуюсь у бедняги.

— Асхаб, хали, — отвечает, подозрительно косясь на склонившую набок голову Мэл.

— Ты из паломников? Что здесь происходит?

— Я сопровождаю жену. Нас всех как-то усыпили. Меня разбудил мальчишка, которому показалось что что-то не так. Он часовых не смог разбудить. Эти уроды решили украсть детей, пока все спят. Девочек... кажется.

Усыпили? Значит рубани почти не было и Рами не должна была пострадать. Скорее всего спит, как и все. С облегчением выдохнув, приказываю Асхабу:

— Показывай, с кого снимать заклинание. Всех паломников в лицо знаешь?

— Мужиков только, — басит тот, и от Мэл долетает язвительно фыркание. Громила бросает на неё неприязненный взгляд, но этим наше Чудовище точно не проймёшь. Эта зараза ещё и подмигивает ему в ответ, отчего мужика аж перекашивает.

Дальше мы скрупулёзно обходим весь караван, и я снимаю заклинания сначала с мужчин, включая всех поголовно крепко спящих служителей Явара. Близнецы остаются разбираться, как привести их в себя, а я в сопровождении Асхаба, и ещё нескольких его товарищей, направляюсь к повозкам. Там в основном тоже все спят, но далеко не так глубоко, как храмовники, и вскоре нам вслед начинают раздаваться испуганные возгласы и причитания. Находятся и похитители детей. Кто-то застыл в драке с защитниками лагеря. Некоторые замерли с этими самыми детьми в охапке. «Своих» отпускаю. Мужики, скрипя зубами, девочек отбирают, чтобы я мог снять с них заклинание, а подонков увлакивают в центр лагеря, где сваливают, как брёвна в кучу. И лишь в последнем фургоне одна из женщин ранена.

— Это бабушка того паренька, что поднял тревогу, — хмуро сообщает Асхаб, поднимая бесчувственную старушку, чтобы переложить её удобнее. — Вот твари.

Я обхожу остальных в фургоне, а он оглядывается вокруг, явно кого-то высматривая. И, судя по всему, не находит.

— Кого-то нет? — вскидываю я бровь.

И тут слышится скрипучий и испуганный голос старушки.

— Рома... Ляля... — она распахивает глаза, видит над собой наши фигуры и тонко вскрикивает, шарахаясь в сторону.

— Хоаль Зарима, не бойтесь. Это я, Асхаб. А этот хали помог остановить преступников. Где ваши внуки? — успокаивающе поднимает руки вверх громила.

Пожилая женщина ошарашенно оглаживается, ища глазами этих самых внуков, и в её взгляде зажигается настоящая паника.

— Нет... Их нет... где они? Лялечка, он хотел её унести, а я проснулась и кинулась на злодея. Но он ударил меня... — она осторожно прикасается к огромной кровоточащей шишке на лбу. — А дальше я ничего не помню. Пожалуйста! Помогите их найти!

Хоаль Зарима всхлипывает, заламывает дрожащие руки, поднимается, чтобы куда-то идти... И тут вскрикивает ещё одна женщина, проснувшись и теперь в панике шаря вокруг себя.

— Сая! Сая! Саяна! Где ты?

— Кого искать? — смотрю я на громилу, начиная сплетать поисковые заклинания.

— Мальчишка, подросток, — понятиливо объясняет Асхаб, уважительно косясь на мои руки. — Щуплый. И две девочки лет четырёх.

Отпускаю заклинания, и подхожу к бортику фургона. Всматриваюсь в рощу рядом. Если преступники успели унести детей, а мальчишка погнался за ними, чтобы спасти сестру, они вполне могли уйти раньше, чем лагерь накрыло стагисом. Плохо. Слышу причитания женщины, чью дочь похитили, тихие увещевания Асхаба, пытающегося её успокоить, и шаркающие шаги рядом. Старушка, пошатываясь, тоже подходит к бортику, явно собираясь спуститься на землю.

— Хоаль, вам лучше полежать, — замечаю, когда она жмурится с тихим стоном.

— Нет, хали. Мне нужно идти искать Лялю. И Рому. Я должна, — она упрямо цепляется за края бортика, но я кладу руку ей на плечо, останавливая.

— Хоаль Зарима. Я найду ваших внуков. Оставайтесь в фургоне. Если вы упадёте, ничем им не поможете, — и заметив приближающегося к повозке Корина, добавляю. — Сейчас кто-то из служителей Явара окажет вам лечебную помощь. Вы ведь разбудили их, Кор?

— Да. Приходят в себя. Что тут? — бросает он внимательный взгляд на меня и пожилую женщину рядом.

— Исчезли две девочки и парень-подросток. Послал поисковики. Надо убедиться, нет ли ещё пропавших в других повозках.

— Мэл уже занимается. Будит всех остальных и раздаёт указания, — кивает друг, и тут я ловлю отклик своих заклинаний.

— Нашёл, — сообщаю, прыгивая на землю и устремляясь в лес. Кор бросается следом.

Если бы не поисковики, я бы их не нашёл. Прибежав к каменной гряде посреди рощи, вскарабкиваюсь по насыпи, всматриваясь в каждую щель, пока не замечаю маленькую босую ножку, виднеющуюся из вертикальной тёмной расщелины, которую и видно-то едва из-за

наваленных перед ней валунов. Подбираюсь ближе, с некоторой растерянностью рассматривая двух крох, забившихся в столь маленькое пространство. И как их оттуда достать? Слегка послабляю блокировку, позволяя себе уловить их эмоции. Страх, так много страха.

— Они здесь, Кор, — тихо сообщая другу, который как раз осматривает яму в нескольких метрах от меня, и вспоминаю имена, которые слышал. — Ляля, Сая, идите сюда, девочки. Вас все ищут.

В ответ слышу шуршание, чувствую новую волну страха, и крохи опять замирают. Это кто ж их научил так качественно прятаться?

— Меня зовут Рэн, я от твоей бабушки, Ляля, и от твоей мамы, Саяна, — продолжая говорить, я протискиваюсь между камнями, пытаюсь добраться до этих тихих мышек. — Меня не надо пугаться. Я отведу вас к ним.

Одна из девочек начинает прислушиваться, расцветая надеждой и радостью.

— От мамы? — доносится до меня детский голосок.

— Да, от мамы. Саяна, иди сюда. Мама тебя ищет, — зову я, и из расщелины наконец нерешительно показывается замызганная кроха, смотрящая на нас с Кором огромными перепуганными глазами. — Умничка. Не бойся.

Она несмело тянется ко мне, и я, стараясь не испугать, подхватываю маленькое тельце, прижимаю к себе на миг, успокаивая, и передаю подошедшему Корину. Осталась ещё одна.

— Ляля, маленькая, иди к нам. Там твоя бабушка волнуется, — девочку в темноте я едва различаю, лишь слышу её испуганное дыхание.

— Рома сказал прятаться, — доносится её тихий голос.

— И ты всё правильно сделала. Спряталась так, что без магии не найти. Но опасности больше нет. Можно выходить.

— Рома сказал, — упрямо заявляет кроха.

— А где Рома? Я хочу ему помочь, но не могу найти, — пытаюсь найти подход с другой стороны, понимая, что достать до неё никак не смогу, тут даже Мэл не пролезет. Надо, чтоб девочка сама выбралась. И на упоминание брата следует такая яркая эмоциональная реакция, что сразу понятно, чьим именем её выманивать. — Ляля, ты настоящая умничка и сделала всё, как сказал брат. А теперь хочешь ещё помочь ему?

— Хочу, — едва слышно произносит она, но я слышу.

— Тогда иди ко мне, и мы его вместе поищем, — снова зову, но она упрямо молчит, и словно прислушивается. Недоверчивая, как дикий зверёк.

Может действительно сначала поискать этого Рому? Хотя, если он отправил девочек прятаться, то сам мог отвлекать от них внимание, или задерживать преступников, что могло закончиться для мальчишки плохо. И поисковики никого больше в доступном радиусе не нашли... живого.

— Кор, иди с девочкой в лагерь и приведи сюда бабушку этой Ляли, надо ещё её брата найти. Нельзя терять время, — повернув голову к другу, команду я и наконец ощущаю нужную мне эмоцию от девочки. Ей по-прежнему очень страшно, но появляется и настороженная решимость.

— Я быстро, — бросает Корин, и вслед за этим слышатся его удаляющиеся шаги.

— Ты правда pomoжешь Роме? — доносится из каменной расщелины детский голосок.

— Правда, — как можно уверенней произношу я, наблюдая за девочкой, которая осторожно начинает двигаться к свету. На меня устремляется взгляд больших шоколадно-карих глаз.

— Обещаешь? — требовательно спрашивает она, и снова замирает. Маленькая, а переговоры умеет вести.

— Обещаю, — отказать этой отчаянной надежде я не могу.

Она кивает, словно убедившись в чём-то и наконец выбирается из своего укрытия. Осторожно переставляя босые ноги, и держась за камни, приближается ко мне и замирает настороженно.

— Разрешешь взять тебя на руки? — вскидываю я бровь.

После секундного размышления она великодушно кивает, заставляя меня прятать улыбку. Надо же,

какая.

Подхватив её, я выбираюсь сначала из расщелины, потом спускаюсь с каменной гряды.

— Ну рассказывай. Где вы были, когда Рома велел вам прятаться? — прошу я, останавливаясь и всматриваясь в лицо девочки.

Она молча поднимает руку и указывает пальчиком направление.

— Уверена? — уточняю на всякий случай.

Она решительно кивает и неожиданно обхватывает меня ручками за шею, позволяя прижать к себе. Приятное доверие. И, кажется, подкреплённое магическим даром. Непростая Ляля. Накрыв ладонью, хрупкую спинку, бросаю взгляд в сторону лагеря и замечаю вдалеке идущих к нам Кора с её бабушкой. Не уверен, что брать девочку с собой правильное решение, но парня надо найти, не теряя времени. Мало ли что с ним. Потому решительно направляюсь в ту сторону, которую указала девочка.

Застывшую мужскую фигуру замечаю издали. Кроха, внезапно прячет лицо, утыкаясь мне в плечо и жмурясь, я интуитивно кладу ладонь ей на голову, защищая, подхожу ближе и понимаю, что такого увидеть точно не ожидал. Это как так? Сам? Или с чьей-то помощью? Окидываю взглядом землю вокруг, отмечая многочисленные детали. Кажется, мужик бежал, скорее всего с детьми, слишком глубокие и явные следы оставлял. Сук дерева никто направить не мог, значит... поразительно, но, кажется, всё-таки сам.

Вот ещё чьи-то, тоже бежал, резко остановился. Сильно натоптано рядом. Осторожно ступая, я отхожу от мужика на вертеле, пытаюсь сложить для себя картинку произошедшего.

— Я думал ты на месте подождёшь, — слышу голос приближающегося Кора. — Ух ты? Это кто его так?

Ему вторит испуганный выдох семенящей рядом старушки.

— Бес его знает. Судя по следам сам. Взгляни лучше сюда. Кажется, тут была драка, — я указываю другу на вытоптанное место. И, погладив девочку по волосам, спрашиваю у неё: — Ляля, почему Рома велел вам спрятаться?

— К нам бежал злой хали, — шепчет она, не поднимая головы.

Значит, мои выводы правильные. Остаётся понять, куда делся мальчишка. По всему выходит, что его по какой-то причине забрали с собой.

— Где мой внук? Вы его найдёте? — с мольбой в голосе спрашивает хоаль Замира.

— Раз его нет, значит забрали, — озвучивает мои мысли Кор, а когда старушка охает, пытается её успокоить. — Но это, по крайней мере, означает что он жив. Труп-то им зачем?

И вот почему я не удивлён, что пожилая хоаль ещё и за сердце теперь хватается.

— Возвращаемся в лагерь, — команду я, бросив на друга многозначительный взгляд. Тот в ответ лишь с кривой ухмылкой пожимает плечами.

— Но как же... Рома? — кидается ко мне женщина.

— Мы не знаем куда его увели. Мои поисковики никого кроме детей не нашли, значит он уже далеко. Надо допросить задержанных, возможно у них есть нужная информация, — объясняю чётко, чтобы на корню обрубить возможную истерику.

И надо отдать старушке должное, она не спорит. Окидывает меня проницательным изучающим взглядом и согласно кивает.

— Ляля, иди ко мне, — зовёт девочку, но та лишь крепче обхватывает мою шею. Не отдирать же.

— Я отнесу. Вам будет тяжело с ней идти, — смиряюсь с ролью ездового принца и не дожидаясь, пока мне ответят, отправляюсь к лагерю.

Мне жизненно важно узнать, нет ли среди пострадавших женщин, не уволокли ли ещё кого-то. Где-то среди этих паломников моя Рами, и только теперь я осознаю, что понятия не имею, как её опознать. Рассказывать всем направо и налево, что она попаданка, моя девочка точно не будет, скорее всего придумала себе какую-то правдоподобную легенду, чтобы не выдавать себя. Самый разумный вариант для меня, присоединиться к паломникам и попытаться её как-то вычислить в пути.

— Ты найдёшь моего Рому? — вырывает меня из раздумий голос Ляли. Он поднимает голову и смотрит на меня хмуро. Маленькие губы дрожат. — Ты обещал!

— Найду, — киваю я. Действительно ведь обещал.

Глава 12

Рамина

Первое, что я чувствую, приходя в себя, это адская головная боль, пульсирующая в затылке. Где я? Что я? Мамочки, как же дурно! Ещё и трясёт, будто кто в бетономешалку меня запихнул.

— Зачем ты тащишь эту ряженную девку с нами, придурок? — слышу злой скрипучий голос где-то неподалёку. Это он о ком?

— Вот потому и тащу, что девка. Ты задницу её видел? — цыкает другой. Его я уже, кажется слышала. Только где? Вспомнить бы.

— Какая к бесам задница? Нам делать ноги надо. Почти всех накрыли храмовники. Сдадут нас с потрохами. И хозяйку сдадут. А ты вместо головы причиндалами думаешь, — кипятится скрипучий, и меня резко подбрасывает на том жёстком нечто, на котором я лежу. Мой стон тонет в грохоте и лошадином ржании.

— Ты на дорогу смотри, лучше. Мои причиндалы не твоя забота, — сплёвывает цыкало, и я кажется вспоминаю, что он разговаривал со мной в лесу. Лес... оглобля у меня в руках. Убегающие девочки. Лялька. Моя Лялька. Где она? И снова... где я? Куда меня везут? Словно подслушав мои мысли, подонок озвучивает свои планы: — Девку поимею и в реку сброшу вместе с клеткой, чтоб не всплыла, много времени это не займёт. А ты, если такой шибко умный, вали на все четыре стороны и не ной мне тут. Она пацаном одета, кто её искать будет? Храмовники сейчас соберутся и дальше караван поведут, о нападении письмо отправят, так пока кто приедет, нас уже и след простынет. За...ался я уже хозяйке товар поставлять, который она даже пальцем не позволяет тронуть. Чистеньких ей подавай, целеньких, чтобы продать подороже в наложницы старым сморчкам. И малявок этих растит на продажу под семью замками. Сдадут? Туда ей и дорога. Ты как хочешь, а я валю к бесам. Но сначала эту кошку бешенную выдеру.

По мере осознания его слов меня начинает мутить ещё сильнее. Хотя куда уже? Открываю глаза и морщусь от болезненно яркого света. Преодолевая себя, сквозь выступившие слёзы оглядываюсь вокруг. И ничем хорошим меня окружающее не радует. Словно моего контуженного состояния мало, я ещё и в клетке, оказывается. И как отсюда выбираться? Стараясь не шуметь, поворачиваю голову на голоса и вижу спины двух мужиков, сидящих на козлах, судя по всему, повозки. Спины я, кстати вижу только ниже лопаток. Сверху обзор закрывает свисающий с крыши грязный брезент. И это, пожалуй, хорошо, поскольку исключает возможность, что они заметят краем глаза мои движения. Главное не шуметь. Полежав ещё с минутку и ожидая, пока схлынет очередная волна дурноты, едва дыша, контролируя каждое движение, осторожно сажусь и, пошатываясь, принимаюсь ощупывать голову. На затылке огромная шишка, но влаги и даже засохшей крови нет. Наверное, волосы с куфией спасли. Куфия, кстати, сползла и болтается теперь на шее. Снимаю её, поправляю растрепавшуюся косу и дрожащими руками наматываю головной убор обратно. Потом вряд ли будет возможность. О том, что мне это никак не поможет, и я на этот раз не выберусь из передраги думать себе категорически запрещаю. Выберусь. Глотки перегрызу, но выберусь.

Они ещё о чём-то переругиваются, переговариваются, обсуждают нападение и то, что всех в пределах лагеря накрыло каким-то мощным заклинанием. Потом спорят, было ли это заклинание сработавшей охранкой, или это храмовники проснулись и шандарахнули во всю мощь. Звучит даже версия, что сам Явар за кощунство нападавших наказал. Вон Горвуля дерево убило. Я не знаю, о каком заклинании идёт речь, меня больше заботит, смогу ли я открыть висящий замок на этой клетке. И почему среди моих многочисленных увлечений медвежатничество никогда не значилось? Столько всего умею, а замки вскрывать нет. Непростительное упущение. Надо будет наверстать. Но на всякий случай я достаю из волос под куфией шпильку, намереваясь хотя бы попробовать. Может повезёт?

Но испытать себя в новой роли мне не дают возможности. Скрипучий тпрукает, останавливая лошадь, повозка со скрипом, прекращает трястись. А цыкало резко разворачивается и, подняв брезент, заглядывает внутрь. Наши взгляды встречаются, и его мерзкая рожа расплывается в довольном оскале.

— Очухалась? Это хорошо. Я люблю, чтоб брыкались.

В груди мерзко сжимает от подступающей паники, я сглатываю, следя за каждым его движением. А мужик уже собирается перекинуть ногу через спинку козлов и залезть в повозку, как его подельник, резко крикнув, начинает заваливаться набок, пока не повисает безжизненным кулем. Я ещё пытаюсь сообразить, что произошло, цыкало ныряет в повозку, стараясь укрыться, и тут у него на лбу буквально на моих глазах с глухим хлопком расцветает алое пятно, из которого торчит странная штука, напоминающая стрелу.

Нет. Меня не вырвет. Меня не вырвет. Я вроде как сильная. Задолбалась я быть сильной. Хочу побыть слабой. И поплакать на сильном плече. Чтобы кто-то большой и сильный обнял и пожалел.

— Эй ты как? Живой? — кажется, перед моим остекленевшим взглядом кто-то машет рукой.

— Не знаю, — честно признаюсь я хрипло.

— Значит живой, — хмыкает низкий мужской голос. — Ты ведь Рома?

— Да, — поворачиваю голову и встречаюсь взглядом с прищуренными внимательными глазами, цвет которых не рассмотреть под глубоким капюшоном. Огромный широкоплечий мужчина в тёмно-серой жупархе, склонив голову набок рассматривает меня с пристальным интересом, отчего по коже пробегает толпа ледяных мурашек. Пугающий тип. Опасный. Сильный.

— Я — Рэн, — слегка ухмыляется он. — Знаешь, где ключ?

— Нет, — поборов самоубийственное желание помотать больной головой, отвечаю ему, нервно сглатывая. Он понятиливо кивает и проскальзывает мимо клетки к трупам моих похитителей, принимаясь их методично обыскивать, начав с цыкала.

— Рэн, там причал замаскированный. И баркас пришвартован, — раздаётся новый голос, и на козлы взбирается ещё один пугающий мощью и опасной аурой незнакомец. — Что ищешь? — интересуется он, заметив манипуляции своего товарища.

— Уже нашёл, — сообщает тот ему, доставая из кармана цыкала ключ. — На баркасе кто-то был?

— Пусто, — второй мужчина переводит свой взгляд на меня, удивлённо прищуриваясь. — Это он? Наша пропажа?

— Он самый, — отвечает Рэн, открывая замок.

— Кто вы? — наконец отмираю я.

— Добрые путники, — хмыкает тот, что на козлах. И с такой «доброй» улыбкой, что прям вот сразу верится. — Вылазь, мелкий.

Что-то мне не хочется. Прошмыгнуть бы да дать дёру, но сомневаюсь, что такой финт с ними пройдёт. Понять бы что им от меня надо. И откуда знают моё имя? Сознание после сотрясения мутится, и мозги работают со скрипом. Голова по-прежнему раскалывается, не добавляя ясности. Хмурясь, рассматриваю присевшего у дверей клетки Рэна, пытаюсь определить со своими выводами и действиями.

— Мы помогли вашему каравану отбить нападение, — понятиливо щурясь, сообщает он. — Тебя с сестрой и второй девочкой из вашего фургона не досчитались. Девчонок я нашёл. Ты молодец, что приказал им спрятаться. Твоя Лялька выбралась из расщелины, в которой сидела, только после того, как я ей обещал найти тебя и помочь. Вот, собственно, выполняю обещание. Так что прекращай ломаться. Вылезай из клетки, времени мало.

Чувствую, что не врёт. И уходит, оставив дверь открытой. Вполуха слушая тихий разговор мужчин о баркасе и возможных планах преступников, я таки покидаю своё ненадёжное укрытие. Убегать уже не кажется разумным. Понятия не имею, где нахожусь и как вернуться к лагерю. Придётся положиться на свой дар и поверить этим двоим. Но тут возникает новая проблема. Среди паломников я позволила себе слегка расслабиться. Находясь целый день в повозке среди женщин, которым не положено пристально рассматривать мужчин, даже будь они подростками, а во время привалов, держась в стороне от всех, я расслабила повязку на груди, чтобы не так сильно передавливала и не причиняла дискомфорт. Под свободным каптаном скрывавшем меня до колен издалека, или в темноте, это не было заметно, как и моя пятая точка, да и не чувствовала я пристального к себе внимания. А вот с этими вооружёнными до зубов хищниками, похожими на ассасинов из столь популярной в моём мире игры, с пронзительными пронизательными взглядами точно надо быть осторожней. Не производят они впечатление невнимательных и ненаблюдательных. Скорее совсем наоборот.

Пользуясь тем, что на меня не смотрят, поправляю одежду. Сутулясь и совсем не понарошку пошатываясь, осторожно приближаюсь к мужчинам. Рэн слегка поворачивает в мою сторону голову.

— Что с тобой?

— По башке сильно треснули, — признаюсь, выглядывая из повозки. Впереди виднеется река. Судя по всему та, в которой меня топить собирались.

— Сильно говоришь? Давай, посмотрю, — предлагает мужчина, и я едва сдерживаюсь, чтобы не

шарахнуться. Вот нервируют они меня.

— Не надо. Там только шишка. Пройдёт, — как можно спокойней отвечаю, но он подозрительно прищуривается, явно не поверив.

— Зря. Караван с храмовниками и целителями уже скорее всего двинулся дальше. Пока нагоним, пройдёт время.

От услышанного меня накрывает волна неконтролируемой паники. Что значит, двинулся? Этого не может быть!

— Как?!! Двинулся?!! Там же... там же моя Лялька. И бабушка, — хриплю я, испуганно таращась на мужчин.

— Твоя бабушка категорически отказалась ехать дальше без тебя, так что они ждут в лагере, — пытаются меня успокоить, но результат получается ещё хуже.

— Одни?!! — едва не срываюсь я на визг. — С ними же что угодно может случиться!!!

В приступе паники, усугублённом сотрясением, я бросаюсь вперёд, собираясь выпрычь хотя бы одну из двух лошадей, мирно прядущих ушами перед фургоном.

— Не одни. Успокойся. С ними надёжный человек, который защитит их в случае чего, — накрывает моё плечо тяжёлая рука Рэна. — Но времени терять действительно не стоит. Надо караван догнать. — И обращаясь к своему товарищу, командует: — Кор, давай уберём лишнее из повозки.

— Думаешь забрать её с собой? — вскидывает тот удивлённо бровь.

— А как ты предлагаешь везти старушку с ребёнком? Да и этот герой — скупой кивок в мою сторону. — Едва на ногах держится. Куда ему в седло?

— Я из без седла могу, — вырывается у меня обиженное. Тоже мне...

— Поверю на слово. Но своим бабушке с сестрой ты живой нужен. Так что сядь и не мельтеши, — приказывает этот весь из себя крутой тип, заставив меня скрипнуть зубами. Нет, он может и прав, но бесит.

Впрочем, спорить сил у меня не находится, поэтому я усаживаюсь прямо тут, уперевшись спиной в передний борт повозки. Складываю руки на груди, пряча её, и только потом понимаю, что этот жест может выглядеть вызывающим, или, что ещё хуже, по-детски обиженным. Но, кажется, на это никто не обратил внимание. Рэн и тот второй, который, вроде как Кор, уже дружно примеряются к клетке. Что ж. Пускай занимаются. Может и хорошо, что они меня болезным посчитали. Не надо участвовать во всех этих мужских делах с перетягиванием тяжестей. Куда мне до этих громил?

Краем глаза наблюдая за своими спасителями и пытаюсь лишний раз не шевелиться, чтобы не тревожить ушибленную голову, я сама не замечаю, как заваливаюсь в угол, задремав. Просыпаюсь от того, что меня встряхивает, приложив спиной об борт. Сдержать стон не получается, как и порыв свернуться калачиком.

— Ты как там? — снова этот ровный голос, который был бы приятным, если бы так не напрягал.

— Живой, — ворчу, разлепляя глаза и осматриваясь вокруг. Клетки в повозке больше нет, как и тела цыкала.

— Иди сюда. Поговорить надо, — командует Рэн.

— О чём? — уточняю подозрительно. Понимаю, что нет ничего странного в том, что взрослый матёрый и возможно связанный с военными структурами мужик разговаривает с пацаном таким командным тоном, но ничего не могу поделать со своим внутренним раздражением.

— Ты всегда со старшими пререкаешься? — недовольно интересуется мужчина. Вот вроде и голос не повышает и тон почти не меняет, но по коже колющие мурашки бегут. — О нападении тебя хочу расспросить. Свои душевные секреты сможешь оставить себе.

Приходится признать, что меня поставили на место. Ла-а-адно. Как парень при мозгах, я, наверное, должна признать авторитет явного лидера. Впрочем, как девушке, мне это объективно тоже не мешает сделать. По крайней мере, временно.

— Извините, — ворчу пристыжено. И осторожно поднимаюсь, чтобы перебраться к нему на козлы. — Что вы хотели узнать?

Он терпеливо дожидается, пока я усядусь, управляя повозкой и бросая из-под капюшона

пристальные взгляды, под которыми я едва не забываю, как по-мужски сидеть, настолько мне хочется демонстративно прилежно сложить ладони на коленях. Вместо этого опираюсь локтями на широко расставленные колени, позволяя полам каптана впереди провиснуть. Надо где-то срочно спрятаться и перемотаться, а то уже сил никаких нет следить за каждым своим движением и даже дыханием.

— Насколько я понял, тревогу в лагере поднял ты, — констатирует Рэн, когда я выжидающе замираю на другом конце скамейки. — Как узнал?

— Я не знал. Просто вечером женщина из нашей повозки хоаль Рахима угощала всех напитком, который с кем-то там ещё сварила для всех. А я почувствовал, что его не надо пить. Сам не стал и бабушке не позволил.

— Ты интуит? — бросает на меня изучающий взгляд мужчины.

Эм, это что за зверь?

— Да, — осторожно, но согласно киваю я, прикинув, что мои периодические озарения можно и так назвать.

— И что дальше? — продолжает допрос Рэн, удовлетворённо хмыкнув.

— Дальше проснулся ночью, перед рассветом, от ощущения опасности. Пошёл спросить у часовых всё ли в порядке, а те оказались беспробудно спящими. Как и все остальные в лагере. Разбудить удалось только одного человека. Асхаба. Он здоровяк, думаю снотворное его из-за этого толком не взяло. А потом закричала моя Лялька. Я бросился к ней. Нашёл раненную бабушку, — на этом воспоминании я резко поворачиваю голову к попутчику. — Как она? С ней всё в порядке?

— Да. Рвалась ехать с нами тебя искать, — хмыкает мужчина.

— Это на неё похоже, — не сдерживаю и я облегчённый смешок и продолжаю докладывать: — Ляли в фургоне не было, как и её подружки Саяны. Я бросился в рошу искать. Догнал подонка, утащившего их, лишь тогда, когда этот урод напоролся на сук. А потом появился ещё один. Я велел девочкам прятаться, а сам решил отвлечь от них внимание. Но меня стукнули по голове, подкравшись со спины. Очнулся незадолго до вашего появления. — Непроизвольно поднимаю руку и трогаю гудящий затылок. — Дальше... Лежал и слушал этих мразей. Правильно, что вы их... Но у них какая-то хозяйка имеется.

— Хозяйка? — заинтересованно поворачивает ко мне голову Рэн.

— Да. Они обсуждали, что поставляли хозяйке девушек, а та продавала их в наложницы старым сморчкам. А девочек тоже растила на продажу. Это нельзя просто так оставлять!!! — не скрывая ярости, заявляю я, и с удовлетворением наблюдаю, как играют желваки на красивом мужественном лице.

— Не оставим. Можешь быть уверен, — говорит с суровой непрекаемостью, не позволяющей усомниться в его словах. Потом бросает в мою сторону заинтересованный взгляд. — А тебя зачем прихватили?

Э-э-э, и вот что ему отвечать? Непроизвольно начинаю краснеть, вспомнив, что со мной хотели сделать эти сволочи, понимая, что своей реакцией непозволительно палюсь. С отвращением передёргиваю плечами и сплёвываю в сторону, отворачиваясь.

— Задница им моя понравилась, — брякаю зло правду, понимая, как она выглядит. Но лучше так, чем ещё вопросы, на которые я не знаю, как ответить.

От мужчины слышится изумлённый выдох, но ему хватает такта прекратить наконец этот допрос. Некоторое время мы едем молча. Потом нас нагоняет Кор, который, оказывается, оставался чтобы обыскать баркас на предмет улик. Кратко доложившись Рэну, который явно в их компании главный, тот некоторое время скачет рядом, а потом уносится вперёд на огромном гнедом жеребце, смотря на которого мне хочется рыдать от умиления. Хочу такого. Ужас, как хочу! Где бы разжиться?!!

Дорога, по которой мы едем, не такая наезженная, как та, которой шёл караван, но холм, где стоял наш лагерь, я довольно быстро узнаю. Мы просто поднимаемся на него с другой стороны, объезжая ту самую рошу, в которой всё случилось ночью. И по мере движения понимаю, что Рэн был прав. Караван действительно ушёл. Поляна выглядит какой-то сиротливой и пустой, и этот вид сжимает моё сердце страхом. Не знаю, что буду делать, если Гапка с Лялькой всё-таки ушли. Слишком я успела расстись с ними.

Я замечаю их не сразу, потому что сидят мои, пора уже признать, дорогие сердцу попутчицы в стороне под тем самым деревом, где я спала. Неподалёку привязаны два коня, над костром висит

парующий котелок, рядом с Гапкой уплетает что-то из походной плошки Кор, а у валуна, вытянув длинные ноги в высоких сапогах полусидит ещё один «ассасин» только помельче как-то, с виду спящий. Рэн правит прямо к этой разношерстной компании. Старая нянька вскакивает, придерживая за руку рвущуюся навстречу Ляльку, а я от радости, что вижу их целыми и почти невредимыми едва могу дышать. Стоит повозке остановиться, скатываюсь с козлов, забыв и про сотрясение, и про всё на свете. Подлетев к ним, сначала хватаю на руки Ляльку, сжимая в объятиях и целую улыбающуюся мордашку, а Гапка обнимает нас двоих, тихонько плача и причитая, как она волновалась и боялась за меня. Едва сдерживая подступающие слёзы, прижимаюсь к её лбу своим, и замираю так, в полной мере прочувствовав, что не одна в этом мире, что у меня здесь уже есть родные люди. И даже, если так случится, что я по каким-то неведомым и независящим от меня причинам не найду Тая, я уже не одинока.

— Со мной всё в порядке, — шепчу старушке, когда она спустя пару минут отстраняется и принимается меня ощупывать, ища повреждения и раны. — По голове треснули, болит немного, но это пройдет. Как вы? Как твоя рана?

— Всё хорошо, не волнуйся. Меня целитель подлечил, — уверяет Гапка, умильно глядя меня по рукаву.

А я поворачиваю голову и снова целую почему-то непокрытую хариджи голову девочки, привычно спрятавшей лицо у меня на шее.

— Ляля, мне сказали, что ты просто невероятно хорошо спряталась. Ты такая большая умничка у меня. Я очень тобой горжусь.

— Правда-правда? — тихо спрашивает она.

— Самая настоящая правда.

— И ты не сердись? — тянет с волнением.

— За что? — с удивлением интересуюсь я у напряжённой крохи.

— Что я больше не прячусь?

— Нет, конечно, — ошарашенно выдыхаю я и, припомнив слова Рэна, про то, чем он её выманил, уверяю. — Если бы не ты, меня бы так быстро не спасли. Спасибо тебе, маленькая.

Она довольно выдыхает и расслабляется в моих руках.

И кстати про Рэна. Вспомнив, что мы не одни на этой поляне, я поднимаю голову, ища глазами своего спасителя. Он обнаруживается возле лошадей. Как раз насыпает овса в торбу-кормушку и надевает её на голову прекрасному в своем ухоженном совершенстве чёрному, как вороново крыло, жеребцу, которого я прежде не видела. По-видимому, его собственному. Наверное, к фургону был привязан. А-а-а-а, ну так нечестно! Я ж изйду от зависти! Смотреть на таких прекрасных сильных породистых созданий и тащиться в повозке. За что-о-о?!!

— Эй ты, Рома, тащи свою задницу сюда и садись завтракать, — слышу окрик Кора, заставивший меня вздрогнуть от неожиданности. Далась им всем моя филейная часть.

— Да-да, пойдём Рома, — тут же всплескивает руками Гапка и, ухватив меня за рукав, тащит к костру. — Хали Корин сказал, что нам надо поспешить, чтобы нагнать караван. А я там жаркое приготовила, пока... вас ждала.

И словно получив разрешение, мой желудок отзывается на это предложение громкой голодной ругадой, показав, насколько рад предстоящему потреблению пищи.

У костра так выходит, что я занимаю место напротив Кора, получаю от Гапки свою горячую плошку с ложкой, и ловлю на себе изучающий взгляд жующего мужчины. Сейчас, когда он снял капюшон, я могу рассмотреть его внешность, что и делаю мельком, стараясь, чтобы мой взгляд нельзя было принять за женский. Тёмные волосы, голубые с синевой глаза, которые заставляют сердце трепыхнуться, напомнив те, которые мне снились. Немного резковатые, но при этом мужественно-привлекательные черты волевого лица, и пронзительный взгляд.

— Как твоя голова, Рома? — слышу голос Рэна над собой. И как он так бесшумно подкрался? Мужчина обходит меня и садится рядом с другом. Гапка тут же отсыпает порцию жаркого и ему, протягивая с краюхой хлеба, невесть откуда взявшегося. Мужчина, поблагодарив, принимает угощение и снова обращает всё своё внимание на меня. И вот зачем меня буравить такими внимательными взглядами. Так и подавиться недолго. И этот тоже синеглазый, только оттенок чуть насыщеннее. И тоже темноволосый. И капец красивый. Но меня это не должно волновать. Я ведь парня изображаю. И у меня Тай есть.

— Нормально моя голова. Уже легче, — ворчу, уставившись в свою тарелку.

— Ух-ты! — доносится до меня новый голос. Интересный такой голос. Третий товарищ этих синеглазиков, плюхается по другую сторону от Рэна, — Какой милый... мальчик.

Поднимаю на нового персонажа взгляд и уже без какого-либо удивления констатирую, что его глаза тоже синие. Хорошо хоть блондин... И совершенно не мужчина. А они хоть босварийцы?

Глава 13

Управлять повозкой и лошадьми в упряжи гораздо проще, чем верхом. Но я всё равно не позволяю себе расслабиться. Просто позади меня, устроившись на седельных сумках и завернувшись в одеяла, спят Гапка с Лялькой. Бабушка решила уложить кроху, и сама не заметила, как уснула с ней в обнимку. Поэтому и слежу особо тщательно за дорогой, чтобы их не трясло сильно. Самой спать тоже хочется, но пока вполне терпимо.

Наши новые попутчики, как это не странно, скачут, хоть и слегка впереди, но рядом, разве что Мэл иногда вырывается вперёд, разведывая дорогу. Интересная эта Мэл.

Тогда у костра я так откровенно и удивлённо на неё таращилась, что она весело рассмеялась и хитро мне подмигнула. И вот понимай, как хочешь. То, что она может меня раскусить в разы быстрее, чем её товарищи, я вот ни капли не сомневаюсь. Может даже уже раскусила.

Что касается её самой — несмотря на мужскую одежду, принять эту эффектную блондинку за парня может разве что слепой и беспросветно тупой. Она не прячет ни женственную фигуру, ни голос, хоть и довольно низкий, но чувственный настолько, что даже меня пробирает, что уж говорить о реальных мужиках, ни хищные грациозные движения. И даже её волосы, хоть и короткие, мужскими ну никак не выглядят. В общем парня не изображает от слова совсем. В отличие от меня.

И вот тут снова поднимается вопрос, как быстро меня раскусят, и что будет, когда это случится? Чем больше я думаю, тем больше прихожу к выводу, что ничего страшного. Ну какое им дело до меня и моего маскарада? То, что эта троица не из Босварии, я уже почти не сомневаюсь. Слишком они отличаются от того, к чему я уже успела привыкнуть. Наличие в их компании Мэл, которая не просто мужчиной одета, но и явно умеет за себя постоять, и к которой её совсем непростые спутники относятся как к равной и боевому товарищу, конечно, самое очевидное, что наталкивает на такие выводы. Но есть и другие моменты. Например то, как они ведут себя с Гапкой. И с Лялькой. Особенно Рэн, к которому моя кроха без опасения пошла на руки, когда он её позвал утром. Она даже к Гапке поначалу только в моём присутствии шла, а к этому командующему направо и налево типу, нате пожалуйста. И я совсем не ревную. Просто недоумеваю. Ага.

За этими размышлениями я лишь мельком обратила внимание, как мы сначала миновали развилку с указателями на большом столбе, гласящими что дорога прямо ведёт в Хазру, а та, что налево, в Кадир, потом прокатили ещё километров пять по моим ощущениям и выехали к широкой реке. Вот только моста тут и в помине не было. У самого берега наблюдалась огромная платформа, которую я издали сначала приняла за странный причал, но по мере приближения начала понимать, что, кажется, ошиблась.

Рэн придержал коня, и поравнялся с нашей повозкой.

— Нам сейчас надо будет переправиться паромом. Лошади могут испугаться. Мы с Кором поможем.

— Спасибо, — поборов глупое желание взять на себя больше, чем потяну, отвечаю я.

На самом деле понятия не имею, как отреагируют коняшки в упряжи да без шор, когда их поведут на шатающуюся под ногами платформу. Могу только предполагать по их смирности. Но зачем рисковать и попусту хорохориться, отказываясь от помощи?

— Ты как? Держишься? — без особых эмоций интересуется мужчина, продолжая скакать рядом.

— Да. А почему вы спрашиваете? — не сумев убрать подозрительность из голоса, уточняю я.

— Видок у тебя... плачевный, — хмыкает Рэн. — Я так понимаю, ты с целителями принципиально не общаешься?

— Оно само пройдёт, — демонстративно набычившись, заявляю ему.

Как выгляжу, могу только представлять, потому что посмотреться было не во что и некогда. Синяки после общения с брусчаткой уже вчера радовали глаз всеми оттенками синевы и зелени. Думаю, сегодня картина лучше не стала. Да и после ночных приключений и непреходящего ощущения лёгкой дурноты я вся, скорее всего, слегка зеленовата. И кровь опять носом шла. Гапка, конечно, вытерла. Но отёчность чувствуется. Красавица в общем. Точнее, красавец.

— В Хазре тебе надо будет дать показания в местном отделении янгарды, — сообщает мне мужчина. — Расскажешь всё, что слышал от своих похитителей. Мы задержали нескольких их подельников. Думаю, их должны уже были расколоть.

А вот это мне не нравится. Наказать преступников и добиться, чтобы эту пресловутую хозяйку поймали, чтобы она больше не торговала живым товаром, конечно, очень хочется. Но светиться в

местных правоохранительных органах, подконтрольных Рифату, мне крайне нежелательно. Но как этого избежать, если я сама кричала, что произошедшего нельзя так оставлять? Вот что теперь делать?

Для начала переправляться на другой берег. А там разберусь. Может в городе удастся ускользнуть от внимания этой троицы? Ну, правда, зачем я им? Спасли и хорошо. Нагоним караван и разойдёмся.

Переправа особых проблем не вызывает. Видимо, наши трофейные работяги к такому виду транспорт привычны, потому что они безропотно позволяют отвести себя на платформу парома. Я бы и сама справилась, но Рэн, скептически проследив за моей нетвёрдой шатающейся походкой, приказал (ар-р-р, ну до чего же бесит!) мне вернуться в повозку. Пришлось подчиниться, хоть и скрипя зубами. И лишь угнездившись обратно на козлах, я успокоилась, решив, что понаблюдать со стороны за ним тоже хорошо. О человеке можно очень многое сказать по тому, как он обращается с животными. Вот только, чего я не ожидала совсем, так это того, что залуюбуюсь этим великолепным образчиком мужской привлекательности. Вот есть что-то притягательное в его высокой мускулистой и плечистой фигуре, уверенных движениях, сильных руках, которые умеют, как успокоить, так и направить... Эм... Я о лошадях. Да.

Смутившись собственных мыслей по отношению к совершенно левому мужику, резко перевожу взгляд на Мэл, ведущую в поводу своего и Рэнового жеребцов. И краем глаза замечая, что мужчина вскинул голову и посмотрел на меня. Не, я на тебя не пялилась. Мне это совершенно незачем. Лучше на эту амазонку полюбуюсь. Мне это по легенде положено.

Сначала на паром поднимается Кор со своим гнедым, предварительно рассчитавшись с паромщиком, потом Мэл, и лишь потом под управлением Рэна мы на повозке. Колёса грохочут по настилу, фургон ощутимо встряхивает.

— Рома... — слышу я тихий голос закономерно проснувшейся Гапки.

— Всё хорошо. Мы на пароме. Скоро приедем в Хазру, — поворачиваю я к ней голову. Киваю в сторону наших попутчиков. — Они сказали, что привала нет смысла делать, потому что скоро всё равно город. Разве что по потребности.

— Может ты тоже тогда поспишь? — спрашивает старая няня, осторожно садясь и присматриваясь ко мне.

— А ты сможешь управлять повозкой? — интересуюсь я, чувствуя, что действительно зверски устала.

— Не знаю. Попробую. Покажешь, как это делать? — неуверенно просит Гапка.

Но ответить я не успеваю. Во-первых, паром отчаливает от берега, качнувшись и тряхнув повозкой ещё раз. А во-вторых, просыпается наша Ляля. Малышка, распахнув глаза, несколько секунд смотрит в потолок, потом начинает шарить ручкой рядом и не найдя искомого, явно пугается. Я сначала не понимаю, что она потеряла, но, когда девочка переворачивается и принимается в панике искать вокруг себя, чувствую, как сжимается сердце от догадки.

— Ясмина, — всхлипывает Ляля. И смотрит на меня с такой надеждой, что внутри всё переворачивается. — Ясины нет.

Я пытаюсь вспомнить, когда и где последний раз видела её куклу, и прихожу к выводу, что вчера ещё, когда укладывала мелкую спать. А сегодня у меня совсем эта игрушка вылетела из головы. Кроха, видя моё замешательство, начинает уже откровенно реветь, захлёбываясь горькими слезами. И так жалко её становится. Когда бандиты похищали, не плакала, лишь испуганно орала, а тут рыдает. И ведь я её прекрасно понимаю. Это была ниточка, связывающая с прошлым, с любящей и любимой мамой, которую она потеряла.

Перебираюсь через козлы и, подхватив её на руки, устраиваюсь на полу, укачивая бедняжку.

— Не плачь, солнышко. Мы сейчас её поищем. Может она где-то в наших вещах затерялась, — шепчу я, целуя растрёпанную макушку. Гапка, услышав мои слова тут же принимается рыться в сумках и переворачивать одеяла. Но наблюдая за ней, я уже знаю, что это бесполезно. Куклы здесь нет.

— Что у вас случилось? — раздаётся голос Рэна, поднявшегося на козлы.

— Ясмина пропа-а-ала, — с подвыванием сообщает девочка своё горе.

Мужчина недоумённо смотрит на меня.

— Это кукла, — поясню и прежде, чем он посчитает поведение девочки простым капризом, добавляю: — Любимая игрушка. Мама подарила.

— А мама где? — уточняет Рэн, нахмурившись.

— Нет мамы! Умерла мама! — задыхаясь от плача, кричит Ляля.

И столько боли в этом крике души, что мне плевать и на легенду, и на мужчину, мрачно застывшего рядом. Всё, что имеет сейчас для меня значение это моя девочка, которой плохо, которой я безумно хочу помочь. Обхватив её личико, смотрю в полные слёз шоколадные глазки.

— Тш-ш-ш, маленькая. Всё будет хорошо.

— Не будет, — сводит она маленькие бровки. Губы дрожат, нос покраснел.

— Будет. Обязательно будет. Мама тебя очень любила и хотела, чтобы у тебя всё было хорошо. Она с тобой всегда. Вот здесь, — я касаюсь её сердечка. — И я с тобой. Веришь мне?

— Верю, — уже гораздо тише произносит девочка, смотря на меня с той надеждой и верой, которую нельзя предавать, наделяющей одновременно и огромной силой, и такой же ответственностью. — Ты не умрёшь, как она? Не бросишь?

Не брошу, — торжественно обещаю ей. По-другому просто не могу. Чувствую, насколько сильно уже переплетены наши судьбы. — А твоя Ясмина, скорее всего осталась в том фургоне, в котором мы ехали в караване. Я думаю, её найдёт Сая и присмотрит для тебя. Так что не плачь. Всё будет хорошо.

Ляля вглядывается в мои глаза так же пристально, как я в её, и у меня почему-то возникает чувство, что она что-то считывает для себя. Вполне возможно, ведь я понятия не имею, какой дар есть у этой крохи, и как рано дети в этом мире начинают владеть магией. Надо будет как-то с Гапкой на эту тему поговорить. И, видимо, что-то во мне её убеждает, потому что девочка постепенно расслабляется, больше не напоминая сжатую дрожащую пружинку. А потом и вовсе выдаёт неожиданное.

— Я кушать хочу.

Хмыкнув, бросаю взгляд на облегченно выдохнувшую Гапку. Та тут же принимается сооружать из нашей провизии перекус для мелкой. И ощущение чужого взгляда, временно отошедшее на периферию моего восприятия, внезапно вновь становится острым, настолько, что я непроизвольно поворачиваю голову, чтобы взглянуть в эти внимательные синие глаза. Рэн всё так же сидит на козлах и смотрит на меня со странным выражением, пугающим и провоцирующим одновременно. Мельком отметив, что внешне я себя вроде как ничем не выдала, анализирую наш с Лялей разговор. Вот понятия не имею, как должен был разговаривать с ребёнком настоящий мальчишка-подросток на моём месте. Но хочется думать, что ничего из ряда вон выходящего я не говорила. Единственный спорный момент — про маму. Это не совпадает с нашей легендой, но я не думаю, что у него было время услышать её от паломников. Так что, паниковать рано. Поэтому я спокойно выдерживаю этот взгляд, пока мужчина не отвлекается на обратившего к нему Кора. И почему мне хочется с облегчением выдохнуть?

Причалив, уже без каких-либо происшествий, мы отправились дальше. Я попыталась обучить Гапку управлять повозкой, и у неё в общем-то начало немного получаться, но на очередной кочке нас тряхнуло так, что Лялька едва не слетела со скамейки козлов, где сидела вместе с нами. Няня тут же завздохала, что неуклюжая и старая на нашу голову. Я попыталась её успокоить, но меня на полуслове перебили.

— Останавливайте, — прилетела новая команда. На этот раз от Кора.

— Зачем? — опешив, вскинула я брови.

— За надом, — оскалился он в насмешливой ухмылке. — Сяду на вожжи.

Я уже открыла рот, чтобы отказаться. Но Гапка, которая всё ещё держала эти самые вожжи, резко их натянула, тормозя повозку. Можно было и полегче, конечно, но уж как умела.

— Бабка у тебя умная, парень, — снова хмыкнул этот насмешник, спешиваясь. — Иди спи, до Хазры ещё пару часов ехать.

Вот... вот... Вот прав он, конечно. Почему же меня так раздражает эта правота? И вообще они раздражают. Особенно Рэн. Но и этот тоже... Не может же это быть связано с тем, что у меня отжали лидерство в нашей маленькой компании?.. Или может? Прозревая с собственных выводов, я не нашлась с ответом и просто полезла в повозку делать, как мне велели. Умолившись на одеялах и

подложив под голову чью-то седельную сумку, ещё успела подумать, что надо бы узнать откуда наши столь интересные попутчики родом, да так и уснула, не додумав.

— Рома, просыпайся, — врывается в моё сознание обеспокоенный голос Гапки.

Разлепляю глаза и с трудом фокусируюсь на её лице. Ну и что опять случилось? А ведь случилось. Нутром чую.

— Рома, кажется, паломники не пришли в Хазру.

— В смысле? — подрываюсь я, как ужаленная.

— Мы приехали к Храму, где должен был остановиться караван. А их тут нет, — тихо сообщает мне Гапка. — Кор и Мэл сейчас общаются с Настоятелем, а Рэн отправился в участок янгарды.

— А почему меня раньше не разбудили? — возмущаюсь я.

— Рэн сказал: «Пускай парень проспится, какой толк всем бегать по городу. Узнаем, куда делся караван и вам сообщим» — процитировала старушка, заставляя меня сердито засопеть. И всё-то он решает. Может не нужна мне его забота? А с другой стороны, мне так меньше светиться. Эх. Я скоро лопну от этих противоречий. Да и вообще с недосыпа доброй не бываю.

— И давно они ушли узнавать? — поднимаюсь и, потрепав сидящую рядом и прислушивающуюся к нам Ляльку по щеке, подбираюсь к переднему бортику повозки. Моему взгляду открывается большое, величественное здание, в котором сложно не узнать Храм, слишком уж оно похоже на такое же в Гьяране.

— Уже с полчаса как, — слышу ответ Гапки и как раз вижу направляющихся к повозке Кора и Мэл. И вот не нравятся мне их озабоченные лица. Выбираюсь наружу, едва сдерживаясь, чтоб не броситься им навстречу.

— Что случилось? — не выдержав, спрашиваю, как только они подходят достаточно близко. — Где караван? Вы узнали?

— Ушёл другой дорогой. Через Кадир, — сообщает мне Мэл, заставив ошарашенно выдохнуть. И вот что теперь делать? Как-то я не рассчитывала на такой вариант развития событий.

— Почему? — единственное, что удаётся из себя выдавить.

— Настоятель говорит, что переправа со вчерашнего дня не работала, — почесывая лоб, рассказывает Кор. — На развилке, которую мы проезжали висело объявление про поломку, и то, что проезд временно недоступен. А к обеду неисправность устранили и объявление убрали. Ведущий каравана прислал Настоятелю послание, что они повернули к Кадиру, так как не хотели задерживаться.

— Рэн будет в бешенстве. Чувствую, мы и эту ночь спать толком не будем, догоняя этих паломников, — фыркает Мэл, отвязывая своего жеребца от перекладины. — Давай хоть поедим и провизию купим, пока его ждём.

Кор согласно хмыкает, тоже идёт к своему коню, а я растерянно разворачиваюсь к повозке. Наши с Гапкой взгляды встречаются. Она тоже всё слышала, выглядит взволнованной. Но без паники. Впрочем, для паники причин и нет. С паломниками нам было удобней и безопасней, да и выбраться из Гьяраны самим было бы сложнее. Но раз так получилось, то и сами доберёмся. У нас даже повозка имеется. Хотя...

Я разворачиваюсь обратно к почти бывшим попутчикам, чтобы задать актуальный вопрос, надеясь, что Рэну и его товарищам наше транспортное средство без надобности.

— Мы можем оставить себе фургон? Он ведь вам не нужен?

— Да не особо, — подтверждает мои мысли Кор. — Собираешься ехать дальше этим маршрутом?

— Собираюсь. Нам нужно в Обитель. С паломниками, или без.

Мужчина понимающе кивает, затем улыбается, обаятельно так. И этот красивый, зараза.

— Если хочешь, можешь с нами дождаться Рэна с новостями из янгарды. Мы сейчас найдём, где можно пообедать.

Его предложение звучит именно предложением из-за чего понимание, что наши дороги теперь расходятся, становится только крепче. И отчего-то это вызывает во мне острое сожаление. Как-то так получилось, что за столь короткое время с этой троицей я свылась быстрее, чем с кем-либо из

паломников за два с лишним дня.

— Хорошо, — соглашаюсь я, поддавшись порыву. Думаю, ничего плохого в том, чтобы попрощаться с людьми, которые мне жизнь спасли, нет.

— Тогда пойдём, — довольно ухмыляется Кор и направляется к повозке. — Хоаль Зарима, милейшая Ляля, позвольте вам помочь.

Вот точно не босварийцы. Хотя какая уже разница? Мужчина галантно поддерживает Гапку под руку, чтобы она могла спуститься, потом подхватывает на руки нашу девочку и приглашающе машет мне рукой, указывая направление.

— А повозка? И наши вещи? — опешив, интересуюсь я.

— На территории Храма с ними ничего не случится. Можешь быть спокоен. Но если хочешь...

Он вопросительно смотрит на Мэл и девушка, закатив глаза, начинает быстро шевелить пальцами, словно сплетая что-то едва уловимое для взгляда, кружевное и прозрачное, словно вода, а потом и вовсе бросает это неведомое что-то в наш фургон.

— Спасибо, дорогая, — подмигивает ей мужчина.

— Обращайся, — пожимает она плечами, шагая мимо нас к воротам.

Это что было? Неужели та самая магия? И как она должна действовать? А мы сами в повозку теперь сможем попасть? Хуже всего то, что я понятия не имею, положено ли мне знать ответы на эти вопросы, потому и задать их не могу.

Кор с Лялей на руках топает следом за девушкой, а нам с Гапкой не остаётся ничего иного, кроме как их догонять.

Ушли мы, правда, недалеко. Менее, чем в квартале от Храма эти двое выбрали заведение, удовлетворившее их запросы, и именно туда завалилась наша честная компания. Внутри обнаружился довольно небольшой общий зал, и я далеко не сразу поняла, что его размер только на первое впечатление маленький. Просто вдоль стен за пёстрыми занавесками тянулись отдельные кабинки. К одной из таких мы и направились прежним строем, Кор с Лялькой и Мэл впереди, мы с Гапкой следом. Правда старушка, дёрнув меня за рукав, сначала заставила притормозить. Потянув к себе, зашептала тихонько.

— Рома... ты, наверное, не знаешь... мне нельзя показывать лицо при чужих, без разрешения мужчины из моей семьи. Одно дело, что так получилось в пути, в походных условиях, и совсем другое сейчас, в общественном месте. Тебе надо будет это разрешение мне дать.

— Как? — опешив, спросила я. Ох уж эти традиции и условности. Даже поест без ритуальных плясок нельзя.

— Просто скажи, что при этих людях мне можно не бояться неприличного внимания. Это обычная фраза.

— А то, что они Ляльку видели, это ничего? — вскидываю я брови.

— Она маленький ребёнок, это не так уж страшно. Если её старшие родственники не против. К тому же Рэн её спас, — объяснила пожилая няня. — И ещё. Платить за нас, как мужчине, надлежит тебе.

Она незаметно вложила мне в руку маленький мешочек, как я подозреваю с деньгами. Хорошо, что вчера я уже успела расспросить о местной валюте и даже рассмотреть монеты разного номинала, именующиеся риналями — те, что серебряные, и медяшами — соответственно медные. Имелись ещё золотые дорали, но у Гапки таких денег не водилось.

В общем моё спонтанное, неизвестно чем продиктованное, согласие на совместный обед с нашими спасителями грозило обернуться для меня настоящим тестом и экзаменом на сообразительность и умение сыграть нужную роль. Но отступать было поздно. Так что, решив, что буду присматриваться к действиям того же Кора и разбираться по ходу дела, я увлекла Гапку в к той занавеске, за которой скрылись наши попутчики.

А там я, слегка удивившись, обнаружила, что Ляля уже перекочевала на колени к сидящей в дальнем углу диванчика Мэл, которая до этого момента никакого интереса к нашей крохе не проявляла. А тут вот на руках мелкую держит, рассказывает что-то тихо на ушко, а та довольно кивает. И что тут за сговор?

Но узнать в чём дело, мне не дали. К нашему столику пришла женщина в строгой коричневой карилье, и дождавшись пока на неё обратят внимание, спросила, что господа желают отведать.

— Рома, раз мы пригласили, то и угощаем, — бросив на меня выразительный взгляд, непререкаемо заявил Кор. И прежде, чем я успела ответить, начал перечислять местной официантке зубодробительные названия блюд, которые господа желают. Кажется, наше с Гапкой совещание и передача кошелька не остались незамеченными, только выводы он, судя по всему, сделал свои собственные.

Можно было бы поспорить. Но это снимало с меня риск выдать себя. И мой смущённый румянец, вызванный не очень приятным чувством, что мы и так слишком дорого, с учётом потерянного времени, этим людям обходимся, и для гордого мальчика Ромы был вполне объясним. Пришлось себя успокаивать, что вся троица выглядит очень состоятельной, и для них это явно мелочи, а для нас экономия денег Гапки. Поблагодарив мужчину за щедрое предложения, я пробормотала требуемую Гапкой фразу про разрешение и заняла свободное место.

Принесённый нам вскоре обед оказался очень вкусным, блюда, щедро сдобренные специями, кроме сладкой каши и куриного супа для Ляли, несмотря на названия оказались простыми и сытными. Что-то среднее между пловом и ризотто, печённое мясо, овощное рагу и салат из свежих овощей с солёным сыром и зеленью. И лёгкое разбавленное вино, по вкусу напомнившее мне сангрию. За едой к моему облегчению меня в разговор даже не пытались втянуть. Кор с Мэл обсудили ситуацию с паромом, прикинули какой дорогой пойдёт караван, из чего я сделала вывод, что у нас есть все шансы воссоединиться с паломниками в городе под названием Рахаш. Потом они попытались просчитать сколько им понадобится времени, чтобы догнать караван, и мне стоило огромного труда удержаться от вопроса, зачем им это надо. Быть с ними откровенной в ответ точно не была готова.

И где-то под конец нашей трапезы Корин удивлённо нахмурился и потянулся к поясу. Там я уже давно заметила странную штуку, напоминающую маленький кожаный тубус. Думала, что это ещё какой-то неизвестный мне вид оружия, которого в амуниции мужчины хватало с избытком, как и у его спутников. Но, когда он отстегнул этот тубус, и открыл крышку, оттуда выпала скученная в рулончик записка, которую Кор сразу же и прочёл, удивлённо вскинув брови.

— Рэн пишет, что задерживается. Так как паломники в город не явились, а сообщение о нападении пришло, мы теперь единственные свидетели данного происшествия, кроме самих преступников, которых им доставили с задержкой из-за паромов. И его настоятельно попросили дать показания.

Мэл, поджав губы, откинулась на спинку диванчика.

— Если мы не успеем на последний обратный паром, придётся тут заночевать. Будет ли тогда смысл гнаться за караваном? Проще уже будет перехватить его в Рахаше.

— Посмотрим, как Рэн решит, — пожал Кор широкими плечами, принимаясь снова за еду. — Но комнаты в гостинице, думаю, на всякий случай можно снять. Подремать бы не помешало. Да и освежиться.

Девушка согласно хмыкнула. А я с тоской подумала, что и мне бы освежиться очень хотелось, тайком обтираться мокрой тряпочкой надоело до чёртиков, но вот не знаю, по карману ли нам это. Разумней заночевать в повозке. С территории Храма нас точно не попрут.

Глава 14

После обеда мы, что было вполне ожидаемо, разошлись. Кор, зачем-то уточнив наши планы на дорогу и где мы ночевать собираемся, хлопнул меня по плечу, подмигнул Ляле, уважительно склонил голову перед Гапкой и утопал искать гостиницу. Мэл же и вовсе ограничилась странным:

— Не прощаюсь. Думаю, увидимся. — Переплетя в замысловатую фигу пальцы, ткнула меня распрямившейся ладонью в плечо, сообщив: — Для охранок на фургоне ты теперь хозяин, в твоё отсутствие туда никто не полезет, — и ушла за своим товарищем.

Справившись с ошеломлением, я еще с минуту смотрела им вслед, чувствуя необъяснимое чувство сентиментальной грусти, что наши дороги расходятся. А Рэна так и вовсе увидеть не получилось. А почему-то хотелось. Хотя зачем он мне сдался, если разобраться? Просто благодарна ему, вот и всё.

Кратко посоветовавшись с Гапкой, мы решили сначала идти на рынок и пополнить запасы провизии. Конечно, пришлось тащить с собой Ляльку. Но малышка шагала, держась за мою руку, весьма бодро, бросая вокруг любопытные взгляды. Я от неё, впрочем, не сильно отставала, хоть и старалась по сторонам пялиться не так заметно. Этот город от Гьяраны не сильно, но всё же немного отличался. Хотя бы тем, что был значительно меньше. Под ногами вместо брусчатки смягчал шаги утоптаный и укатанный белесоватый грунт, скорее всего с примесью какой-то глины. Высокие живые изгороди, цветы, разноцветные крыши и домики из золотистого кирпича. Красиво и уютно. А вечером, когда зажгутся фонари, наверное, будет ещё красивей.

А рынок оказался настоящим таким восточным рынком, каким он мне представлялся. Тут продавалась куча всякой всячины, сновали покупатели, зазывали к свои лоткам торговцы, где-то торговались, где-то смеялись, где-то спорили, глаза разбегались от многообразия всего, ноздри щекотали запахи благовоний, сдобы, специй, фруктов... Атмосфера вокруг царилла оживлённая и будоражащая. Стараясь не терять из виду Гапку, я подхватила на руки притихшую Ляльку и поспешила окунуться в этот шумный и пёстрый мир.

Выбраться отсюда удалось лишь спустя пару часов. Покупать, не торгуясь, считалось невежливым, и у каждого нужного лотка мы застревали не на пять минут. Но в общем люди мне понравились. Хоть и шумные, но позитивные и добрые. Один из торговцев подарил Ляле огромную закрученную в странную загогулину ароматную булку, второй насыпал нам крупы значительно больше, чем мы попросили. А третий вручил нашей раскрасневшейся от удовольствия крохе большой и ароматный фрукт, напоминающий с виду грушу. Нам даже порекомендовали, где можно взять в аренду тележку, чтобы довести до храма и нашего фургона всё купленное добро. Нам ведь теперь предстояло ещё и корм лошадям тащить. Вот и получилось так, что затарились мы знатно. И главное купили Ляльке игрушек. Простых деревянных фигурок, но до чего же красиво разрисованных.

Тележку к Храму, естественно тащила я, но она была сконструирована так, что это давалось без труда. Мы даже нашу кроху туда водрузили. Она от такого развлечения пришла в восторг, а я не могла нарадоваться тому, как блестят её глазки, словно та истерика в дороге прорвала какую-то плотину, позволив малышке наконец исцелиться. Она будет помнить маму, но тоска больше не будет пожирать её изнутри. Так хочется, чтобы всё у неё было хорошо.

А на территории Храма нас ждал сюрприз в виде непонятного столпотворения. Двери здания были распахнуты на распашку, везде сновали служители Явара и служительницы Праматери. Мрачные мужчины в форменных жупархах. И девушки. Много девушек. В этих закрытых одежках, конечно, нельзя было ручаться точно, но кажется среди них присутствовали и совсем ещё дети.

— А что здесь происходит? — поинтересовалась я у одного их храмовников, пробегающего мимо.

Он оглянулся удивлённо.

— А вы кто?

— Мы из каравана, — я объясняюще кивнула на наш фургон у забора.

— А вы те, что отстали и разминулись, — с пониманием кивнул мужчина в сутане. — Яншары узнали на кого работали те выродки, что на вас напали. И накрыли это преступное гнездо, задержав хозяйку этого притона. А это освобождённые девушки. Они теперь свободны благодаря вам и вашим попутчикам.

Ого. Неожиданно. И приятно, словами не передать как. Хорошо, что справедливость восторжествовала. А ещё радовало, что несмотря на большого психа миразу, подконтрольное ему ведомство показало тут себя с очень хорошей стороны. И просто замечательно, что мне не пришлось светиться в этой янгарде, и без меня справились. Интересно, Рэн уже освободился? Останутся они ночевать в Хазре, или помчатся вдогонку паломникам? Интересно, зачем им это

надо?

Перетащив покупки в фургон, мы обратно опустили брезент со всех сторон, чтобы не опасаться любопытных взглядов и присели передохнуть и посоветоваться, что делать дальше. Доставшаяся нам повозка теперь стала выглядеть поразительно обжитой, хоть и захлавленной слегка. Лялька, уютившись на одеяле возилась с игрушками, тихонько напевая что-то едва различимое.

— Думаю, нам лучше ночевать здесь, — озвучила я свою мысль.

Гапка, после минутного размышления, согласно кивнула.

— В дорогу отправимся утром. Ты сможешь указать путь?

— Я не знаю, Рома. Это так давно было. Я постараюсь. Но давай, мы ещё у служителей спросим, — честно предложила старушка.

— Это разумно. Обязательно спросим. Только попозже. Сейчас там явно не до нас, — я кивнула в сторону храмового двора. Задумчиво пожевала губу. — Бабушка, а нет ли в городе чего-то наподобие... общественных бань... — она непонимающе округлила глаза. — ... купален?

— Должны быть, — понимающе закивала с явным энтузиазмом. Видимо, не только мне хотелось помыться нормально. — Только как же ты?

— А ты посмотри сколько тут особ женского пола, — подмигнула я ей. — Думаешь сильно кто-то обратит внимание, если ещё одна появится? Одолжишь один из своих нарядов?

Как ни странно, мою идею Гапка поддержала сразу. Переоделась я, не откладывая это дело в долгий ящик, малой ведь скоро спать захочется. День-то утомительный выдался. И вскоре, улучив благоприятный момент, из фургона спереди выбралась пожилая хоаль с девочкой и торбой для мыльно-гигиенических принадлежностей и полотенец, а через задний бортик спустилась ещё одна, чтобы, незаметно перебежав через розовые кусты, встретить этих двоих с тележкой, которую надо вернуть, уже у ворот.

На рынок Гапка покатила тележку одна, а мы с Лялей подождали её на соседней улице. Вернулась она довольно быстро, и даже порадовала новостью, что расспросила о купальных и где они находятся. Оказалось, что совсем недалеко, но до закрытия остаётся мало времени, так что мы припустили бегом.

Здание купален выделялось среди соседних прежде всего белыми куполами на крыше, ну и ещё размерами. А внутри они оказались немного похожими по устройству на римские термы, только с магическими усовершенствованиями. Небольшой общий зал, с тёплым сухим воздухом, где можно было раздеться и оставить свою одежду в специальных нишах, расположенных вдоль одной из стен. Тут мы застали группу женщин, которые уже одевались, чтобы уходить. Они с сочувствием посматривали на мои синяки, видимо решив, что меня бьёт муж, я же, распустив волосы, лицо прикрыла, чтобы лишний раз им не светить. В следующем зале с маленькими бассейнами уже никого не было. Гапка показала мне устройство регуляции температуры, а дальше мы просто наслаждались всё отведённое нам на посещение время, тщательно и с удовольствием совершая столь возжеланные гигиенические процедуры. А в следующем зале с помощью специальных артефактов можно было просушить волосы и даже заказать массаж со всякими маслами и благовониями и ещё некоторые приятные спа-услуги, на которые у нас сегодня не было ни времени, ни лишних денег. Но меня даже простое ощущение чистоты уже делало счастливой.

И вот возвращаемся мы к нашему фургону довольные и сонные. Солнце уже закатилось за горизонт, на улицах постепенно зажигаются фонари, разбавляя сумерки золотистым светом. Лялька уже едва плетётся и скорее всего заснёт, как только примет горизонтальное положение. А может даже раньше. Пожалев её, я подхватываю мелкую на руки, позволив ей устроиться на моём плече и последний отрезок пути преодолеваю под её мерное сопение. В храмовом дворе больше не снуёт туева куча народу. Тут вообще никого нет. И мы тихонько проскальзываем к повозке уже представляя, как уснём сейчас всей честной компанией. Сидящую на козлах фигуру первой замечает Гапка, идущая впереди. Она останавливается, испуганно выдохнув, и я тоже резко вскидываю голову. И встречаюсь взглядом со слегка насмешливым взглядом Мэл.

— Надо же, — тянет она, рассматривая меня. И может мой наряд еще может ввести в заблуждение, что Лялю тащит на руках какая-то левая особа женского пола, неведомым образом прибившаяся к Гапке, то мои красочные синяки карилья не скрывает.

Пороть панику мне совершенно неохота. Ну увидела, ну поняла. Я ведь сразу рассматривала вариант, что конкретно эта особа меня легко раскусит. Ну вот и раскусила. Можно ли было этого избежать? Наверное можно, но смысл сейчас жалеть о том, чего изменить нельзя?

— Доброго вечера, Мэл. Ты что-то хотела? — спокойно интересуюсь я, как будто ничего из ряда вон

выходящего не произошло. Она вон тоже в мужских нарядах ходит.

Мэл прищуривается оценивающе, а потом широко улыбается. Не берусь утверждать, ибо света тут маловато, но мне чудится в её улыбке удивлённое одобрение.

— Да. Я купила вашей Ляле куклу. Вот принесла отдать, чтоб ей было с чем в обнимку спать, — сообщает девушка, демонстрируя свой подарок. Эта игрушка похожа на утерянную Ясмину только тем, что тоже тряпичная, но всё равно очень красивая.

— Спасибо, думаю, ей понравится. Позволишь подняться? Тяжеловато немного, — погладив свою ношу по спине, продолжаю я наш немного странный, учитывая сопутствующие обстоятельства разговор.

— Конечно, — хмыкает Мэл, отодвигаясь так, чтобы могли без проблем забраться в повозку.

— Вы не поехали вдогонку паломникам? — спрашиваю, укладывая девочку на купленный сегодня для неё матрасик. Гапка, слушающая нас со слегка офигевшими глазами, тут же укрывает её одеялом.

— Как я и предполагала, на последний паром мы не успели, а караван за день сильно оторвался. Рэн поспиховал, но согласился со мной, что разумнее перехватить их в Рахаше. Так что мы поедем прежним маршрутом, как и вы, — рассказывает Мэл.

— Ясно, — киваю я, наблюдая, как она кладёт куклу рядом со спящей Лялей.

— Гнать нам теперь нет смысла. Рэн передавал вам предложение ехать вместе. Он, в некотором роде, чувствует за вас ответственность, — поднимает она взгляд на меня.

— Думаю, нам лучше отказаться, — подумав пару минут, качаю я головой.

— Не уверена, что у вас получится, — хмыкает девушка. — Он может быть очень... убедительным.

— Ну, мы ведь можем с вами и не встретиться больше, — пожимаю я плечами.

— Ну-ну, — совсем уже весело ухмыляется Мэл. — Мой тебе совет, если собираешься и дальше притворяться парнем. Сделай подкладки на плечи. И придумай, что будешь делать, когда синяки сойдут. Черты у тебя слишком женственные. И руки, кстати, тоже, — подумав, она запускает руку в карман жупархи и достаёт оттуда кожаные перчатки и вручает мне. — Держи, я сегодня купила, их ещё никто не видел. А Рэн с Кором проспятся и разом станут на порядок глазастей.

— А ты? Я ведь вижу, что тебя не удивил мой маскарад, — спрашиваю, не в силах справиться с удивлением от её слов, действий и того, что она, кажется, не собирается никому выдавать наш секрет.

— Мне показалось, но я не была уверена. Но не принимай на свой счёт. Мне самой не раз приходилось маскироваться по долгу службы. Я знаю, куда смотреть. А так ты молодец, хорошо держишься, — ободряюще подмигивает мне эта невероятная особа. — Ладно, я пойду, поздно уже. До встречи.

И вот почему она так уверена, что встреча будет?

Но спрашивать это считаю лишним. К чему? Искать их не буду, а если мы всё-таки пересечёмся, то так тому и быть. Тогда и буду думать, что делать дальше.

Мэл ушла, мы с Гапкой перебросились парой фраз об утренних планах и вскоре легли спать по разные стороны от сладко сопящей Ляльки. Перед этим мне, правда, пришлось ещё переодеться в мужское и досыпать нашим лошадям корм в купленные для них торбы, чтобы утром они были не голодными. А потом я ещё некоторое время лежала, смотря в стенку, — потолок мне был недоступен из-за ноющего затылка — обдумывая прошедший день и слова блондинки. Завтра на всякий случай действительно сделаю эти подкладки. Только не сильно большие. А то вдруг действительно Рэн и Кор увидят, вдруг ещё разницу заметят. А что касается лица... может во рту что-то носить, орехи, например, какие-нибудь, или в крапиву сунуться, или... в улей. От нелепости всех этих вариантов невольно хмыкаю в подушку. О, а что если...

— Гапка, а у Мирэн, случайно никакой аллергии не было? — шёпотом интересуюсь у няньки, повернувшись и слыша по дыханию, что она тоже ещё не успела уснуть.

— Что такое аллергия? — осторожно уточняет старушка.

— Эм, ну это когда на что-то возникает реакция организма. Например, на еду. Это может быть сыпь, или отёк, или покраснение. А ещё может быть насморк, если на запах какой-то реакция.

— Нет. Ничего такого не было, — с заметной тревогой шепчет Гапка и даже приподнимается на локтях, чтобы на меня посмотреть, хотя, что она видит в сгустившейся темноте, ума не приложу. — А почему ты спрашиваешь?

— Да так. Пытаюсь придумать, как дальше маскироваться. Ладно, не волнуйся. Пока синяки вырывают, время что-нибудь придумать есть. Спокойной ночи, бабушка.

— Спокойной, Рома, — отвечает она.

И ночь действительно выдаётся спокойная, короткая только очень. Я просыпаюсь перед рассветом, разбуженная тихим шорохом, и первое время просто лежу прислушиваясь. На душе спокойно, никакой тревоги. Заглядывать глубже, после вчерашнего, пока боюсь. С этими ведьмовскими штуками надо быть осторожней. И разобраться, как себя и свою силу контролировать. Слышу, как открываются двери Храма, кто-то проходит мимо фургона. Где-то рядом резанным птеродактилем начинает орать какая-то ранняя птица. Хазра просыпается, наполняется звуками и голосами. Наверное, какой-то из этих звуков меня и разбудил.

В фургоне по-прежнему темно. Поднимаюсь и на ощупь поправляю куфию, с которой скоро уже расстусь. Выглядываю из-под брезента, небо сереет. Можно выдвигаться. Позавтракаем в дороге без лишних свидетелей. Осторожно трясую няню за плечо.

— Я думаю, нам пора ехать. Схожу, поговорю с храмовниками, насчёт маршрута, — сообщаю, когда она просыпается.

Храм по планировке мало чем отличался от того, что в Гьяране. Я без проблем выловила одного из служителей и попросила для нашей маленькой компании карту, раз уж караван ушёл без нас, а нам теперь придётся ехать самим. Тот, слегка поломавшись, отвёл меня в архив и карту выдал, а я в благодарность от него отстала. На обратном пути мне даже без подсказок удалось найти пристройку, где были туалеты с умывальниками.

Настроение почему-то буквально зашкаливало в позитивную сторону. Хотелось идти чуть ли не в припрыжку. Вот верю, что сегодня будет хороший день, и принесёт он только хорошее. Ну не может ведь постоянно быть плохо? В повозке Гапка уже отвернула один из углов переднего брезента, впуская немного рассветных лучей. Пока она ходила в ту самую пристройку, я успела проведать лошадей, проверить упряжь, пообещав им, что следующей ночью обязательно сниму с них всю эту гадость и позволю спокойно пощипать травку и удобно выспаться, а не так вот, стоя в упряжи.

В дорогу мы выдвигаемся, как только Гапка возвращается. Я прошу её посидеть рядом, пока мы не выедем из города, чтобы подсказать дорогу. Ведь приезд я вчера проспала. На воротах нас пропускают, никак не проверяя, даже желают счастливого пути. Вот нравится мне этот город. Изучив полученную в Храме карту и уточнив у Гапки некоторые моменты, относительно отдельных участков пути, я отправляю её досыпать рядом с Лялей, а сама настраиваюсь на приятный необременительный и не отягощённый приключениями путь.

Дорога мягко стелется под лошадиные копыта и колёса фургона, солнце постепенно поднимается всё выше, обещая довольно жаркий день. Хорошо бы обеденный привал устроить возле какого-то водоёма. Кажется, я что-то такое на карте видела. Вот красивая эта Босвария. Климат приятный, пейзажи радуют глаз. Интересно, в Сэйнаре так же? Жаль, что Тай мне больше не снится. Или снится, но я этого не помню? А так хотелось бы побыть с ним хотя бы во сне. Поговорить. Узнать о нём больше. Как-нибудь подготовиться к реальной встрече. Долгие годы наших совместных снов — это похлеще любого романа по переписке, где ты привязываешься к образу, понятия не имея, насколько он совпадает с настоящим. А ведь Тай, вполне возможно, где-то сейчас тоже добирается до Обители Праматери, чтобы встретиться со мной. А что, если мы с ним даже где-то пересечёмся, но не узнаем друг друга?

Из мыслей меня вырывает доносящийся издалека топот копыт. Кажется, нашу повозку кто-то догоняет. На всякий случай свешиваюсь с козлов и смотрю назад. И не сдерживаю раздосадованный выдох. И я ещё надеялась от них улизнуть? Наивная. Надо было до обеда поспать, чтобы эта тройца уехала раньше. Внутренне содрогаясь, представляя, что скоро мне опять предстоит выслушивать команды Рэна, подколки Кора и ловить на себе насмешливые взгляды Мэл. У-у-у, принесла нелёгкая. И вот ни капельки я им не рада. Ни капулечки. Выравниваюсь и старательно натягиваю на лицо маску спокойного равнодушия. Маска держится, когда повозку обгоняет Мэл, залихватски мне подмигнув. Маска с трудом держится, когда вскоре, с другой стороны, показывается Кор, саркастически ухмыляется и выдаёт.

— Соскучился, мелкий? А я уже решил было, что ты против нашего общества.

Но когда мои глаза встречаются с пристальным взглядом Рэна, маска даёт трещину. Всё-таки я рада его видеть. Совсем чуть-чуть. Когда забываю, что он меня бесит.

— Доброе утро, Рома, — произносит мужчина. — Мэл сказала, что ты отказался от моего

предложения. Можешь объяснить почему? Считаешь, что можешь сам защитить свою семью, сестру, бабушку, если случится что-то наподобие вчерашнего?

Мой глаз дергается. Потом ещё раз. Внутри закручивается воронка из злости и жгучей обиды. И стыда. Потому что он прав. Не могу. Я всего лишь девушка, переодетая парнем, взявшая на себя ответственность за две чужие жизни и надеющаяся только на везение, наглость, и свой неизученный, но страшный дар. Девушка, которая не может никому доверять, кроме спящих за спиной старушки и ребёнка. И пусть он считает меня глупым мальчишкой, подвергающим свою маленькую семью опасности. Какое ему до нас дело?! Какое?!!

— Я очень вам благодарен, за то, что вы спасли меня вчера, и что сделали такое щедрое предложение, — прилагаю я титаническое усилие, чтобы мой голос не дрожал. Как и руки, сжимающие вожжи. — И нет, я не считаю себя достаточно сильным, чтобы справиться с таким нападением. Но я готов бороться за свою семью любыми средствами. Моё решение отказаться было продиктовано не самонадеянностью, как вам могло показаться, а соображениями личного характера, коими делиться я не обязан.

Рэн удивлённо вскидывает брови, а я отворачиваюсь, всё своё внимание сосредоточив на дороге. Кор и Мэл, как и вчера, скачут впереди. Мужчина, постоянно вносящий раздрай в мои мысли, некоторое время молчит, но я не обманываюсь, что он язык от моего красноречия проглотил.

— Я рад, что ошибся в твоих мотивах, Рома, — оправдывая эту мысль, произносит наконец предводитель великолепной троицы. — Надо было самому прийти поговорить с тобой вчера вместо того, чтобы делать ложные выводы.

А вот этого точно не надо было. Даже представить не берусь, что бы было, если бы нас вчера увидел он, а не Мэл.

— Но не вижу причин, почему мы не можем обсудить этот вопрос сейчас, — продолжает Рэн, явно за мной наблюдая. — Я ещё раз предлагаю тебе ехать вместе.

— Зачем вам это? — не скрывая своего недоверия, поворачиваюсь к нему.

— Считаю, что я ощущаю себя ответственным за вас после вчерашнего. В пути может случиться что угодно. Ты, несомненно, смелый малый, но сам ведь понимаешь, что противостоять, например, разбойникам не сможешь, — он бросает на меня выжидающий взгляд, и я согласно киваю. Понимаю, конечно, не дурак и даже не дура. — А с тобой маленькая сестра. Мне неприятна мысль, что она может пострадать. Так получилось, что наши пути совпадают. Мы можем обеспечить вам безопасность. Это нас не затруднит, а тебя не обяжет. Так что, согласен?

— Я думал вы спешите догнать караван? — не спешу я с ответом, решив разобраться до конца.

— Да спешу, — согласно кивает мужчина и даже считает нужным объяснить. — Но получилось так, что догнать его уже крайне маловероятно. Если ты видел карту, то должен знать, что русло Сонраш имеет крутые извилины и несколько приток. Пока мы переправимся и наверстаем вчерашнее расстояние, караван уже переправится в другом месте, если вчера ещё не успел это сделать. Где именно, мы не знаем, в Хазру они ничего об этом не сообщали. В общем это будет бесполезная гонка. Легче перехватить их в Рахаше. Что мы и собираемся сделать. И даже можем позволить себе ехать неспеша, на скорости вашей повозки. Так какое твоё решение, Рома? — насмешливо щурит глаза Рэн, склонив голову набок.

Исчерпывающе объяснил... Убедительно. Объективных причин отказываться больше нет. С ними действительно безопасней. А с собственными эмоциями уж как-нибудь придётся справиться. Но я ведь взрослый человек, хоть и притворяюсь подростком.

— Я принимаю ваше предложение, — произношу ровно, и мужчина удовлетворённо кивает.

— Отлично. Мудро с твоей стороны. Сколько часов вы уже в пути?

— Около трёх, — вздохнув, сообщаю.

— Когда проснётся твоя сестра, устроим краткий привал. А потом уже часа через три обеденный, — выдаёт мне ценные указания этот несносный диктатор. И уносится вперёд к своим товарищам. Ар-р-р. Бесит.

Глава 15

Я вот сейчас понимаю, как это назло кондуктору купить билет и пойти пешком. Очень, вот просто до зубовного скрежета, хочется послать этого Рэна куда подальше с его командирскими замашками. Тоже мне... мистер я тут всё решаю!

Сцепив зубы, сосредоточенно пытаюсь убедить себя, что психовать нет причин. Что у нас не развлекательна поездка, а вполне себе опасная. Что для Рэна я мальчишка-подросток, у которого даже усы ещё не растут, значит, максимум лет четырнадцати, ребёнок, по сути, и он просто по праву взрослого и опытного взял на себя бразды правления. Этот человек ведь явно не простой путешественник. Скорее всего военный, причём высокого ранга. Он даже друзьям приказывает. И те спокойно подчиняются, не чувствуя себя оскорблёнными, словно он имеет на это полное право. Вот и я попала под раздачу. Это логично в конце концов. Ждать, что он начнёт каждое своё решение разжёвывать сопливному пацану по меньшей мере глупо. Я понимаю это! Понимаю! Умом! Ух. И как выключить эмоции?

За этими мыслями даже не сразу замечаю, как рядом из-под опущенного брезента повляется Гапка.

— Тебе нравится этот мужчина, — задумчиво произносит она, провожая глазами спину удаляющегося диктатора.

— Что?!! — у меня от шока и возмущения даже челюсть отвисает. — Не-е-е-ет!!! Что за глупости!!!

— Когда он поблизости, ты вся искришь, — замечает она, бросив на меня лукавый взгляд.

— Ага от желания стукнуть его чем-нибудь тяжёлым. Он меня раздражает! Неимоверно! Рэн, конечно, весь из себя красавчик, но характер просто невыносим, — горячно сообщаю я старушке, но она продолжает хитро улыбаться. — Серьёзно! И, если хочешь знать, я не свободна.

Взгляд няни становится удивлённым, а я только теперь понимаю, что лягнула лишнее. Но, видимо, мои слова старушка понимает по-своему.

— Рома... ведь твою прошлую жизнь не вернуть. Разве не лучше отпустить всё и начать тут жить сначала? Ты ведь не сможешь вечно прятаться. Тебе захочется семьёй. И ты... слишком сильная. Тот, кто будет рядом должен быть ещё сильнее. Таким, как Рэн. За ним любая будет, как за стеной.

Вот так и хочется ей поведать, что у меня уже есть сильный и надёжный. Только я с ним ещё не встретилась. И никакой Рэн мне не нужен ни в качестве стены, ни в каком-либо ещё. Только как объяснить необъяснимое? Похоже заботливая и добрая Гапка уже думает, как бы меня пристроить в надёжные мужские руки. Вон даже кандидата присмотрела.

— Меня не интересует Рэн, бабушка, — наконец, справившись с собой, произношу я уже гораздо более спокойно. — Причина моей реакции на него заключается в том, что он видит во мне сопливого мальчишку и ведёт себя соответственно, и я это понимаю, но ничего не могу поделать с тем, что на самом деле являюсь взрослой женщиной в теле юной девушки, у которой гормоны эмоциями правят. Но это мои внутренние проблемы, я смогу держать себя в руках.

Но отстоять своё право голоса всё же постараюсь. Иначе к концу этого путешествия либо сама озверею, либо Рэна покусая.

Возможность проявить свой бунт у меня появляется, когда наконец просыпается Ляля. Вот и пора делать привал. Заодно позавтракать. А если кое-кто против, ничего. Переживёт. Я к нему в попутчики не напрашивалась.

Правлю тележку к деревьям в стороне от дороги. Высокие, похожие на рожковые с пышными раскидистыми кронами, они отбрасывают заманчивую густую тень. Там дальше даже непросматриваемые кусты для всяких нужд имеются. Если бы ещё ручей какой-то обнаружился, было бы просто идеально. Стоит мне натянуть вожжи, останавливая лошадей и повозку, как на облюбованной мною поляне появляются наши попутчики. Быстро заметили и догнали.

Я деловито соскакиваю с козлов и принимаю у Гапки Лялю, хлопающую сонными глазками. Бросаю настороженный косой взгляд на спешившегося Рэна. Но он, как ни в чём не бывало, спокойно роется в седельной сумке. А потом достаёт оттуда... игрушку. Теперь глазами хлопаю я. Нет, это не кукла. Плюшевое нечто, отдалённо напоминающее зайца, если бы у зайцев были такие длинные закрученные хвосты, выглядит довольно... мило, по крайней мере, издалека. Мужчина поворачивается, я спешу убрать с лица офигевшее выражение, он шагает навстречу. И тут его замечает Ляля.

— Рэ-э-э-эн! — вопит кроха, пытаясь вырваться из моих объятий. Приходится её отпустить, ибо удержать, не уронив, становится проблематично.

Девочка, оказавшись на земле, тут же мчится к объекту своего столь бурного восторга, но, почти добежав, резко тормозит, застеснявшись. Зато тот, зацепив свой подарок хвостом за рукоять меча, подхватывает её и подбрасывает вверх, вызвав залиvistый смех. Я замираю, впервые слушая этот потрясающий звук. Она ведь ни разу ещё за время дороги так не смеялась. Занятые лошадьми Кор с Мэл поглядывают на друга с недоумевающими усмешками.

— Здравствуй, Ляля, — широко улыбаясь, здоровается Рэн и, перехватив смутившуюся девочку одной рукой, второй наконец вручает ей игрушку. — Держи, это тебе.

— Спасибо, — с придыханием благодарит девочка, прижимая подарок к груди. И буквально лучится счастьем.

И вот, как на него после такого злиться? Даже раздражаться особо не получается. Но на трезвую голову хоть глупостей может не наговорю. Попытаюсь, по крайней мере.

Рэн с Лялей на руках подходит к нам и вежливо здоровается с выбравшейся из повозки Гапкой, точнее хоаль Заримой. Та улыбается, тоже сражённая мужским обаянием, забирает Лялю. А потом взгляд синих глаз обращается на меня. И все мои благие намерения летят в тартарары.

— Хали Рэн, а короткий привал, это какой? Я с военными порядками не знаком и просто хочу понимать, успею ли в кустах посидеть? — с самым невинным видом интересуюсь у мужчины. — А то до длинного могу не дотерпеть.

Тёмные брови удивлённо взлетают. Мужчина прищуривается и склоняет голову набок, рассматривая меня. А потом произносит абсолютно нечитаемым тоном, словно о погоде говорит.

— С таким важным делом, конечно, никто тебя торопить не будет. Но прежде, чем мы отправимся дальше, я бы хотел проверить вашу провизию. Чтобы исключить дальнейшие проблемы с пищеварением.

Всё! Выбесил! Мне кажется, что из ушей сейчас пар повалит. И чтобы не зарычать и не броситься на эту невозмутимую гору мышц с кулаками, я стремительно разворачиваюсь и шагаю в те самые кусты. Буду сидеть там, пока не успокоюсь, иначе укокошу кого-то. Мне кажется, или позади действительно слышится смешок? У-у-у, гад!

За кустами обнаруживается небольшой овраг. На краю растёт ещё одно дерево, вокруг цветы, птички поют. Лепота. Справившись со своими делами, я направляюсь к обрыву, где и сажусь между корней, свесив ноги уперевшись спиной в широкий ствол. Привожу дыхание в порядок, наслаждаясь тишиной и покоем. Постепенно умиротворённая красота раскинувшегося передо мной пейзажа приводит в чувство, успокаивая какого-то чёрта разбушевавшиеся нервы. И чего распахивалась, спрашивается? Как-то действительно слишком остро я реагирую на этого мужчину. Надо выдохнуть и принять ситуацию, как есть. Ну командует, так по делу ж. Не самодурствует ведь. Разве плохо, если кто-то опытный и сильный поможет мне добраться в целостности и сохранности до места назначения? Нет, однозначно неплохо. А характер... мне с ним детей не крестить. Вот.

Придя к таким позитивным и вдохновляющим для терпения выводам, я уже собираюсь подниматься и возвращаться в лагерь, когда замечаю, что ко мне идёт Кор. А этому что надо? Настороженно наблюдаю за приближающимся мужчиной.

— Хорошо сидишь, — ухмыляется он. — Слушай, малый, я тут взял на себя смелость покормить ваших лошадей, пока ты... занят. Надеюсь, моё самовольство не сильно расстроит твоё нежное... пищеварение?

И подмигивает. Ещё один гад. Интересно, долго это мне будут вспоминать?

— Спасибо за беспокойство. Переживу, — как можно спокойней отвечаю, окончательно его развеселив.

— А ты мне нравишься. Вчера весь такой пришибленный и зашуганный был, а сегодня вот и зубы появились, — хмыкает Кор, рассматривая меня. — Но я не это пришёл сказать. У вас там... мышка завелась. Пойдём, посмотришь.

— Какая мышка? — опешив, уточняю и поднимаюсь на ноги.

— Маленькая такая и незаметная, — смеётся мужчина, совсем уже непонятно почему. — Тебе может понравиться.

Видимо, связного объяснения от него не дожждёшься. Лучше действительно посмотреть, что за зверя он там увидел в наших запасах фуража. К стоянке мы возвращаемся вместе, под недоумевающими взглядами остальных подходим к фургону, Кор совсем уже сбивает меня с толку, когда, приложив палец к губам и жестом позвав за собой, ловко и бесшумно забирается внутрь. Я, конечно же,

следую за ним, заинтригованная до не могу, краем глаза замечая, что Рэн поднимается с коряги, на которой сидел, и тоже идёт к нам. Внутри царит полумрак — задний брезент мы так и не поднимали, а в тени деревьев солнечного света сюда попадает маловато. Мужчина крадучись, пробирается к заднему борту, туда, где я вчера, с угрозой надорваться, свалила мешки с зерном и, заговорщически улыбаясь, показывает пальцем в угол. Подхожу, ближе, всматриваюсь и чувствую, как отвисает челюсть.

— Это кто?!! — вырывается у меня шокированное.

— Мышка, — тихо ржёт Кор.

— Скорее уж заяц, — с возмущением шиплю я, рассматривая миниатюрную фигурку девушки, скрутившейся в клубочек за мешками и преспокойно себе спящей. Откуда она взялась вообще?

— Что случилось? — слышу позади голос Рэна.

— Случилось то, что нам уже никакой караван не нужен, у нас свой есть, — ухажатывается его друг, заслужив угрожающий взгляд нашего деспота тиранистого. — Ты посмотри, Рома у нас мал, да удал. Ещё усы не растут, а женщин полная повозка.

— Я её первый раз вижу, — рычу, направляясь к зайцем пробравшейся к нам особе.

— Так в вашей Босварии это в порядке вещей, разве нет? Ты смотри, поласковой будь, — напутствует меня зубоскал.

— Уж как-нибудь разберусь, — огрызаюсь, а девушка, явно разбуженная нашими голосами, вздрагивает испуганно, замирает и осторожно поднимает голову. Девичья хариджи почти полностью закрывает лицо, зато глазищи, бледно-серые, почти невозможные в своей огромности и прозрачности не рассмотреть нереально. — Ты кто такая?

Она с минуту смотрит на нас непонимающе, сонная и сбита с толку, её взгляд застывает на мне, в прозрачной глубине глаз появляется тень узнавания, а потом это чудо незнакомое бросается мне в ноги.

— Хали, простите, ничтожную. Я буду всё, что угодно делать, только не прогоняйте. Возьмите меня с собой.

— Куда? — ошарашенно интересуюсь, пытаюсь отодрать от своих коленей обнимающие руки, под потешающимся взглядом Кора и нахмуренном Рэна.

— В Обитель Праматери, — шепчет девушка, заглядывая в мои глаза с мольбой.

У нашего зайца обнаружилось красивое имя Наиле. Когда её удалось оторвать от моих ног, с чем кстати смогла справиться только Гапка, тоже явившаяся посмотреть, что за мыши у нас водятся, девчонка далеко не сразу сумела объяснить нам, откуда она взялась в повозке. Поначалу вовсе тряслась, как осиновый лист, и шарахалась, каждый раз, когда рядом оказывался кто-то из мужчин. Ну кроме меня, конечно. Я для неё, видимо, была достаточно нестрашным хали, вот она и жалась почему-то ко мне, как банный лист. На Мэл косилась с ужасом и восхищением одновременно, что ту откровенно забавляло. В Гапке явно признала авторитет. И как-то так получилось, что весь наш короткий привал для меня прошёл за попытками выяснить у Мышки, как её обозвал в самом начале Кор, хоть что-то.

Удалось узнать, что она из тех бедных девушек, которых яншары вызволили вчера из рабства. Но стоило мне спросить, почему она убежала, бедняжка впадала в настоящую панику. Пришлось оставить её в покое и препоручить Гапке, готовой накормить ещё одну бедную деточку. А я занялась лошадьми. Убрала пустые торбы, проверила упряжь, подковы.

И только когда Рэн командует отправление, я вспоминаю, что сама не поела. Желудок тут же громко принимается урчать, но задерживать всю компанию из-за своей забывчивости мне гордость не позволяет. Решив, что попрошу Гапку сделать мне бутербродов и съем их по дороге, я крайне раздражённая и злая на весь мир пропускаю «своих женщин» в повозку и сама поднимаюсь на козлы.

Просить няню ни о чём не приходится. Она сама всё понимает по голодному урчанию моего живота. И сразу же начинает ворчать, что я себя не берегу, что мне есть надо, а не по кустам бегать. Эх. Права она, конечно. Мышка, затаившись в уголке, слушает нашу перепалку, хлопая огромными глазищами. Ляля вовсю знакомится с новыми игрушками, игнорируя новую попутчицу. Мэл с Кором уже ускакали вперёд, а Рэн почему-то не спешит отправляться в дорогу, поглаживая могучую шею своего жеребца и поглядывая на нашу повозку и на меня конкретно, словно

прислушивается к чему-то.

— Рома, давай, я попробую править, а ты позавтракаешь нормально, — трогает меня за плечо Гапка.

— А ты сделай мне бутерброд, который можно одной рукой держать, — улыбаюсь я, отвернувшись от мужчины. — Выедем на дорогу, я и поем.

— Ты не позавтракал? — сердито спрашивает незаметно приблизившийся Рэн.

— Нет, — отвечаю односложно и беру в руки вожжи.

— Он и не поужинал, хали Рэн. Последний раз ел вчера, как мы в Хазру приехали, — тут же сдаёт меня Гапка.

Я не смотрю на мужчину, но его пристальный взгляд ощущаю буквально кожей.

— На вожжи сяду я, — сообщает мне диктатор деспотический непререкаемым тоном.

— В этом нет нужды... — начинаю возражать я, но он уже не слушает, уводя своего жеребца к заднему борту повозки. А спустя пару минут возвращается и мне приходится подвинуться. Вожжи у меня тут же отбирают.

— Хоаль Зарима, покормите вашего упёртого внука, пока он не свалился в голодный обморок, — повернув голову к сердобольной старушке, распоряжается Рэн и трогает фургон с места.

Хочется очень много чего ему сказать, но я благоразумно прикусываю язык.

— Почему ты не сказал, что тебе нужно поесть? — тоном строгого родителя интересуется Рэн, направляя лошадей к дороге.

— Чтобы все меня ждали? — вскидываю я бровь, и криво ухмыляюсь.

— Да. Если надо. Сестре и бабушке ты здоровый нужен, — произносит мужчина. Ясно. Пацану преподают урок. И дают на чувство долга. На меня работает лишь отчасти. Больше вызывает новую порцию раздражения.

— Учту, — замечаю сухо. И тут же устаиваюсь удивлённого изучающего взгляда. Ну и что тебе не нравится? Я же вежливая. Вежливый, точнее.

Пару минут мужчина молчит, сосредоточенно что-то обдумывая. А мне за это время бабушка успевает сунуть в руки огромный многослойный бутерброд, в который я тут же с удовольствием вгрызаюсь. М-м-м, как же божественно вкусно. У меня поневоле вырывается восторженное мычание. Рэн бросает в мою сторону снисходительный взгляд.

— Когда я был приблизительно в твоём возрасте, то постоянно страшно хотел есть, — замечает он, со смешком. — Мне знакомо, насколько голод делает раздражительным.

К чему это он? Судя по его габаритам, этот мужчина в подростковом возрасте рос как на дрожжах. А ещё ведь и тренировался, наверное. Эта уверенность, сила и хищная грация в каждом движении явно тщательно возвращена долгими годами упорного труда над собой. Рэн, на мой вкус, в совершенной физической форме. Не спортсмен. Воин. Оружие на нём точно не для красоты. Хотя красиво, да. Но попытка найти общий язык с парнем в моём исполнении явно хорошая. Придётся идти на контакт, а то даже некрасиво как-то.

— И я могу понять, что наше присутствие ты можешь воспринимать, как посягательство на твою личную территорию. Давай договоримся, Рома. Впредь, если ты с чем-то будешь не согласен, достаточно озвучить и обосновать.

О как. Опять уел.

— Хорошо, — произношу, пережевывая и проглотив кусок. И откусываю новый. А что? Я ещё даже на половину не наелась.

Он удовлетворённо кивает.

— И что касается твоего дара. Я ожидаю, что ты сообщишь мне если тебя что-то будет беспокоить. Договорились?

Разумно. Пожалуй, он стремительно движется к реабилитации в моём эмоциональном восприятии. Отвечать с набитым ртом не комильфо, потому только киваю. По мере насыщения улучшается и моё настроение. И мужчина рядом больше не кажется таким уж раздражающим. Даже наоборот. Вот взял же на себя труд поговорить. Хотя не обязан был. Пожалуй, больше не буду психовать по

мелочам. Пускай командует.

Но моё благодушие длилось ровно до обеденного привала. Рэн, как только я наелась, пересел на коня, так что дальше правила повозкой я сама. И постепенно не очень приятные ощущения в теле начали наталкивать меня на ещё менее приятные подозрения. И ведь у Гапки не спросишь, как у Мирэн с женскими циклами дело обстояло. Выдавать себя Мышке я пока не собираюсь. Вот засада! И что делать? Как выкручиваться?

Команда о привале становится для меня самым настоящим облегчением. Едва дождавшись, пока пожилая няня выберется с Лялькой из фургона, я утаскиваю её в сторону, и на ухо спрашиваю, когда у моего тела намечаются «праздники». Та ахает, смотрит на меня испуганно и признаётся, что ещё рановато, но всё может быть. Чу-у-удно!

Пришлось лезть в повозку, приказывать Наиле идти помогать хоаль Зариме с обедом и втихаря рвать на тряпочки запасную куфию. Может в этом мире и существуют какие-то аналоги гигиенических прокладок, но я об этом ничего не знаю. Может у Мэл спросить? Женская солидарность, всё такое.

И опять пришлось топтать в кустики. Причём далеко. Чтобы никто точно ничего не увидел. Подозрения подтвердились. Настроение скатилось ниже некуда. Но деваться некуда. Хорошо хоть не так больно, как могло бы быть. В своей прошлой жизни я порой на стенку лезть хотела.

В лагере уже вовсю готовится обед. Гапка не без удовольствия взяла шефство над Мышкой, и они сноровисто возятся у костра. Ляля обнаруживается в компании Мэл на расстеленном под деревом одеяле. Рэн чистит лошадей. А Кор, как ни странно, пытается помочь с приготовлением пищи. При этом, как обычно, хохмит и зубоскалит. Гапка на это реагирует с достойным уважения стоическим спокойствием, а Наиле, судя по полным мученического смирения глазам, сбежала бы хоть сейчас, да не смеет. Ох бедняжка. Надо всё-таки с ней поговорить толком, раз уж взяли с собой.

Надеясь, что смогу чуть позже как-то незаметно пошущукаться с Мэл, я тоже берусь за дело. Чищу наших трудяжек, насыпаю им корма. Потом предлагаю свою помощь Гапке, но та отправляет меня отдыхать. Пользуясь столь ценным напутствием, я с чистой совестью наконец перемещаюсь к той, чей совет мне нужен.

— Не нашлось тебе работы? — хмыкает блондинка, как только я плюхаюсь рядом с Лялькой, с интересом поглядывая на суету у костра.

— Как видишь, — подтверждаю, разглядывая браслет на руке у Ляли. Откуда он взялся? Я такого не помню. Провожу пальцами по красивым разноцветным бусинкам в несколько оборотов обхватывающих маленько запястье.

— Нравится, Рома? Мне хали Кор подарил, — тут же сообщает малышка, заметив мой интерес.

— Очень красиво, Ляля, — улыбаюсь малышке. М-да, вот кто точно не жалуется на отсутствие мужского внимания. А ведь кроха совсем ещё. Довольная моей похвалой, она рассказывает, что новую куклу назвала Розой, а шканца — так вот как чудо хвостатое пушистое называется? — Принцем. И её Принц к Розе явно равнодушен. То орехи ей подарит, то печеньку.

Улучив минуту, пока девочка отвлекается на душевные перипетии в отношениях её игрушек я бросаю осторожный взгляд вокруг, чтобы убедиться в отсутствии лишних ушей.

Для Мэл мои манипуляции не остаются незамеченными, и она удивлённо вскидывает бровь в немом вопросе.

— Мне неловко тебя просить, — начинаю я шёпотом, пытаюсь подобрать слова. Вот как объяснить, что я сама о таком не подумала и ничего не знаю, чем женщины тут пользуются? — Так получилось, что я в спешке не предусмотрела одну проблему, которая должна была начаться позже.

— Не завидую, — качает она головой с кривой понимающей ухмылкой. — Тебе повезло, что я запасливая. Улучу момент, дам. Обезболить надо?

— А можно? — с надеждой смотрю на неё. Ноющий живот и тянущее ощущение в пояснице при перспективе несколько часов править повозкой по-настоящему вгоняет в уныние.

— Нужно, — фыркает блондинка, подвигаясь ко мне ближе.

Плетёт что-то пальцами, а потом внезапно накрывает ладонью мой живот. От внезапно наступившего облегчения я растекаюсь блаженной лужицей. Когда не болит — это такой кайф.

— Ты чудо, — выдыхаю. И внезапно ловлю на себе хмурый взгляд Рэна. Представив, как со стороны

мы с Мэл выглядим, заливаюсь жгучим румянцем. Она же, проследив мой взгляд, весело улыбается и игриво мне подмигивает.

— Рада слышать, Рома, — томно мурлычет блондинка и склоняется к моему уху, чтобы тихо прошептать. Ещё и грудью к плечу прижимается, явно забавляясь ситуацией, и руку не убирает. — Может ну его, этот твой маскарад? Рэн тебя всё равно раскусит. Он уже подозревает что-то неладное в тебе.

— Рэн? А Кор? — тихо интересуюсь, чувствуя пристальное внимание первого.

— А Кору не до тебя, — хмыкает она, указывая глазами на компанию у костра. Там мужчина как раз задумчиво смотрит на одну маленькую пугливую Мышку. Да ладно.

— А тебя не напрягает это? — бросаю я вопросительный взгляд на Мэл. В отношениях между этой троицей я пока не разобралась. Кор и Мэл вроде бы и не ведут себя, как влюблённая пара, но тем не менее что-то между ними явно есть.

— А почему это должно меня напрягать? — смеётся она. — Брат всегда питал слабость к кротким милым девочкам.

— Брат? — ошарашенно переспрашиваю. Нет, если задуматься, похожие черты явно есть. Но она ведь платиновая блондинка. А он...

— Ага. Близнец, — слышу я и совершенно выпадаю в осадок.

— И кто из вас покрашен? — ошарашенно интересуюсь, рассматривая мужчину с новой точки зрения. Тот замечает мой интерес, удивлённо сморит в ответ и брови ползут вверх, когда до него доходит, что мы с Мэл сидим почти в обнимку.

— Он, — понимающе хмыкает моя собеседница. Ага, значит этот язва — блондин. Хотела бы я на это посмотреть. С недоумением отвожу взгляд и поворачиваюсь к Мэл, она же склоняет голову набок, смотря мне в глаза. — Если боишься, что мальчики негативно отреагируют, это не так. Тебе ничего не угрожает. И так будет гораздо проще.

— Меня ищет один очень влиятельный в Босварии человек, — признаюсь я, наконец, чувствуя потребность хотя бы частично выговориться. — Чем меньше людей узнает, кто я на самом деле, тем лучше для всех. Я очень благодарна вам троим за помощь, и не хочу подвергать опасности, взвалив на вас свои секреты. Потому предпочитаю оставить всё, как есть.

— Дело твоё, — понимающе кивает девушка. — Я тебя предупредила, а ты уже решаешь. Пошли обедать.

Глава 16

Гапка с Наиле расстарались, приготовив что-то похожее на бешбармак. Девушка, низко склонив голову, разнесла всем тарелки, явно стараясь угодить и теряясь каждый раз, слыша благодарность. А потом со своей порцией скрылась в повозке, прячась от внимания. Я удивлённо провела её глазами, но останавливать не стала. Мало ли. Может ей время нужно, чтобы привыкнуть. Да и с хариджи этой... может ей категорически нельзя нам лицо показывать? Как-то я у Гапки про это не расспрашивала, а теперь ещё попробуй возможность улучи.

Во время обеда я действительно то и дело ловлю на себе задумчивые взгляды Рэна. Хотя не понимаю, чем себя могла бы выдать. Может надо было обнять Мэл в ответ? Да ну. А вдруг я нерешительный мальчик? Может ведь такое быть? Может. Наверное. Хоть в штаны себе бутафорию какую-нибудь засовывай.

Мэл приносит мне обещанные средства гигиены, когда мы уже собираемся отправляться, загрузив вещи и остатки обеда к нам в повозку. Обнимает меня со спины и засовывает руку в карман капитана.

— Беги в кусты, Рома, — шепчет насмешливо на ухо. Вот теперь точно верю, что они с Кором брат и сестра.

Как бы там ни было, но благодаря Мэл остаток дня прошёл для гораздо менее неприятно, чем мог бы. Боль, благодаря её заклинанию полностью ушла. А одолженные средства оказались магическими и весьма действенными. Но всё равно к вечеру усталость начала брать своё. А Рэн, как назло, что-то слишком долго не объявлял о привале. Я уже было подумала, что он так пытается наверстать упущенное утром время, но вскоре увидела, как возвращается с разведки Кор, о чём-то сообщает своему другу, а тот наконец-то оборачивается ко мне и поднимает руку, подавая вожделенный сигнал и указывая, куда сворачивать.

Лагерь мы разбили в лесочке, прилично отъехав от дороги. И я не могла не признать, что, укрыв фургон между деревьев, действительно ночевать как-то спокойнее. А потом обнаружилась и ещё одна причина, по которой наш командир тянул до этого места. Рядом протекала небольшая чистая речка. И что-то мне так искупаться захотелось. Особенно с учётомотягающих обстоятельств. Может получится ночью как-нибудь? Отойду подальше, чтобы никто не видел и удовлетворю свою потребность в чистоте.

Кор занялся костром, Мэл с Рэном их скакунами, Гапка Лялькой, Наиле осталась сидеть в повозке, а я, как и собиралась принялась распрягать наших лошадей. Хоть и не породистые коняшки у меня, всё равно умнички и трудяжки хорошие. Приговаривая, какие они молодцы, отвела двух меринков к речке, чтобы напоить, почистить специально для них купленным скребком, проверить копыта и потом привязать неподалёку, где трава посочнее. А когда управилась и уже собралась возвращаться в лагерь, заметила чуть ниже по течению Рэна, который завёл своего вороного в воду, чтобы почистить. Гнедые Кора с Мэл ждали своей очереди на берегу. Без привычной строгой жупархи, в одних подкатанных штанах и чёрной рубашке с расстёгнутым воротом, мужчина выглядел ещё более привлекательно. Вкусно. И я невольно засмотрелась. Каюсь. Чисто с эстетической стороны. Ну красивый же. Очень.

А у меня есть Тай. Где-то есть. Вот и нечего пялиться, Рамина. Отвернулась и шагом марш в лагерь. И опять, стоило мне отвернуться, как краем глаза я замечаю, что мужчина на меня внимательно посмотрел. Нет, ну я же слюнями не капала. И стояла далеко. Ну посмотрел парень, как он коня чистит. И что тут такого? Ничегошеньки.

Стараясь шагать как можно непринуждённое, ухожу от реки, направляясь к месту нашей стоянки, откуда уже чувствуется аромат горячей и вкусной еды. У костра опять колдуют Гапка с Наиле. А Кор на этот раз сидит рядом с Лялькой на поваленном дереве и о чём-то ей тихо рассказывает. Девочка, как замороженная слушает мужчину, буквально разинув рот. Мэл расположилась тут же, только не на дереве, а на земле, опираясь спиной на то самое дерево, закинув ногу на ногу и периодически вставляя реплики в рассказываемую Кором сказку о маленьком лесном духе, из интереса решившем пожить среди людей. Повезло нам со спутниками, что тут сказать. От умильной картины меня отвлекает Гапка, попросив принести из повозки мешочек со специями, который она забыла прихватить.

К тому моменту, когда ужин уже готов, на поляне собирается вся наша компания. От реки возвращается Рэн, по-прежнему с закатанными рукавами и подкатанными штанами. Я замечаю, как округляются глаза Наиле, и она тут же смущённо опускает взгляд. Внутри от этой её реакции неприятно царапает что-то, и я поневоле задерживаю взгляд на мужчине. Беспристрастный, как мне кажется. Рэн слегка поворачивает голову в мою сторону, словно прислушивается. Что он слушает? Мысли? От такого предположения я даже закашливаюсь, выпучив глаза. Да ладно? Не может быть! Или может? Существует такой дар? Может поэтому Мэл утверждала, что он точно

меня раскусит? Хотя, если бы он знал, что я думаю, то уже и знал бы, кто я. Если брать за исходную слова его подруги, то получается, что ещё не раскусил... был... утром.

Сглотнув, отворачиваюсь и натываюсь взглядом на Мышку, которая несёт мне тарелку с едой. Нет, ну зачем она? Вспоминаю, как девушка умоляла не прогонять её и в мыслях мелькает неприятная догадка, что таким образом бедняжка пытается отработать то, что мы её не выгнали. Но одно дело помогать... а другое чувствовать себя обязанной нам угождать.

— Спасибо, Наиле, — произношу, приняв у неё еду, и перехватываю тонкое запястье, пока она не успела уйти. — Но тебе не нужно нам прислуживать.

Девушка вздрагивает и поднимает на меня глаза. В них растерянность, постепенно сменяющаяся... горечью.

— Простите хали, — склоняет она голову. И, опустив плечи, направляется к повозке. Что за...

— Наиле, стой, — вскакиваю я, но меня опережает Кор, стремительно преградивший ей дорогу, и, игнорируя её испуганный выдох, ведёт обратно к костру.

— Ну что же ты, Мышка, так плохо о Роме думаешь, а? — приговаривает брат Мэл, усаживая её на бревно рядом с Лялькой.

— Я... нет, вы что, хали? — потерянно отнекивается она, а я, пользуясь случаем, приседаю перед ней на корточки, чтобы заглянуть в глаза.

— Наиле, объясни мне, чем я тебя обидел? — прошу её, хотя уже и сама догадываюсь. И нехорошие такие выводы из моих догадок лезут.

— Вы меня не обидели, хали, — сглотнув, произносит она, но я чувствую, что это неправда. — Я просто не научилась ещё угадывать ваши желания и не знаю, что сделала не так. Но я обязательно научусь.

Э-э-э. Моё лицо по мере её сбивчивой речи всё больше вытягивается.

— Мои желания? Зачем? — ошарашенно переспрашиваю у бедняжки.

— Вы позволили мне остаться в вашей повозке, есть вашу еду, — перечисляет Наиле. — Меня... учили, что за доброту мужчины и его хорошее отношение надо быть благодарной. И всегда делать всё, чтобы ему угодить. Я правда хочу. Но не знаю, как. Вы так молоды... Меня больше готовили быть наложницей старшего мужчины. Простите.

Рвано выдохнув, я закрываю лицо руками. Приехали.

— Наиле, я... сказал, что ты не должна нам прислуживать, имея в виду, что ты не обязана этого делать. Ты не прислуга. Понимаешь? И передо мной выслуживаться не должна... не обязана, — потом вспоминаю, как она уходила есть в повозку, и, не отходя от кассы решаю прояснить и этот момент на всякий случай. — И можешь есть вместе со всеми, если, конечно, хочешь этого.

— Могу? — ошарашенно переспрашивает она.

— Если хочешь.

— И вы разрешите мне снять хариджи? — она с опаской бросает взгляд на застывшего рядом Кора. Вот уж кто точно обрадуется возможности увидеть её лицо.

— Если ты наделила меня правом давать тебе разрешения, то разрешаю. Эти мужчины не проявят к тебе неприличного интереса, — произнося положенную фразу, я выразительно поднимаю брови, смотря на Кора. Попробуй только прояви. Тот изображает святую невинность. — Но, Наиле. Это именно, что разрешение. Не требование. И уж точно не приказ. Если тебе некомфортно, или ты не хочешь открывать при нас лицо, можешь не делать этого. Поняла? — в порыве эмоций, я хватаю её за руку. И меня накрывает её прошлым и возможным будущим.

Ох. От неожиданности едва не шарахаюсь назад, но умудряюсь удержаться на ногах... и досмотреть. Это впервые после нападения дар даёт о себе знать. И мне больно от того, что я вижу. Бедняжка. Сколько же ты пережила? И не сломалась. Научилась приспосабливаться. Гибкая, как лоза. Но попробуй сломай.

— Почему ты сбежала из Храма в Хазре? — смотря ей в глаза, задаю вопрос, который всех нас интересовал. Чувствую, как отзывается внутри вернувшаяся сила. И знаю, что она ответит. Как знаю то, что ей нужно сейчас это сказать, чтобы почувствовать себя свободной.

— Потому что янгарда начала разыскивать родственников девушек, которые воспитывались у

хозяйки. И моих бы нашли, — всхлипнув, признаётся Наиле.

— Это плохо? — скрежетнув зубами, уточняет Кор.

— Меня не крали, как большинство остальных. Хозяйка меня купила, — тихо шепчет девушка, но в оглушительной тишине, стоящей посреди поляны, эти слова слышны всем. — Моя мама умерла. А отец взял в жёны свою любимую наложницу. Она люто ненавидела меня и, когда забеременела и родила ему сына, упростила его меня продать. И снова продаст. Только уже мужчине. Я ведь уже совершеннолетняя. Она и тогда хотела, но отец не согласился, а в воспитанницы хоаль Адоляре отдал. Теперь согласится.

— И ты решила спрятаться в Обители Праматери, — понимающе киваю.

— Да. Я слышала от служителей про вас. И решила спрятаться ночью в вашей повозке.

— Тебе повезло, что я другую охранку не поставила, — хмыкает Мэл. — И что Рома присутствовал в повозке, хоть и крепко спал, — в мою сторону летит насмешливый взгляд.

— Вы теперь меня прогоните? — тихо интересуется Наиле, боясь поднять на меня взгляд. Я вижу, что она собой недовольна. Знаю, что не хотела рассказывать. Но так надо. Меньше придумывать себе будет и доверится тому, кому надо. Потом ещё спасибо скажет.

— Нет. Глупостей не говори. Ты теперь с нами. Не прислуга. Бабушка, примешь под крылышко ещё одну деточку? — выразительно гляжу на внимательно слушающую Гапку.

— Конечно, Рома, — улыбается пожилая няня, и я понимаю, что она уже это сделала. С её добрым сострадательным сердцем и не могло быть иначе.

— Вот видишь, Наиле, — улыбаюсь я ей, пожимая ладонь, которая ещё тоньше, чем у меня.

— Спасибо, хали Рома, хоаль Зарима, — шепчет она, зажимивается, тяжело дыша, а потом несмело поднимает руки к вискам. И снимает с лица хариджи.

Уоу, так и комплексом неполноценности можно обзавестись. Мышка, оказывается, настоящая красавица. К потрясающим глазам прилагается и лицо, глядя на которое не возможно не любоваться. Бросаю на Кора быстрый взгляд. Со стороны может показаться, что он на неё даже не смотрит. Но я почему-то уверена, что сейчас всё его внимание сосредоточенно на девушке. А вот Рэн... Повинуясь интуиции, поворачиваю голову чтобы взглянуть на мужчину. Он как-то излишне пристально рассматривает... наши с Наиле руки. Поборов желание резко отдернуть ладонь, я убираю её неспешно. И чувствую, что взгляд Рэна теперь перемещается на моё лицо. Ох и палюсь я. На ровном месте. Ай, ну и чёрт с ним. Даже если догадается, что из того? Я не обязана ему ничего объяснять. Бояться этой троицы тоже не могу, они, конечно, не пушистые зайчики, но и вреда мне не причинят. Если вдруг что, я всегда могу отказаться ехать с ними вместе.

Потому делаю вид, что ничего не произошло и возвращаюсь на своё место. Еда стынет.

После ужина меня всерьёз озадачивает вопрос гигиены. Магический аналог прокладок радует надёжностью, заклинание Мэл работает на славу, но чистоты всё равно хочется безумно. В реку лезть, как бы мне этого не хотелось, всё-таки глупо. Придётся закипятить воду. Наверное, сделаю это с вечера, например для чая. А ночью, встану и тайком унесу котелок к реке.

Если сделать морду кирпичом, то можно много чего провернуть, не привлекая абсолютно никакого внимания. Ну подумаешь, парню чаю на ночь захотелось. Ну подумаешь котелок к повозке утащил и забыл назад принести. Котелок ведь наш? Наш. Что хочу то и делаю. Гапка мой замысел, кажется, поняла. Наиле и не заметила ничего, поскольку сразу после ужина спряталась в фургоне. Видимо, её деланно равнодушный вид Кора тоже не убедил.

Довольная собой я и засыпаю, чтобы по сложившейся уже в дороге привычке проснуться перед рассветом. Тихо, чтобы не разбудить своих попутчиц, прокрадываюсь к переднему борту и выбираюсь наружу. Как я и предполагала у костра обнаружился часовой. И, конечно, же не Мэл. Но и, хвала небесам, не Рэн.

— Ты чего не спишь? — скидывает брови Кор, повернув голову в мою сторону.

— Да так. Отойти нужно, — шёпотом выдаю я, он хмыкает и теряет ко мне интерес. Юху-у. А теперь хватаем котелок и быстро в тёмные кусты, пока не заметил.

Ура получилось. Сейчас мне будет хорошо. Сейчас мне будет чисто. К реке я спешу едва ли не вприпрыжку, только накрытый крышкой котелок и сдерживает. Ещё успеваю подумать, что надо спуститься подальше вдоль течения, чтобы меня случайно никто не увидел, выскакиваю к реке и замираю с отвисшей челюстью.

Он стоит спиной ко мне. Рассвет только-только занимается, но даже этого мне вполне достаточно, чтобы рассмотреть и разворот широченных плеч, и красивый рельеф мощных мышц, и линию позвоночника, и... о-о-о-о, ну нельзя же так с гормонально неустойчивым женским организмом, ямочки над капец какой упругой мужской задницей. И всё это великолепие ещё и в капельках воды. Я же не железная на такое без слюней смотреть.

— Всё в порядке, Рома? — интересуется Рэн, поворачиваясь ко мне. Вот прям берёт и поворачивается. Во всей своей внушительной обнажённости. Мамочки. Хоть бери да котелком обмахивайся.

— Вы умеете читать мысли? — вырывается у меня глупый-преглупый вопрос. И смотрим на горизонт. Там солнышко красиво встаёт. Я не хочу знать, что ещё тут встаёт и почему. Я ничего такого не видела.

— Нет. Эмоции, — хмыкает этот смутитель моего душевного равновесия. И спокойно выходит из воды. Поднимает лежащее на стопке одежды рядом с моими ногами полотенце, и принимается неспешно вытираться. Совсем близко. Руку протянуть и можно коснуться этой смуглой гладкой кожи... Ммм... Тьфу, что за бред, Ромка?! Пошла шагом марш отсюда!

— Ясно, — киваю с закрытыми глазами. — Я пойду тогда.

И с достоинством даём дёру.

— Иди. Только недалеко. Никто подсматривать не будет, — доносится мне в спину.

Тайрэн

И всё-таки девушка. Одеваясь, провожаю взглядом удаляющуюся фигурку, недоумевая, как сразу не догадался. С толку меня изначально сбила Ляля, без малейших сомнений называющая Рому братом, так что я и не искал подвоха в образе щуплого паренька с разбитым лицом — надо узнать, кто без рук за это останется — и колючим характером. Потом что-то начало царапать в его эмоциях, какое-то несоответствие, неправильность, но по приезде в город я попросту выпустил Рому из виду. Не до того было, когда выяснилось, что караван с Рами ушёл в другую сторону. Удивляюсь, как сдержался и не разнёс что-то в той Хазре к бесам лысым. Когда успокоился, взвесил ситуацию и понял, что придётся ехать дальше, чтобы перехватить паломников в другом городе, передал с Мэл, как раз собравшейся идти к нашим знакомцам, предложение присоединиться к нам. Мальчишка, с виду ровесник моего Рикарда, явно не способен ни защититься сам, ни обезопасить свою семью. Но гордый малец отказался, чем, как ни странно, разозлил меня.

А вчерашний день принёс новые сюрпризы. Встреча с Ромой и его семьёй была ожидаемой, всё-таки дорога в этом направлении одна. Парнишка разумно передумал и согласился, что ехать с нами безопасней. Но при этом так бурно эмоционально отреагировал, что я невольно начал прислушиваться, пытаюсь разобраться. И чем больше слушал, тем больше понимал, что с ним что-то не так. А сценка с Мэл во время обеденного привала наконец натолкнула меня на неожиданное предположение. Ну не может парень-подросток так... спокойно реагировать на прикосновения, объятия и флирт нашего Чудовища. Нет, можно конечно было бы предположить, что Рома нетрадиционных взглядов, хотя и тогда реакция бы хоть какая-то была. Мой мозг тут же стал искать подтверждения другому варианту. Теперь я замечал и голос, слишком мелодичный для парня, и походку, хоть и решительную широкую, но не мужскую, его фразы, манеру разговора, черты лица и изящные руки. И реакцию на меня. Типично женскую.

Стоило мне утвердиться в мысли, что Рома — девушка, как в голову пришла другая мысль. Рома вполне может оказаться моей Рами. Даже имена на это намекают. Слишком похожи. Да и другие совпадения на лицо. Она вышла из Гьяраны вместе с паломниками, как и обещала Богиня. Один уже тот факт, что девчонка смогла даже меня (Мэл не в счёт) провести на время со своим маскарадом делает её абсолютно непохожей на любую босварийку. Не представляю, чтобы девушка, которую с детства приучают к местным традициям, послушанию, зависимости во всём от мужчин, смогла бы решиться на такую смелую и крайне неприличную по босварийским меркам выходку. Рома слишком смелая, раскованная, решительная, и необычная. Слишком похожа на Рамину.

Эта мысль не давала мне покоя всю ночь. А во сне я сдирал с девчонки её тряпки, чтобы убедиться в своей правоте, а потом брал её, наматывая на кулак почему-то длинную косу, вбиваясь в хрупкое тело по самые яйца, клеймя собой, делая своей. Жаль, что этот сон не был нашим общим. Проснувшись, я его прекрасно помнил. Кстати, ещё один аргумент за Рому-Рами. Общих снов больше, явно, нет.

Чувствуя, что еще немного и я пойду будить девчонку, чтобы задать ей конкретный вопрос и воплотить в реальность приснившуюся фантазию, решил освежиться и поплавать. И надо же было такому случиться, что моя загадка сама явилась к реке. Я почувствовал её присутствие, когда она ещё через кусты пробиралась, пребывая в каком-то нетерпеливом предвкушении. А потом Рома увидела меня. И её эмоции прострелили мой организм таким неконтролируемым возбуждением, которого я от себя уж точно никак не ждал, не будучи до конца уверенным в личности этой интересной особы. Повернулся, проверяя реакцию. Убеждаясь. И да, демонстрируя свою реакцию на неё. О нет, она точно не босварийка. И уж не мальчик подавно.

И теперь передо мной стоит другой вопрос. Что делать с этим знанием? Проверить, Рамина, или нет, не такая уж и проблема в данной ситуации, на самом деле. Необязательно даже вопрос в лоб задавать. Достаточно хотя бы назвать своё полное имя, которое ей известно. Или упомянуть, что ищу девушку Рамину. Уже сейчас я могу точно узнать правду. А могу пока не спешить. И не выдавать себя, чтобы узнать её с другой стороны. Она такая нравится мне даже ещё больше. Поймав себя на этой мысли, удивлённо качаю головой. Как-то слишком быстро я принял вариант, что Рома — это Рами за единственно возможным. Слишком уж зацепила моё внимание эта девчонка. Может я и принимаю желаемое за действительное, но всё во мне признаёт в ней ту, которую я ищу.

Направляясь к лагерю, я уже знаю, как поступлю. Убеждаться буду окольными путями. Всё равно мы едем вместе. Она под моей защитой и никуда от меня не денется. Познакомимся ближе. В конце концов, мне интересно, узнает ли она меня? Или может хотя бы заподозрит? А завтра к вечеру мы приедем в Рахаш, там и раскрою все карты.

Рамина

Не знаю, чего я ждала после утренней сцены. Но ровным счётом ничего не произошло. Когда я вернулась к лагерю, уже не таясь, то увидела у костра обоих мужчин. Рэн вскинул голову, внимательно осмотрел меня нечитаемым взглядом и вернулся к тихому разговору с Кором. Вот так, значит? Ну замечательно ведь. Мэл была права. Это же хорошо. Правда. Никто мне в душу не лезет, что к чему да почему не выспрашивает, всё как я хотела. Но вместе с тем меня подспудно начинает грызть что-то подозрительно похожее на разочарование. Это что получается, я так долго скрывала свой секрет, корячилась, изображала парня, а он вот вообще никак не отреагировал на то, что я девушка? словно это и значения никакого не имеет? Нет, ну вообще-то отреагировал, но может это у него просто утреннее, я как-то никогда настолько физиологией мужчин не интересовалась.

Мелькает мысль, что может мне показалось и ничего этот нудист на самом деле не понял. Не выдержав, мельком смотрю на Рэна и встречаюсь со слегка насмешливым взглядом синих глаз. Это что, он сейчас мои эмоции читает и потешается? У-у-у, гад. Я уже даже слегка успела подзабыть, насколько он меня бесит. Хорошо, что напомнил. От злости начинаю чувствовать себя самоваром, из которого пар сейчас ушами повалит, а мужчина склоняет голову набок, вопросительно вскидывая бровь.

Ничего мне не показалось. Всё он знает и всё понял. Если успокоиться и прислушаться к себе, то его пристальное внимание к моей персоне буквально кожей ощущается. Изучает. Ну-ну.

— Всё в порядке, Рома? — слышу его низкий бархатный голос, от которого меня внезапно берут мурашки. И от этого вопроса тоже. Сразу картинка, увиденная на берегу, перед мысленным взором появляется.

— Да, — вспыхнув, сообщаю ему и прячусь в повозку. Можно ещё часик подремать. Если получится. А смешок мне послышался.

Утренние сборы прошли как-то мимо меня. Я таки умудрилась уснуть. И проспать. А когда меня разбудила Гапка, оказалось, что лошадей в нашу повозку уже впрягли без меня. Гадать, кто, как-то не приходилось. Мне осталось только покормить их овсом. Все уже позавтракали, но мне оставили личную огромную порцию, и наш тиранистый диктатор заявил, что никуда мы все не поедem, пока я её не съем. Пришлось есть, пока все собирались.

— Рома, я замечал, ты равнодушно посматриваешь на моего Ворона, — подошёл ко мне Рэн, когда я уже почти доела.

— Да, — осторожно кивнула я. К чему он клонит? — Он у вас просто великолепен.

— Знаешь толк в лошадях? — с интересом вскинул он бровь.

— Да так, немного.

— Хочешь до первого привала поехать верхом? — внезапно предложил мужчина, заставив меня удивлённо выпучить глаза.

— Вы серьёзно? — мои глаза помимо воли скользнули к вороному жеребцу, который стоял уже полностью оседланный неподалёку. О-о-о, ну нельзя же меня так искушать, я же... соглашусь.

— Я стремена для тебя подтянул, — усмехнувшись, сообщил змей искуситель. Не знаю, зачем ему это, но сил противиться соблазну у меня нет ни капельки.

— А как же повозка? — попыталась я включить здравый смысл.

— Я сяду на вожжи. Иди, тебе же хочется, — вкрадчиво подстегнул мой энтузиазм Рэн. А тут ещё и Гапка грязную тарелку отобрала, как последний сдерживающий фактор.

Пропала я. О-о-о, моя ж ты прелесть! Какой же ты красивый!

Глава 17

Первый час пути я просто кайфовала от неожиданно привалившего счастья, наплевав на то, насколько блаженной выгляжу. Ворон подпустил меня без опаски, но поначалу попытался продать свой авторитет. Поняв же, что со мной этот номер не проходит ни в каком виде, перестал качать права, и оказалось, что жеребец у Рэна не только восхитительно красивый, мощный и статный, но и великолепно обученный. Одинаково чувствительный, как к трензелю, так и поводьям на шее, он слушался малейшего движения рук и шенкелей, искушая проверить все его умения. Тут уж пришлось изо всех сил сдерживаться, но я хотя бы позволила себе пустить красавца в быстрый галоп. О-о-о, как же я по этому соскучилась! Как же мне этого не хватало! Ощущение полёта, сильное животное, добровольно подчиняющееся тебе, ветер в лицо, норовящий растрепать осточертевшую куфию, и чувство свободы здесь и сейчас. В крови бурлило первобытное желание, не останавливаясь, мчаться всё дальше и дальше, упиваясь каждым миготом, красочными пейзажами, пьянящими ароматами лета, белесой дорогой, уходящей в небо... Я едва сдерживалась, чтобы не орать от распирающего изнутри восторга.

Но и вернуться к моим попутчикам тоже хотелось, дабы разделить свои чувства и элементарно поблагодарить мужчину, который не обязан был мне позволять этот кусочек счастья, но, тем не менее, позволил. Может просто, может нет, какая разница? Могла бы себе это позволить, расцеловала бы его на радостях.

Назад я возвращалась уже рысью, с улыбкой от уха до уха и счастливая до нельзя. Едущая впереди Мэл встретила меня понимающей ухмылкой, Кор заинтересованным задумчивым взглядом. А Рэн смотрел так пристально и странно, что я опять почувствовала, как по спине бегают табуны мурашек. Что-то смутно знакомое и волнующее было в этом взгляде. Рядом с ним сидела Гапка, и они явно о чём-то разговаривали, пока не увидели меня. Искать подвоха не хотелось, настолько мне было хорошо. Поэтому я просто поравнялась с повозкой и, улыбаясь поблагодарила от всего сердца:

— Спасибо вам, Рэн.

— Тебе, — улыбнувшись, произнёс мужчина. В потемневшей синеве глаз снова мелькнуло что-то пробирающее до приятной дрожи.

— Что? — не сразу дошло до меня.

— От тебя мне хочется слышать: «Спасибо тебе, Рэн».

Кхм, вот вроде бы и ничего такого в его просьбе-приказе нет — с Мэл они ведь тоже на «ты» — но мне отчего-то неловко, словно я сознательно позволяю ему сократить между нами дистанцию. Но в конце концов это глупо так думать. От простого обращения на «ты» меня не убудет.

— Спасибо тебе, Рэн, — послушно повторила я за ним, вызвав у мужчины довольную улыбку.

— Пожалуйста, Ромин, — вкрадчиво произнёс он. — Я рад, что смог доставить тебе столько удовольствия.

От двусмысленности последней фразы я даже не сразу поняла, что он назвал меня полным вариантом моего переключенного имени. А когда дошло... Ах вот как? Значит решил начать собирать сведения с допроса Гапки. Интересно зачем? И что она ему сказала? О том, что моя попутчица не так проста и лишнего не выболтает, я прекрасно знаю, тем более что на мой пристальный взгляд она отвечает своим безмятежным. Но и этот диктатор тиранистый — хитрый штрих. Пожилой няне с ним не тягаться. Правда, сам Рэн моим именем в открытую заявляет о своём интересе к моей личности и персоне. Вот только, как на это реагировать?

Дабы не мучить себя этими вопросами, я ретировалась, послав Ворона вперёд и догнав Мэл с Кором. В этот день нам по распоряжению Рэна предстояло два небольших привала вместо одного большого. Зато к вечеру, как объяснил Кор, мы должны опять выехать к воде, на этот раз к озеру и термальным источникам, где при желании можно будет искупаться. Услышав эту новость, я даже застонала с досады. Мои «праздники» ещё даже не думали заканчиваться. Не рискну. А хочется.

— А завтра к вечеру будем в Рахаше, — продолжил говорить Кор, не заметив моего расстройства.

— А караван там когда будет? — поинтересовалась я.

— По нашим расчётам послезавтра пополудни. Если опять нигде не задержатся, — на этих словах меня внутри что-то больно кольнуло, будто предупреждая, но слишком смутно, чтобы разобраться о чём именно. Надо будет подумать потом. И попытаться увидеть.

— А зачем вам караван? — вырвалось у меня. Но я тут же дала задний ход, понимая, что лезу, куда не просят. — Если это не секрет, конечно.

— Караван нужен Рэну. А зачем, попробуй спросить у него, — хмыкнув, объяснил мужчина.

Ага, как же. Уже спросила. Чтобы Рэн спросил в ответ. Прямо спешу и падаю.

Даже сидя в повозке, этот мужчина всё равно умудрялся быть во главе. Привал мы устроили, когда он подал сигнал и там, где он решил. Правда место, как всегда, оказалось оптимальным. Вот умеет же ко... ладно руководить. На этот раз перекусили по-быстрому, и справив все дела и нужды поехали дальше. Как и договаривались утром, на козлы теперь села я. По правде сказать, моё непривыкшее тело хрупкой принцессы большего и не выдержало бы. А жаль.

Расспрашивать Гапку о разговоре с Рэном при играющей позе в повозке с Лялькой Мышке мне не очень хотелось, потому я отложила это до вечера.

Второй привал прошёл точно так же. Быстрый перекус. Полчаса на размять ноги и всё остальное. И снова в путь. Но, когда знаешь, в чём причины, потерпеть не проблема.

А к закату мы, как и рассчитывал Рэн, выехали к термальным источникам. Дорога вела вниз в долину мимо парующих каменных белых чаш, из которых вода водопадами стекала вниз к озеру. Чем-то вид напоминал Терме ди Сатурния* в Тоскане, но без зданий и кучи туристов. Тут вообще никого не было. Лишь гул воды. Белесый пар. И сказочно красивая долина внизу у озера, где мы остановились на привал.

Эх. Ну, не покупаюсь, то хоть полюбуюсь.

Разбив лагерь, все принимаемся за дело. Я, привычно поухаживав за нашими лошадьми, возвращаюсь к костру и, не принимая возражений Гапки, берусь чистить и резать лук. Мышка, которая как раз промывает крупу похожую на рис, бросает на меня удивлённый взгляд мельком и возвращается к своему занятию. Лялька же, узрев столь массовую занятость, тоже решает вложить свою лепту в приготовление пищи, изъявив желание чистить чеснок. Ну, стремление к труду ведь надо поощрять? Вручив ей головку, я даже зависаю, умилительно наблюдая за высунувшей язык от усердия девочкой.

— Наиле, можешь принести ещё чистой воды? — просит Гапка, стрельнув глазами на нашу Мышку.

— Да, конечно, хоаль. А где конкретно её набирать? — робея, интересуется девушка.

— А ты у хали Кора спроси, где он набирал, — как ни в чём не бывало, советует хитрая старушка, делая вид, что не замечает, как вспыхивает румянцем Мышка. Вот ведь сваха.

С интересом наблюдаю, как несмело поднимается на ноги жертва сводничества, берёт ведро и робко идёт к мужчине. Тот как раз о чём-то тихо разговаривает с сестрой, но приближение Мышки улавливает сразу и устремляет на неё хищный пристальный взгляд, следя за каждым движением.

— Хали Кор, объясните мне пожалуйста, в каком источнике можно набрать питьевую воду, — слышу я голос Наиле. Надо признать, девчонка говорит почти спокойно. Молодец.

— Я сделаю лучше. Покажу тебе, — довольно улыбнувшись заявляет тот.

— В этом, правда, нет нужды. Я смогу понять, где, если вы мне расскажете, — храбро возражает девушка.

— Ни на секунду в этом не сомневаюсь, Мышка. Но вдруг на тебя медведь нападёт? Я не могу тебя одну отпустить, — на полном серьёзе вещает Кор, отбирая у неё ведро. — И тяжести тебе нельзя носить. Пойдём.

Девушка пару секунд молчит. Смотрит на него. А потом интересуется невинно:

— Но зачем мне идти, если воду вы всё равно сами принесёте?

На этой её фразе Кор даже спотыкается. Смотрит на девушку ошарашенно, а потом улыбается и тянет с восхищением.

— А если на меня медведь нападёт? Кто позовёт на помощь?

— Тут медведи не водятся, — спокойно так сообщает мужчине девушка. Тот уже открывает рот, чтобы ещё что-то сказать, но она тихо и робко продолжает. — Но если вам так будет спокойней, то я могу пойти с вами.

Смотреть на вытянувшуюся физиономию Кора любо дорого. Мэл за его спиной уже едва сдерживает смех, вон как плечи трясутся. А Мышка с тем же милым невинным видом разворачивается и идёт к озеру. Мужчина, постояв секунду, одобрительно хмыкает, качнув головой и, широко улыбаясь, устремляется следом. М-да. Сознательно, или нет, но наша тихоня умудрилась его интерес ещё

больше подогреть.

Посмеиваясь и качая головой, я возвращаюсь к своему занятию, перед этим незаметно осмотревшись вокруг, не услышит ли нас кто. Мэл ушла на другой край поляны и принялась что-то магическое выплетать пальцами, тиранистый диктатор отсутствует. Можно наконец поговорить с Гапкой. Она бросает на меня понимающий взгляд.

— Бабушка, о чём с тобой разговаривал Рэн? — в лоб спрашиваю шёпотом я. Нет времени на хождение вокруг да около.

— Он спросил, почему мы едем в Обитель, — пожав плечами, так же тихо отвечает старушка.

— А ты? — вскинув брови, интересуюсь.

— Сказала, что это не моя тайна. Мне, кажется, врать ему бесполезно.

— Тут ты права. Он — эмпат, — сообщаю Гапке. Та удивлённо вскидывает брови.

— Откуда ты знаешь? Это довольно редкий дар.

— Сам сказал. Утром. Он меня раскусил, что я не парень, — признаюсь, кроша лук, и смаргивая выступившие на глазах слёзы.

Старая няня хмурится, пару минут размышляет и наконец выдаёт:

— Может и хорошо это. Он ещё спросил, не угрожает ли нам что-либо и не нужна ли помощь?

— Ты ведь не рассказала правду? — отставляю я нож и всматриваюсь в серьёзные глаза Гапки. — Мы не знаем, что он собой представляет, а миразу не тот враг, против которого кто-то легко пойдёт.

— Нет, не рассказала. Но если он эмпат, то мог и сам многое понять.

Тут она права. Ну до чего неудобная фича у мужика. Вот не повезёт его жене, это ж капец какой-то — ничего не скроешь.

— И что тут хорошего? — вырывается у меня досадливое.

— Они из Сэйнара. Явно не простые люди, даже не просто знать. Военные. Могут помочь тебе сбежать из Босварии. Ты ведь не сможешь всю жизнь в Обители прятаться. Да и с Лялькой надо будет что-то решать.

— Из Сэйнара? — меня настолько оглушает эта новость, что я почти не слышу остального, хоть и сама переживаю, как быть дальше. Особенно с Лялей. — Откуда ты знаешь, что они из Сэйнара? Спрашивала?

— Зачем? И так понятно, — как на несмышлёныша смотрит на меня няня. А потом, видимо вспомнив, кто я, округляет глаза. — О-о, извини. Конечно, ты не могла понять. Ну всё дело в Мэл. Женщина при желании может получить военное образование только в Сэйнаре. Их король Яргард уравнивал права магичек с мужчинами магами ещё во время войны с Босварией.

Офигеть. Выходит эта троица из Сэйнара? Как и мой Тай. Вот это совпадение!

— А эта война давно была? Босвария с Сэйнаром враждуют? — на всякий случай интересуюсь я.

— Давно. Двадцать пять лет назад закончилась. Поначалу враждовали, да. Границы были закрыты. Но лет шесть назад всё изменилось. Твой... наш король Ардораш помирился с Сэйнаром. Я не очень разбираюсь во всех этих мирных соглашениях, так краем уха слышала. Знаю, что принц Корим сильно поддерживает мир с Сэйнаром, а... принц Гедаш наоборот против. Он ищет поддержки в Арганде.

— А Арганда это?.. — вопросительно вскидываю я бровь.

— Соседнее королевство, — поясняет Гапка, и тут я замечаю Рэна.

Он вернулся от источников, которые ходил проверять. Выйдя на поляну, обводит всех внимательным взглядом и направляется к нам. Делаю Гапке сигнал глазами, чтобы прекратить разговор, и невольно зависаю, наблюдая за каждым его движением. Не, ну вот вроде просто идёт, почему же я глаз отвести не могу? Какая к черту хищная грация? Что за глупости вообще в голову лезут. Просто мужчина. Про-о-осто! Ну красивый, да. Ну сильный и мужественный, Ну синеглазый брюнет. Но у меня же Тай есть. Я его, кажется, всю жизнь люблю. Поскорее бы с ним наяву встретиться и выбросить всех лишних из головы. Но вспомнив по Тая, я невольно задумываюсь, что он ведь тоже должен ехать в Обитель. А может даже этой дорогой. А может мы даже встретимся

раньше. А вдруг уже встретились? Или это мне просто так хочется думать, чтобы оправдать свою слабость по отношению к другому мужчине?

— Я проверил источники. Выставил охранки вокруг. Можно спокойно купаться, — объявляет Рэн, садясь рядом. — Там за деревьями есть укромные каменные чаши, которые не просматриваются ни с каких сторон.

— Купаться? — вскидывает голову Ляля, и в шоколадных глазках загорается восторг. — Хочу купаться. Бабушка, Рома, пожалуйста. Пойдём?

Я поднимаю на Гапку вопросительный взгляд, кивая на девочку.

— Конечно, маленькая. Я тебя искупаю. Вот ужин с тобой Ромой приготовим и пойдём. Потерпишь? — тут же улыбается девочке няня.

— Ла-а-адно, — надув губки, тянет малышка. — Потерплю.

Впрочем, с ужином мы заканчиваем быстро. Гапка забрасывает все ингредиенты в котелок, и я предлагаю ей, что останусь и посмотрю за едой, а она уже может идти с Лялей. К ним ещё и вернувшаяся Мышка присоединяется, а потом и Мэл с полотенцем уходит в ту сторону, а я остаюсь, давя в себе чувство зависти. Под пристальным взглядом Рэна. Мы опять остались наедине, поскольку Кор занял выжидательную позицию на у тропинки ведущей от источников.

— А ты, Рома? Не пойдёшь? — склонив голову набок интересуется у меня мужчина.

— Нет, — качаю я головой.

— Почему? Мне показалось, тебе хочется.

— Мало ли чего мне хочется, — раздражённо буркаю я. Нет, ну зачем это ему? Какая разница?

— Тебе, наверное, неудобно, — он неспешно скользит глазами по моей перетянутой груди, словно знает, как давит осточертевшая повязка. А может и знает? Мало ли, насколько тонко он различает эмоции. — Зачем это всё сейчас?

— Не ваше дело, — вспыхнув, сообщаю ему.

— Ты можешь сейчас пойти и снять всё, что тебе мешает, — искушающим тоном произносит Рэн, и от бархатной хрипотцы его голоса у меня завязывается тянущий узел внутри. — Погрузиться в тёплую воду, насладиться этим.

Мне так сильно этого хочется, что до слёз обидно. Мужчина некоторое время молча наблюдает за мной, и его глаза подозрительно сужаются.

— Рома, я сейчас знаю точно, что ты очень хочешь пойти. Что тебя держит? Боишься раскрыться? Можешь пойти потом, я даже постерегу тебя. И смотреть не буду... Если не захочешь.

— Спасибо не надо. Мне... нельзя, — сообщаю ему часть правды, чтобы отстал.

— Почему? — удивляется Рэн. Вот ведь неугомонный!

— Да какая разница?! Нельзя и всё! — не сдержавшись, восклицаю я, а потом поддавшись порыву, добавляю. — Если вы только не знаете какое-либо заклинание против инфекций.

Он удивлённо вскидывает брови, некоторое время тщательно переваривает информацию, а потом в глазах появляется понимание.

— Так вот в чём дело, — тянет он. — Представь себе, знаю. После ужина организую тебе абсолютно безопасное купание. Согласна?

Мне бы проявить силу воли и отказаться... Но зачем? Мой мозг ещё обдумывает ответ, а голова уже согласно кивает. Правда мелькает в мыслях вопрос, с чего это Рэна сегодня так мои желания вдруг сильно начали волновать? Только потому, что я девушка?

Надо ли говорить, что ужина я теперь ждала с особым нетерпением. Все вернулись довольные, расслабленные даже немного сонные, особенно Лялька, которую принесла на руках Мэл. Гапка сразу же принялась девочку кормить, а мы с Наиле раздали всем тарелки. Ели в каком-то уютном молчании, заставившем меня почувствовать странное единение с вот этими вот людьми, ставшими мне неожиданно столь не чужими.

Лялька, уснула буквально с ложкой во рту, вызвав умильные смешки у взрослых. Я уже собралась перехватить её у Гапки, но меня опередил Рэн. Осторожно взял малышку на руки и в

сопровождении старушки отнёс её в фургон, чтобы уложить. А вернулся с полотенцем, мылом и чистыми вещами для меня, явно собранными Гапкой.

— Пойдём, Рома, — позвал он.

Чувствуя, как на меня все удивлённо смотрят, я с пылающими щеками поднимаюсь и отбираю у него свои вещи. Вот так вот? Да?

— Я и сама могу взять то, что мне нужно, — шиплю раздражённо.

Краем глаза замечаю, как удивлённо вытягивается лицо Кора, и округляются глаза Мышки. От Мэл долетает насмешливо-удивлённый хмык.

— Не сомневаюсь, — улыбается уголком рта Рэн, беся меня ещё больше. И произносит вкрадчиво, многообещающе: — Так возьми.

А-а-а, вот ведь гад! На что он вообще намекает? На себя что ли? На то, что прочитал, какие желания пробуждает во мне? А вот фиг вам! У меня голова на плечах есть!

— Спасибо за совет. Когда что-то действительно сильно захочу, обязательно так и сделаю, — как можно ровней произношу я, направляясь мимо него к источникам.

И вот плевать, пойдёт ли он за мной, или нет, выполнит ли своё обещание, или нет. Но он идёт. Совсем рядом, буквально в паре шагов от меня. Заставляя чувствовать себя преследуемой добычей. И почему это ощущение помимо понятной злости и раздражения, вызывает ещё и другие чувства? Почему меня так сильно заводит этот мужчина? На каком-то глубинном неподконтрольном мне уровне. Как никто раньше. И ведь ничего такого не делает. Просто смотрит своими синими глазами так, словно насквозь видит. И этот внимательный пронзительный взгляд странным образом вытесняет из моих мыслей другой, тот который был для меня всем так долго, а сейчас растворяется в бурлящей реальности. И меня злит это до безумия. Злит, что этот мужчина, сам того не зная, в моей голове пытается затмить образ Тая. Злит, что я уже не могу вспомнить даже те крохи, которые помнила раньше из внешности любимого и, что подсознательно ищу Тая в нём. Даже сейчас. А ведь он ни разу не сказал, что ему нужно в Обитель, где мы с Таем должны встретиться по условиям Богини. Нет, ему всего лишь зачем-то нужен караван. Так стоит ли себя обманывать?

Мы выходим к озеру и Рэн внезапно меня обгоняет, направляясь вверх по каменистой тропинке.

— Иди за мной, я покажу самое уединённое место, — зовёт он, оглянувшись через плечо.

Я молча следую за мужчиной, стараясь не пялиться. Лучше на пейзаж полюбуюсь. Тут волшебно красиво, даже сейчас, когда солнце уже село, а парующие источники освещаются почти полной луной. Осторожно ступая, поднимаюсь за Рэном, и он приводит меня к каменной чаше, ограждённой от остальных водопадом и белесой скалой с одной стороны, и цветущими густыми кустарниками с другой. Подходит, кладёт руки на край, потом начинает быстро плести мерцающее жемчужными нитями заклинание и отпускает его в воду. Потом ещё одно, отличающееся узором, и наконец удовлетворённо кивает.

— Всё, Рома. Можешь смело купаться. Вода абсолютно чистая и такой останется, — оборачивается он ко мне.

— Спасибо, — киваю благодарно и замираю, не зная, чего ждать дальше.

— Я буду ждать внизу у озера. Если что-то будет нужно, позови, — мягко сообщает он мне, подходя ближе. Заглядывает в глаза. И внезапно касается ладонью моей щеки, проводит пальцем под глазом. — Кто это сделал?

— Что? — не сразу вникаю в суть вопроса, выбитая из колеи неожиданным прикосновением. И раскалённой сталью в его голосе.

— Синяки.

— Никто. Я сама упала, — он удивлённо и недоверчиво вскидывает брови, и я почему-то спешу его уверить: — Правда. Слишком перенапряглась и потеряла сознание, в результате мой нос познакомился с брусчаткой.

— Когда это случилось? — хмуро интересуется Рэн.

— Ещё в Гьяране. Скоро сойдёт, надо придумать новую маскировку, — вот не знаю, зачем я это ему говорю. Может просто устала таиться.

— Не надо больше, — смотрит мне в глаза мужчина.

— Это не тебе решать, — тут же вспыхиваю я.

— Посмотрим, — улыбается мне неожиданно и, отпустив моё лицо, уходит.

Я закрываю глаза и медленно выдыхаю, пытаюсь успокоиться. Ничего особенного не произошло. Ничего. Даже если это не так, я буду убеждать себя в этом, потому что знать не желаю, что он обо мне думает и чего от меня хочет. Перехочет.

Лучше сосредоточусь на настоящем моменте. А в настоящем моменте я могу снять с себя одежду, опостылевшую повязку с груди, проклятую куфию с головы и искупаться. Просто насладиться. В том, что никто за мной подглядывать не будет, я абсолютно уверена. Не тот Рэн человек, чтобы своё слово нарушать. Из него надёжность так и прёт. Но меня это никаким боком не касается. И нечего про него дальше думать.

Злясь на саму себя, я стягиваю с головы куфию, с плеч каптан, потом рубашку, и, едва не постанывая разматываю повязку, с которой проходила с самого утра. Как же хорошо. Избавившись от остатков одежды, кладу всё подальше, чтобы не намочить, и осторожно залезаю в природный каменный бассейн, прихватив с собой лишь мыло. О-о-о, я, кажется в раю.

Могла бы, осталась бы тут на всю ночь. Но бдящее благоразумие не позволяет мне сидеть в источнике слишком долго. Я ведь не знаю, что тут с солями, и как эта вода действует на организм, лучше не злоупотреблять. Так что, понежившись немного, принимаюсь смывать с себя усталость и пыль дорог. С удовольствием тщательно промываю волосы, рассудив, что раз все уже, благодаря Рэну, поняли, что я не парень, то ничего страшного не случится, если увидят мою мокрую шевелюру. А выкупавшись, стираю бельё, рубашку и штаны, после чего одеваюсь в чистое и сухое, отказавшись от повязки. Утром перемотаю. Всё. Можно идти.

Собрав вещи, принимаюсь осторожно бочком спускаться. Луна, как раз спряталась за тучу, и тропинку, которой мы пришли видно едва-едва, потому я тщательно нащупываю ногами дорогу, чтобы по-глупому не свалиться. И когда уже вижу озеро, рядом с моей пяткой из кустов внезапно вспархивает какая-то птица с оглушительным ором. От неожиданности нога поскальзывается, и я уже отчётливо представляю, как больно приложусь бедром об камень, когда кто-то неожиданно ловит меня за вскинутую руку и дёргает на себя.

— И почему ты меня не позвала? — тихо интересуется Рэн, прижимая к себе.

Хочется сказать, что я вполне в состоянии спуститься сама, но после моего падения это будет звучать по-детски и глупо. Да и вышибает все мысли из моей головы, когда я чувствую его дыхание на своём виске, жар большого тела, ладонь на пояснице. И запах. М-м-м, мне слишком нравится, как пахнет этот мужчина.

— Ты всегда такая упрямая? — хрипло спрашивает он. И внезапно касается моего виска губами, стискивая в объятиях с рычащим выдохом. У меня перехватывает дыхание от неожиданности, от того, как сладко сжимается что-то внутри. Я теряю ориентацию в пространстве от того, насколько меня притягивает к этому мужчине, я схожу с ума от того, что чувствую, от того, как реагирует моё тело... и что есть силы отталкиваю его.

— Не надо Рэн! Я не свободна! — выкрикиваю мужчине в лицо, чувствуя, как дрожит всё внутри от рвущего душу раздрая. — Ты... я... что бы тебе... не... казалось, и чего бы ты от меня не хотел... я не могу ответить тебе, слышишь?! Я не свободна! У меня есть любимый мужчина! Я люблю его почти всю свою жизнь, а вся эта дурацкая химия тела ничего не значит. Не трогай меня больше!

— Рома... — успокаивающе протягивает Рэн ко мне руки, но я уже его не слушаю и мчусь прочь к лагерю. Всё, хватит с меня этих взглядов, этих намёков. И прикосновений. Всего хватит.

В лагере меня встречают ещё более удивлённые взгляды, чем провожали. У Кора глаза на лоб лезут, когда я стремительно прохожу мимо него с распущенными мокрыми волосами. Мэл, склоняет голову набок, потом смотрит куда-то мне за спину, вскинув бровь. Наверное, Рэна увидела. Плевать!

Пулей взлетаю на козлы повозки и прячусь внутри. Всё. Меня нет до утра.

— Что случилось, Рома? — обеспокоенно спрашивает Гапка, ожидающая меня возле спящей Ляльки. У заднего борта приподнимается со своей постели Наиле.

— Всё в порядке. Просто с Рэном... поспорили, — выдаю старушке интерпретацию правды. Всё равно ведь поймёт в ком дело. — Давайте спать. Завтра тяжёлый день.

Няня ещё некоторое время тревожно меня рассматривает, но я усердно делаю вид, что готовлюсь ко сну. Волосы бы просушить у костра, но это означает снова увидеть Рэна... и показаться ему на глаза. Отжимаю их ещё раз полотенцем. Так высохнут. Посижу немного.

— Ты не ложишься? — тихонько интересуется Гапка, укладываясь рядом с Лялей.

— Сейчас лягу. Ты спи, всё хорошо, — как можно уверенней, говорю ей, и развешиваю мокрую одежду на переднем бортике, глянув украдкой на троицу у костра. Рэн, словно почувствовав мой взгляд, тут же вскидывает голову, чтобы посмотреть на меня в ответ.

Не позволяя себе даже на секунду задуматься, отворачиваюсь и прячусь за боковой стенкой. Закрываю глаза, закусив губу, чтобы сдержать вздох. Только губа эта отчего-то дрожит. И руки тоже. Дожилась. Мужик в висок поцеловал, а меня трясёт, как припадочную. Ну почему всё так? Я в родном мире пыталась найти Таю замену. Но никто не вызывал во мне даже тени таких ощущений, чувств, желаний. Все они не были им, не дотягивали, не выдерживали сравнения. А этот диктатор тиранистый разве выдерживает? Он красив да... А ещё ответственный, благородный, сильный и мужественный... внимательный... заботливый... манипулятор. Гад продуманный. Но притягательный до невозможности. Хуже всего, что вот он, настоящий, здесь и сейчас. А моего Тая рядом нет, и я не могу со стопроцентной уверенностью знать, каким он окажется в реальности. Как у нас всё сложится.

Сжав челюсти, откидываю голову назад. Нечего тут думать. Нечего! Передо мной не стоит выбор. Я уже выбрала. Когда шла в этот мир к любимому человеку. Мой выбор Тай. Тай! А не Рэн... Замираю ошарашенно... Тай... Рэн... Тай... Рэн... Тайрэн?!

Глава 18

Предположение меня настолько оглушает, что я даже забываю, как дышать. В груди сжимается болезненно сердце в безумной надежде. Неужели?!

Какова вероятность, что это правда? Хочется бежать немедленно к нему... И страшно... Это может быть всего лишь игра моего воображения. Может Рэн сокращение какого-то Рэндалфа, или Рэнальдо.

И от того, насколько сильно мне хочется, чтобы он оказался Таем, ошибиться ещё страшнее. Я до ужаса боюсь узнать, что это не так. Боже... Боже...

А если он Тай, то почему проявляет такой интерес ко мне? Узнал? Или... Нет! Не хочу даже думать об этом... Что делать? Я могу сейчас пойти и спросить его напрямую. Могу. Могу? Что я спрошу? Рэн, ты случайно не Тайрэн из моих снов? Ха-ха. Может ещё у Кора спросить? И почему мой дар молчит? Почему я ничего о нём не вижу? Я ведь хочу знать! Хочу! Почему я НИЧЕГО не вижу?!

Трясущимися руками отвожу волосы от лица, зажмуриваюсь до звёздочек перед глазами. И пытаюсь вытащить наружу свой дар. Пожалуйста! Мне очень надо! Кто он?!

То ли мне нельзя видеть то, что настолько напрямую связано со мной, то ли силы ещё не восстановились полностью, но у меня ничего не получается. Абсолютно ничего. Существует ещё вероятность, что Рэн какой-то непробиваемый для моих ведьминских сил. Я ведь про Мышку всё увидела. А про него не могу. От отчаяния плакать хочется. Кажется, для моей нервной системы наступил какой-то предел. Ещё шаг и срыв.

Не знаю, сколько времени я тут пытаюсь увидеть то, что не видится. Но в конце концов сдаюсь. Надо идти спрашивать.

Поднимаюсь на колени и выглядываю из повозки. У костра сидит одна Мэл. Кор спит неподалёку от неё. Я даже отсюда могу отличить, что это не Рэн, словно во мне какой-то радар на него настроен. Его нет, но ведь вернётся. Я подожду. И спрошу. Не знаю ещё что именно, но что-то спрошу. Просто чтобы не сойти с ума от неизвестности. Я должна знать. Сажусь обратно на пол и принимаюсь ждать. И думать.

Внезапно фургон качает и на козлы поднимается высокая мощная фигура, разом заслонившая мне и луну и звёзды. Вскинув голову, даже в темноте различаю, насколько нахмуренно его лицо. Он молча протягивает мне руку. И я цепляюсь за неё прежде, чем успеваю сообразить, что делаю. А в следующий миг оказываюсь на руках у Рэна, который легко, как пушинку, сносит меня вниз и сразу же направляется куда-то прочь с поляны.

— Куда ты меня несёшь? — охрипшим голосом спрашиваю у мужчины.

— Туда, где мы сможем поговорить, — ставит он меня в известность.

— О чём?

— Обо всём, Рамина, — произносит, и моё сердце пропускает удар.

— Тай... — выдыхаю, сама не замечая, что начинаю плакать. Цепляюсь за его рубашку, комкая ткань, и утыкаюсь лицом в мужское плечо, сотрясаясь всем телом.

— Я, — просто отвечает мужчина, сжимая меня в своих руках, так сильно, что рёбра трещат. Но мне плевать. Вот он. Настоящий. Реальный. Мой.

Приносит Тайрэн меня на берег озера. Садится, не выпуская из рук, и сразу же укутывает в неизвестно откуда взявшееся одеяло. И замирает так, прижавшись лбом к моей макушке. А я пытаюсь осознать происходящее. Поверить, что это не сон. Мы встретились. Он действительно нашёл меня.

— Почему ты не сказал мне? — хрипло выдыхаю ему в шею, не в силах отпустить даже на секунду. — Когда узнал меня?

— Начал догадываться вчера, когда понял, что ты не мальчишка. Убедился сегодня днём, — тихо признаётся Рэн. Его ладонь накрывает мою голову, нежно поглаживая, усыпляя, даруя долгожданное умиротворение.

— И не сказал, — констатирую. Мне бы злиться. Стукнуть бы его чем-нибудь тяжёлым. Ну как так можно? Я чуть с ума не сошла, разрываясь между ним и... ним. Капец.

— Прости! — шепчут его губы, нежно касаясь моего виска. — Ты не догадывалась. А мне было

интересно за тобой наблюдать. Видеть такой. Узнавать реальную. Хотел сказать завтра в Рахаше. Целый план составил, как сделать это красиво.

— Я вот тоже, получается, познакомилась с тобой реальным. Сама того не зная, — с вялым возмущением сообщаю ему.

— И что думаешь? — хмыкает он.

— Что ты диктатор и тиран. И манипулятор, — выдаю, вызвав у мужчины удивлённый смешок.

— Есть такое, — соглашается, задумавшись на минуту. — Но ты от меня всё равно никуда уже не денешься. Придётся терпеть.

— Я же говорю, тиран, — фыркаю, а он смеётся в ответ. — Что теперь будет, Тай? Или Рэн? Как к тебе обращаться хоть?

— Пока мы в Босварии, лучше всё же Рэн. А полное имя при посторонних лучше не упоминай вовсе, — вздохнув, просит мой таинственный мужчина. Мой ведь? — Дальше ты расскажешь мне, в чьё тело попала? Кто для тебя Зарима и Ляля? И мы все отправимся в Сэйнар. А там ты станешь моей женой.

— Ого. Ты однако уже абсолютно решил за нас, я смотрю, — вот тут возмущение сдержать не получается. Сажусь ровно, чтобы посмотреть в эти синие глаза. Едва нашёл, ещё и не сказал ничего толком, а уже ставит в известность о том, что я за него замуж пойду. Я может и не против вообще, но как-то не так я предложение мечтала услышать. Станный этот мир. Только и делаю, что от женихов бегая. От одного сознательно, от второго по незнанию. — Вынуждена тебя огорчить. С этим могут быть проблемы.

— С чем? С рассказом? — удивлённо вскидывает брови Рэн.

— Нет, с отправлением в Сэйнар. И с твоими дальнейшими планами.

— Если ты из-за порталов, то это не проблема. Я могу получить разрешение на переход по королевской сети.

— Лучше не надо, — сжимаю я кулаки на коленях и, глубоко вздохнув, выдаю. — Порталы перекрыли из-за меня. Это меня миразу Рифат ловит по всей Босварии. И не только он.

Чувствую, как напрягается Рэн, брови хмуро сдвигаются и взгляд становится острым до мурашек.

— А кто ещё? — ровным тоном интересуется он.

— Принц Гедаш, — называю ему имя ещё одного потенциального врага. Невеста с приданным, так сказать.

Тай смотрит на меня пару секунд недоверчиво, а потом, криво усмехнувшись и закусив губу, качает головой с явной иронией.

— Я мог бы догадаться, что просто не будет. И кем же ты теперь приходишься этим двоим?

— Гедашу дочерью. А миразу, вроде как невестой, — не знаю, что он имеет в виду, но насчёт «не просто» прав абсолютно.

— То есть, твоя душа перенеслась в тело принцессы Мирэнхаш Босвари? — потрясённо интересуется Тайрэн. Ага, вот и я тебя ошарашила, милый. Ну, не совсем я, конечно. Это всё-таки Богиня постаралась. Но произведённый эффект всё равно впечатляет.

Я лишь согласно киваю, подтверждая его догадку. Прекрасно понимаю, под какой удар его ставлю, хоть в этом и нет моей вины. Не знаю, как мы все будем выпутываться из создавшейся ситуации. Да и сил думать сейчас почти нет. Слишком тяжело мне дался минувший день. Не выдержав, прислоняюсь к нему обратно, и руки Тая как-то так привычно меня обнимают, словно всю жизнь так делали.

— Почему она умерла? — спрашивает он, после минутного раздумья.

— Покончила с собой. Не хотела замуж за Рифата, а её никто не спрашивал. Вот и выпила яд, — о судьбе бедняжки Мирэн вспоминать грустно.

— Настолько не хотела? В Босварии договорные браки абсолютная норма. Чем он её настолько напугал? Это как-то связано со смертью её сестры Сольхиаль? — проявляет чудеса проницательности Тайрэн.

— Да, Мирэн была уверена, что он убил её сестру. Я... спрашивала Богиню, правда ли это. Она сказала, что он действительно стал причиной смерти Сольхиаля. И он... реально жуткий. Я виделась с ним один раз и прекрасно понимаю её страх. Рифат — продуманный, жестокий психопат и, мне кажется, одержим ею, а теперь вот мной.

Руки Тайрэна сжимаются вокруг стальным обручем. И голос, когда он задаёт следующий вопрос, буквально звенит холодной яростью.

— Он... причинил тебе вред?

— Нет, — спешу успокоить мужчину. — Я притворилась послушной овечкой, позволила увидеть себя без хариджи, потрогать волосы, и он этим удовлетворился, посчитав, что девочка смирилась и никуда от него не денется. Даже договорился с принцем Гедашем, чтобы меня не держали взаперти. Это и помогло мне сбежать. Ну и Гапка. Без неё я бы из дворца, конечно, выбралась, но дальше бы точно не справилась.

— Гапка? — с удивлением интересуется Тай.

— Зарима. На самом деле её зовут Гапка и она с младенчества была нянькой обеих принцесс.

Некоторое время мужчина молча переваривает полученную информацию. Его сердце бьётся спокойно и ровно, словно я не выложила ему только что всё это. Нет, он просто сидит и раскладывает всё по полочкам в своей диктаторской голове, чтобы озвучить своё очередное веское решение. И почему-то эта его невозмутимость и в меня вселяет уверенность, что всё решится, что теперь, когда мы вместе всё точно будет хорошо, и не потому, что я переложу на кого-то ответственность, а потому, что Тай снова найдёт выход. Как тогда, когда я готова была умереть в родном мире, а он сказал, что найдёт решение и спасёт меня. И ведь спас. Совершил невозможное. Как я могу ему после такого не доверять?

И с этим осознанием мой разум и всё существо постепенно накрывает такое глубинное чувство облегчения, что даже голова начинает кружиться. Только теперь до меня в полной мере доходит, в каком диком напряжении я была всё это время. Последние месяцы моей земной жизни, медленное угасание, полное боли, и отчаяние агонии, а потом внезапное спасение и последовавшая за ним постоянная, порой безумная, гонка на выживание. И как кульминация — наша встреча. Сейчас я сама себе напоминаю сдувшийся шарик. Слишком устала, слишком морально истощена.

— Малыш, у меня ещё один вопрос, и я позволю тебе спать, сколько захочешь, — нежно отводит мои волосы с лица Тай, снова целуя в висок. Но на этом не останавливаются, прокладывая дорожку из поцелуев по моей скуле, потом щеке, подбираясь к губам.

— Мм? — поднимаю я на него сонные глаза.

— Кто такая Гапка-Зарима я понял. А вот где ты взяла Лялю?

— Украла, — бормочу, заставляя его лицо удивлённо вытянуться.

— У кого? Зачем? Если так хотелось ребёнка, достаточно было у меня попросить, за этим дело не станет, — огорошивает меня мистер я всё уже решил.

— У миразу, — делаю я над собой усилие и вываливаю на голову последнюю бомбу. Хотя нет не последнюю, у меня ещё найдётся. — Лалерин — племянница Мирэн, я узнала, что ей угрожает смертельная опасность и не смогла оставить там. Просто не смогла. Прости.

— Что за опасность? Как узнала? — тут же спрашивает он, забыв на миг своё обещание, но сам сразу же даёт задний ход: — Не отвечай, — хмыкает тихонько, и всё-таки целует в уголочек губ. — Ты так усиленно хочешь спать, что даже меня уже в сон клонит.

— Тай, ты ведь мне не снишься? Правда? Завтра это не окажется сном? — бормочу в его губы, обнимая за шею. Выдыхаю с досадой: — Я не ожидала, что мы встретимся до Обители. А ты искал караван...

— Потому что с караваном должна была идти ты. Я тебя искал. Только тебя, — отвечает он хрипло. Прижимается лбом к моему, мучительно выдыхая. — Как же я ждал этого момента, Рами. Когда ты наконец будешь в моих руках. Реальная. Настоящая. Моя. Ничего не бойся больше. Я с тобой. А сейчас спи, любимая. Иначе я за себя не ручаюсь.

Мне жуть как интересно, что будет, если я не усну, но сил проверить, к сожалению, никаких нет. Я так и засыпаю в руках Тайрэна, убаюканная биением его сердца, дыша ним наконец-то.

А просыпаюсь в движущейся повозке, смутно вспоминая, что, кажется, через сон слышала голоса и ржание лошадей, а потом мерное покачивание усыпило меня обратно. А сейчас, продрав глаза,

понимаю, что время уже, как минимум, к обеду. Поворачиваю голову и натываюсь взглядом на Лялю, которая сидит рядом и сосредоточенно рассматривает меня. Меня, совсем не похожую на парня Рому. С непокрытой головой и разметавшимися по подушке волосами. Вот чёрт, я же ей внушила, что на время превратилась в её брата. Тогда не видела другого выхода. А сейчас, как бы моё вмешательство в её разум не обернулось для крохи новой травмой.

— Доброе утро, Ляля, — осторожно зову её. Осмотревшись отмечаю, что Гапка дремлет рядом. А Мышки, кажется, почему-то нет в повозке.

— Доброе утро, Рома, — задумчиво отвечает малышка.

— Всё в порядке? — задаю глупый вопрос, и тянусь к её ладошке. Накрываю маленькие пальчики, и отпускаю на волю дар, чувствуя, что сейчас он точно отзовется.

— Да, — кивает она и тянется ко мне другой ручкой, чтобы провести пальчиком по щеке. — А ты теперь снова стала красивой, как мама, тётёй Мирэн?

А? Что? От её вопроса я даже на миг теряю концентрацию. Но собравшись с мыслями, тянусь внутрь себя, чтобы УЗНАТЬ.

И вижу Лялю уже старше на несколько лет, а рядом мальчика-подростка, сильно похожего на Тая. Она в пышном красивом голубом платье сидит на качели и о чём-то увлечённо ему рассказывает, а он осторожно раскачивает, внимательно слушает и смотрит на неё со смесью интереса, снисхождения и чего-то очень похожего на то, что я видела в глазах Тая в моих снах. Как на свою, он на неё смотрит. Вот. И чувствую, что моя девочка абсолютно счастлива и довольна своей жизнью. Всё у неё должно быть хорошо.

Выныриваю из видения и улыбаюсь крохе ласково. Ловлю её взгляд, касаюсь нежно детского разума.

— Да, малыш. Но только давай договоримся, что ты всё равно будешь меня звать Ромой. Чтоб другие не знали, кто мы. Хорошо?

— Хорошо, Рома, — охотно кивает Ляля. Всё-таки к этому имени она уже успела привыкнуть.

— Умничка, — целую я её пальчики.

— Как ты это делаешь? — доносится вдруг с козлов голос Рэна, заставив меня вздрогнуть от испуга. Его я со своего положения не увидела. Хотя могла бы предположить. Совсем расслабилась, надо собирать себя в кучу.

— Что именно? — интересуюсь осторожно, немного теряясь в своих чувствах. Мамочки. Это Тай. Тай. Мне ведь не приснилось?

— Убеждаешь. Она верит тебе безоговорочно. И до сих пор абсолютно уверено называла тебя братом Ромой, что больше всего сбило меня с толку. Даже с магией убеждения, которая свойственна некоторым Босвари, насколько мне известно, проверить такое невозможно, — поясняет спокойно, но требовательно мужчина.

— Я — ведьма. Тебя же предупреждали, — с лёгкой досадой сообщаю ему. — И тебе доброго утра... Рэн.

Под удивлёнными взглядами Ляли и проснувшейся Гапки, сажусь и принимаюсь приглаживать растрепавшиеся волосы.

— Рома, подойди, пожалуйста, — зовёт меня мужчина.

Вздыхнув, набрасываю на голову капюшон каптана на всякий случай и перемещаюсь к переднему борту фургона. Опираюсь локтями на спинку козлов и вопросительно смотрю на Рэна, который в Тая, видимо, только по ночам превращается.

— Сядь рядом, пожалуйста, — просит он, не сводя глаз с дороги.

— Зачем? — подозрительно интересуюсь у него.

— Так надо. Давай, не трусь.

— Ещё чего! — возмущённо фыркаю я, и перелезаю через бортик, чтобы выполнить его просьбу.

Сажусь рядом и с недоумением наблюдаю, как он сначала закрепляет поводья. Потом невозмутимо опускает позади нас брезент, оставив просвет только с моей стороны, так что его теперь с повозки не видно. А в следующий миг меня сгребают в охапку и перетягивают к себе на колени.

— Что... — начинаю я возмущённо, но умолкаю, поперхнувшись.

Рэн, обхватив ладонью мой затылок резко дёргает меня на себя и впивается в губы голодным поцелуем, разом заставляя забыть об всём на свете. Его язык властным захватчиком врывается в мой рот, скользя, лаская, покоряя в бестыдном танце мой собственный. Мозг взрывается мириадами искр, и воздух вышибает из лёгких, когда сердце ошалевшей птицей начинает колотиться об рёбра. С тихим стоном я цепляюсь за его плечи, впиваюсь пальцами в напряжённые мускулы. И сдаюсь, подчиняюсь его напору, власти надо мной, отвечая лаской на ласку, жаждой на жажду, утопая в безумном удовольствии, прижимаясь всё ближе, кайфуя от того, как сильно сжимают меня в ответ его руки, как ощущается его вкус, запах и каждое прикосновение. Выпадаю из времени и пространства, пока он сам не прекращает эту сладкую пытку. Прикусывает мою губу, залиывает саднящее место, и с рычащим стоном отрывается от меня, прижав мою голову к своей груди.

— Вот теперь доброе утро, Рома, — хмыкает мне в волосы, нежно поглаживая затылок большим пальцем.

Ага. Вот теперь доброе. Куда делись все мои мысли? Разбежались. И как теперь ловить?

— Так что ты там говорила про ведьму? — возвращает меня в реальность голос Рэна. Пока я приходила в себя, он снова взял в руки вожжи. И даже сплёл какое-то заклинание, подбросив вверх, прежде чем задать вопрос. — Твои спутницы нас не услышат, можешь говорить откровенно.

— То и говорила. Я — ведьма, оказывается, — отвечаю ему, пытаюсь перебраться обратно на скамейку. И у меня это даже получается, правда, тут же оказываюсь крепко прижата к его боку, но я в общем-то совершенно не против. Наоборот, сама обхватываю его руками за талию, с удовольствием склоняя голову на крепкое плечо.

— Ты имеешь в виду именно ведьмовство? Не магию? — он бросает на меня вопросительный взгляд.

— Именно ведьмовство. Богиня сказала, что этот дар я принесла с собой, потому что в вашем мире ведьм уже давно нет. И мои проснувшиеся способности наложились на магию убеждения которой владела Мирэн и вот результат. Я могу о-о-очень хорошо убеждать.

— Насколько? — заинтересованно изгибает он бровь.

— Самое сложное, что мне удалось проверить, это заставить порталщика в Гьяране поверить, что мы втроём ушли порталом. Я хотела выиграть время и сбить со следа Рифата и отца Мирэн.

— Я так понимаю, что его уверенность в твоём смирении тоже твоих рук дело, — проницательно замечает Тайрэн.

— Ага. Правда, боюсь, он в результате мог понять это. Мне сложно было на него воздействовать и удалось лишь потому, что он очень хотел в это поверить, — с содроганием вспоминаю, прикосновения и полный безумного голода взгляд.

— А старушка? Её ты в чём убедила? — он кивает головой на повозку позади нас.

— Представляешь, ни в чём. Сначала она, конечно, считала, что помогает сбежать Мирэн, а потом стала подозревать, что со мной что-то не так...

Я со смехом рассказываю ему о том, как Гапка пыталась изгнать из меня беса. А потом Тайрэн расспрашивает о нашем побеге в подробностях, обо всём, что я успела узнать во дворце, о дороге. И конечно же вспоминает свои вчерашние вопросы. Приходится пытаться объяснить ему то, что я сама ещё до конца не понимаю, а именно мою способность ВИДЕТЬ. И приходится вспомнить то, что я увидела в возможном будущем Лале.

— Я... видела Рифата. Он был в бешенстве, из-за меня, и... не знаю. Это выглядело так, будто от него ударная волна пошла, круша всё на своём пути. И Лале, она была там, её просто... переломило, как куклу, — зажмурившись, вспоминаю я тот кошмар. — Он просто сломал её, Рэн. Из-за меня. Не знаю, возможно этого и по-другому можно было как-то избежать, но я чувствовала, что должна её забрать. Просто чувствовала. Знаю, что создала тебе лишние проблемы...

— Перестань, — сжимает он меня крепче. — Раз так надо было, значит справимся.

— Надо. Её судьба изменилась. Я сегодня увидела совсем другую картинку.

— Какую?.

— Я видела с ней мальчика очень похожего на тебя. И они ощущались, как предназначенные друг другу. Не знаю, как по-другому объяснить, — хмурюсь я, пытаюсь сформулировать мысль.

— Мальчика? Можешь описать? — настойчиво требует мужчина. С пристальным таким интересом.

— Эм, ну он реально на тебя похож, темноволосый, синеглазый, черты лица... — начинаю я.

— А возраст? — синие глаза прищуриваются.

— Ну-у-у, Ляля в моём видении была года на четыре старше, а он выглядел лет на четырнадцать-пятнадцать. А что? Ты знаешь, кто это может быть? Кто он тебе?

— Вполне может быть, что брат, — хмыкает Тай. — Знаешь, это может стать отличным выходом. Надо подумать, — задумчиво произносит он и, прежде чем я успеваю спросить что-либо, меняет тему: — Тебе остановка, кстати, требуется?

Приходится отвлечься на свои потребности и признать, что таки да, требуется. Но это не значит, что я свои вопросы забуду и не задам. И первый назревает, по сути, сразу, как только Рэн направляет повозку к обочине, под сень растущих вдоль дороги деревьев, и до меня доходит, что Кора и Мэл нет. Как и Мышки, кстати. Куда они делись?

Об этом и спрашиваю у Тайрэна, когда мы все обратно загружаемся в повозку, а я под слегка неодобрительным взглядом Гапки усаживаюсь снова рядом с ним.

— Я отправил их вперёд в Рахаш, — слышу невозмутимый ответ.

— И Мышку? — опешив, уточняю у него. — А зачем?

— Ты сбегала из Гьяраны в облике мальчика. В виде мальчика тебя и будет, скорее всего, искать Рифат. К тому же в лицо он тебя знает. Будет лучше, если в Рахаш ты приедешь под видом почтенной хоаль с дочерью и её няней, в сопровождении мужа. Я отправил Кору с Мэл купить вам одежду. А Наиле поехала с ними, чтобы... помочь с выбором, — усмехается лукаво Тайрэн.

Ага, вот так и поверила, что его товарищи сами не смогли бы выбрать. Интересно, чего больше было в его расчёте, сводничества, или желания убрать лишние уши? Скорее всего второе. Если о первом не попросил сам Кор.

— Рома, может позавтракаешь? — напоминает мне Гапка. Я оборачиваюсь и ловлю её пристальный взгляд. И столько невысказанных вопросов в этих глазах, что мне становится немножко стыдно. Кажется, пора и с ней объясниться. Веду я себя, по её мнению, наверняка странно.

— Спасибо, что напомнила, няня. Сейчас иду, — вздыхаю я под насмешливым взглядом Тайрэна. Ну да, у меня имеется дуэнья, возмущённая моим вольным поведением. Которая не понимает, с чего это я вдруг воспылала доверием к этому мужчине настолько, что выдала враз ему все наши с ней общие секреты. Вздыхаю ещё раз. И пытаюсь объяснить. — Гапка, помнишь, я тебе говорила, что есть один человек, который знает обо мне... от Богини. Ну, так вот. Рэн — это именно он. Просто... мы сначала друг друга не узнали. Ну... и ты же сама мне говорила, чтобы я присмотрелась к нему, как к мужчине. Ну-у-у... Я присмотрелась и решила, что ты права. Вот.

По мере моей сбивчивой речи глаза старушки становятся всё больше и больше. Да и объект обсуждения тоже удивлённо вскидывает брови. Но первый берёт себя в руки и вносит свою лепту в успокоение добропорядочной старушки.

— Почтенная хоаль, я безмерно благодарен вам за то, что вы так великодушно взяли под крыло мою Рамину, и смею вас заверить, что в отношении... вашей подопечной у меня самые серьёзные намерения. Мы сочетаемся браком, как только она согласится. И я сделаю всё возможное, чтобы защитить её и маленькую Лалерин.

Хочется ему сообщить, что я не могу согласиться на то, о чём меня даже не спрашивали. Но потеплевший взгляд пожилой няни заставляет меня прикусить язык. Ладно, потом разберёмся.

Глава 19

Мы ещё пару раз останавливались по необходимости, но привалов не делали. Рэн сначала по обыкновению поставил нас в известность, но заметив мой красноречивый взгляд, хмыкнул и соизволил объяснить своё решение.

— Нам нужно как можно скорее добраться до города, чтобы разведать ситуацию. Я ещё ночью написал Кориму, с просьбой о срочной встрече. Он обещал завтра утром быть в Рахаше. Раньше не сможет.

— Кориму, который дядя Мирэн? — ошарашенно переспросила я.

— Да. К сожалению, просто тайком вывезти тебя из страны я не имею права. Значит, придётся обратиться к его величеству. И принц Корим должен нам в этом помочь, — так, словно ничего особенного в том, чтобы вот так запросто вызвать на встречу потенциального короля Босварии, для него нет. Любопытство подмывает спросить, кем является сам Тайрэн, если имеет такие связи, но лучше сделаю это потом наедине. Поняла ведь, что свою настоящую личность он не горит желанием светить.

— Гапка убеждала меня, что он бы помог своей племяннице, если бы узнал. Ты тоже так думаешь?

— Уверен, — произнёс Тайрэн с таким твёрдым убеждением, что и я начала верить.

Остаток дороги до Рахаша я провела под боком у мужчины, просто наслаждаясь его близостью. Тайрэн периодически задавал Гапке вопросы о Мирэн и её семье, всё это я уже сама у неё выпросила, потому просто слушала, размышляя о том, что понятия не имею, что ждёт меня впереди.

То, что этот мужчина готов на мне хоть сейчас жениться, конечно очень лестно и приятно. Я совру, если скажу, что против брака с ним. Но... как-то слишком быстро это всё. Мы только встретились. Да, между нами долгие годы совместных снов, моя в него влюблённость... Но про его чувства я могу только догадываться. Хочу верить, что то, что он сделал для меня, продиктовано не только жалостью и многолетней привязанностью, что он чувствует ко мне... любовь. Хочу верить, что столь желанное и заветное для меня слово «любимая» мне вчера не померещилось. И хочу верить, что наши странные отношения, начало которых затерялось где-то в далёких снах, выдержат испытание реальностью. Потому что отчётливо понимаю, что почти ничего не знаю о мужчине, которому вверила свою жизнь и судьбу ещё тогда, когда во сне дала ему право считать меня своей и принимать за меня решения. Я знаю лишь, что только ему могу полностью доверять в этом уже не чужом для меня мире, но достаточно ли этого, чтобы быть счастливыми вместе?

Тайрэн периодически бросал на меня задумчивые взгляды, видимо читая мои эмоции, но ничего не спрашивал. И я с одной стороны была ему за это благодарна, потому что не время и не место для столь откровенных разговоров, а с другой... Да какая разница, впрочем? Я всю жизнь мечтала об этом мужчине, не смея даже надеяться на то, что казалось невозможным. И вот он, только руку протяни. Я ему небезразлична, как минимум, между нами искрит так, что ум за разум заходит. Это уже немало. А то, что он далеко не прост, так и я не хрупкий цветок.

Когда впереди показался город на высоком холме, за который уже начало клониться солнце, Рэн внезапно свернул в сторону. Я сначала не поняла, куда, но вскоре за каменной грядой у очередной кипарисовой рощи увидела сначала незнакомую карету, запряжённую четвёркой гнедых, потом лошадей Кора и Мэл, а там уже и их самих вместе с Наиле, сидящих под деревьями.

Заметив нас, все трое вскакивают на ноги и выходят навстречу. Кор окидывает нас двоих многозначительным взглядом, саркастически ухмыляясь.

— Знаешь, Рэн? Когда мы внезапно сорвались в Босварию, я как-то не думал, что в результате ты попросишь меня покупать одежду твоей невесте, чтобы она могла притвориться твоей женой, притом, что до этого настолько убедительно притворялась парнем, что ты сам её не признал.

— Вообще-то он попросил меня, — хмыкает насмешливо Мэл. — А выбирала и вовсе Наиле.

— Не суть, — отмахивается тот, с интересом рассматривая меня. — Я, друг, конечно, обещал не задавать лишних вопросов, но может ты всё-таки хоть что-то нам объяснишь?

— Хоть что-то объясню. Но позже, — невозмутимо отвечает Рэн. — Купили?

— Конечно, — Кор идёт к своему коню и отстёгивает от седла объёмную сумку, которую и вручает своему другу. — Здесь всё нужное, чтобы мы с тобой превратились в уважаемых женатых хали, путешествующих со своими послушными жёнушками. Для Ляльки и хоаль Заримы тоже прикупили обновок по статусу.

— Отлично. — Тайрэн не заглядывая в сумку, отдаёт её мне. — Рома, это вам. Переодевайтесь и поедem дальше.

— Слушаюсь и повинуюсь, мой тиранистый господин, — фыркаю я и, прежде чем мужчина успевает среагировать, перебираюсь в фургон и опускаю передний брезент, чтобы скрыться от лишних глаз. Вдогонку мне летит ироничный смешок Рэна и громкий хохот Кора.

Спустя минуту, когда я уже достаю из сумки обновки, к нам присоединяется тихая и смущённая Мышка. Бросает на меня настороженный взгляд, явно не зная, как себя со мной вести.

— Здравствуй, Наиле, — улыбаюсь я девушке. — Не покажешь, что вы тут кому купили?

— Да, конечно... хоаль...

— Ну какая из меня хоаль? Зови меня Ромой, как все, — хмыкаю я. — Тебя этот... зубоскал не обижал, пока вы ездили вместе?

— Нет, что вы! Он очень... добрый, — она смущённо улыбается и приседает рядом. Вопросительно смотрит на и тянет руку к сумке. — Можно?

— Конечно. Держи.

Переоделись мы довольно быстро, несмотря на то, что делать это пришлось в ограниченном пространстве повозки. Мне досталось платье насыщенного синего цвета, богато расшитый женский голубой каптан и белая карилья, украшенная золотым шитьём и жемчугом. Наиле, смущаясь и краснея, облачилась в похожий наряд, но в персиковых тонах. Лялю мы нарядили в лиловое, а Гапке досталось сдержанное платье с карильей, подходящие для пожилой няни. Такие вот побосварийски нарядные мои спутницы и покинули друг за дружкой фургон, последние дни бывший нам убежищем.

Я задержалась дольше всех, рассматривая в привезённом Наиле зеркале свои подведённые ею же глаза и почти сошедшие синяки под ними. Они под слоем весьма приятной в использовании пудры и вовсе стали не заметны. Интересно, когда меня успели подлечить? Наверное вчера, когда я уснула на руках одного чрезвычайно заботливого мужчины. Теперь понятно, почему Ляля меня красивой называла.

— Всё в порядке, Рома? — доносится до меня голос Рэна, когда я уже прячу зеркало в сумку.

— Да, — поворачиваюсь к нему и натыкаюсь на пылающий весьма откровенным желанием взгляд.

— Тебе очень идёт этот наряд, — хрипло произносит он, шагая ко мне.

— С учётом того, что я полностью спрятала свою внешность, весьма сомнительный комплимент. Да и внешность мне досталась от другой девушки, — не сдерживаю я иронию.

— Я не знал ту девушку. Для меня это ты и только ты. Тем более, что, как и ты мою, твою внешность я не помнил. Лишь глаза. И они у тебя сейчас почти прежние. Для меня ты прекрасна во всех обликах, Рамина, — Тайрэн притягивает меня к себе, обнимая, склоняется и вкрадчиво произносит на ухо. — Я хотел тебя во снах и хочу сейчас. Знаешь в чём прелесть этой одежды? Я представляю, как вечером сниму её с тебя.

От этого признания и обещания в нём меня прошибает томительным жаром, который мгновенно превращается в сводящую мышцы пульсирующую жажду. Резко выдохнув, я непроизвольно хватаюсь за полы его жупархи. Он... правда собирается? А я... хочу? Нервно облизываю пересохшие губы. И вот как теперь об этом не думать? Он нарочно, да? Чтобы я до вечера вся извелась от волнения и предвкушения? У-у-у, коварный.

— Пойдём, Рома, нам пора ехать, — зовёт мужчина вполне ровным тоном. Но хрипотца в голосе и голод в синих глазах выдаёт, что мои эмоции не остались без ответа.

С повозки Тайрэн меня снимает, не преминув, прижать к себе покрепче, а потом и в карету таким же макаром подсаживает, аргументируя, что мне в узкой юбке неудобно. Я занимаю место рядом с Наиле и пожалуй рада, что карилья скрывает моё пылающее лицо. Мужчины споро переносят все наши вещи из повозки в багажное отделение кареты. За кучера, кажется, собирается быть Мэл, умудрившаяся, пока мы переодевались, изменить внешность так, чтобы её теперь вполне можно принять за парня. И наблюдая за ней, я понимаю, что мне до неё по уровню маскировки, пожалуй, о-о-очень далеко. Как она настолько черты лица изменила? И фигуру? Магией? А движения! Если бы я не знала, что это — молодая и очень красивая женщина, точно бы приняла за худощавого юношу в форменной жупархе и чёрной куфие.

Тайрэн с Кором распрягают лошадей из повозки и отпускают — с собой мы их взять не можем, но,

думаю, коняшки не пропадут. Больших хищников тут вроде не водится, подножного корма более чем достаточно.

А потом мужчины вскакивают на своих жеребцов, Мэл взбирается на козлы, и мы отправляемся в Рахаш.

В город въезжаем ещё засветло, как и планировал Рэн. Наиле шёпотом мне объясняет, что карету они вывозили через другие ворота, чтобы её точно на этих не узнали. Город ведь большой. Трюк, кажется, срабатывает. По крайнем мере, никаких подозрений наша компания не вызывает. И проверять сидящих в карете жен буквально излучающих высокомерие и важность хали, стражники даже не пытаются. А я, наблюдая через ажурное окошко за суровым и властным Тайрэном, понимаю, что он и не играет-то в общем. Кто же этот мужчина, способный одним взглядом заставить окружающих внимать, выполняя его волю, или же беспрекословно уступать дорогу? В кого я умудрилась влипнуть?

От ворот наша карета направляется сразу к гостинице. Естественно, фешенебельной и дорогой с виду. Останавливаемся у парадного входа, к нам тут же спешат слуги, чтобы принять поводья лошадей. Рэн, спешившись, направляется к дверце кареты и, распахнув её, протягивает мне руку. Я молча принимаю его помощь и замираю рядом, пока он забирает у Гапки притихшую Лялю, а потом помогает спуститься самой няне.

— Пойдём, Рамина, — зовёт меня, отвлекая от созерцания довольно роскошного фасада. Держа одной рукой Лялю, второй ловит мою ладонь и увлекает ко входу. Мне остаётся только семенить рядом.

А спустя несколько минут мы уже поднимаемся ступеньками на второй этаж, где расположены снятые Рэном комнаты. Одна для Мэл. Одна для Кора и жутко смущающейся Наиле. Одна для Гапки с Лялей. И одна для нас. Мамочки, он, кажется, не шутил. А я готова к этому?

— Сейчас вам принесут ужин и я отлучусь ненадолго. Хочу кое-что разведать, — сообщает мужчина, когда все расходятся по своим номерам, а за нами закрывается дверь нашего. Просторного такого, дорогого. И с одной большой кроватью посередине. — Постараюсь долго не задерживаться. Кор с Мэл остаются с вами в гостинице и обеспечат твою безопасность.

Он относит наши сумки на небольшую софу.

— Ты расскажешь потом, что именно узнал? — склоняю я голову набок.

— Да. Но не обещаю, что сегодня, — подмигивает он мне.

Возмутиться я не успеваю, потому что в дверь стучат, и Тайрэн идёт открывать. А когда служанка вносит поднос с едой, ставит его на столик у окна и, кланяясь, удаляется, он сплетает заклинание, припечатывает его на дверь и уходит, как и обещал, оставив меня одну.

Ожидание довольно скоро становится невыносимым. В голову лезут всякие мысли, сомнения и даже страхи. Куда он пошёл? Зачем? Как-то странно и тяжело совершенно не контролировать ситуацию, как я уже успела привыкнуть. А теперь вот приходится во всём полагаться на мужчину, а это для меня вообще внове. Время тянется, как резина, и оказывается, что я вполне способна накрутить себя до трясущихся поджилок. Там в дороге мы были одни, там казалось, что опасность где-то далеко. А сейчас, в городе мне страшно. Страшно, что мирузу попал на наш след. Страшно, что он найдёт меня, Лялю. Что Гапка может поплатиться жизнью за то, что помогла мне. И безумно страшно, что из-за меня пострадает Рэн. То, что он собирается принять удар на себя, читается во всём. Я же в этой ситуации, как слепой котёнок. До нашей встречи не позволяла себе думать и бояться наперёд, поставила себе цель добраться до Обители и двигалась к ней, бросив на это все силы, привычно отодвинув на задний план второстепенные задачи, за нехваткой данных, но попутно собирая информацию, для дальнейшего анализа. А потом случился Рэн, сбив все мои настройки, изменив курс.

Ужинаю я, едва ощущая вкус. Потом начинаю бродить по комнате, невидящим взглядом рассматривая резную мебель, цветастые подушки, ажурные ставни на окнах и мягкие ковры под ногами, пока в конце концов не натыкаюсь на дверь ванной. Оглядываюсь назад, размышляя, сколько ещё Тайрэн будет отсутствовать и успею ли я к его приходу искупаться. С одной стороны не хочется его лишней раз провоцировать, а с другой, горячая ванна мне точно лишней не будет. И расслабиться поможет, и быть во всеоружии на случай, если я таки решусь сегодня второй раз в жизни терять девственность.

Вот не стоило об этом думать. В результате мои переживания зашли на новый виток. Теперь, принимая ванну, я невольно каждую секунду ждала, что кое-кто, откровенно заявивший мне о своих желаниях, вот прямо сейчас войдёт, увидит меня в пене обнажённой и воспримет это, как прямое приглашение. А я вот не уверена, что готова ко всему вот так вот сразу. Я вообще, честно говоря, относительно этой стороны отношений большим и приятным опытом похвастаться не могу. И

первый раз вспоминать тошно. И хоть своего тогдашнего партнёра я и в малой степени так не хотела, как хочу сейчас Рэна, всё равно как-то мне волнительно очень.

Потому и моюсь я поспешно. А, выбравшись из ванной, вытеревшись и просушив волосы, надеваю одно из новых платьев и усаживаюсь на кровать ожидать его прихода, за неимением других вариантов.

Когда щёлкает замок и дверь открывается, являя моему взгляду мощную мужскую фигуру, я едва сдерживаюсь, чтобы не вскочить. Мне одновременно хочется и броситься к нему, расспрашивая о том, где он был и что узнал, и вместе с тем спрятаться от пронизательного потемневшего взгляда. Тайрэн неспешно заходит в комнату, закрывает дверь и поворачивается ко мне. Его глаза скользят по моему телу, явно отмечая и влажные волосы и судорожно сжатые пальцы и напряжённую позу, которую я при всём желании изменить не могу.

— Всё в порядке? — удивлённо вскидывает он бровь.

— Я не знаю, — хрипло выдыхаю. — Предполагается, что ты мне это скажешь. Всё в порядке, Тай? Ты что-то узнал?

— Немного, — он направляется ко мне и присаживается на корточки напротив, так чтобы наши глаза оказались на одном уровне. — Ничего особо важного пока, никаких сведений о том, что миру на самом деле разыскивает принцессу Мирэнхаш, нет, как и о том, что она сбежала из дому. Завтра рассчитываю получить более детальные информацию. Ты из-за этого так переволновалась?

— Да... нет... не только. Тай, нам очень надо поговорить. Я... у меня столько вопросов, а ты... так мало рассказываешь, пожалуйста...

Он прикладывает палец к моим губам, прерывая мой лепет.

— Тшш, всё в порядке, Рами. Я понимаю, и готов ответить на твои вопросы. Тебе не нужно меня упрашивать, достаточно лишь спросить.

— Но... — начинаю я, но мне опять не дают договорить.

— Детка, я не привык отчитываться в своих действиях и решениях. И не обещаю, что это изменится. Но ты всегда можешь спросить, и я отвечу. Тебе отвечу. Не скрывай от меня свои переживания. Договорились?

Я растерянно киваю. А он мягко улыбается и склоняется ко мне, чтобы прижаться к губам в быстром обжигающем поцелуе. С рычащим выдохом отстраняется, закрывая глаза и сжимая челюсти. Вздыхает так, будто делает над собой невероятное усилие.

— Мм, Рами, не против, если мы разговор отложим, пока я приму ванну? Чтобы нас больше ничто не отвлекало... от общения.

Стараясь не думать насколько это многозначительно звучит, согласно киваю.

— Конечно. Ты и голоден, наверное?

— Зверски, — хмыкает он, бросая на меня новый пылающий взгляд.

Поднимается на ноги и прямо на моих глазах начинает неспешно раздеваться. Снимает португую с оружием, потом жупарху, вешает всё это на спинку стула, не сводя с меня пристального взгляда, расстёгивает пуговицы рубашки, обнажая великолепное мускулистое тело.

— Что ты делаешь? — прерывисто спрашиваю, не в силах отвести глаза от литых мышц.

— Снимаю одежду, чтобы принять ванну, — ухмыляется понимающе змей-искуситель и берётся за пряжку ремня,

— А это обязательно делать здесь? — сглотнув, интересуюсь, чувствуя, что щёки буквально пылают.

Он хмыкает и начинает стягивать штаны. Зажмуриваюсь, но перед мысленным взглядом всё равно стоит вкусная картинка ведущего к паху треугольника, этих вен и... Ар-р-р, я же не железная. А нам поговорить надо.

— А почему нет, Рами? Это всё теперь только для тебя, — сообщает мне вкрадчиво. — Я так понимаю, что просить потереть мне спину сегодня пока не стоит? Ты у меня, оказывается, стеснительная малышка.

— Я не... — хочу возразить, но язык не поворачивается. Действительно стеснительная. Капец.

— Мне нравится, Рами, — раздаётся совсем рядом, а потом я слышу его удаляющиеся шаги и звук открываемой двери ванной.

О-о-ох! Обмахиваюсь ладонями. Вот ведь! Приоткрыв один глаз, убеждаюсь, что Рэн ушёл и выдыхаю. И изо всех сил стараюсь не представлять его в ванной. Нам поговорить надо! Очень надо! А я только и могу думать, как хорошо будет, когда смогу прижаться к нему и провести ладонями по гладкой коже. И не только ладонями. И губами... и целовать... и ощутить на себе его сильные уверенные руки. Не выдержав собственных мыслей, вскакиваю с кровати и... иду к окну. Может виды ночных улиц меня отвлекут?

Тёмно-синее небо за ажурными ставнями и огни города кажутся какими-то нереальными. Рахаш намного больше Хазры, возможно даже Гьяраны. Белые дома выше, улицы немного уже. Но садики, цветы и живые изгороди, архитектура зданий, балконы с резными перилами, которые я успела рассмотреть по дороге в гостиницу, а сейчас могу угадать в тёмных очертаниях и золотистом свете фонарей, всё равно придают ему тот самый местный босварийский колорит, который мне бы очень нравился, если бы впечатления не портил постоянный страх погони и ощущение надвигающейся опасности. Здание в котором мы находимся находится не на самой высокой точке холма, но отсюда можно рассмотреть красную черепицу крыш домов, которые ниже и ближе к городским стенам. Где-то там и ворота. Куда мы отправимся завтра? Странно не знать этого.

Шаги за спиной я слышу лишь за миг до того, как на плечи опускаются мужские ладони и сзади прижимается большое тело.

— На что смотришь? — губы прижимаются к моей шее ниже уха. Его ладони пробегают по моим рукам и замирают на обнажённых запястьях, нежно сжимая.

— На город, — поддаваясь нестерпимой потребности, прижимаюсь к нему в ответ и поворачиваю голову так, чтобы ему было удобней целовать. — Гадаю, где я завтра окажусь. Этот мир... я тут всего ничего, а он уже не кажется мне чужим, будто...

— Здесь твоё место, — заканчивает тихо Тай, прикусывая мочку моего уха.

— Это странно.

— Нет. Правильно, — возражает он, поворачивая меня к себе. Обнажённый по пояс, в одних штанах, с босыми ступнями этот мужчина выглядит, как ходячее искушение. — Чем больше я об этом думаю, тем больше убеждаюсь, что тебе суждено было очутиться здесь, а мне тебя найти. Ты моя, Рами. Моя.

— Тай... — я замираю, смотря в его глаза, синие, как то небо за окном.

Он обхватывает ладонями моё лицо, смотрит так напряжённо, явно слушая эмоции, словно просчитывая реакцию

— Рамина, я не хотел делать это так поспешно. Собирался дать нам время узнать друг друга, тебе привыкнуть ко мне, привезти тебя в Сэйнар и провести все обряды согласно традициям моей семьи. Как ты этого заслуживаешь. Но не могу даже допустить мысли, чтобы тебя попытались у меня отобрать. Я не хочу, чтобы кто-либо имел на тебя хоть какие-то права. Дай мне право бросить все возможные ресурсы на твою защиту.

Я непонимающе хмурюсь, не понимая, куда он клонит. Какие традиции? Какие права? Какие ресурсы?

— Я люблю тебя, моя девочка из снов. Будь моей женой, — нежно шепчет Тай, даже предложение умудряясь делать в своей манере. Предложение? Он... любит?

Хватая ртом воздух, я сквозь пелену набежавших слёз всматриваюсь в серьёзное сосредоточенное лицо. А в груди будто пожар горит. Любит. Он любит. Сам ведь сказал.

— Рами? — тёмная бровь вопросительно изгибается, когда я даже спустя пару секунд не могу выдавить из себя ни звука. — Малыш, не пугай меня. Скажи что-нибудь.

— Это предложение, или приказ? — вырывается у меня истеричный смешок.

— А ты как хочешь? — улыбается мой идеальный тиран. — Можешь считать предложением. От которого нельзя отказаться. Рами, я чувствую, что ты сомневаешься и чего-то боишься. И даже в чём-то могу понять. Но и то, что мои чувства к тебе взаимны, тоже чувствую. Просто доверься мне ещё раз. Скажи «да».

— Да, — с головой в мут бросаюсь я, и мой голос сейчас на мой совсем не похож. И я не верю до конца, что это происходит на самом деле. Что Тай реальный, что он любит, что он действительно

будет мне мужем.

Мужчина в ответ улыбается торжествующе и впивается в мой рот, сминая губы своими. С грубоватой нежностью вторгается языком, поглаживая, лаская, изучая. Я хватаюсь за его запястья с тихим всхлипом. Не для того, чтобы оттолкнуть. Чтобы удержаться наплаву. Не утонуть, не раствориться в шторме эмоций и чувств. Хотя с каждым всё секундой меньше понимаю, зачем мне это надо. Тонуть в нём не страшно.

— Спасибо, любимая, — шепчет он, отрываясь от моих губ.

Отпускает моё лицо и тянется к карману своих штанов. А спустя миг достаёт оттуда два браслета. Простые золотые ободки, испещрённые какими-то символами и узорами, но я, даже не прикасаясь к ним, чувствую сколько силы заключено в этих вещицах. Не человеческой. А той, которую я ощущала в темноте, когда принимала самое важное в моей жизни решение, разговаривая с Богиней этого мира.

— Что это? — с некоторым опасением интересуюсь у мужчины.

— Брачные браслеты. Мои. Для тебя.

— Звучит угрожающе, — нервно хмыкаю я.

Он лукаво улыбается... и внезапно кивает головой.

— Рами, в моей семье браки нерасторжимы. Став моей женой, ты станешь моей навсегда, — и велит мягко: — Дай левую руку.

Навсегда и нерасторжимо? Готова ли я? А прощу ли себе, если не решусь? Мозг ещё истерит в сомнениях, а внутреннее чутьё говорит, что именно так правильно и нужно. Что мы действительно друг для друга. А притираться можно и будучи мужем и женой. Главное, наконец вместе. И я протягиваю ему руку.

— Будь сердцем и светом для меня, — торжественно произносит он, до странного легко надевая мне довольно узкий с виду браслет. Потом проделывает то же самое с другой рукой и вручает мне ещё одну пару браслетов. — А я буду твоей силой.

Чувствуя себя так, словно шагаю в пропасть, надеясь на призрачные крылья, я послушно повторяю его действия. А когда на мужских запястьях тоже смыкаются золотые ободки, меня прошибает странным ощущением свершившегося и неизбежного, словно всё стало на свои предначертанные давно места. И всепоглощающее чувство единения с одним конкретным мужчиной накрывает с головой, вышибая все остальные мысли, оставляя лишь неистовое желание принадлежать ему целиком и полностью. Тело наливается томительным жаром и мышцы сводит от возбуждения. Судорожно выдохнув, я встречаюсь взглядом с его потемневшими до чёрных омутов глазами. А там неистовый голод и столько торжества и предвкушения, что у меня дыхание спирает. Но понять происходящее мне просто не дают возможности.

— Моя, — с тихим рыком выдыхает Тайрэн, подхватывая на руки и в пару шагов преодолевая расстояние до кровати.

Глава 20

Нет больше сомнений. Только страсть. Почти животная потребность в нём. В том, что только он может мне дать. Падая спиной на матрас, я сама притягиваю его к себе, зарываясь пальцами в волосы, впиваясь в бугрящиеся мышцы плеч, выгибаясь ему навстречу, чтобы быть ближе. И целую с почти безумным исступлением. Облизываю чувственные губы, кусаю квадратный слегка колючий подбородок, ласкаю ртом напряжённую шею. М-м-мой! Мужские руки хватают подол моего платья, и тянут вверх. Я вскидываю бедра, извиваюсь, помогая ему избавиться от мешающей тряпки, одновременно с этим пытаюсь расстегнуть пуговицы на ширинке его штанов. Зачем он вообще их надел? Мог бы и в полотенце жениться. А ещё лучше вовсе без ничего.

— Сними, — рычу, когда моё платье, чудом оставшееся целым улетает в сторону, а он по-прежнему одет.

— Рами... — хрипит Тай, прихватывая губами мой сосок, и сминая пятернёй вторую грудь. — Не спеши... я сорвусь... могу сделать больно.

— Плевать! А-а-а, — вскрикиваю, когда его ладонь накрывает мой лобок, а пальцы почти грубо раздвигают мокрые губки и принимаются выписывать круги вокруг пульсирующего клитора.

Зажмурившись, откидываю голову, почти ослепнув от взрывающихся под веками искр. И с гортанным стоном хватаю судорожно ртом воздух, когда он проникает в меня пальцами. Схожу с ума от этого жгучего скольжения, от того, как болезненно-сладко поддаётся моё тело его ласке, готовясь принять гораздо больше. Бесстыдно раскинув ноги я отдаюсь на волю его ласкам, поцелуям, укусам и жёсткой нежности, мотая головой по подушке, всхлипывая и умоляя о большем. Чувствуя, что ещё немного и разлечусь на мелкие осколки, которые неизвестно смогу ли собрать. Беззащитная перед шквалом незнакомых в своей силе ощущений. Беззащитная перед ним. Готовая для него.

— Тай, пожалуйста, — выдыхаю в его губы, когда он накрывает меня своим телом и сминает мой рот в жёстком лишающем воли и разума поцелуе. Его ладони смыкаются на моих запястьях вздёргивая их над головой, а бедра вклиниваются между ног, заставляя открыться ещё больше.

Я чувствую, как скользит головка его члена там, у самого входа, как раздвигает и медленно проникает, растягивая мои внутренние мышцы обжигающей наполненностью. Мне бы бояться, но я схожу с ума от безумной смеси боли и возбуждения. От потребности принадлежать и обладать. Тай отрывается от моих губ и наши взгляды встречаются.

— Я люблю тебя, — вырывается у меня со стоном, и, смотря мужчине в глаза, я убиваю остатки его самоконтроля — Я... Хочу... Тебя-а-а!

Толчок. До конца. До боли. Его губы ловят мой вскрик. Выпивают все стоны вместе с дыханием. Толчок. До вспышек перед глазами. До его прокушенной мною губы и солёно-сладкого привкуса во рту. До наших судорожно сжатых переплетённых пальцев. Толчок... что такое боль, когда кровь стучит в висках, и тело звенит от нарастающего возбуждения? Толчок... Толчок... Я могу лишь вскрикивать, вскидываясь навстречу, встречая каждое движение его члена внутри, тела на мне, и вопреки всему чувствовать, как закручивается во мне тёмная воронка, затягивая все чувства, оголяя нервы, обнажая душу.

Удары мужской плоти становятся всё быстрее, а моё наслаждение таким болезненно-острым, что мир теряет очертания, растворяясь в багряной дымке подступающего освобождения. Тай хрипло дышит, прижимаясь своим лбом к моему, прожигая пылающим взглядом, вбиваясь так глубоко и сильно, зарываясь пальцами в мои волосы, и я тону, тону, растворяюсь в нём, в этом хищном собственническом взгляде, в его власти и обладании, отпускаю себя и разлетаюсь на осколки с гортанным вскриком. Слышу как рычит, ловя своё освобождение, мой муж, проникая, кажется, мне в самую душу, касаясь сердца. Принадлежу ему. А он мне. Целиком и полностью. Сейчас и навсегда. Становлюсь частью пугающей своей мощью воронки, захлёбываясь в потоках пульсирующей вокруг силы, содрогаюсь от волн наслаждения, являющегося чем-то большим, и единственное, что меня удерживает от полной потери себя это взгляд полуночно-синих глаз, которые притянули меня в этот мир, и ощущение полного единения с мужчиной, о котором мечтала почти всю свою сознательную жизнь, и позволяю себе упасть, веря, что он поймает и удержит. Только он один.

Сердце колотится так сильно, что, кажется, сейчас проломит грудную клетку. Дышу хрипло и содрогаюсь от всё ещё пробегающих моим телом волн наслаждения-боли, и чувствую, как в унисон со мной дышит Тай, прижимаясь губами к моему виску. Боже, что это было? Разве так бывает? Знала ли я, что такое секс, до встречи с ним? Получается, даже понятия не имела, потому что такого безумного удовольствия даже представить себе не могла. Что он сотворил со мной? Имеет ли это хоть какое-то значение?

— Тай? — повернув голову, прижимаюсь губами к его шее, там где бешено бьётся пульс. Жмурюсь от разливающего телом глубинного удовлетворения.

— М-м? — он сдвигается, перекатываясь на бок, не выпуская меня из плена своих рук, прижимая к себе с иступлённой нежностью.

— А это всегда так будет?

— Как? — хмыкает, целуя мои веки.

— Ты на комплименты напрашиваешься? — фыркаю я, но всё же объясняю. — Мне показалось, что... между нами произошло что-то большее, чем просто... секс.

Произношу и невольно замираю, ожидая его реакции. Может это только для меня так было? Может...

— Это и было большее, — мужчина за подбородок заставляет меня поднять голову, чтобы заглянуть в лицо. — Посмотри на меня, — и когда я подчиняюсь, произносит: — Ты стала моей женой, Рами. Мы соединили наши тела, жизни, судьбы, души и получили благословение Богини. Крепче нас связать сможет лишь наш первенец. Но уже сейчас ты — моя, и никто не сможет это изменить.

— Ты говоришь... о магии? — уточняю, вспоминая свои ощущения. Ту пульсирующую воронку силы, огромной мощи, что кружила меня в наивысший момент нашего общего наслаждения.

— Да. Это... связано с силой и традициями моего рода. Наша близость стала консумацией нашего брака. Не только на физическом уровне, но и на духовном и магическом.

Он уже второй раз за сегодняшний вечер упоминает свой род, и если в первый раз меня отвлекло столь желанное мною признание и столь же неожиданное предложение, то сейчас я не собираюсь отступать, пока не получу наконец ответы на свои вопросы. Лучше поздно, чем никогда, ведь правда?

— Тай, скажи мне, кто ты?

Я буквально всем телом чувствую, как он напрягается. И в глазах появляется что-то весьма похожее на опасение. Это настолько не вяжется с его обычной уверенностью, что и я тоже напрягаюсь, ожидая ответа. Тайрэн неохотно отстраняется и даже садится, зарывается пальцами в волосы. Качает головой, иронично усмехаясь.

— Вот никогда не думал, что буду в первую брачную ночь ломать голову, как сказать любимой жене, кем являюсь, так чтобы у неё не возникло желания от меня сбежать.

Вот ни капельки не успокоил. Изю всех сил стараюсь сдержать свою бурную фантазию и не накрутить себя прежде времени.

— Всё так страшно? — я тоже сажусь, чувствуя самый настоящий мандраж. Стараюсь не морщиться от саднящего ощущения между ног и выжидающе смотрю на, подумав только, своего мужа.

— Нет, — смеётся он, притягивая меня к себе, зарываясь лицом в мои волосы, и накрывает ладонью низ живота. — Просто, насколько я успел тебя изучить, ты вряд ли будешь в восторге от моего... статуса.

— Что ты делаешь? — пытаюсь я вывернуться, когда его рука скользит ниже. Нет, ну так нечестно, я же поговорить хочу. И нечего меня там трогать.

— Тш-ш, я подлечить тебя хочу, не дёргайся, — Тай без труда пресекает мои попытки освободиться и притягивает к себе на колени, уже беспрепятственно добираясь до моих самых сокровенных местечек.

— Ты так от ответа уходишь? — интересуюсь подозрительно, чувствуя дикую смесь неловкости, возбуждения, благодарности и тревоги. И ведь успешно внимание отвлекает, манипулятор любимый.

— Нет, это я так хочу быть уверенным, что не причиню тебе вреда, когда буду успокаивать после моего ответа, — с абсолютной расчётливой честностью признаётся мужчина, заставляя возмущённо выдохнуть.

— А-а-а, Тай, говори уже! А то я подумаю, что ты какой-то тёмный властелин по мою душу.

— Тёмный властелин? Это ещё кто такой? — сотрясаясь от хохота, интересуется этот нервомотатель. — Нет, душа моя, я всего лишь старший сын короля Сэйнара.

Мой рот захлопывается, клацнув зубами, а мозг не сразу улавливает суть услышанного. Короля? Сэйнара? Сын? Мне послышалось?

— Ты... принц? — ошарашенно спрашиваю у мужчины, чей тревожный, несмотря на улыбку, взгляд в эту секунду буквально прожигает меня насквозь. И оторопело вижу, как он кивает в ответ. И руки-то так красноречиво сжимает вокруг меня, словно готов удерживать несмотря ни на что.

Ох, мамочки! Нет, я всякого ожидала, понимала, что не простой человек, но... принц. Это... в голове не укладывается. Он... принц... и женился на мне. С ума сойти. Я теперь жена принца? И он мне про это даже не сказал?

— Тай, скажи, что ты пошутил, — просьба получается даже немного жалобной.

— Извини, любимая, не скажу, — вздохнув, целует он мой висок. — Моё полное имя Тайрэн Сэйнар. А ты теперь моя законная жена Рамина Сэйнар. Наш брак свершился, несмотря на отсутствие всех обрядовых церемоний, правда нам всё равно придётся через них пройти. Но это потом, когда я наконец смогу увезти тебя домой.

— Точно законная? Нам поверят, что мы женаты, если мы просто об этом скажем? — вот теперь из меня скепсис так и прёт. Вот что-то мне не верится, что с женитьбой в королевских семьях всё так просто. Я вообще в происходящее слабо верю.

— Поверят. Магия рода не врёт. Посмотри, — Тай берёт меня за руку, переплетая пальцы, и поднимает так, чтобы моему взгляду стали видны наши запястья.

А вот теперь я уже совершенно теряю дар речи. Вместо золотых узорчатых ободков браслетов на наших запястьях красуются узоры на коже. Красивые, замысловатые. Откуда они взялись?

— Что это? — я недоверчиво скребу почти чёрные линии пальцем и замечаю, что на второй руке они тоже имеются.

— Знак того, что наш брак действителен. Самый достоверный и неопровержимый из возможных, — в голосе мужчины сквозит нескрываемое удовлетворение.

А я... я пытаюсь осмыслить услышанное. Получается, эти рисунки на коже магические, или как их ещё назвать, если появились они на месте непонятно как исчезнувших браслетов. Наверное, это случилось во время нашей так называемой консумации. Отсюда следует, что я действительно жена принца.

Ёлки палки, принца. Не сказочного. самого настоящего. Брутального такого, с весьма тяжёлым характером. И у меня даже не получается на него сильно злиться. Сама не спросила. Просто... просто я и подумать не могла. А теперь вот голова от мыслей пухнет. Что теперь меня ждёт? Быть принцессой я никогда в жизни не мечтала. Это же громаднейшая ответственность. Я же даже не аристократка ни разу, даже не из этого мира и понятия не имею, чего теперь от меня будут ждать. Как соответствовать такому статусу? Как соответствовать ему, своему мужу, не позоря и не ударяя в грязь лицом? Это откровенно пугает. Не до такой степени, конечно, чтобы отказаться от любимого человека, но всё же.

Вот я попала! Думала, сбегу из дворца родителей Мирэн и больше не надо будет играть роль принцессы? Трижды ха-ха! Бесит, что не сказал! Хотя понять можно. Такое вот так просто не сообщишь.

Статус Тайрэна многое ставит на свои места. И то, что к Кориму Босвари он запросто обратился. Они ведь на равных, получается. И то, что Богиня выполнила его просьбу. Всё-таки не кто попало обратился. Но в памяти всплывают её слова про высокую цену им заплаченную. Сердце тревожно замирает в груди. Что он сделал?

— Тай, чем ты пожертвовал ради меня? — решительно заглядываю я в его глаза, не в силах молчать. Страшно представить, что с него могла потребовать Праматерь за такую помощь.

— Это уже не имеет никакого значения, Рами, — хмурится он и качает головой. — Ради твоей жизни я бы и на большее пошёл. Да и неизвестно ещё, как всё повернётся.

Мне хочется упрямо добиться ответа, но в данном вопросе я не чувствую себя в праве.

— Почему ты мне не сказал? Мы... столько общались, а я о тебе почти ничего и не знаю, — зажмуриваюсь по привычке, пытаюсь спрятать бушующие внутри эмоции. Хотя с ним ведь бесполезно.

— А какое это имело значение, Рами? Когда я приходил в твои сны... зачем мне было говорить тебе об этом? Как бы ты себя чувствовала и вела?

— Не знаю, — признаюсь. Правда, не знаю. В детстве наверное испытывала бы благоговение. Это же целый принц.

Тай понятно хмыкает и укладывает меня обратно на подушки. Ложится рядом и притягивает в свои объятия, устраивая мою голову у себя на плече.

— Мне нравилось с тобой общаться, будучи для тебя просто Таем. Ты была такой милой, непосредственной, — улыбается он в мою макушку, нежно поглаживая спину. — Я наслаждался твоим светом. Твоими эмоциями, радостью от встреч со мной. Они очень согревали. До десяти лет, пока была жива моя мать, у меня было далеко не самое счастливое детство. И я научился очень ценить такое искренне тепло.

— Почему? Ты ничего не говорил о своём нерадостном детстве, — поднимаю я голову, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Это не самая приятная для меня тема, но я расскажу тебе как-нибудь. Потому что смерть матери многое изменила в моей жизни. И косвенно стала причиной нашего знакомства, — Тай отводит от моего лица прядь волос и заправляет за ухо. Целует в уголок рта и заставляет улечься обратно. — Но это долгий рассказ, а сейчас тебе нужно поспать.

— Хорошо, это расскажешь потом, — соглашаюсь. — Но я бы хотела знать, что ты планируешь делать? Мне очень тяжело не понимать ситуации. Я боюсь ошибиться. Насколько всё сложно? Ведь сложно, да? Наш брак не решает проблему?

На самом деле меня безумно пугает понимание, что проблемы этот брак на самом деле создаёт. Таю создаёт. И, получается, его семье и даже, возможно, стране. Божечки, во что я влипла и куда втянула любимого человека?

— Пожалуйста, скажи, что из-за меня не случится международный скандал.

— Если мы заручимся поддержкой Корима и короля Ардораша, то не случится, — Тай говорит уверенно, и это меня немного успокаивает. Но далеко не полностью.

— А они поддержат? — одновременно с сомнением и надеждой интересуюсь у мужа.

— С большой долей вероятности да. Роду Босвари в целом выгоден наш союз. Мне не раз намекали на наличие в Босварии незамужних принцесс, брак с которыми мог бы меня заинтересовать. Так что мы с тобой, можно сказать, нечаянно воплотили давнюю мечту деда Мирэн.

А вот это неожиданно задевает. Пускай это всё было до меня, пускай он ни на ком из них не женился, но сам факт. Может моё появление заставило его отказаться от каких-то договорённостей? Скажет ли?

— И её тоже в качестве невесты тебе предлагали? — прищурившись, спрашиваю, поднимаясь и буравя его внимательным взглядом, чувствуя самую настоящую, грызущую изнутри ревность и к своей предшественнице и всем этим принцессам, и босварийским, и прочим, которых ему сватали. Даже думать не хочу, как много их было. Не хочу. А оно всё равно думается.

— Нет, Мирэн мне не предлагали, — насмешливо вскидывает Тайрэн брови. А в глазах пляшут довольные смешинки. Покусала бы! Но отвлекает большая горячая ладонь скользящая по моему бедру. — Её отец добровольно бы на это ни за что не согласился. А я и не проявлял интереса. Как и к прочим девушкам рода Босвари.

У меня на языке так и вертится вопрос, какой же род его интересовал, но сама понимаю, насколько глупо и неуместно ревновать к прошлому. Это всё остатки той безнадежной тоски по несбыточному, которая грызла меня в моей прошлой жизни, когда я даже мечтать не могла, что мы будем вместе, а от одной мысли, что в его реальной жизни рядом будет другая, мне выкручивало жилы этой эгоистичной ревностью, на которую я не имела права. А сейчас... Какая уже разница? Пускай принцессы утрутся. Этот принц мой. Навсегда.

Удовлетворённо вздохнув, обнимаю его крепче, позволяя ему закинуть мою ногу поперёк себя и прогибаясь от ласки бесстыжих пальцев.

— Значит утром ты расскажешь всё Кориму, и он, предположительно, отведёт нас к королю? — пытаюсь я вернуть наш разговор в нужное мне русло и не обращать внимание на ручейки обжигающих искр, бегущих по моей коже. Мне опять хочется его внутри. Опять хочется его без остатка. Так сильно, что с трудом удаётся концентрироваться на том, что более важно.

— Именно, — лаконично отвечает Тайрэн, а в следующий миг одним движением перемещает меня, заставляя оседлать его верхом. Сильные ладони сминают мои ягодицы. Ах. — Рами, тебе всего нужно лишь делать то, что я прошу и ты не ошибёшься. Просто доверься мне. Мне повезло

заполучить очень умную супругу, в здравомыслии которой я абсолютно уверен. План дальнейших действий, извини, но мы обсудим завтра утром вместе с остальными, тогда и информации у меня будет больше. А сейчас... сейчас я собираюсь заняться любовью со своей очень желанной и любимой женой, которую слишком долго искал, и заставить её на время забыть и её бывшего жениха и моих несостоявшихся невест.

— Тай, я... — мне хочется оправдаться за свою ревность, но мужчина не даёт мне такой возможности, ловя мои губы в жёстком и требовательном поцелуе. Приподнимает за бёдра, смещая.

В рот врывается захватчиком его язык, скользя внутри, вовлекая в чувственный угар, а по моей припухшей и чувствительной, несмотря на его лечение, раскрытой плоти скользит снова твёрдый пульсирующий возбуждением член. Я судорожно вздыхаю, а в следующий миг он насаживает меня на себя, проникая до упора. Так глубоко, что дыхание перехватывает от переизбытка ощущений. И нет. Мне больше не больно. Мне так хорошо, что звезды под закрытыми веками пляшут. Я выпрямляюсь, закатывая глаза, дурея от собственных ощущений. Тайрэн проводит ладонями по моим бедрам, талии, накрывает груди, сжимая их. Перекатывает пальцами напряжённые горошинки сосков. И толкается снова, заставляя всхлипнуть, запрокидывая голову.

— Девочка моя любимая, — хрипит, поднимаясь, чтобы повторить ласку пальцев губами. Прикусывает сморщенную вершинку, обводит языком, нежно играя. — Сладкая, желанная. Моя. Нет никого. И не будет. Ни у меня, ни у тебя.

От его слов, от ощущения переполненности и болезненно острого возбуждения и жажды, меня прошивает волной наслаждения. Он мой. Мой. Он взял надо мной власть, но мне дал меньшую награду. Сжимаю пальцы в его волосах. Скольжу по его плоти вверх, и насаживаюсь обратно, кайфуя от его хриплого стога. От ощущения напряжённых стальных мышц под моими пальцами. Раскачиваюсь на нём, изучая его тело и своё от него удовольствие, наслаждаясь тем, что он позволяет мне это, отдав бразды правления. Хотя и ненадолго. Уже через минуту я снова оказываюсь опрокинута на спину, а мой муж полностью и бескомпромиссно возвращает себе полный контроль надо мной, моим телом и моим удовольствием. И я не имею ни малейшего желания спорить. Лишь любить его, утопая в наслаждении.

Тайрэн

Корим сообщил, что не может прийти. Королю стало хуже, он нужен ему в Замайре. Почтовый футляр принял это послание ещё до рассвета, заставив меня оторваться от обнажённой и безумно притягательной спящей жены и заняться делом.

Босвариец извинился и поинтересовался, может ли помочь удалённо? Придётся объясняться в письмах. И да, просить помощи. Я не на своей территории. Меньше всего мне хотелось бы быть чьим-либо должником, но ситуация сложилась так, что по-другому никак нельзя. Мне надо доставить Рамину в столицу и поговорить с Ардорашем, как можно быстрее. И сделать это, не рискуя её безопасностью. До того, как Гедаш поймёт, кто сейчас сопровождает его «дочь» и сделает свой шаг на опережение. И ещё Рифат этот... Опасный противник. Особенно тем, что параноидально-скрытен и мне неизвестны все его возможности. А Кориму могут быть известны.

Отсюда очевидное решение. Осталось только сообразить, как правильно объяснить принцу Босварии, что помощь требуется его племяннице. Притом моей жене. После того, как я пришёл в Босварию вместе с ним, утверждая, что иду решать личный вопрос, не имеющий никакого отношения к политике.

Над этим письмом я думал, как никогда тщательно и долго, взвешивая каждое слово, так чтобы у Корима сложилось как можно более нужное мне впечатление. Параллельно с этим продумывая новый вариант плана.

— Тай... — когда я уже отправляю письмо, сонно зовёт Рами, не найдя меня рядом. Приподнимает голову, обводит взглядом разложенные передо мной на низком столике писчие принадлежности, листы бумаги, и с тревогой хмурится. — Что-то случилось?

— Некоторые изменения в планах, — успокаивающе улыбаюсь ей.

— В тех, которые ты мне не озвучил? — вскидывает бровь с иронией, но я-то чувствую, что она далеко не так спокойна, как хочет казаться.

Моя Рами умеет прятать свои эмоции. И действовать правильно, несмотря ни на что. Сильная. Умная. Решительная. Идеальная. И сомневаться в том, что Богиня не оценила такую кандидатуру на роль моей жены и потенциальной королевы Сэйнара не приходится. Обвела меня Праматерь

вокруг пальца. Как мальчишку. Мне бы злиться. Но к чему, если в результате я получил желаемое? Сам выпросил. И сделал бы это снова без сомнений. И плевать, даже если окажется, что Богиня с самого начала нас нарочно свела, для того чтобы в конце концов получить ведьму в свой мир.

— И в тех тоже, — согласно киваю жене, отвечая на её вопрос, но объяснить подробнее не успеваю, потому что почтовый футляр сигнализирует о новом послании. — Подождёшь немного? Мне нужно ответить.

Рамина, вздохнув, поднимается с кровати, подхватывает стянутое мною вчера с неё платье и уходит в ванную. А я провожаю взглядом упругую круглую попку и стараюсь не думать о том, как хорошо бы было сейчас догнать её, самолично искупать, лаская это восхитительное тело, а потом взять мокрую, сладкую, разомлевшую. Мотнув головой, возвращаюсь к делам не столь приятным, но жизненно необходимым.

На этот раз в футляре послание от графа Россара, с донесениями нашей разведки относительно последних событий в королевском доме Босварии. Потом приходит письмо от отца, который интересуется, с каких это пор он должен узнавать новости о сыне от своих советников, а не от меня лично. Признаю. Не прав. Вкратце сообщаю ему, что женился, а ещё, что моя Рамина теперь волею Богини — босварийская принцесса, да ещё дочь Гедаша, и мне бы не помешало его присутствие при разговоре с Ардорашем, поскольку есть моменты, которые без него, как главы рода Сэйнар, решить не получится. И прошу прихватить с собой Дастияна. Посмотрим, что получится из видения моей ведьмочки. Отдавать Лялю её отцу-отморозку после того, что рассказала мне Рами, точно нельзя. Как и Гедашу и его Тамире. Значит, придётся бороться и за неё тоже. Главное увезти девочку из Босварии, а потом уже посмотрим, подходят они с моим братом друг другу, или нет. По местным законам после заключения помолвки, по договорённостям между семьями, если невеста несовершеннолетняя, то она может воспитываться в семье жениха его родственниками.

Рами возвращается, как раз, когда приходит ответ от отца. Приближается ко мне на носочках, красивая в простом белом платье настолько, что съест её готов. Я ловлю тонкое запястье, сразу же притягиваю её к себе на колени и наконец целую припухшие сладкие губы. Уже соскучился. Моя бы воля, не отпускал бы никогда. Вечность бы пил её хриплые стоны, сжимая в руках хрупкое тело. Вечность бы дышал ею, дурея от той глубины эмоций, что бурлят в ней. Моя. Любит. Остальное не имеет значения. Никому не отдам.

Порвать бы эту тряпку и, развернув её, ворваться в узкое лоно... Заставляю себя оторваться от сочных губ. Сжав челюсти, вдыхаю ещё раз её аромат и блаженно жмурюсь. Всё будет. Но попозже. Я терпеливый.

— Расскажешь? — кивает неуверенно на развёрнутое передо мной письмо, когда немного приходит в себя. Моя чувственная девочка.

— Это от отца. Он поздравляет меня с женитьбой, — с улыбкой сообщаю любимой, зарываясь лицом ей в шею и прикусываю нежную бархатистую кожу. Как же она одуряюще на меня действует.

— Что, правда? — скептически вскидывает брови. А спустя секунду понимающе улыбается. — А, ну да. Ты же на принцессе Мирэнхаш Босвари женился.

— Нет. Я женился на девушке Рамине, чья душа пришла из другого мира, — возражаю я. И буквально чувствую, как смысл моей фразы заставляет её внутреннее напрячься, как сбивается её дыхание и сердце начинает колотиться под моей ладонью.

— Что ты сказал? Он... твой отец знает? — ошарашенно переспрашивает, повернув голову так, чтобы видеть моё лицо.

— Да. Я поставил отца в известность, куда еду и зачем. И с кем собираюсь связать свою судьбу тоже.

— И он... одобрил твоё решение? — запинаясь, интересуется моя хорошая девочка, которая слишком беспокоится, о том, что своим появлением принесла мне проблемы.

— Он принял его. И тебя тоже принял. Я хочу, чтобы ты знала, что за тобой стою не только я, Рамина. За тобой стоит род Сэйнаров. Помни об этом, — смотрю в упор в её глаза цвета горького шоколада, пытаюсь внушить ей эту мысль.

Она несколько секунд молчит, кусая полную губу. Снова мается страхами и сомнениями. Мне хочется стереть их напрочь. Жаль это невозможно.

Просто доверься мне, девочка. Как уже делала раньше.

И она кивает, благодарно улыбнувшись. Прижимаюсь к её рту в быстром поцелуе и, по сути сразу же, чувствую сигнал футляра. Это должен быть Корим. Достая свёрнутое в трубочку послание и

разворачиваю. Рами бросает на меня вопросительный взгляд и, получив мой разрешающий кивок, тоже принимается читать:

«Тайрэн, лишь то, что я уважаю твоего отца, твой род, и тебя, считая прежде всего человеком чести, удерживает меня сейчас от поспешных выводов, относительно того, что ты мне сообщил. Надеюсь ты оправдаешь моё доверие и она действительно добровольно стала твоей женой. С тебя серьёзные объяснения, Сэйнар.

Теперь, что касается твоих вопросов. О том, что Гедаш собирался насильно отдать её Рифату, ни мне, ни отцу ничего не было известно. Смерть Сольхиаль официально признана несчастным случаем, причин считать иначе не было. Также не было никакой информации, что Мирэнхаш сбежала из дому. Гедаш сейчас в столице. Рифата нет. Полагаю, он ищет Мирэн. Я уже дал своим людям задание тайно собирать улики, чтобы поднять дело об убийстве Сольхиаль. А также узнать, где находится миразу в данный момент, и какие предпринимает действия.

Отца к вашим новостям постараюсь подготовить. Он действительно не прочь, чтобы союз наших семей был скреплён династическим браком и на тебя у него были особые надежды, так что скорее всего его поддержку тебе получить будет несложно. При условии, что этот брак добровольный со стороны Мирэн.

Порталом из Рахаша в столицу вас, скорее всего, не пропустят. Рифат не дурак. В пяти часах езды от города стоит один из моих личных дворцов. Там тоже есть портал, личный. Он ведёт в мой столичный дом. Отправляйтесь туда. Координаты прилагаются.

Я постараюсь встретить вас. Как только что-то узнаю о перемещениях Рифата, дам знать.

Корим Босвари»

Его предложение кажется разумным. После того, что провернула в Гьяране с порталщиком Рамина, соваться в Королевскую порталную сеть, контролируемую Рифатом, будет крайне глупо. Он действительно не дурак и скорее всего уже раскусил её хитрость. И позаботился, чтобы принцессу Мирэн опознали, если она решится ещё раз. Личный портал Корима — лучший из возможных вариант.

— Что ж, — сворачиваю я письмо, когда Рамина его тоже дочитывает. — Тогда нам стоит собрать сейчас всех и обсудить дальнейшие действия. И выехать из Рахаша, как можно быстрее.

Глава 21

Собрались все в нашей с Рами комнате. Спустил полтора часа. За это время я, оставив смущающуюся жену и её спутниц под охраной Мэл, успел под иллюзией встретиться с порекомендованным Россаром осведомителем в городе. А Кор тем временем прогулялся к Храму, чтобы узнать что-нибудь о караване. Если Рифат вычислил, как сбежала Рами, то не проверить паломников не мог.

Но информацию об этом, неожиданно, получил я сам, когда по возвращению в гостиницу, зашёл в обеденный зал, чтобы заказать завтрак и готовой еды в дорогу. Останавливаться нам точно будет некогда, но ребёнку надо будет поесть. У стойки я и услышал разговор двух хали, подтверждающий мои опасения. Особенно тем, что шёл в разрез с тем, что удалось узнать нам. Значит, Рифат ближе подобрался к Рами, чем я думал. Надо убираться отсюда. Только сначала нужно решить куда... и в каком составе.

И вот наша непредвиденно большая компания в сборе. Обвожу всех взглядом. Рамина, умолилась в единственное кресло в комнате, собранная, буравящая меня ожидающим взглядом. Да, любимая, я помню, что обещал. Мэл застыла у окна, сканируя окрестности. Кор подпирает стенку у двери и периодически бросает хмурые взгляды на свою Мышку. А та присела с притихшей Лялей на руках рядом с Гапкой на диванчике. Настороженная, задумчивая. Собственно, с неё и стоит начать.

— Наиле, ты по-прежнему собираешься добраться до Обители Праматери? — задаю ей прямой вопрос. Девушка удивлённо вздрагивает, вскидывая на меня свои огромные глазищи.

— Да, — произносит тихо.

Скрежет зубов Кора я даже отсюда слышу. Да и досадой от него плещет через край. Попал друг, хоть и не понял ещё насколько. Я поднимаю руку, приказывая ему молчать.

— Тогда вынужден тебе сообщить, что мы все дальше в Храм не едем. И доставить тебя туда не можем.

Она растерянно хмурится. Бойтся, надеется, и не верит. Бросает быстрый взгляд на моего друга, отдаёт Ляльку Гапке.

— Тогда я пойду в местный Храм и подожду караван, чтобы идти дальше с ними. Спасибо, что не прогнали и помогли добраться сюда, — смиренно склоняет голову.

— Нет. Ты едешь с нами. Это опасно! — чеканит Кор.

— В каком качестве я еду с вами? — интересуется она ровно, не поднимая на него глаз и сжимая маленькие кулачки.

— А в каком качестве ты уже ехала с нами? — раздражённо прищуривается друг.

— Я... — Наиле растерянно смотрит сначала на прикусившую губу Рамину. На меня, Мэл. Взгляд метается к Кору, и она опускает глаза, пряча свои чувства. У девочки внутри хаос из эмоций, но Мышка мужественно пытается объяснить свою позицию. — Я надеялась, что молодой добрый хали согласится взять меня наложницей. А вышло, что Рома — женщина. Ты... сказал, у вас в стране наложниц нет. Я не могу быть никем. И товаром снова быть не хочу. Потому пойду дальше с караваном.

Отпускать её сейчас действительно опасно. И для неё и для нас. И я уже собираюсь сообщить ей об этом, но Кор меня опережает.

— А ты только наложницей готова быть? — с досадой рычит он.

— Наложница — статус. Наложница — не никто, имеет защиту.

— А как же жена? — насмешливо интересуется Мэл повернув в нашу сторону голову. — Женой не хочешь стать?

— Меня никто не возьмёт. Честь замарана, уничтожена. Могу только тело мужчине дать, — она закрывает глаза, пряча слёзы.

— Дать говоришь? Тогда дай мне. Я возьму всё, что у тебя есть. И отдам взамен всё, что смогу, — Кор устремляется к ней и решительно подхватывает вскрикнувшую Мышку на руки, чтобы усестись вместе с девушкой на второй из наличных в комнате диванчиков. — Рэн, вопрос закрыт. Она едет с нами. А про статус мы с ней между собой решим.

— Кор... — выдыхает она испуганно... и с облегчением.

— Молчи, женщина, иначе я за себя не ручаюсь, — рычит он, сжимая бедняжку в своих медвежьих объятиях. — Всё, отбегалась. Моя теперь.

— Насчёт молчать, ты погорячился, Кор, — я сплетаю узор заклинания. — Раз уж вы в своих отношениях разобрались, Наиле, и ты остаёшься с Кором, тебе придётся принести мне клятву, что от тебя никто и никоим образом не узнает то, что будет обсуждаться в этой комнате.

Она испуганно распахивает глаза, смотря на мои пальцы. Да. Это действительно та самая магическая клятва. Обводит всех взглядом, смотрит на хмурого Кора, и кивает согласно.

— Хорошо, хали Рэн. Я Наиле Намарин жизнью и силой клянусь, что ни словом, ни делом не выдам никому то, что узнаю в этой комнате, — произносит она положенную формулу, а я отпускаю заклинание, запечатывая клятву. Для её же блага. Девчонка по моим ощущениям сильная, но магия в ней подавлена и спит. Кору придётся знатно потрудиться, чтобы помочь ей, если его Мышке захочется получить образование, которого в Босварии она была лишена.

С аналогичным требованием я обращаюсь и к Гапке. Старушка смеряет меня прищуренным взглядом, но произносит клятву без возражений.

— Что ж, — хмыкаю я, когда все формальности соблюдены. — Новость первая. Рома — теперь моя жена. — И под ошарашенное молчание продолжаю. — Новость вторая. Рому разыскивает её отец и... бывший жених, и нам нужно как можно быстрее и безопаснее добраться до Замайры, чтобы сообщить первую новость королю.

— А отец и жених у нас кто? — спустя секунду, подобрав челюсть, интересуется Кор.

— Принц Гедаш Босвари и миру Рифат Зайрах. Как вы понимаете противники серьёзные. Оба. На нашей стороне Корим. И может быть Ардораш, если всё правильно ему преподнести. Мой отец тоже постарается прибыть в Босварию, чтобы уважить старика хоть каким-то соблюдением традиций. Но на данный момент мы можем рассчитывать только на себя.

И пока мои друзья переваривают услышанное, я кратко рассказываю им, как Рами сбежала из дворца и, что предприняла, чтобы сбить с толку своих преследователей. На моменте с порталщиком Мэл удивлённо вскидывает брови и устремляет на мою жену внимательный изучающий взгляд. Та отвечает спокойным вопросительным. Потом я излагаю свои выводы относительно того, сколько понадобилось времени Рифату, чтобы вычислить, куда она делась.

— Хали Рэн, позвольте спросить, — с непоколебимой решимостью обращается ко мне пожилая нянька принцессы Мирэн, когда я умолкаю. — Зачем вы собираетесь везти мою девочку в столицу? Там она будет в опасности. И кто ваш отец, что вы так уверены в одобрении нашего короля? Может проще увезти её в Сэйнар и там спрятать?

Старушка искренне переживает за Рами, несмотря на то, что это не её Мирэн. И уже этой причины достаточно, чтобы объяснить ей, что её подопечная под надёжной защитой.

— Нет, уважаемая хоаль. Не проще. Моей жене не к лицу прятаться. В Сэйнаре ей придётся открыто занять место рядом со мной. А я смогу защитить её от опасности. Мой отец — Яргард Сэйнар и у меня есть все основания полагать, что Ардораш наш брак признает. Но даже если нет, это уже ничего не изменит. Мой род вашу воспитанницу уже принял, а Богиня благословила наш союз.

После моих слов шок настигает на этот раз уже пожилую няньку. Она ошарашенно умолкает, рассматривая меня, словно впервые видит.

— М-да, Рэн, — тянет Кор. — Ты рушишь все мои представления о тебе и даже обо мне этой своей поездкой. Не думай, что я не вижу, как много ты не договариваешь. Но сейчас, полагаю, времени разводить разговоры у нас нет?

Я согласно хмыкаю. Друг, пересаживая свою Мышку рядом, подается вперёд, опираясь локтями об колени.

— Тогда говори свой план. Что там с Коримом и его поддержкой? Она ведь не на словах, я надеюсь?

— Корим предложил нам воспользоваться порталом в его дворец. Он находится в пяти часах езды от Рахаша.

— Но ты не хочешь туда ехать? Я правильно понимаю? — вскидывает бровь Кор. Мэл поджимает губы, играя желваками. — Ожидаешь подвоха?

— Не от Корима, — признаюсь. — Рифат может предугадать, что Мирэн попытается туда добраться. Собственно из Рахаша у неё два пути. В Обитель и во дворец дяди.

— А он уже знает, что она в Рахаше? — интересуется Мэл.

— Скорее всего предполагает. Что ты узнал о паломниках в Храме, Кор?

— Ничего нового. Говорят, сегодня после обеда должны явиться.

— А я вот услышал кое-что интересней, — замечаю, как тревожно напрягается Рами. Потираю шею, формулируя мысль. — Вчера караван паломников досмотрели по приказу миразу Рифата. Кто-то из путников решил предупредить родственников, ожидающих здесь их прибытия. С учётом, что в местном Храме об этом, либо не знают, либо скрывают, то логично предположить, что миразу вычислил принцессу, как она выглядит, и скорее всего ожидает, что она попытается присоединиться к каравану в Рахаше.

Гапка ахает, закусив пальцы в немом ужасе. Рами выпрямляется, пытается спрятать испуг. Решительно сжимает губы, постепенно вытесняя страх из своих эмоций. Я буквально чувствую, как работает её мозг анализируя информацию в поисках решений. Можно ли восхищаться любимой женщиной ещё больше? Она невероятная.

— Он знает, что... я пыталась связаться с дядей Коримом, — наконец произносит с досадой. — Значит может предположить, что я попытаюсь добраться до его дворца.

— Да. Есть такая вероятность, — соглашаюсь я.

— И что нам делать? В Обитель дорога тоже закрыта. А нельзя в Замайру другим путём добраться?

— Можно своим ходом, но это очень долго. Нас вычислят. И даже если не попытаются перехватить, что сомнительно, Гедаш может обвинить меня в твоём похищении. Пока мы будем доказывать, что это не так, ты окажешься в его власти. Это неприемлемо.

— Я считаю, нам вполне по силам пробиться ко дворцу Корима, — замечает Кор. — Рифат не знает, кто ему противостоит.

— Частично знает, — задумчиво тянет Мэл. — Мы слегка... наследили.

Да. Тут она права. Моё заклинание, использованное во время нападения на караван может и не указывает на меня лично, но явно даёт представление, что голыми руками нас не взять. Значит он подтянет серьёзные силы. Тут уже вопрос не только в том, чтобы вернуть сбежавшую невесту, но и в том, чтобы с её подачи не всплыли его преступления.

— Нам нельзя во дворец принца, — слышу прерывистый шепот Рами, а когда перевожу взгляд на неё чувствую, как мороз идёт по коже. Откинувшись на спинку своего кресла, она пугает мертвенно бледным лицом и закатившимися глазами. Бросаюсь к ней, даже не представляя, что делать, но моя жена вскидывает руку, останавливая меня. — Там засада. Все пути закрыты, кроме одного. Принц укажет. Старый порталщик. Он поможет, если вы поделитесь силой.

— Этот путь безопасен? — я впервые вижу проявления ведьминской силы. И от того, как ощущается сейчас моя жена, волосы на затылке шевелятся. Мне потомственному магу к этому явно надо будет привыкнуть.

— Нет, — роняет она стальное. — Но единственно возможный. Чтобы все остались живы.

С последним словом Рами обмякает в кресле, обессиленно закрывая глаза, а я сразу же подхватываю её на руки. Сажусь вместе с ней, пытаюсь побороть собственные эмоции. Прижимаю к себе, чувствуя, как дрожит хрупкое тело, целую бледный висок. И с облегчением замечаю, как постепенно она приходит в себя.

— Ведьма? — потрясённо выдыхает Мэл, наблюдая за нами. — В роду Босвари?

— Нет. — Не хочу обманывать друзей. Не тогда, когда на кону стоят жизни. Смотрю выразительно на Гапку, и та понятливо зажимает уши Ляле, взирающей на взрослых большими тревожными глазами. — Принцесса Мирэнхаш умерла, покончив жизнь самоубийством. В её тело волей Богини пришла душа из другого мира. Позвольте вам представить мою жену Рамину Сэйнар, первую ведьму в Совванире за многие столетия.

— И ты знал? — ошарашенно восклицает Кор, выражая их с Мэл общую мысль.

— Да. И искал именно её, не представляя даже, в чьём она теле. Потому и не узнал при встрече.

— А как...

— Кор, времени у нас по-прежнему нет. Потом объясню. Просто прими, как факт.

— Ладно, понял, — сдаётся друг, поднимая руки. — Я так понимаю, что верить видениям нашей будущей королевы можно безоговорочно?

— Королевы... Тай?!! — потрясённо выдыхает моя Рами, услышав его. А я показываю Кору кулак. Тот удивлённо округляет глаза. — Ты не сказал, про королеву. Я не хочу королевой. Я не умею.

— Тшш. Из тебя выйдет замечательная королева. Когда-нибудь. Мой отец ещё далеко не стар и править будет долго, так что не пугайся раньше времени. Скажи лучше, что ты видела? Почему тебе так тяжело это далось?

Она моргает растерянно. Пару секунд пытается сосредоточиться. И признаётся.

— Я никогда раньше так не делала. — Потирает озябшие руки, и я тут же перехватываю их, чтобы согреть своим дыханием. Рами благодарно прижимается лбом к моей щеке и продолжает: — Смотрела только один вариант событий, а сейчас очень захотела увидеть, какое решение будет для нас безопасным, правильным. И у меня получилось, представляешь. Только было очень тяжело удержать в сознании и проследить все линии событий. Что бы мы сейчас не решили, нас всё равно ждёт смертельная опасность. И есть лишь один путь, когда все мы останемся живы и невредимы. Но бой всё равно будет.

— Кто этот порталщик?

— Я не знаю. О нём вам сообщит Корим, если ты спросишь. Напиши ему, — настойчиво просит она, заглядывая мне в глаза.

Мне не нравится то, что я слышу. Не нравится, что все пути ведут к опасности для Рами. Но по сути, если Корим действительно знает порталщика способного перекинуть нас в столицу, если мы поделимся с ним силой, то это будет тот вариант событий, который Рифат не сможет предугадать. Это может сработать.

— Хорошо. Я сейчас напишу. А вы готовьтесь отправляться.

Рамина

Меня всё ещё потряхивает после сеанса экстрасенсорики, который я нечаянно всем продемонстрировала. А ещё в голове роится тысяча и одна мысль. Начиная с того, что я, наивная, могла бы сразу сообразить, что старший сын — равно наследник, и заканчивая тем, что сегодня с большой долей вероятности меня ждёт встреча с бывшим женихом-психопатом.

В карету мы загрузились прежним составом. Я, Гапка с Лялей и Наиле. На шее непривычно ощущается вязка каких-то амулетов, которые на меня надел Тай перед выходом из нашего номера. На больших пальцах рук плотно сидят им же подаренные кольца-артефакты, которые он, оказывается, привёз специально для меня, а на душе натянутой тетивой звенит тревога. Корим действительно вспомнил, что недалеко от Рахаша живёт бывший порталщик, служивший лично королю. Выяснив координаты, мы, не медля, собрались в дорогу. И сейчас вот ждём, пока Рэн и его друзья закончат опутывать защитными заклинаниями карету, чтобы двинуться в путь.

— Наиле, ты ночевала с Кором в одном номере? Он тебя не обижал? — спрашиваю у молчаливой Мышки. Во-первых действительно переживаю за неё, хоть и не думаю, что друг Тая опустил бы до такой низости, как насилие. А во-вторых мне жизненно необходимо отвлечься.

— Нет. Он... признался, что хочет... — она бросает осторожный взгляд на играющую с куклой Ляльку и добавляет тихо: — Близости со мной. Но только если я сама хочу.

— А ты? — вскидываю я брови.

— А я спросила, значит ли это, что он берёт меня в наложницы, — опустив голову, смущённо признаётся Мышка. — Хали Кор сказал, что не может. Что в Сэйнаре нет наложниц. Тогда я сказала, что буду спать на полу. Он рассердился и заставил лечь в кровать. А сам лёг на полу. И как я не просила чтобы, позволил с ним поменяться, так и не позволил. Только злился больше.

Я себе представляю. То-то он такой хмурый с утра был. Бедный Кор.

Карета слегка покачивается, когда на козлы взбирается Мэл, рядом слышится конское ржание и цокот копыт по брусчатке, и я выглядываю через ажурную заслонку на окошке, чтобы увидеть Тайрэна на его Вороне. Он, словно чувствуя мой взгляд, поворачивает голову и мы пару секунд смотрим друг другу в глаза. Боже, пусть всё будет хорошо. Пусть все эти их щиты сработают, пусть

никто не пострадает, пусть этот Рифат проклятый просто не узнает, где мы.

— Рома, ты меня не отдашь? — возвращает меня в реальность голос Ляли. Смотрю на неё и встречаюсь с серьёзными и грустными глазами слишком много повидавшего ребёнка.

— Нет, малыш. Не отдам.

— Почему отец злой? — хмурит она маленькие бровки. — Маме делал больно. Она плакала каждый день.

Сердце внутри болезненно сжимается, и я притягиваю её к себе на руки. Девочка прижимается ко мне, пряча личико на груди. Но не плачет. Лишь дрожит, как испуганная птичка. И сердечко так часто бьется. Я привыкла считать, что дети любят родителей по умолчанию. Что же за мразь этот Рифат, если даже родная дочь боится его, словно монстра?

— Он ищет нас? — спрашивает тихо.

— Да, — знаю, что врать ей бесполезно. Малышка чует ложь не хуже меня. — Но Рэн с Кором и Мэл нас защитят. А я защищу тебя. Обещаю.

Она затихает в моих руках, а я снова смотрю на улицу. Слышу как звонко щёлкает Мэл кнутом в воздухе, и мы наконец трогаемся в путь. Едем быстро но без чрезмерной спешки, чтобы не привлекать излишнего внимания. Ляля успокоившись немного возвращается к своим игрушкам, хотя всё равно выглядит слишком подавленной. Здания и цветочные заборы проносятся мимо, смазываясь в размытую полосу, и я глубоко выдыхаю. Что бы нас впереди не ждало, поворачивать назад нельзя. Я не умею сдаваться. А теперь, когда у меня ещё и такой надёжный тыл, и подавно не собираюсь этого делать. Может, я и не воин, как Рэн и его товарищи, но тоже далеко не беззащитна.

Улицы города мы минуем без происшествий. И когда карета начинает притормаживать, я понимаю, что впереди ворота. Слышу голоса стражников, что-то говорит Рэн. Раздаётся конское ржание, и цокот множества копыт. И внезапно всё во мне сжимается от почти животного ужаса. Судорожно вдыхая воздух, я осторожно приближаю лицо к окошку. Мимо нашей кареты проносится отряд всадников в форменных жупархах яншар. Но не это заставляет меня испуганно вздрогнуть, и закусить губу, сдерживая вскрик. Меня до панической дрожи пугает мужчина во главе этого отряда. Я узнаю его даже со спины и, ещё до конца не осознавая, что делаю, резко опускаю взгляд, чтобы миразу его не почувствовал, и медленно отклоняюсь назад, чтобы не привлечь внимание резким движением, которое можно было бы заметить даже за ажурной заслонкой.

Сердце стучит где-то в горле, и дыхание спирает, но я постепенно беру себя в руки. Он меня не видел. Не мог. И узнать, что мы с Лялей в этой карете тоже никак не может. Это просто совпадение. Я ведь знала, что он где-то поблизости.

— Всё в порядке, Рамина? — спрашивает Гапка, взяв меня за руку. Ромой, как среди паломников, меня уже лучше не называть.

Карета двигается дальше. К нам, ожидаемо никто не заглядывает, чтобы проверить.

— Да, — выдыхаю я, чувствуя, как немного отпускает ледяная хватка на сердце. И злюсь сама на себя за этот страх. Но после моих видений не бояться не могу. Слишком страшным для нас может быть исход, если эта мразь узнает раньше времени, где мы.

Несколько минут мы едем молча, пока не покидаем черту города, а потом рядом с окошком появляется Тайрэн. Стучит пальцем и я поспешно открываю.

— Всё в порядке, Рамина, — произносит муж, смотря мне в глаза. И под этим уверенным взглядом трястись из-за какого-то уроды уже как-то и глупо. Нет. Ну правда. Со мной Тай. Если мой мужчина говорит, что всё в порядке, то так оно и есть.

— Ты узнал его? — стараюсь говорить, как можно спокойней, чтобы не пугать своих спутниц.

— Конечно. Я знаю, как выглядит миразу Рифат, — его губы изгибаются в кривой ухмылке.

Ну-у-у... Как я могла не догадаться? Конечно принц Сэйнара знает, как выглядит Глава Службы безопасности Босварии. Выходит, перед отъездом внешность они с Кором и Мэл себе меняли иллюзиями именно по этой причине, а не только потому, что их могли описать паломники. И это хорошо, что он нас не узнал. Но ведь как-то всё равно вычислит. Я это отчётливо видела.

— Ничего не бойся. Мы прорвёмся, Рами, — муж склоняется ещё ниже и проводит ладонью по моей щеке.

— Я знаю, Тай, — шепчу ему в ответ.

Он кивает удовлетворённо и выпрямляется в седле. Я сразу же закрываю окошко. Сажусь ровно, чувствуя на себе испуганные взгляды попутчиц. Улыбаюсь им ободряюще. Всё будет хорошо. Может не сразу, но обязательно будет.

Тайрэн сказал, что ехать до особняка хали Юзефа Лаери бывшего королевского порталщика около четырёх часов, если гнать лошадей. И как только мы удаляемся достаточно далеко от Рахаша, чтобы нас не было видно с городских стен, Мэл снова щёлкает в воздухе кнутом, заставляя лошадей ускорить бег. А я тянусь к своей сумке, чтобы достать оттуда свой мальчуковый наряд. Роль добропорядочной хоаль я уже отыграла на сегодня, пора одеться удобно, чтобы в случае опасности иметь возможность, хоть что-то противопоставить врагам. Под удивлёнными взглядами Наиле и Гапки, уже успевшей возрадоваться, что меня вернули к женскому обличению, я поспешно переодеваюсь, потом тщательно складываю снятую одежду обратно в сумку и принимаюсь мотать на голову куфию. Уже имею опыт, что эта штука и удар может смягчить, если что. Не то, чтобы я позволила себя снова бить по голове, но всё же... А закончив со сменой облика, усаживаюсь обратно, пытаюсь придумать, чем ещё себя занять, чтобы не извести все свои нервные клетки ожиданием того, что выделось мне неизбежным.

Вот бы узнать, как он нас найдёт. Может удастся избежать этого? Но как? В гостинице мне удалось увидеть варианты нашего будущего. Всех, кто находился в комнате. Потому что все были рядом. Просто знаю это как-то. А Рифата, слава небесам, рядом нет. Как его увидеть? Вещь бы его какую-то. Или... мой взгляд цепляется за склонённую макушку Ляли.

Нет. Нет... А может да?.. Я осторожно... Малышка и не почувствует, и не поймёт ничего.

Пересаживаюсь к девочке. Гапка, сидящая по другую сторону от неё вскидывает на меня вопросительный взгляд, я отрицательно качаю головой.

— Просто хочу взглянуть на кое-что, — объясняю ей одними губами и глажу пальцем тонкое детское запястье. — Ляля, посмотри на меня, пожалуйста.

Девочка удивлённо поднимает голову. Потом смотрит на наши руки и замечает узор на моём запястье.

— Красиво, — выдыхает. — Что это?

— Это знак, что я теперь жена Рэна, — объясняю ей и сама поднимаю манжету, чтобы показать узор.

Беру другой рукой её за ладонь. И пока малышка изучает рисунок на моей коже, отпускаю свой дар. Она его дочь. Я хочу ЗНАТЬ.

Как он нас найдёт? Я хочу ВИДЕТЬ...

...Кукла зажата в перемотанном бинтом кулаке. Очень знакомая кукла. Жуткая сейчас. Вся в бурых разводах.

— Миразу, мы допросили всех служащих гостиницы. Мальчишки со старухой и ребёнком тут не было. С ребёнком было четверо семей, но только в двух девочки подходящего возраста...

Вздых... Новая картинка...

...Лезвие кинжала рассекает ладонь рядом с таким же порезом, только уже слегка затянувшимся. Кровь багряным бисером выступает на краях раны, собирается в бусины и тёмные ручейки, бегущие по воспалённой плоти, стекая и капая на тряпичную игрушку. А вторая рука плетёт что-то невероятно сложное. Заклинание пульсирует, как живое, пугает отталкивающе багряными нитями, оплетает куклу, ладонь, и тянется нитью куда-то в сторону, а мне кажется будто прямо к нам, к Лале, ко мне...

... Окровавленная ладонь гладит голубой шёлк, пачкая нежную такнь, и я, захлебнувшись ужасом, узнаю то самое платье, в котором была в день нашей с миразу встречи.

— Я всё равно тебя найду, сучка. И накажу, — шепчет хриплый голос. И в нём помимо обещания... одержимость. Больная. Неотвратимая. — Ты больше никогда не посмеешь меня предать...

Шарахаюсь назад, чувствуя, как сердце выпрыгивает из груди. Найдёт. Уже нашёл. Он скоро будет тут. Портал. У миразу на службе, наверняка, тоже есть порталщики. И миразу, почувствовав в каком направлении мы движемся, наверняка тоже вспомнит про старого мага. Уже, наверное, вспомнил.

Глава 22

Бросаюсь к дверце и трясущимися руками распахиваю окно. Тайрэн тут же оказывается рядом на своём Вороне, окидывая меня обеспокоенным взглядом.

— Я знаю, как он нас найдёт! — кричу ему, пытаюсь собрать мысли в кучу, объяснить то, что видела урывками: — Кукла... У него кукла... И он порезал себе руку, чтобы пустить кровь, а потом сплёл что-то страшное, очень-очень сложное, оно буквально пульсировало, как сердце... эти нити кровавые... и одна потянулась куда-то... я знаю, что к нам... Тай. Он уже нашёл нас.

— Когда это было? Ты можешь сказать? Сейчас? — приводит меня в чувство голос мужа, который тут же начинает активировать заготовленные узоры заклинаний.

— Нет, — трясую головой. — Это прошлое... Недалёкое, но прошлое. Он близко, я чувствую.

— Значит, скоро умрёт, — со стальной уверенностью обещает Тайрэн. Приказывает твёрдо: — Спрячься в карете.

Я, не мешкая, делаю, как он сказал, закрываю окно, чувствуя как покалывают пальцы многочисленные защитные заклинания. Отвожу глаза и ловлю полный паники взгляд Ляли. Склоняюсь к ней, прикасаясь к детскому сознанию.

— Всё будет хорошо, малыш. Всё будет хорошо. Рэн защитит нас. А ты будешь слушаться Гапку и ни в коем случае не будешь выглядывать в окошко. Хорошо?

Она медленно кивает, и постепенно расслабляется, дыша уже гораздо спокойнее.

— Вот и умничка. Гапка, возможно, им понадобится моя помощь. Присмотри за ней, — я, конечно, не собираюсь, как тупая курица, лезть в бой, когда мне приказали сидеть в защищённой карете. Я не маг и не воин, чтобы быть полезной там. Но я — ведьма. И вполне могу попробовать быть полезной здесь.

— Конечно, принцесса, — склоняет старушка почтительно голову.

Я слышу голос Тайрэна, приказывающий Мэл остановить карету, а Кору ждать сигнала. Выдыхаю, молясь небесам, чтобы всё закончилось хорошо.

А в следующее мгновение, мир сотрясается, оглушая, вышибая воздух из лёгких. Где-то там испуганно хрипят и ржут лошади, карета содрогается от резкого рывка и внезапно останавливается. Вскрикивает Наиле. Ахает, прижимая к себе Лялю, Гапка. А я закрываю руками уши, контуженная тем, что ощущаю. Трясу головой, глаза слезятся, но паника, как со мной это всегда бывает в экстремальных и острых моментах, полностью выключается. Всё уже случилось. Можно не ждать и не бояться, а сделать всё, чтобы выжить.

— Не бойтесь. Карета защищена, — уверенно говорю своим спутницам. Накрываю рукой макушку Ляли. Нахожу ладонь Наиле и ободряюще сжимаю. — Всё будет хорошо.

— Вы это видели? — шепчет она испуганно.

— Да. Видела.

Там снаружи воздух буквально гудит. И гудят стенки кареты. Нет ни воплей, ни лязга оружия. Только этот низкий резонирующий гул, от которого звенит в голове. Придвигаюсь к окну, отодвигаю заслонку и осторожно выглядываю. Мы остановились в лесу. Тая я замечаю сразу. Он спешил. И держит над нами тот самый щит, который отразил магическую атаку противника. А стоящая чуть поодаль Мэл у меня на глазах стремительно сплетает что-то замысловатое пальцами медленно разводит руки и резко их схлопывает, посылая вперёд сокрушительную ударную волну. И тут же вскидывает голову, прислушиваясь. Щерится в хищном оскале, и достаёт из ножен меч, готовясь к бою. Пытаюсь высмотреть Кору, но он скорее всего занял позицию с другой стороны кареты.

Гул стихает. А вслед за ним приходит треск. Я поднимаю глаза и в немом ужасе наблюдаю, как рассыпаются в труху, летящие в Тая и Мэл арбалетные болты. Отовсюду надвигаются тёмные силуэты. Я вижу много всадников в жупархах яншаров. Слишком много. Нас окружают. От мощи звенящей в воздухе силы волосы становятся дыбом. Жалобно всхлипывает Ляля... Кто-то отдаёт приказ... и мир сходит с ума, утопая в крови, магии и лязге оружия.

Движения Тайрэна и Мэл настолько стремительны, что уследить за ними просто невозможно. Это можно сравнить разве что с танцем. Страшным, смертельным. Когда напарники, действуя слаженно, становятся продолжением друг друга против волны напирających противников, круша эту волну магией, устраивая кровавую баню разящими зарницами клинков. Я в этой пляске смерти точно была бы лишь помехой.

Что-то врежется в карету с другой стороны. Наверное, Тайрэн специально приказал выбирать такую, где дверца есть только с одной стороны. Там сражается Кор. Наиле раскачивается из стороны в сторону, тихо бормоча молитвы Праматери. То же самое делает Гапка, прижимая к себе дрожащую Лялю.

Делаю глубокий вдох. Сажусь ровно. Я могла бы тоже молиться. Богиня этого мира возможно бы меня даже услышала. Но я откуда-то знаю, что она не может вмешаться. Не имеет права. Напрямую.

Я ведь права, Праматерь? Ты привела меня в этот мир. Значит, я тебе нужна. Ты хочешь вернуть ведьмовство в Совванир. Так помоги мне выжить. Помоги почувствовать свою силу. Я хочу помочь своему мужу. Я хочу знать, как это сделать. Это мой выбор. Моё решение.

— Гапка, Наиле, что бы я сейчас не делала и не говорила, не прикасайтесь ко мне, не пытайтесь привести в чувство. И держите Лялю. И уши ей закройте, — прошу тихо, не открывая глаз.

Отпускаю себя, полностью, концентрируюсь на том, что чувствую. Не закрываюсь, не прячусь от того, что вижу. Они пришли выполнять приказ своего миразу. Большинство считают нас преступниками. Их так много.

— Уходите! — вбиваю приказ в сознания тех, кто не уверен в правильности происходящего. — Это неправый бой. Миразу лжёт. Вам незачем умирать ради его целей.

Кажется, на моих губах снова кровь. Плевать. От напряжения дрожит каждая клеточка в теле. Плевать.

— Уходите!!! — бью наотмашь по тем, кто уже дрогнул. И они отступают. Опускают оружие, растерянно озираясь по сторонам. — Уходите!!! Прочь!!! — ору в пространство, срывая голос, чувствуя, как крушит моя воля чужую, обращая в бегство людей, заставляя лошадей становиться на дыбы и уноситься, запрокинув головы, сбрасывая всадников. Сея панику и сумятицу.

Под гнетом моей воли прогибаются даже те, кто предан Рифату. Я не могу заставить их отступить. Лишь дезориентировать. И для наших защитников этого достаточно.

Поднимаю трясущуюся руку, вытирая кровь с лица. Открываю осоловевшие глаза и довольно скалюсь. Теперь наши точно справятся. Я ЗНАЮ это.

— Принцесса? — вопросительно вскидывает брови Гапка, протягивая мне платок.

Тянусь, чтобы его взять. И внезапно улавливаю хриплый стон Ляли. Непонимающе хмурюсь, смотря на малышку. Хрупкое тело выгибается, как от судороги, вздрагивает несколько раз, затихает. И тут она резко отталкивает няню, вырываясь из её рук. Обводит нас стеклянным неживым взглядом и бросается к двери.

Я успеваю чудом. Хватаю её поперёк маленького тельца, прижимая к себе. Разжимаю крохотные пальчики на ручке, и оттаскиваю извивающуюся девочку к дальней стенке.

— Наиле стереги дверь, чтобы она не убежала. Гапка, помоги мне, — приказываю, пытаюсь удержать вырывающегося ребёнка. И едва не роняю малышку, когда в моё запястье вонзаются её зубы.

На этот раз Лялю перехватывает Наиле, закрывшая собой выход из кареты. Ей на выручку тут же приходит няня. А Ляля внезапно начинает истошно орать. Бросаюсь к ней, хватаю маленькие кулачки, пытаюсь почувствовать, что происходит.

Ужас сковывает моё тело, перехватывая дыхательные пути. Вокруг неё вьются те самые кровавые нити заклинания, которые я видела в своём видении. И тянут прочь из кареты, выкручивая и ломая. Калеча бедного ребёнка. Он тянет. Мразь и больной психопат, продавший душу за тёмную силу запретных знаний. И есть только один путь спасти мою маленькую Лялю. Выйти к нему самой. И убить.

Распахнув глаза, пару секунд пытаюсь сфокусировать взгляд. Крик Ляли режет сердце по живому. Как её оставить? И не оставить не могу.

— Он покалечит её, если я не выйду, — признаюсь тихо.

Гапка испуганно вскидывается, заглядывая мне в глаза. Трясёт головой, отрицая. Отказываясь принимать. Но выхода нет. Он не участвует в бою. Он, как кукловод, действует чужими руками, посылая своих людей на смерть. Стоит в стороне, вне досягаемости, и как паук, плетёт свою паутину. И только моё появление заставит его выйти из тени.

— Держите её крепко. Что бы не случилось, не отпускайте, — прошу тихо. Принимаясь разматывать куфию. И зачем только надевала? Но откуда-то знаю, что простоволосая привлеку его внимание быстрее. Выбешу. Лишу самообладания и заставлю потерять контроль. Увидев меня такой, он забудет, что собирался смыться в случае неудачи.

Стараюсь не думать о том, что мне скажет Тай потом. Что бы не говорил, всё выслушаю. Если выживу. Есть ведь такая вероятность. Вынимаю шпильки с волос, позволяя тяжёлой косе упасть на грудь. Выдыхаю, отодвигая все лишние мысли на задний план. И решительно проскальзываю к двери.

Оказаться в самой гуще боя — это совершенно не то, о чём я мечтала в своей жизни. Впрочем, о попадании в другой мир тоже как-то не думала. Но вот она я. Стою возле кареты, на пропитанной кровью земле. И стараюсь не видеть, как мой муж с наскака сносит голову огромному бугаю, а блондинистая фурия Мэл всаживает кинжал в горло другому. Нападающих остались единицы. На тела я тоже стараюсь не смотреть. Если бы ещё могла не дышать.

Вот она я! Посмотри, Рифат! Покажись, подонок!

Прижавшись спиной к дверце, вглядываюсь туда, где чувствую его присутствие.

— Рами!!! Вернись в карету!!! Немедленно!!! — рычит заметивший меня Тайрэн. И метает что-то в бросившегося ко мне яншара. Тот падает совсем рядом, почти касаясь пальцами моих сапог. Не смотрю... Не смотрю... А в следующий миг передо мной вырастает огромная фигура мужа. Вокруг нас тут же смыкаются новые щиты. — Ты что творишь?!!

— Ляля. Он тянет её из кареты. Калечит, — сглатывая, объясняю ему. Знаю, как глупо выглядит мой поступок, но не могу иначе. Чувствую, что так надо.

— Рифат? Он здесь? — прищуривается Тайрэн.

— Да, — шепчу я, замечая знакомую тёмную фигуру, появившуюся в сени деревьев.

Миразу, как я и ожидала, выходит из тени, пожирая меня пылающими глазами. Наши взгляды встречаются. Мой — ненавидящий, и его — одержимый, полный невыполнимых обещаний. Для этой мрази я — идеальна приманка.

— Он здесь.

Тай резко разворачивается, закрывая меня собой. Но я всё равно держу внимание больного на всю голову монстра. Ты же меня хочешь? Так подойди и попробуй взять. И сдохни, тварь!

Мэл, ударом ноги свалив одного из своих противников, второго отшвыривает магией и выравнивается, вперив хищный взгляд в нашего главного врага. Все застывают, наблюдая. Меч в руке моего мужчины делает угрожающий круг, и он решительно направляется к миразу.

— Ваше высочество, не ожидал вас здесь встретить, — от этого мёртвого голоса, у меня все волосы дыбом становятся. Рифат сейчас совершенно не напоминает того вельможу, которому я вешала лапшу на уши в замке принца Гедаша. Запавшие глаза похожи на чёрные провалы. Бледное лицо вызывает ассоциации с кровососами из наших земных ужасиков.

— Это последняя твоя встреча, Рифат. Ты позарился на моё. — Голос Тая сталью вспарывает воцарившуюся на дороге тишину.

— И что же это? — вскидывает брови миразу. Обводит равнодушным взглядом побоище, устроенное Тайрэном и Мэл, смотрит на них по очереди, а потом снова обращает всё своё внимание на меня. — Я пришёл за своей невестой.

— Это моя жена, — рычит мой муж, сокращая между ними расстояние. — За угрозу её жизни, ты приговорён мною к смерти. Дерись, или умри, как трусливая гнида.

Глаза Рифата расширяются, когда до него доходит смысл услышанного, когда он осознаёт, что добычу вырвали из его лап, что я уже принадлежу другому. Низко зарывчав, как бешенный зверь, обращает пылающий безумной ненавистью взгляд на того, кто отобрал столь возжеленную игрушку, и, выхватив меч из ножен, стремительно атакует. Они схлёстываются, подобно двум смертельно-опасным смерчам. И миразу отнюдь не кажется слабым противником, а наоборот ничуть не уступает Тайрэн.

Всхлипнув, я зажимаю ладонью рот. Мне хочется орать от ужаса. Я верю в своего мужчину. Верю. Верю. И безумно боюсь за него. Не замечаю даже, как рядом оказывается Кор. Да и Мэл тоже. Они заслоняют меня собой, наблюдая за поединком.

Меня буквально мутит от происходящего, но я ни на секунду не могу отвести взгляд, бесполезно пытаюсь проследить каждое движение противников. Не замечаю даже, когда из-за поворота и деревьев вылетает новый отряд всадников, быстро приближаясь к месту боя.

Зато замечают близнецы, разом подобравшись. И недобитые яншары. Эти наоборот бросают оружие. И внезапно опускаются на колени, склоняя покорно головы.

— Это Корим, — произносит тихо Мэл, повернувшись ко мне.

Подчиняясь жесту принца, всадники вмиг окружают поляну. А он сам спешивается и направляется к нам. Но я вижу это лишь краем глаза. Потому что в этот момент, миразу, бросив что-то в лицо Тайрэну, пытается подло ударить мечом по касательной снизу. Мой муж, вместо того, чтобы отбить удар, как-то странно проворачивается, резко подаётся навстречу и наносит ответный удар.

Я слышу животный хрип, от которого обрывается всё внутри, дёргаюсь всем телом к ним, но меня перехватывает Мэл. До рези всматриваюсь в две застывшие мужские фигуры, чувствуя, как умирает сердце в груди.

Только бы не Тай.! Только бы не Тай!

А в следующий миг Рифат начинает медленно оседать на землю, роняя меч, прижимая руку к рёбрам, и с кареты доносится истошный вопль Лале.

Меня прошибает её болью и агонией. Рифат, умирая, тащит дочь за собой. Эта тварь... это чудовище не отпустило заклинание. И не собирается. Поднимает голову и наши взгляды скрещиваются. В его глазах смерть и месть. Ненавижу!!!... Ненавижу!!!...

Внутри поднимается удушающая волна такой жгучей чёрной ненависти, что в глазах темнеет. Я с рыком вырываюсь из рук Мэл и иду к этому монстру. Смотрю ему в глаза. И поднимаю всё, что бурлит в душе, чтобы воздать врагу заслуженное. Уже знакомая опустошающая сила омывает меня изнутри жидким пламенем, заставляя чувствовать себя способной двигать горы. Подхватываю своей волей кровавую нить его заклинания и разрываю, даже не осознавая до конца, что творю. Где-то там, за спиной всхлипывает и затихает измученный ребёнок. А передо мной, на коленях стоит исполненный благоговейного ужаса враг. Теперь ты знаешь, с кем связался.

Обхватываю его голову руками и склоняюсь к ненавистному лицу.

— Умри, — выдыхаю, отпуская свой готовый сорваться с поводка дар. Это уничтожит тебя, а не меня.

Его кончину уже не вижу. Силы разом покидают тело. Глаза заволакивает багряной тьмой, и я начинаю оседать на землю. Уже почти в беспамятстве ощущаю, как меня подхватывают любимые руки.

— Рами!!! — с безумной тревогой рычит Тай, прижимая меня к себе. — Рами...

Всё хорошо, мой принц. Всё хорошо... Мы все остались живы... И даже я...

Лба касаются нежные губы, и настойчивый тихий голос зовёт меня, заставляя продираться сквозь липкую трясину забытья.

— Рами, просыпайся, маленькая. Просыпайся, моя хорошая, — лица касаются ласковые руки, пальцы гладят скулы.

— Мммм, не хочу. Уста-а-ала, — бормочу я заплетающимся языком.

— Надо, малыш, — твёрдо произносит любимый деспот. — Открывай глаза.

У-у-у-у, покусую... когда-нибудь.

— Обязательно, любимая. А сейчас просыпайся.

Я это вслух сказала? Разлепляю один глаз и с возмущениемзираю на склонившегося надо мной Тая. Он сидит рядом. Синие глаза с тревожными тенями в бездонных глубинах, смотрят мне буквально в душу. Очень уставшую за последнее время душу, надо сказать.

— Привет, — пытаюсь ему улыбнуться... и понять, почему я настолько истощена. Даже думать тяжело... мысли, как вялые улитки ползут. Но картинки произошедшего всё равно всплывают в памяти. Воспоминания накрывают моё сознание удушливой волной. Дорога, карета, нападение, его поединок с миразу. Трясущиеся руки сами собой взмечтаются к широким плечам, сжимая. — Тай... ты... тебя не ранили?

Хочется немедленно убедиться, что с ним всё в порядке, но мой порыв подорваться с кровати, муж тут же пресекает, бережно, но неумолимо укладывая меня обратно.

— Тшш, всё хорошо. Это ты нас тут напугала своим обмороком и магическим истощением...

— Опять истощение, — обречённо вырывается у меня, и тут же прикусываю язык, осознав, что сболтнула лишнего.

— Опять? — прищуривается муж. — А когда был прошлый раз?

— Когда мы убегали из дворца Гедаша. И потом при нападении на караван... я прокляла кое-кого... — под этим грозным взглядом реально хочется втиснуть голову в плечи, хоть и не жалею я на самом деле ни о чём, разве что хотелось бы разумнее силы расходовать, но чего не умею пока, того не умею.

— То есть это уже третий раз за всё то время, что ты в этом мире? — интересуется мой тиран благоверный подозрительно ровным тоном, который в сочетании с опасным блеском синих глаз заставляет нервно ёжиться.

— Тай, не рычи на девочку. Я тебя не для этого попросила её разбудить, — прерывает наши гляделки незнакомый женский голос, в котором слышится мягкая ирония.

Мой муж вздыхает и закрывает глаза, явно пытаюсь успокоиться. Прижимается лбом к моему, не позволяя поискать взглядом эту непонятную незнакомку. А мне очень хочется узнать, при ком он настолько откровенен.

— Извини. Я... очень испугался за тебя. И мысль, что ты уже дважды до этого переживала подобное состояние... а меня даже не было рядом. Обещаю, этого больше не повторится, — выдаёт он многозначительно, а потом, поцеловав, отстраняется. — И да, к тебе пришла... целительница.

— К-хм, спасибо, но я в порядке. Мне не... — по привычке пытаюсь я отказаться, но Тай накрывает мои губы пальцем, прерывая на полуслове.

— Тшш. Это лучший целитель, которого я знаю. Мне... очень важно убедиться, что с тобой всё в порядке. Не спорь, Рами.

На этот раз прищуриваюсь я. Ну и как при такой постановке вопроса спорить?

— А тебя уже осматривали? Чтобы я убедилась в твоей целостности и сохранности? — вскидываю бровь и слышу смешок где-то рядом с кроватью.

— Тай, позволь мне наконец познакомиться с твоей женой. Я надолго её не займу, потом помилуетесь. Иди лучше... с отцом пообщайся. И с Коримом. Они оба хотят от тебя подробностей, — в поле моего зрения появляется красивая темноволосая женщина с лучистыми светло-кариими глазами, напоминающими топлёную карамель.

Высокая замысловатая причёска, драгоценности, серебряная вышивка на тёмном пурпуре роскошного платья с корсетом и пышной юбкой, явно не босварийского кроя, величественная осанка и чувственная зрелая женственность в каждом движении. Вот ни капельки не похожа на лекаря. Её губы изгибаются в ироничной усмешке, а внимательный и пронизательный взгляд не оставляет сомнения, что меня сейчас тоже скрупулёзно и тщательно изучают. Пожалуй ещё более тщательно, чем я её.

— Здравствуй, Рамина. Твоего супруга я обследовала лично и даю слово, что он цел и здоров.

Облегчение накрывает с головой, хоть я и не уверена по душе ли мне то, что моего мужа обследовала эта красавица, будь она хоть трижды целительница. Да и вряд ли намного его старше. Но все эти глупости мигом вылетают у меня с головы, потому что есть ещё один человек, о котором я безумно беспокоюсь.

— А Ляля? — вырывается у меня тревожное. — Что с Лалерин? Вы смотрели её? Она...

— С ней всё будет в порядке, — успокаивает меня незнакомка. — Девочка сейчас спит в соседних покоях. С ней хоаль Гапка. Когда придёшь в себя полностью, сможешь проведать её. А сейчас... — она выжидающе смотрит на Тая.

Тот окидывает её не самым довольным взглядом, но поднимается с кровати, уступая место рядом со мной. Целует меня в губы ещё раз, потом внезапно нежно обнимает целительницу и чмокает её в макушку. И прежде, чем я успеваю закипеть, взрывает мой мозг:

— Я ненадолго, мама. И всё мне расскажешь, хорошо? Никаких женских секретов.

И уходит. Просто берёт и уходит. Оставляя меня наедине с... королевой Сэйнара и моей... капец я попала... свекровью.

Это его... мама? Точнее мачеха, он ведь говорил, что мать умерла, когда ему было десять. Наверное, моё лицо выглядит уж слишком ошарашенно, потому что... королева с лёгкой досадой качает головой.

— Это у Сэйнаров семейное, привыкнешь, — со смешком сообщает мне. — Не злись на Тая. Я сама попросила его пока не говорить тебе, кто я.

— Почему? — вскидываю я брови.

— Хотела познакомиться с тобой в более непринуждённой обстановке, — хмыкает она.

Ага-ага. Рассмотреть невестку вблизи, так сказать. Понять можно.

— Тогда почему он сказал? — непонимающе хмурюсь. Нет, хорошо, конечно, что хоть так сказал, но...

— Почувствовал твою ревность, — пожимает она плечами, задорно улыбаясь. — Не ожидала, честно говоря. Благодарю за своеобразный комплимент.

— Вы... тоже эмпат? — обречённо интересуюсь я, закрывая глаза. Пытаюсь вспомнить, не чувствовала ли чего-нибудь предосудительного, но в голове полная каша.

— Да, — спокойно подтверждает моя свекровь. — Позволишь тебя обследовать? Тай себе места не находил из-за того, что ты так долго не приходила в себя.

— Да, конечно. А... Насколько долго? — тут же распахиваю я глаза обратно.

— Сейчас поздний вечер, — сообщает королева и кладёт мне на лоб свою светящуюся ладонь. — Как ты себя чувствуешь? Кроме усталости, ещё что-то беспокоит?

Ого. Целый день почти в отключке валялась.

— Нет. Даже голова не болит, как в прошлый раз, — прислушавшись к себе, отвечаю ей. — А где мы сейчас?

— В столичном дворце Корима. Прибыли порталом пару часов назад.

Хорошо. Значит всё сложилось, как должно было. Расслабляюсь немного, из-под полуприкрытых век, наблюдая за своей свекровью. Она сосредоточенно хмурится, проводит второй ладонью над моим телом.

Полагаю, что в ближайшем будущем меня ждёт и знакомство со свёкром, и общение с дядей Мирэн. И визит к королю Босварии. Где только на всё это сил набрать? А семье Тайрэна ведь понравиться хочется, если это возможно. Пытаюсь понять, как ко мне относится сидящая рядом женщина. Наши взгляды встречаются, она вопросительно вскидывает брови, заметив мой интерес.

— Ваше величество, я...

— Нэлли. Можешь обращаться ко мне по имени. — Она понимающе улыбается. — Наверное, ты сейчас накручиваешь себя по поводу нашего знакомства. Тебе нечего бояться. Я рада, что мой сын нашёл свою судьбу, пускай даже таким необычным образом. Больше всего я желаю ему счастья. Вы любите друг друга, и для меня это главное. И для его отца тоже, хоть он, возможно, это и не признает вслух.

— Вы знаете, кто я? — в некотором ошеломлении тихо спрашиваю я. Это всё звучит, конечно, замечательно, но как-то не сочетается с моими представлениями про королевские семьи и браки.

— Да, Рамина, знаю, — улыбается она. — И отлично представляю, что ты сейчас чувствуешь.

— Откуда? — вырывается у меня недоверчивое.

Она задумчиво хмурится. Пару секунд молчит, будто с мыслями собирается. И наконец произносит.

— Что ты знаешь о матери Тая?

— Что она умерла, когда ему было десять, — осторожно произношу я. Остальное упоминать точно неуместно.

Королева кивает, уголок губ дергается в грустной усмешке.

— Да. Королеву Тэрэсу отравили. И в её тело пришла другая душа.

Другая душа. В тело... от осознания, что именно она мне сказала, я широко распахиваю глаза, таращась на сидящую передо мной женщину.

— Вы... это была ваша душа? — выдыхаю в полном шоке.

— Да. Я пришла из того же мира, что и ты. А Таю после этого начали сниться сны. Про тебя.

Так вот почему он говорил, что смерть матери стала причиной нашего знакомства. Выходит... он действительно совершенно точно знал, что переход реален. Потому что... боже, в голове не укладывается... в тело его матери пришла попаданка. У-у-ух, это... у меня просто слов нет. И ведь опять ничего не сказал. Конспиратор. Хотя это ведь не только его секрет.

— А... о том, кто вы на самом деле, многие знают? — немного придя в себя, спрашиваю я у внимательно наблюдающей за мной королевы.

— Немногие. Муж, Тай. Главный безопасник Сэйнара, который является нашим другом и был наставником для меня и Тая. Его жена. И теперь ты, — улыбается мне её величество. — И, как ты понимаешь, будет лучше, если про твою настоящую личность тоже будет знать, как можно меньше людей.

Это я как раз понимаю.

— Там, во время нападения. Мои способности видели все. И принц Корим, и все кто был с ним, и остальные, — в памяти отчётливо всплывает, что я буквально разорвала заклинание Рифата. Вряд ли Мирэн такое могла бы сделать.

— Об этом не волнуйся, — слышу я внезапно голос Тая. Вскидываю голову и замечаю его в дверном проёме. — Понять природу твоей силы не так просто. Что касается видений, то их сложно с чем-то спутать. А вот то, что ты сделала там на дороге вполне можно было принять за магический срыв.

— Магический срыв? — вскидываю я недоумённо брови. — Это как нервный?

— Почти, — вместо мужа мне отвечает свекровь. — Если силу постоянно подавлять, как происходит с большинством девушек в Босварии, то от сильных переживаний, во время смертельной опасности, или угрозы жизни близкому человеку, например, может произойти неконтролируемый выброс стихийной магии. И чем больше дар, тем серьёзнее последствия.

— Но я контролировала себя, — возражаю тихо.

— А никто этого доказать не сможет, — улыбается мне Тай. А потом переводит взгляд на её величество. — Мам, что скажешь?

— Всё хорошо, сын. Восстановление идёт в хорошем темпе. Немного побережься и сила быстро вернётся. Никаких физиологических проблем, кроме упадка сил, я не увидела. Остатков яда в крови тоже не наблюдается. Как и последствий перехода. Можешь быть спокоен.

Он выдыхает с явным облегчением, а я невольно закатываю глаза. И блаженно улыбаюсь. Вот ведь... параноик заботливый.

— Рами, с тобой очень хочет пообщаться принц Корим. Сможешь с ним поговорить? Я буду рядом, конечно же.

Глава 23

К разговору с дядей Мирэн меня готовили, как партизана к допросу. Пока свекровь помогала одеться в один из купленных в Рахаше нарядов, муж проводил инструктаж. Кратко рассказав, что про мой срыв Кориму уже в красках поведали, посоветовал объяснить похищение Ляли тем, что Рифат шантажировал меня её безопасностью, заставляя согласиться на брак с ним. Доказать обратное уже невозможно, а с учётом всего, что начало вскрываться с его смертью, это будет вполне похоже на правду. И, по сути, моё видение можно так интерпретировать, так что это не будет заведомой ложью с моей стороны, а, значит, босвариец её не почувствует.

— А как объяснить нашу встречу? — её величество, как раз натянула на меня мягкий белый, расшитый синими цветами каптан, усадила на резной стул и принялась расчёсывать и заплетать мои волосы. Очень нежно и бережно. Спать ещё больше захотелось.

— Тебе никак. Ты бежала в Обитель от миразу и отца. Что будет дальше, не знала. Планировала связаться с ним и дедом. И совершенно не ожидала нашей встречи. Я сам всё объясню. Для Корима главное понять, что моей женой ты стала добровольно, — Тай склоняется ко мне и мягко целует в губы. — Не спи, малыш.

— Не сплю, — бормочу, тяжело вздыхая. А так хочется. И чтобы он рядом. — Мне надевать карилью?

— Хочешь? — иронично изгибает он бровь.

— Жить без неё не могу, — фыркаю.

— Тогда, как твой муж, разрешаю... надеть, — смеётся бессовестный.

— Я, пожалуй, откажусь. Думаю, после мужской одежды мою честь уже ничто не спасёт. Прогодавал ты, надо было наложницей меня брать.

— Одно другому не мешает, — подмигивает мне и тянет за руки, помогая встать. — Пойдём. Нас ждут.

— Там будет и твой отец? — доходит до меня.

— Да, — кивает муж и увлекает на выход. Его мать идёт следом.

Страшно. Её величество своими откровениями и оказанной поддержкой немного успокоила мои тревоги, дав почувствовать, что помимо любви к Тайрэну у нас есть и ещё кое-что общее. Всё-таки узнать, что она такая же попаданка, как я, было ошеломляюще и... хорошо. Это хорошая заявка на взаимопонимание со свекровью. А вот, как отнесётся ко мне король? Может я своим появлением нарушила какие-то его планы. Может Тай пошёл на конфликт с ним из-за меня. Очень страшно.

— Не бойся, — сжимает мою ладонь королева. Они с Тайрэном шагают по обе стороны от меня, будто оберегая. Непривычно. И в моём обессиленном состоянии особенно приятно. И чего я раскисаю? Справлюсь. Мой принц выбрал меня. А я его. Остальное побоку.

Дворец Корима чем-то напоминает тот, из которого я сбежала. Но атмосфера чувствуется совершенно другая. Особо рассматривать коридоры, которым меня ведут, сил нет. Они все уходят на то, чтобы переставлять ватные ноги в мягких домашних туфлях.

— Я бы отнёс тебя на руках, но боюсь, что ты так сразу же уснёшь, — с сожалением произносит Тай, обнимая меня за талию.

— Ты прав, усну. И не проснусь. До послезавтра, — киваю согласно. — Не волнуйся. Я в порядке.

В ответ он подносит мою ладонь к губам и нежно целует.

В просторной гостиной, куда меня привели, нас встречает уже знакомый мне высокий жгучий брюнет, некоторое сходство с которым я наблюдала в зеркале, и ещё один мужчина. Старше. Мощнее. Даже в том состоянии, в котором я сейчас нахожусь, не почувствовать, насколько подавляющая аура власти и силы витает вокруг него, просто невозможно. Даже не будь он настолько похож на моего мужа, ошибиться в том, что это и есть король Сэйнара, очень проблематично. Оба поднимаются нам навстречу, внимательно изучая... меня. Мелькает мысль, что я должна поклониться, но рука Тайрэна сжимается на моей талии, прижимая ближе. Собственнически. Демонстративно. Похоже, соблюдения этикета от меня сейчас не требуют. Откуда-то приходит знание, что все, кто здесь присутствует, хорошо знают друг друга. Вспоминаю и слова Гапки о том, что Корим сильно поддерживает союз с Сэйнарами, и то, что мой муж о нём говорил, как о близко знакомом человеке.

Отец Тая остаётся на месте, наблюдая издалека, хотя его пристальное внимание я тоже остро ощущаю. Принц Босвари подходит ближе. Проницательные глаза замечают и наши с мужем переплетённые пальцы и то, что я всем телом опираюсь на него, дабы ноги не дрожали.

— Здравствуй, Мирэнхаш. Как ты себя чувствуешь?

— Здравствуйте, дядя. Ммм... хорошо, — в последнем я откровенно преувеличиваю, но пускай. Правду говорить не тактично.

— Извини, что не дал тебе возможности отдохнуть, настояв на этом разговоре. Но его величество Ардорах ждёт нас завтра во дворце и мне бы хотелось сначала разобраться в ситуации.

То есть решить, чью сторону принять. Из-под полуопущенных ресниц рассматриваю мужчину. Красив. Зрелой мужественной красотой. На вид около сорока. Благородное скуластое лицо, пронзительные внимательные карие глаза, аккуратная борода. Весь в чёрном. Хищная уверенная грация воина.

— Я всё понимаю. И очень благодарна за вашу помощь, — улыбаюсь ему неуверенно. Гапка говорила, что принц Гедаш не позволял своим детям, особенно дочерям, сближаться с остальной королевской семьёй, так что Корим вряд ли хорошо знает племянницу.

— Я хочу, чтобы ты понимала, что я в первую очередь хочу помочь именно тебе, — твёрдо произносит он, смотря мне прямо в глаза. — Что бы ты сейчас нам не рассказала.

А вот это приятно. Что он не врёт, я отлично чувствую. Значит, Тай в нём не ошибся. Но тем сложнее мне его обманывать. Нехорошо как-то. Но какой у меня выбор? Его попросту нет.

— Спасибо, дядя.

— Позволишь? — он протягивает мне руку, бросая предупреждающий взгляд на Тайрэна, чья рука сжимается на моей талии.

Я тоже поднимаю взгляд на него. Чувствую, что Мирэн точно бы спросила разрешение у мужа. Тай кивает, и я с чистой совестью вкладываю ладонь в руку «своего» родственника.

Корим отодвигает манжету, рассматривая моё запястье. Проводит пальцами по узору, изучая. А потом поднимает голову, и наши взгляды снова встречаются.

— Я хочу получить от тебя искренний ответ, Мирэн. Ты осознанно стала женой Тайрэна Сэйнара?

— Да. — Даже не зная, кто он на самом деле, я хотела быть его.

— Почему ты согласилась? Ты искала у него защиты?

Вот хорошо, что я сейчас такая заторможенная. Даже возмущение вялое получается и спрятать его несложно. Надеюсь.

— Я надеялась найти защиту у вас, — произношу медленно, взгляд Корима темнеет. Там сожаление и злость. Надеюсь не на меня. На всякий случай уточняю: — Я направлялась в Обитель, чтобы спрятаться там от отца и связаться с вами и бабушкой, потому что раньше не получилось... Отец все послания перехватывал. А женой Тайрэну стала потому, что люблю его.

— Любишь? — подозрительно вскидывает мужчина брови. За спиной напрягается в немом раздражении муж.

— Люблю! — твёрдо произношу, не отводя взгляд. Чтобы даже тени сомнений у «дяди» не возникло.

Он сужает глаза, всматриваясь в мои. И наконец удовлетворённо кивает.

— Рад это слышать, Мирэн. Тайрэн, полагаю, тебе не терпится представить жену своему отцу, — хмыкает Корим. И отступает в сторону, чтобы мы могли подойти к застывшему у кресла Яргарду Сэйнару. Суровому такому на вид, грозному. Смотрящему на меня с абсолютно непроницаемым выражением лица.

Ой, мамочки. Как в замедленной съёмке, я замечаю краем глаза, что свекровь проскользнула мимо нас, чтобы присоединиться к мужу. Тот, приобняв за талию, склоняется к ней, позволяя сказать что-то на ухо. Бросает на нас задумчивый взгляд.

— Ты прав, Корим. Действительно не терпится, — со смешком соглашается Тай. И увлекает меня вперёд к родителям, всё так же крепко придерживая за талию. Я бы даже возмутилась такой транспортировке, если бы имела на это силы. Может на это и расчёт? — Отец, познакомься, это моя любимая жена, которую я узнал, как Рами, а нашёл, как принцессу Мирэнхаш Босвари. Рами, это

мой отец, его величество Яргард Сэйнар.

На меня смотрят такие же синие глаза, как у Тая. В них такая же спокойная уверенная сила.

— Добро пожаловать в семью, девочка, — внезапно улыбается король с одобрением и шагает ко мне, чтобы запечатлеть на лбу отеческий поцелуй. — Я рад, что мой сын нашёл свою любовь и смог связать ваши судьбы.

Нет, он правда одобряет. Отчётливо чувствую это. Кажется, здесь я Таю проблем не доставила. Это хорошо.

— Спасибо, ваше величество. Рада познакомиться с вами, — склоняю голову, ощущая, как от облегчения слегка кружится голова. Даже глаза на миг закрываю, чтобы унять пляшущие пятна.

А в следующий миг меня подхватывают сильные руки мужа.

— Раз уж с приветствиями покончено, давайте перейдём к другим вопросам, — ровно замечает Тайрэн, прижимая меня к себе. — Как видите, Рами, едва на ногах держится. Ей нужно отдохнуть.

— Я не возражаю, — слышу я голос Корима. — И у меня первый вопрос. На который до сих пор не получил ответа. Почему ты зовёшь Мирэн этим именем? И как так получилось, что ты, сказав мне, что тебе нужно в Босварию по срочному личному делу, в результате женился на моей племяннице.

Я едва сдерживаюсь от того, чтобы не вскинуть брови с любопытством. Самой интересно, что Тай ответит. Тот задумчиво улыбается.

— Ты не поверишь, Корим. Но я понятия не имел, что еду искать твою племянницу, — хмыкает мой муж, усаживаясь в кресло. При этом даже не думая меня отпустить. Устраивает поудобней, так чтобы я могла положить голову ему на плечо. Ведь самое главное сказала. Остальное и без меня могут обсудить, если вдруг усну. А потом он неожиданно берёт и рассказывает почти правду. — Не знаю, как так получилось — не иначе, как Праматерь, постаралась — но мне уже некоторое время снилась прекрасная девушка. И в этих снах она назвалась Раминой. Мы виделись с ней почти каждую ночь. Я сам не заметил, как полюбил её, чувствуя, что она моя. Но девочка не говорила, кто она и где её искать. А незадолго до твоего приезда в Сэйнар призналась мне, что в смертельной опасности. И сны прекратились. Мне ничего не оставалось, кроме как обратиться в Храм Праматери и к самой Богине. А та сказала, что свою судьбу я найду в Босварии среди паломников, которых ты мне помогал искать. Так что, извини. Не мог я тебе сказать того, чего сам не знал.

Ого. Не знаю, додумалась ли бы я до такого? Разве в это поверят? А с другой стороны, Богиня у них тот ещё массовик затейник. Бросаю осторожный взгляд на Корима. Тот сидит совершенно ошарашенный.

— Это правда, Мирэн? Он тебе тоже снился? — в полном шоке уточняет у меня.

— Да, дядя, — смиренно киваю. Ещё как. Щёки невольно краснеют.

Принц Босварии шумно выдыхает, потирая лицо. А я своё с чистой совестью прячу у мужа на груди. Глаза тут же начинают слипаться. Как же спать хочется.

— Обязательно расскажете это моему отцу. Он будет безумно счастлив узнать, что сама Богиня приложила руку к союзу, которого он так давно хотел, — наконец выдаёт Корим. — Ла-а-адно. С этим разобрались...

— А с остальным предлагаю разобраться без Мирэн, — чутко улавливает мой предел любимый муж. — Моей жене необходимо поспать. Про её помолвку с Рифатом можешь расспросить няньку. А про визит к королю она сейчас всё равно ничего не запомнит. Обсудим это лучше утром.

Как же я тебя люблю. Особенно, когда ты такой властно заботливый. По крайней мере, сейчас. А завтра ни за что не признаюсь. Чувствую, что на мне скрестились взгляды всех присутствующих. Неа. Больше не разбудите. Батарейка села.

— Ты прав, — сдаётся Корим, поднимая руки. — Забирай девочку, пускай отдыхает. А мы с твоим отцом обсудим детали союза наших семей, раз уж нам-таки довелось породниться. Да ещё таким неожиданным образом.

Яргард иронично хмыкает. Тай с тихим смехом качает головой. И поднимается с кресла со мной на руках.

— Смотри, Корим, как бы не аукнулось.

— Посмотрим, Рэн, — многозначительно ухмыляется тот.

Надо будет спросить, о чём это они. Мысль мелькает в голове и развоплощается подобно остальным, становясь частью укутывающей меня полудрёмы. Я ещё слышу, как прощается до утра со всеми Тай, и засыпаю, убаюканная мерным биением его сердца под ладонью, когда он уносит меня из комнаты.

На этот раз я просыпаюсь от того, что мне жарко. Что-то тяжёлое давит на грудную клетку, а спина словно к печке прижата. Щека, кстати, тоже. Кажется, я сплю на плече у Тая. Его дыхание шевелит волосы на затылке, а хватка сильных рук становится крепче, как только я пытаюсь немного поменять положение. Замираю, смакуя это ощущение. Мне до сих пор сложно поверить, что мужчина, о котором я мечтала всю свою сознательную жизнь, действительно рядом со мной. Реальный. И очень даже материальный. И с каждой секундой всё более возбуждённый.

— Доброе утро, жена, — этот низкий тихий голос, с хрипылыми нотками, мигом доводит меня до оргазма кожи, когда все волоски на теле становятся по стойке смирно, заставляя зажмуриться от лёгкой дрожи блаженства. Ну вот как он это делает? Я от одной этой фразы и его присутствия уже на взводе.

— Доброе, — мурлычу потягиваясь в любимых руках. Чувствую, как упирается мне в ягодички кое-что очень твёрдое, горячее и бодрое.

— Как ты себя чувствуешь? Выспалась? — нежные губы скользят по краю уха, зубы прихватывают нежно чувствительную плоть. Большая ладонь смещается, накрывая ноющую грудь, сминая, заставляя меня задыхаться и таять. Шершавые пальцы обводят ареолу, сжимают сосок, причиняя сладкую боль, электрическим током бьющую прямо в низ живота.

— М-хм, хорошо чувствую, — мне просто безумно... хорошо. Больше не ощущаю себя выжатым лимоном, силы почти восстановились. Но об этом я думаю в последнюю очередь. Мужские руки уверено наполняют негой моё ещё вялое ото сна тело, чертят обжигающие узоры, пробуждая.

Я не скрываясь, постанываю, подчиняюсь этим рукам, его воле. Поворачиваю голову, подставляясь под лишающие разума поцелуи, раскрываюсь и прогибаюсь, как ему удобней, а у самой под закрытыми веками уже искры пляшут. Плавлюсь в нашей совместной страсти, забывая, как дышать. Люблю его каждым своим вздохом.

Жёсткие пальцы проникают туда, где всё уже влажно для него, и я сама отвожу ногу, чтобы получить ещё больше его прикосновений, этого порочного скольжения, и жёсткой ласки, от которой сводит всё внутри.

— Та-а-ай, — выдыхаю, запрокидывая голову ему на плечо, и едва не кончаю, когда он врывается внутрь моего тела двумя пальцами. Обводит языком моё пылающее ухо, толкается языком и одновременно пальцами там внизу. И накрывает ладонью беззащитную шею, продолжая бесстыдные ласки.

Меня уносит волной удовольствия. Тело изгибается и дрожит. Жадно хватаю ртом воздух, зажмуриваясь до звёздочек перед глазами. А в следующий миг муж переворачивает меня на живот, нависая сверху. Тянет резко за бёдра, вынуждая встать на колени, выпятив попку. Разводит мои ноги, открывая для себя. Я чувствую, как головка его члена скользит по моей промежности, раздвигая мокрые губки, задевая пульсирующий клитор, проникает внутрь, медленно неотвратно. Мне хочется податься ему на встречу, но жёсткие ладони твёрдо фиксируют мои движения, и я могу лишь тяжело дышать, содрогаясь от возбуждённого им голода. В добровольном плену его тела и собственной жажды.

— Пожалуйста, Тай, — гортанно выдыхаю.

— Моя нетерпеливая девочка, — смеётся бессовестный садист, и одним толчком входит на всю длину, вышибая из головы любые связные мысли. — Моя сладкая, любимая жёнушка. Этого ты хочешь? — выходит и толкается обратно, растягивая, сводя с ума острым чувством наполненности и женской власти-беззащитности. И снова. Подчиняет моё тело заданному ритму.

— Да-а-а, — хриплю, сгребая пальцами простыни. — Да-а-а, Тай.

Его движения становятся быстрее, сильнее. Резче. Накрывает меня своим телом, скользит одной рукой на живот, лобок, снова находит клитор, нажимает, принимаясь кружить вокруг. Со всхлипом вздрагиваю под ним, извиваюсь, пытаюсь то ли избежать этой ласки, то ли выпросить больше. Ощущения становятся настолько острыми, что мне кажется, я не выдержу, что это слишком. Что-то ослепительное растёт во мне, грозя распылится на атомы, выбросить за пределы сознания. Жидкое пламя растекается по венам, и я становлюсь этим пламенем. Вместе с ним. Для него.

Вспыхиваю с гортанным вскриком, разлетаясь на тысячу пылающих осколков, чувствуя, как в последних толчках ко мне присоединятся муж. Спина выгибается дугой, вытягивается в струну, по которой раз за разом пробегает волны чувственной дрожи, становящиеся ещё ошутимей, когда Тай

проводит горячей ладонью по моему позвоночнику, целует между лопаток. Гладит, успокаивая, дыша так же тяжело, как и я.

— Порой я всё ещё боюсь, что проснусь и тебя снова не будет рядом, — тихо шепчу чуть позже, когда сердце уже не так громко грохочет в ушах, а дыхание выравнивается. Я снова в его объятиях. Нежные руки гладят моё тело, продлевая чувство сытой неги. И странно от того, что этого могло со мной никогда не быть.

— Я слишком люблю тебя, чтобы исчезнуть, — произносит он отводя от моего лица прядь волос. — Я всегда считал тебя своей. С самого начала наших совместных снов. Тот факт, что не мог до тебя добраться доводил меня до белого каления. Я искал варианты, расспрашивал у храмовников, читал воспоминания ещё одной попаданки, которая пришла из вашего мира...

— Стой. Что значит, ещё одной попаданки? — удивлённо поднимаю я голову. — Так это массовое явление?

— Нет, конечно. Ты — третий известный мне случай. По крайней мере я не нашёл информации больше ни об одном. А я, поверь, искал очень тщательно, — хмыкает муж, целуя меня в лоб.

— И кто она, эта третья? — скидываю я брови. Подумать только.

— Она уже умерла. В весьма пожилом возрасте, надо сказать, а попала в тело семнадцатилетней девочки, которая упала с лошади. Вышла замуж, родила дочь. Стала детской писательницей. Прожила интересную жизнь. У тебя, кстати, будет возможность познакомиться с её внучкой. Они с мамой близкие подруги.

И снова я в полном шоке. Вот так жила себе в своём мире и даже не представляла, что мой принц из снов ищет способ перетащить меня в свой. А если бы знала? До болезни. Согласилась бы? Если бы позвал... Может не сразу, но... Да.

Наши взгляды встречаются. Иногда я не верю, что мой муж не умеет читать мысли, настолько точно он умеет читать меня.

— Ты не говорил мне никогда об этом... я... думала... — умолкаю, тяжело вздыхая. Какая уже разница, что я там думала? — Так способ был?

— Был, — Тай хмурится. — Но он был неприемлем для меня. Потому что требовал жертвы от тебя.

— Какой? — кажется, я уже догадываюсь. Но всё равно нервно сглатываю.

— Жизни, Рами. Чтобы попасть сюда, ты должна была умереть там. Поэтому я и не говорил ничего. И решил, отпустить тебя, не держать больше этими снами.

В памяти всплывает смутное воспоминание о том сне, когда он узнал, что я больна. Его слова. Свою боль. И всё, что последовало за этим.

Я таки заплатила свою цену. Признается ли он когда-нибудь в своей?

— Нам пора вставать, — вздыхает. — Скоро надо отправляться во дворец к королю. Предстоит ещё одна битва. На этот раз дипломатическая. И нам всем надо обсудить этот визит. Корим пригласил всех на совместный завтрак.

Вчера я думала, что уже отбоялась. Всё-таки, больной на всю голову Рифат мне представлялся более опасным врагом, чем «папенька» Гедаш. Но вот с Рифатом покончено. Я даже пережила знакомство с родителями мужа. И что? Тревога опять мерзкой холодной змейкой заползает в душу, заставляя сердце сжиматься. Вздохнув, я прячу лицо у Тая на груди.

Сейчас. Ещё секунду. Наберусь от него сил и оторвусь, чтобы снова изображать сильную духом. Хуже всего то, что в предстоящей новой битве, как выразился Тай, я мало чем могу помочь. Разве что не отсвечивать и вовремя говорить то, что нужно с нужным выражением опущенных долу глаз.

— Рами, всё будет хорошо. Ардораш признает наш брак, и уже завтра я заберу тебя в Сэйнар. Просто доверься мне, — чувствуя мой раздрай, произносит Тайрэн.

— Я доверяю тебе. Абсолютно и полностью... Просто... я не привыкла перекладывать свои проблемы на чужие плечи. А получается, что только это и делаю.

— За «чужие плечи» отшлёпаю, — вполне правдоподобно обещает муж. Обхватывает моё лицо ладонями, заставляя посмотреть ему в глаза. — Ты — моя жена, Рамина! Моя! И «твоих» проблем больше не существует. Для их решения есть я. Если тебя что-то беспокоит, ты мне об этом говоришь. Если тебе что-то нужно, я тоже должен об этом знать. Договорились, любовь моя?

Буравит суровым взглядом, от которого мурашки бегут по коже. Хочется сразу всё рассказать, во всём повиниться и вымолить прощение. Даже если нечего и не за что. Надо срочно вырабатывать хоть какой-нибудь иммунитет, а то житья мне не будет с этой его манерой всё контролировать и командовать.

— Так точно, мой тиранистый господин, — фыркаю, быстро чмокая его в губы. — Включаю режим «нежная хрупкая фиалка». — И сразу же ускользаю из загребущих рук, чудом уворачиваясь от шлепка по мягкому месту.

— Тиранистый, значит? — хмыкает Тай, неспешно поднимаясь, следом за мной.

— Оч-чень. Я вся дрожу, — киваю с самым честным видом, и отступаю к ванной.

— Иди сюда, проверю, — вкрадчиво велит он.

— Неа, — мотаю головой и делаю героический бросок к нужной двери. И о чудо чудное, успеваю за ней скрыться. Есть у меня, конечно, подозрение, что мне дали приличную фору. Но я не принципиальная в данном вопросе.

Слышу весёлый смешок, прилетевший вдогонку, и невольно сама широко улыбаюсь. Настроение, как ни странно, действительно поднялось. Уже и к королю на приём не так страшно идти. Да и тревога понемногу утихает. Сыграю ещё раз тихоню Мирэн, за широкой спиной у мужа и всё. От меня не убудет. Главное результат.

На завтрак мы приходим, рассчитывая увидеть, что все уже собрались. Но оказывается, что хозяин дома пока отсутствует. И Мэл, внезапно, тоже. Однако, стоит нам сесть за большой овальный стол рядом с Кором, напротив родителей Тайрэна и мальчика лет десяти, оказавшегося принцем Дастианом Сэйнаром, как дверь снова распахивается, являя нашему взору какую-то морально взъерошенную Мэл. Несмотря на бесстрастное выражение лица, глаза у неё едва ли не молнии метают, губы припухшие, вид в этом форменном явно военном камзоле, откровенно воинственный. А руки сжимаются в кулаки так сильно, что даже костяшки побелели.

— Приветствую, ваши величества, ваши высочества, Кор, — склоняет она голову, уже собирается пройти к столу, как позади неё появляется Корим и застывает недвусмысленно близко от девушки.

И вот у «дядюшки» моего вид самый, что ни на есть удовлетворённый. Я в полном офигении замечаю, как поднимается его рука, чтобы обнять Мэл за талию, её тело подаётся к нему в непроизвольной реакции, а в следующий миг боевая подруга моего мужа со злостью отшатывается и идёт к столу, не позволив мужчине к себе прикоснуться. Принц Корим медленно опускает ладонь, потирая подушечки пальцев, провожает Мэл задумчивым взглядом, на губах появляется какая-то предвкушающая улыбка, а в следующий миг он наконец обращает внимание на всех собравшихся.

— Приветствую всех, — произносит. — Ваши величества, прошу простить моё опоздание, у меня возникли некоторые... непреодолимые обстоятельства.

Севшая рядом со мной Мэл, стреляет в него прищуренным взглядом, в котором густо смешаны злость, досада и... кое-что диаметрально противоположное, а мне в глаза бросается её шея и парочка весьма красноречивых пятен. М-да. Кажется, у кого-то была весьма бурная ночь. Какие страсти тут однако кипят.

— Ничего страшного, мой друг, — хмыкает король. — Обстоятельства действительно иногда бывают... непреодолимыми. Когда, говоришь, тебя ждать с ответным визитом в Сэйнаре?

— На этот вопрос я тебе пока ответить не могу, — Корим, как ни в чём не бывало занимает место рядом с Яргардом. — Обстоятельства иногда оказываются ещё и... упрямыми.

Они с Мэл не смотрят друг на друга, но искры всё равно так и летят. Девушка делает вид, что поглощена наблюдением за появившимися в столовой слугами. А босварийский принц неспешно рассматривает всех присутствующих за столом, особое внимание уделив маленькой, тихой и скромной мне. Потом он переводит взгляд на Тайрэна.

— Я утром получил послание от королевского лекаря. Отец сегодня чувствует себя довольно хорошо. Я бы не хотел, чтобы новости ухудшили его здоровье. Информация про миразу столицы пока не достигла. Мои люди взяли под полный контроль связь, янгарду и порталы в Рахаше. У нас есть возможность изложить свою версию событий до того, как со своей к нему придёт Гедаш.

— Старик не выдаст нас? — интересуется Тай.

Я не сразу улавливаю, о ком речь, но ответ Корима, заставляет вспомнить, к кому мы собственно направлялись. Значит-таки добрались до старого порталщика.

— Нет. Хали Юзэф, как и все личные слуги короля, беззаветно предан отцу. Я поговорил с ним, он поклялся, что от него информация не просочится. Кстати, интересовался, не поделишься ли ты наработкой и схемой своего заклинания. Его впечатлило то, какой силы плетения можно создавать в замкнутой цепи, — бросает хитрый взгляд на моего мужа возможный будущий король Босварии.

— Нет, Корим, извини. Я уже обещал эту наработку близкому другу в качестве свадебного подарка, — хмыкает многозначительно будущий правитель Сэйнара.

И вот откуда-то я точно знаю, что он говорит о Мэл. И свадьбу тоже совершенно определённую имеет в виду. Губы девушки изгибаются в саркастичной улыбке, в которой так и читается, что этой наработкой принцу Кориму не видать, как собственных ушей, даже если эта свадьба состоится. Тот же отвечает ей снисходительным и многообещающим взглядом, отчего наша блондинистая фурия вспыхивает аки маков цвет. М-да.

Слуги подают завтрак на стол. И я временно обращаю всё своё внимание на ароматные блюда, чувствуя, что ещё немного и мой желудок сам себя переварит. Всё-таки почти сутки ничего не ела. Разговор за столом перескакивает на другие темы, моего активного участия в нём никто не требует, так что у меня появляется прекрасная возможность насладиться восхитительным завтраком, заодно слушая, наблюдая за всеми и делая нужные заметки в своей голове. И набираясь сил. Они мне сегодня определённо понадобятся.

Глава 24

Первый мой портал в этом мире был для отвода глаз, второй я не помню. Зато в третий я шагнула в здравом уме, твёрдой памяти, и почти самостоятельно. Плечи мои сжимал в стальной хватке любимый муж, так словно я от этого портала бежать собираюсь. Хотя, признаться, меня такая мысль посещала. И мандраж имел место быть. Вот Тай и позаботился в своей манере. Эх, тяжело быть с эмпатом. Или наоборот хорошо. Тут с какой стороны посмотреть. Пресловутая мужская невнимательность к женским чувствам моему супругу точно не свойственна. Да и чувства ведь не мысли. Приспособимся.

— О чём задумалась, душа моя? — прижимается губами к моему скрытому карилей уху этот самый супруг, как только мои коленки перестают дрожать от ни с чем несравнимого ощущения, которое только что довелось пережить. Не сказать, чтобы было так уж страшно, но и приятным новый опыт назвать трудно.

— О том, как секреты от тебя держать, господин моего сердца, — подхватываю тон мужа, изображая трепетную лань с глазами долу.

Мы стоим рядом с аркой портала в королевском порталном зале и ожидаем, когда переход совершат его родители и Корим. Кор, Мэл и парочка телохранителей прибыли ещё раньше нас и теперь застыли рядом, сканируя взглядами дворцовых служащих и стражу.

— Хм, обязательно поделишься своими идеями. Мне очень интересно, — со смешком шепчет мне на ухо Тайрэн, наблюдая за тем, как из арки появляются сначала его отец с матерью, а вслед за ними принц Босвари.

Пока мы собирались да наряжались, мне уже объяснили, что поскольку Ардораш болеет и все дипломатические визиты отменены, этот визит королевской четы Сэйнара в Босварию не считается официальным, иначе нас тут бы приветствовали со всеми почестями, которые сейчас совершенно излишни. А так его величество может себе позволить встретить гостей в своём собственном кабинете в присутствии личного лекаря, на чём настоял Корим. Тот, кстати, и мою свекровь попросил присмотреться к пожилому монарху. Тай не просто так называл её лучшим целителем, из тех, которых он знает. Дар у неё такой. От Богини. То, что старый монарх не хочет выглядеть слабым, это как раз совершенно понятно.

И вот все в сборе. Корим с Яргардом и Анэллеей Сэйнар выходят из зала первые, мы с Таем идём следом. По бокам от нас почему-то телохранители. Мне их представили, как Герона и Вайса. Замыкают шествие близнецы. В босварийском наряде идти не очень удобно. Юбка довольно узкая и приходится едва ли не семенить, поспевая за мужем. Но это не мешает мне с любопытством оглядывать коридоры дворца. И ловить удивлённые взгляды редких встречных. Узнать принцессу Мирэнхаш в закрытой роскошной кариле почтенной знатной хоаль они точно не могут, но сам факт того, что за руку с сэйнарским принцем, как жена, идёт босварийка, уже вызывает взрыв любопытства, шепотков и пересудов за нашими спинами.

Ой, чувствую, что «папенька» Гедаш очень скоро узнает о происходящем. Да и вообще чувствую себя оч-чень странно. Словно пришла именно туда, куда должна была прийти.

Это ощущение не исчезает, а наоборот только усиливается, по мере того, как мы приближаемся к кабинету короля Босварии. Глаза отмечают богатое изысканное убранство, руку сжимает сильная мужская ладонь, даруя чувство безопасности и уверенности, а душа странно дрожит в ожидании неизвестно чего. И нет тревоги. Только предчувствие предначертанного.

Вот уже яншары в парадных жупархах распахивают настежь массивные резные двери, пропуская нашу процессию в королевскую приёмную. Вот перед моими свёкрами склоняется в поклоне невысокий щуплый мужчина, приветствуя. Вот он открывает кабинет и я, почему-то затаив дыхание, вижу у большого дубового стола высокого, хоть и измождённого на вид, но статного старика в чёрной с золотом одежде, опирающегося на элегантную трость. Знаю, что это дед Мирэн, ещё до того, как начинают звучать приветствия. Просто смотрю и понимаю, что должна была прийти именно сюда, именно к нему. Да я шла в этот мир к Таю, но больше всего нужна этому больному пожилому человеку, несущему непомерную, хоть и заслуженную ношу.

— Отец, — склоняется Корим и занимает место по правую сторону монарха, который обводит нас всех внимательным взглядом.

Замечает меня. Бровь дёргается, и в усталых пронизательных глазах зажигается удивление.

Я замираю рядом с мужем, испытывая одновременно и желание спрятаться за его спиной и потребность подойти к хозяину кабинета, чтобы разобраться наконец в своих ощущениях.

— Приветствую, Ардораш, — склоняет учтиво голову отец Тайрэна. — Благодарю, что согласился

встретиться.

— И я тебя приветствую, Яргард. Прелестная Анэллия, твой визит столь же приятен, как и неожидан. И Тайрэн, не расскажешь, что за юная особа держится за твою руку, как жена, и почему она мне кажется столь знакомой?

Тай в ответ на прозвучавший вопрос за руку увлекает меня вперёд, пока мы не оказываемся перед старым монархом. Вот сейчас и решится, чью сторону примет дед Мирэн, и не спровоцирует ли мой приход в этот мир новую вражду между двумя королевскими домами. От волнения даже дыхание спирает, и я отчаянно цепляюсь за руку мужа, черпая в нём силы.

— Мой венценосный брат, ты не раз намекал мне, что желал бы видеть моего сына мужем одной из твоих внучек, — внезапно произносит король Сэйнара, становясь по другую сторону от меня. На моё плечо опускается тяжёлая рука, легонько сжимая, словно поддерживая. Это для меня настолько неожиданно, что я едва сдерживаю удивлённый вздох. — Я же всегда отвечал, что мой сын волен выбрать себе жену по велению сердца. И сегодня я пришёл к тебе просить отпустить в наш род ту, которую он выбрал.

Ардораш удивлённо вскидывает брови, теперь уже откровенно буравя меня изучающим взглядом. Тай склоняет голову перед стариком.

— Ваше величество, я Тайрэн Сэйнар прошу вас благословить наш брак с вашей внучкой принцессой Мирэнхаш Сэйнар Босвари, как благословила нас Великая Праматерь.

— Мирэн? — хмурится недоверчиво король, делает нетвёрдый шаг ко мне, а я поднимаю руки и снимаю с лица карилью.

— Здравствуйтесь ваше величество, — кланяюсь ошарашенному Ардорашу. Смотрю умоляюще. Искреннее желая его благословения и помощи. — Простите мне моё своеволие, то, что я не подчинилась отцу, как должна хорошая дочь, и сбежала из дому. Но для меня было легче принять смерть, чем стать женой тому, кто замучил Сольхияль и стал причиной её смерти. Мне не позволили просить у вас защиты, и я... я надеялась найти спасение в Обители Праматери. Но в пути встретила того, кого полюбила. И стала ему женой.

Старик пошатывается, и к нему тут же подступает Корим, намереваясь поддержать, но Ардораш повелительно взмахивает рукой, останавливая сына. С минуту молчит, играя желваками и явно пытаясь сложить общую картину.

— Дочь моего сына сбежала из дому?! В Обитель?! От миразу? Так это тебя он ищет, поставив на уши всю янгарду?

Я покаянно киваю.

— Покажи запястья!

Понятливо протягиваю ему обе руки. Дед Мирэн тут же обхватывает правую крепкими пальцами, притягивая меня ближе, чтобы рассмотреть брачный узор. Это прикосновение обжигает страшным холодом обречённой судьбы целого рода, и я внезапно чувствую, как срывается с цепи мой, казалось бы, спящий после вчерашнего дар, открывая то, что мне положено знать. То, для чего Богине так необходима была сильная ведьма в этом мире. Я чувствую её присутствие рядом и нежное прикосновение к челу. Благословение.

Ты этого от меня ожидала, Праматерь? Ты поманила меня возможностью быть с тем, кого я люблю, дала то, за что я готова была бороться, чтобы я пришла к тому, чья жизнь нужна этому миру.

— Его жизнь почти прожита, — шелестит в моей голове знакомый голос, пробирая до дрожи. — Ты можешь спасти его потомков. Они нужны этому миру. Посмотри... Это твоё решение, ведьма. Всегда твоё.

Да. Только исходные данные ловко смоделированы ею. С учётом всех моих таракнов. Так, чтобы я не свернула с заданного пути.

— Мирэн, что с тобой, девочка? — вырывает меня из видения встревоженный голос Корима. И в тот же момент на моих плечах сжимаются руки Тайрэна.

— Простите. Я... — пытаюсь прийти в себя, но откат после видения настигает мучительной дрожью. То, чего хочет от меня Богиня, кажется почти неосуществимым. Где взять столько сил? Смогу ли? А у меня есть выбор? Она знала, что я не смогу оставить так, как есть. Приму нужное ей решение. Столько поломанных судеб уже случилось. Столько ещё может случиться. Я не могу... Я должна...

— Моя жена ещё не восстановилась после вчерашнего магического срыва, — твёрдо произносит

мой муж, прижимая меня к себе, под пристальным взглядом монарха и уводит к диванчику, позвав взглядом мать. Свекровь тут же заботливо обнимает меня и садится рядом. Я и не возражаю. Мне есть над чем подумать, пока мужчины совершают свои дипломатические пляски.

— Как видишь, Ардораш, их брак действителен и расторжению не подлежит, — твёрдо произносит Яргард. — Признаю, что мой сын крайне неуважительно поступил, женившись на Мирэн, без ведома её семьи, но у него была на то веская причина. Я надеюсь, ты позволишь нам объясниться.

— А если нет? — играя желваками, интересуется старый король. Я вижу, что ему плохо, но он не примет сейчас ничьей помощи. — Твой сын взял ту мою внучку, которую ему никто не предлагал. Она — дочь Гедаша. Он ни за что не признает этот брак. Ты хочешь, чтобы я пошёл против своего сына ради твоего?

— Брак уже состоялся. Дети любят друга. Наши семьи породнились, как ты и хотел. Это, конечно, тебе решать, Ардораш, как поступить в данной ситуации. Ты можешь отказаться от дальнейшего диалога, отречься от Мирэн и не признать их союз, но это не изменит того, что он уже свершился. Она — уже Сэйнар. Так решила Богиня. А можешь выслушать нас и рассудить по уму и совести. И получить крепкий союз Босварии и Сэйнара. Решай, мой венценосный брат, кого на этот раз слушать, — каждое слово Яргарда Сэйнара ощущается весомым, как гранитная скала. А последняя фраза и вовсе заставляет короля Босварии гневно дрогнуть.

Он тяжело опирается на трость. Думает пару секунд, плотно сжав губы, и наконец произносит.

— Когда-то я позволил Гельмуту стравить нас, посчитав тебя, мой венценосный брат Яргард, слишком юным и слабым противником. Я понял, что ошибся, слишком поздно, втянув наши страны в долгую кровопролитную войну. Ты прав, я действительно хотел союза мира между нашими семьями. И я готов выслушать твоего сына, но решение приму только получив всю информацию. Корим, помоги мне сесть. Я так понимаю, ты уже определился, чью сторону принять? И даже имеешь для этого веские аргументы?

— Конечно, отец, — спокойно отвечает ему сын, подставляя плечо. — Мне есть, что тебе рассказать.

Сидя рядом с матерью Тайрэна, незаметно обвожу взглядом кабинет и всех присутствующих. Близнецы и телохранители остались в приёмной, там же, наверное, и королевский лекарь обретается. Мой муж на пару с «дядей» принимают детально рисовать картину преступлений миразу Рифата, злключения бедняжки Мирэн, упёртости принца Гедаша, который в угоду собственным интересам то ли не верил в гнилость своего союзника, то ли не обращал на неё внимания. Хочется всё же думать, что не верил. В конце концов Корим делится результатами собственного расследования относительно смерти Сольхиаль. И по мере его повествования у меня волосы становятся дыбом, хоть я и видела уже это в своих видениях частично.

Оказывается, миразу был адептом запрещённого и многими забытого культа Тёмного Навия и практиковал магию крови, которая не даётся магам бесследно. Вот он и поехал кукушкой в жестокий садизм и всякие гнусные извращения. Давно и основательно. Но при этом гад был ещё и очень, слишком даже, умным и умудрялся тщательно скрывать свои магические изыскания, садистские наклонности и сексуальные пристрастия от окружающих, дослужившись до самых высот с чистой репутацией. Скорее всего в Босварии то, что происходит с женщинами за закрытыми дверями дома чаще всего никого не волнует. Миразу, конечно, многие боялись, считали ещё тем отморожком, но правды о нём никто не подозревал. Наложниц его никто никогда не видел и они свято хранили тайну своего хозяина, пока он был жив, связанные клятвами, страхом, а некоторые ещё и больной привязанностью к своему истязателю, считая его чуть ли не богом.

Люди Корима уже допросили женщин и слуг миразу, и принц теперь, играя желваками от бессильной ярости, доложил отцу, старательно подбирая слова, что Сольхиаль действительно подвергалась насилию и издевательствам, особенно в последние пару лет. И да он её не убивал лично. Сестру Мирэн убила его наложница от больной безумной ревности. Просто сбросила с балкона. Просто оборвала несчастной жизнь, оставив сиротой маленькую ни в чём не повинную девочку. Свою наложницу миразу в наказание заporол насмерть. И тут же посватался к Мирэн.

От услышанного буквально мутит. И не только меня. Я чувствую, как сжимает мою ладонь сидящая рядом мама Тайрэна, бледная, как полотно. Слышу, как судорожно она вздыхает, когда заходит речь об одержимости миразу бедняжкой Мирэн и о моём побеге. М-да, картина получается жуткая, если вдуматься, и это ещё без детальных подробностей.

А вдумываться я не хочу. Не хочу больше бояться. Потом! Потом пожалею бедняжку Сольхиаль, которую отдали чудовищу! Потом помяну слезами несчастную Мирэн, с которой пожелали поступить точно так же, а вот Тайрэну, надо же, никто не предлагал. И дед, увидев свою "внучку", даже не подумал обнять и пожалеть. Обо всём этом я подумаю потом, когда никто не увидит моей злости и слёз. Иначе быть этим Босвари проклятым ещё раз, а за это меня Праматерь по головке не погладит. И тот же Корим этого явно не заслуживает.

Пытаясь отвлечься от услышанного, я пристально наблюдаю за Ардорашем. Он слушает Тайрэна и сына внимательно, не перебивая, лишь изредка задавая уточняющие вопросы, выглядит суровым и собранным, а я точно знаю, что ему очень плохо. Лицо монарха всё более сереет, на лбу выступает пот, и дыхание сбивается. Кажется, это замечает и моя свекровь. Она решительно поднимается и идёт к мужчинам, обходит королевский стол под удивлёнными взглядами и останавливается рядом с больным монархом. Величественная и прекрасная в платье цвета вишни с серебряным узором, изящной короне на высоком челе, гордой осанкой и уверенным взглядом. Босварийки так вряд ли умеют.

— Ваше величество, можно вашу руку? — просит спокойно, бросая выразительный взгляд на Корима.

Старик раздражённо щурится, а потом понимающе усмехается.

— Исцелить меня хочешь, сиятельная Анэллия? Думаешь, тебе это под силу?

— Возможно, что и не под силу. Но сделать так, чтобы вы сейчас не свалились с новым сердечным ударом, я могу. Так можно вашу руку, ваше величество?

Ого как. Её голос тих, тон предельно учтив, лицо бесстрастно, но я буквально кожей чувствую, что моя свекровь кипит от ярости, тут и эмпатом быть не надо. Ардораш сердито поджимает губы, буравит её недовольным взглядом, и мне уже начинает казаться, что откажет, но в конце концов протягивает ладонь королеве Сэйнара. Та с принимает её с каким-то царственным достоинством, и взгляд женщины сразу туманится, мне даже кажется, что вокруг неё действительно появляется самое настоящее сияние. И сила. Она разливается вокруг прозрачными морозными узорами. Очищая. Исцеляя.

— Можешь не растрчивать так щедро свой дар, Анэллия, — устало бормочет старик, откидываясь на спинку кресла. — Меня убивает не болезнь.

— Отец? О чём ты? — вскидывается Корим. — Ты знаешь, в чём причина твоего недуга?

— Знаю, — губы монарха кривятся в болезненной гримасе. — Яргард, ты уверен, что хочешь принять в семью дитя проклятого рода?

В комнате воцаряется гробовая тишина. Кажется, что каждый вздох, каждый шорох слышен. И заполосный стук моего сердца, когда я, ведомая даром, поднимаюсь на ноги. Тем оглушительней звучит внезапный грохот распаиваемой двери.

— Отец, я требую объяснений!!! — врывается в моё одурманенное новым витком видений сознание ледяной голос вновь прибывшего. — Мне доложили, что Корим нашёл мою дочь и привёл к тебе, скрыв это от меня.

Так вот ты какой, Гедаш Босвари.

Он резко застывает, когда начинает узнавать присутствующих. Карие глаза, полные ледяного бешенства, чернеют, сужаются и их взгляд останавливается на мне.

— Ты!!! — рычит он в ярости. Рот кривится в злом пренебрежительном оскале, и мужчина резко устремляется в мою сторону, явно намереваясь проучить непутёвое с его точки зрения чадо.

Я не знаю, что он собирался сделать, я даже не успеваю испугаться, потому что передо мной внезапно вырастает массивная фигура Тайрэна, заслоняя от слетевшего с катушек принца.

— Гедаш, остановись!!! — звучит резкий окрик короля. Всккивает со своего места Яргард.

А отец Мирэн внезапно вскидывает руки в замысловатом жесте, и метает что-то сокрушительное в моего мужа. Тай принимает атаку на вспыхнувший металлическим бликом щит, уводит в сторону, а в следующий миг бьёт в ответ. А потом ещё раз, и ещё. Да с такой силой, что вскинутые Гедашем щиты на моих глазах разрывает на ошметки, а самого принца Босварии отбрасывает на несколько метров, впечатав в стену с отчётливым хрустом. В немом ужасе я наблюдаю, как мужчина падает на колени, и вскидывает ненавидящий взгляд, щерится разбитыми губами. Поднимается на ноги, шатаясь. Но всё равно делает шаг в нашу сторону.

— Уйди с дороги, щенок! Она — моя дочь, ты не имеешь на неё никаких прав!

— Она — моя жена! И если ты к ней хотя бы приблизишься, я тебя с полным правом сотру в порошок, — обещает Тайрэн с пробирающей до дрожи сталью в голосе, продолжая нерушимой стеной стоять передо мной.

— Жена?! — выплёвывает с кровью Гедаш. Останавливается, поворачивается к Ардорашу. Смеется

ядовито, качая головой. — Так вот к чему всё это было затеяно? Ты, отец, решил за моей спиной отдать её Сэйнару? Помогли девчонке сбежать, облив позором меня и мужчину, который просил её руки. А как же наши законы, ваше величество?

— Ты МНЕ напоминаешь про законы, сын? — в ярости поднимается на ноги король и на плечи словно гранитные плиты опускаются, а дыхание спирает от звенящей в воздухе силы. — ТЫ, отдавший собственную кровь на растерзание монстру? ТЫ, закрывший глаза на смерть Сольхиаль, и согласившийся продать этой мрази Рифату совсем ещё ребёнка Мирэнхаш, против её воли? Своего ребёнка!!! Запретивший ей просить помощи у меня, её деда? ТЫ будешь мне говорить о законах? Позволив травлю своей дочери янгардой, как преступницы, когда девочка просто пыталась спрятаться в Обители Праматери от произвола собственного отца?

Он говорит и каждым словом бьёт наотмашь. Давит силой так, что от страха выть хочется, и я утыкаюсь лбом Таю между лопаток, обхватывая его руками, чтобы сдержаться. Дышу глубоко, пытаюсь совладать с собой.

— Тайрэн Сэйнар, я благословляю твой брак с моей внучкой Мирэнхаш. Береги её так, как отец не берёг, — грохочет голос короля Ардораша. — И приношу свои извинения за нападение моего сына на тебя и твою жену. Ты вправе требовать любой компенсации. По древнему закону.

— Я требую отречения, — роняет новую бомбу Тайрэн. Спокойно так. Весомо.

Хватаю ртом воздух. Он серьёзно? Отречения от трона из-за нападения на меня? Или это лишь предлог, чтобы под шумок убрать неугодного Сэйнару претендента на трон Босварии? Он ведь это отречение имел в виду. Осторожно выглядываю из-за спины мужа и внезапно встречаюсь взглядом с Ардорашем. Целую секунду он смотрит на меня, и я вижу в его усталых глазах и боль, и вину, и сожаление. Вижу усталость и горе. Отчаяние. Но секунда проходит и передо мной снова суровый монарх.

— Что скажешь, Гедаш? — обращает он свой взор на застывшего статуей старшего сына. — Сохранишь честь рода?

— Скажу... Что мне вонзил нож в спину родной отец, — цедит сквозь зубы тот. — Я услышал много обвинений, но не увидел ни одного доказательства. Всё это выглядит, как ловко подстроенная комбинация, задуманная тобою, чтобы отдать трон Кориму. Ты ведь этого хотел всегда? И породниться с Сэйнарами всегда было твоим заветным желанием. Ты принимаешь помощь этой... коронованной ведьмы, — с ненавистью выплёвывает он, бросая взгляд на застывшую позади Ардораша Анэллию. Та смотрит на него в ответ и на её лице не дергается ни один мускул. А между ними что?

— Отец принимает помощь сильнейшего целителя Сэйнара, потому что больше никто ему не может помочь. Или твоя гордость настолько уязвлена, что тебе плевать и на это, брат? — холодно интересуется Корим. — Доказательства, я тебе предоставлю в полном объёме, протоколы допросов, факты, сведения. Твоя дочь Сольхиаль по твоей воле была замужем за магом крови и больным садистом, который измывался над ней всю их супружескую жизнь. А когда её убила его наложница, захотел получить и Мирэнхаш. Ты хотя бы потрудился спросить у дочери согласия, или просто поставил её в известность, что продал этому извращенцу?

— А ты, смотрю, потрудился вместо меня, брат? И компромат на неугодного тебе мирузу собрал. Небось уже и приказ арестовать отдал, от имени отца.

— Нет. Рифат был убит вчера, когда с отрядом яншаров напал на принца Тайрэна Сэйнара, его жену и спутников, — добивает Гедаша Корим. — Все клятвы, которые он принимал, стали недействительны. Так что за достоверность информации можешь не беспокоиться...

Он ещё что-то говорит, но я уже совершенно не вслушиваюсь. Мне даже плевать, верит ли ему Гедаш. Гнетущее чувство разливается в груди, словно туда кто-то обжигающе-ледяной воды плеснул. Мой взгляд находит Ардораша. Тяжело опираясь кулаками об стол, он внезапно начинает крениться. Измождённый и бледный, как смерть.

Мы с королевой Анэллией бросаемся к нему первыми. Но успевает подхватить отца Корим. Усаживает в кресло. К нему тут же склоняется моя свекровь, накрывая лоб и солнечное сплетение светящимися ладонями. А я подбегаю и осторожно беру морщинистую ладонь в свои руки. Ох. Страшно.

Свернувшийся вокруг короля матово-чёрный кокон проклятия пульсирует, поглощает последние силы старого мага, сжигает его, иссушая. Что я могу сделать? Как? Помогите, Праматерь! Научи!

— Мирэн... — сжимает он мои пальцы. — Прости, девочка.

— Прощаю, — шепчу и заглядываю ему в глаза. Ловлю угасающий взгляд. — Боритесь. Ваше

величество, отпустите его.

— Хочу забрать с собой, — едва шевелятся бледные губы. И я уже вижу, что он пытается сделать. Даже понимая, что это безнадежно, старый король всё равно надеется спасти свой род, забрав всё на себя. Тем самым укорачивая себе жизнь. А после его срыва... отсчёт уже идёт на минуты.

— Не надо. Я сниму. Дайте мне время.

Его глаза сужаются, разглядывая меня. Сейчас, находясь на грани между жизнью и смертью, он видит гораздо больше, чем кто-либо из присутствующих. Сейчас для меня не существует больше никого. Только тот, кому я обязана помочь. Это — моя истинная плата.

— Кто ты, девочка?

— Я — та, кого Богиня привела к вам, чтобы спасти ваш род. И я сделаю это, даже если придётся отдать все силы. Просто дайте мне время. Отпустите проклятие. Пожалуйста.

— Ведьма... Круг замкнулся... — потрясённо выдыхает, отпуская клубящуюся вокруг него воронку. Чёрные гнилые нити тут же устремляются к его сыновьям, оплетая их своей мерзостью, присасываясь к аурам магов.

— Да. Ведьма, — склоняю я голову. — Тай, короля нужно погрузить в воду. Проточную. Срочно. Помогите мне.

Мой муж возникает рядом и склоняется чтобы поднять Ардораша.

— Что происходит, Мирэн? — слышу я над головой голос Корима. Гедаш тоже маячит рядом. Стоит ли мой секрет их жизней?

— Мирэн умерла. Я за неё.

Глава 25

То, что происходило в следующие несколько часов, я не смогла бы связно описать, даже если бы меня пытали. Стоило королю Ардорашу позволить проклятию частично перетечь на сыновей, я все силы бросила на то, чтобы выворотить его жизнь у этой мерзости, отключилась от реальности и окружающих. Сообщив Тайрэну, что мне необходимо, я просто доверилась ему, зная, что он сделает, как нужно. Паническую мысль о том, сколько новых проблем я организовала своему мужу и его семье, тоже отодвинула на задний план. Потом подумаю, и может даже истерику себе позволю.

Вокруг меня что-то говорили, кто-то опять ругался, кто-то что-то объяснял. Голоса доносились, как сквозь толщу воды. Короля подняли и понесли, а я как привязанная поплелась следом, натыкаясь на всё подряд, пока меня не подхватили сильные руки, родные, не нарушающие моё с трудом удерживаемое внутреннее равновесие. Потом появилась вода. Много. Вынырнув на секунду из своего странного транса, я увидела огромный бассейн с фонтаном посередине. И Корима с Гедашем, которые вдвоём несли отца.

— Усадите его под поток воды... и держите... оба. Вы нужны ему... — потребовала я у босварийских принцев, вкладывая силу в каждое слово. Не таясь больше. — Тай,пусти меня к нему. И будь рядом, пожалуйста.

Потому, что ты нужен мне. Очень нужен.

А дальше была борьба. Я стягивала с короля гниль проклятия, сдираала её слой за слоем, вырывала с ключьями из его ауры, оплакивая вместо него всех Босвари, судьбы которым поломала эта мерзость. Я прощала его! Я прощала его предка, от имени той ведьмы, которая прокляла своего возлюбленного, умирая в родовых муках! Я прощала за то, что тот предал её любовь, уничтожил и растоптал, оставив с растерзанной душой и в горьком одиночестве. Я прощала весь его род за то, что гнобили моё племя. И я отчаянно желала дать им второй шанс. Снять проклятие. Чтобы любовь мужчин из этого рода больше не губила их и их возлюбленных. Я отчаянно хотела исправить, всё что наворотила одна из последних ведьм этого мира, проклиная этот род на много поколений вперёд и усугубляя вражду между магами и ведьмами. Дети не в ответе за деяния отцов! Я так считаю!!!

Не знаю, сколько времени прошло. Мои руки уже онемели. Тело ломит нестерпимой болью, пульсирующей в висках. А сердце истекает болью от того, сколько всего пришлось через себя пропустить, сколько силы отдать. Почти до дна. Но это не страшно. Откуда-то знаю, что прибудет ещё больше.

Обморок короля уже давно перешёл в крепкий исцеляющий сон. Шатаясь, я ещё нахожу силы взглянуть в лицо Кориму, снимая остатки тьмы с его ауры. Этому Босвари почти не досталось. Он и не любил ещё по-настоящему. Детей хотел очень сильно. Но его жена теряла одного за другим, пока отчаявшись стать матерью не приняла решение принять служение Праматери. Он отпустил её. Свою женщину встретил лишь сейчас и пока даже не осознал этого в полной мере.

А потом я шагнула к Гедашу. Почувствовала, как напрягся за моей спиной Тайрэн, но всё равно потянулась к его голове. Под пристальным немигающим взглядом пронзительных тёмных глаз.

— Она выпила яд, — прошептала я, комкая чёрные нити. Смотря в эти глаза, вбивая это понимание в его сознание. Заставляя почувствовать правду. Намеренно причиняя боль. — Боялась его. И вас боялась. Так боялась. Бедная несчастная девочка. Слишком слабая, чтобы противиться вашей воле. Чтобы бороться. Вы убили её, и Сольхиль тоже убили вы. Я не вам сейчас спасаю жизнь, а вашему сыну и его детям. У него ещё есть шанс стать лучше, не утонуть в своей ненависти, как это сделали вы, ваше высочество.

— Откуда бы ты не пришла... Ты ничего не знаешь обо мне, ведьма, — цедит он сквозь зубы.

— Знаю. Вы любили. И она вас любила. Так сильно. Её обещали вам в жёны. А потом отдали другому против воли.

— Нет! Она сама пошла. Предала, выбрала его... Яргарда Сэйнара. Пожелала стать королевой, а не женой принца, — шипит Гедаш с ненавистью, взлелеянной годами. Сломленный сейчас ею и тем, к чему она привела. Ни один Босвари не удержал любимую рядом за все эти столетия. Ни одна любовь не обернулась счастьем. Только болью. И смертью.

— Она не предавала вас, — устало выдыхаю я. — Не предавала. Она страдала и любила, даже когда ей сказали, что вы от неё отказались. Не верила до конца, пока не пришла к вам сломленная, умоляя взять хотя бы наложницей. Жену другого мужа, мужа которого она не смогла убить, как обещала своему отцу. А вы выгнали её. Выгнали. Предали.

— Я... — он мотает головой... задыхается, погружаясь в эти воспоминания. — Её отец сказал мне...

— Он обманул. Вас. Её. Её мужа. Сломал столько судеб.

— Зачем? — сужает глаза старший принц Босварии. Бледный. Убитый.

— Власть. Всегда власть. Он хотел стать регентом при Тайрэне. Править Сэйнаром через внука... или дочь.

Вокруг нас воцаряется мёртвая тишина, нарушаемая лишь шумом бегущей воды. И снова я исчерпала себя до дна. До ноющего опустошения. Хочу покоя. Хоть немножко. Так хочется думать, что на этом уже всё. Ведьма сделала, что должна. Ведьма может уходить?

— Я сняла проклятие. Ваш отец, узнав о нём, почти полностью взял его на себя, и это убивало его, подтачивая силы гораздо быстрее, чем могло бы, — произношу, отступая от Гедаша.

— Он будет жить? — тихо спрашивает Корим, не пряча надежду.

— Отпущенных ему лет осталось не так много, его величество многое отдал, чтобы оградить семью, но несколько лет у него ещё есть, — изображаю я бледную улыбку и делаю нетвёрдый шаг назад. Меня тут же подхватывают руки Тая. — Отнесите короля в постель, но перед этим ещё искупайте в чистой тёплой воде. Он будет долго спать. Так должно быть. И вы тоже потом... вода смывает всё лишнее.

Моё безвольное тело разворачивает в своих руках муж, и я послушно обнимаю его за шею, когда он склоняется, чтобы поднять меня на руки. Утыкаюсь мокрым лицом ему в плечо наконец позволяя себе расслабиться. Смогла. Смогла. Не иначе Богиня силами помогла. Сама бы я не осилила. Мне так кажется.

— Я отдам приказ, чтобы вам открыли портал в мой дворец, — слышу я голос Корима. — Он полностью в вашем распоряжении столько, сколько понадобится. И дай нам знать, когда можно будет с ней поговорить.

Опять разговоры. Устала я.

— На нас долг жизни перед тобой, ведьма, — каким-то неживым голосом сообщает Гедаш, наталкивая меня на мысль, что последнюю фразу я сказала вслух. — Уважай наше право его тебе отдать.

Ага, уважу... Может тогда вы уже все отстанете от меня. Какая-то очень бурная у меня новая жизнь получается. Что не день, то трэш и экшн. Придёт этому когда-нибудь конец?

И снова меня уносит прочь Тайрэн. В мокрой одежде, истощённую и опустошённую. Пустынными коридорами королевского дворца Босварии. Интересно, куда всех придворных и зевак подевали? Или это какая-то закрытая часть здания?

— Не жалеешь, что связался со мной? — шепчу, закрывая глаза.

— Я сейчас сделаю вид, что не слышал этого. Ты слишком вымотана, чтобы рассуждать здраво, — вздыхая произносит муж.

— Недостаточно вымотана, чтобы не осознавать, что приношу тебе одни проблемы. И чтобы не чувствовать, что ты злишься.

Он опускает на меня свой взгляд. Сердитый. Серьёзный.

— Я злюсь не на тебя.

— На Богиню? — от мысли, как он может воспринять в новом свете наше знакомство, мне становится дурно.

— Нет. Её я как раз могу понять. Она не может допустить ослабления королевских семей. Наша магия держит этот мир. Если для спасения Босвари ей понадобилась ведьма в этом мире, то я рад, что она выбрала именно тебя. Свою роль ты выполнила, теперь ты только моя.

Тайрэн говорит абсолютно искренне и прямолинейно. Но что тогда...

— На мать? — наконец доходит до меня. Он знал... или нет?

— Я никогда не мог понять, почему она поступала так со мной и отцом? Он отпустил её, поняв, что она не желала этого брака. Но мать вернулась, убедила, что желает быть с сыном. И каждый день травила меня ядом своей ненависти. Когда я был ребёнком, считал себя виноватым во всём,

искренне верил, что со мной что-то не так, пока не появилась Нэлли и не исцелила нас двоих, многое мне объяснив, дав почувствовать, что такое семья и настоящая любовь. Я думал, что забыл. Но понять и простить до конца так и не смог.

— Она была слабой и её сломали, — бормочу, опуская голову ему на плечо и снова закрывая глаза. Чувствую, что он отпускает свою злость. — Это проклятие. Её отец. Он заставил её поверить, что мужчина, которого она любила, предал её и отказался от неё. И Гедаш лишь подтвердил это своим поступком. Это — не оправдание, но... мне её очень жалко. Всех их.

— Поэтому Праматерь тебя и выбрала. За твой свет, — дёргает уголком рта в намёке на улыбку Тайрэн. — Или позволила мне выбрать. Как знать. Да и неважно уже.

— Это сильно страшно, что я себя раскрыла? Я не могла по-другому. Прости.

— Перестань. Ты действовала правильно. К тому же... Гедаш прав. На них теперь долг жизни. Ты вправе потребовать хранить свой секрет.

Я и потребовала. Уже вечером, после того, как меня в который раз облучила ладонями свекровь, а Тайрэн раз пятый намекнул, что Босвари со своими разговорами на этот раз и до завтра подождут, а мне восстановиться нужно. В ответ на это пришлось его уверить, что я ведьмачить сегодня уже точно не буду, ибо нечем. А поговорить могу вполне. Чтобы скорее уже решить все эти вопросы и он мог меня забрать из Босварии. Если не передумал, конечно. Тай снова обещал отшлёпать, но аргументу внял. И отправил записку Кориму.

Сказать по правде, я страшно переживала перед приходом братьев Босвари. Всё-таки обманывала их. И обманывала бы дальше, если бы не это проклятие. Перед Коримом вчера притворялась Мирэн, о которой он искренне переживал. Врала ему. Поймёт ли. Хотелось бы.

В ожидании мы с Тайрэном обосновались в той же гостиной, в которой общались вчера. Сил изображать благовоспитанную босварийку, которой не являюсь, никаких не было, как и держать спину ровно, поэтому я забралась в кресло с ногами, свернувшись едва ли не клубочком, а Тай не только никак меня не одёрнул, а ещё и в цветастый плед укутал, заметив, что меня всё ещё знобит после дневных подвигов. И замер, склонившись надо мной, тревожно всматриваясь в моё лицо.

Так нас и застали босварийские принцы. Я дёрнулась было встать, но на моё плечо опустилась тяжёлая рука мужа, удерживая на месте. Сам он выровнялся, наблюдая за мужчинами. Они прошли в комнату серьёзные, собранные. Оба в тёмном. Взгляды тут же сосредоточились на мне. Странно это всё. Принцы они, а выглядит всё так, будто ко мне на поклон пришли. Обманчивое впечатление.

— Можем ли мы узнать твоё имя, девочка? — первым нарушает гнетущую тишину Корим.

— Рамина... Рамина Сэйнар, — представляюсь я, чувствуя молчаливое одобрение мужа.

— Как ты стала... Мирэн? — довольно мягко интересуется Корим.

— Она покончила с собой... Ваша Богиня предложила мне занять её место, уверив, что девочку не спасти, потому что это её собственное решение. Я согласилась и моя душа пришла в это тело, — спокойно отвечаю ему. Все эмоции я уже отдала там, в королевском дворце. А сейчас лишь сухо констатирую факты.

На бледном осунувшемся лице Гедаша не отражается ни одной эмоции, лишь глаза чернеют ещё больше. Я смотрю в эти глаза. Прямо. Чувствую себя вправе и в... силе. И он опускает передо мной взгляд. Тёмные волосы старшего принца Босварии теперь почти полностью покрыла седина. Жаль ли мне его? Нет, я не настолько добрая.

— И почему ты на это согласилась? — продолжает свой деликатный допрос его брат.

— Я умирала в своём мире. И очень хотела жить, — я честна перед ними. — Думаю, Праматерь знала, что это со мной случится и выбрала меня ещё ребёнком. Она хотела спасти ваш род и вернуть ведьм в ваш мир. Они нужны ему не меньше, чем маги.

Он умолкает, переваривая услышанное. Наверняка, вспоминает и вчерашний рассказ Тайрэна. Знает ведь, что он говорил правду, так что соответствующие выводы тоже, наверняка, делает. Бросает на моего мужа задумчивый взгляд. И меняет тему. Даже если спросит, то не сейчас.

— Отец ещё спит, как ты и сказала. Но ему, по словам лекаря, уже гораздо лучше. Чтобы не возникало лишних вопросов, по официальной версии короля Ардораша Босвари вылечила королева Анэллия Сэйнар. Если ты, конечно, не желаешь, чтобы все узнали, кто в действительности ему помог, и как.

Ха. Хитрый жук. От чего помогла, всем тоже вряд ли нужно знать. Но я не против. Более того,

полностью за.

— Нет. Меня полностью удовлетворяет возможность остаться в тени.

О том, что всё, произошедшее сегодня, помогла скрыть от придворных моя свекровь, накрыв всех мощными иллюзиями, Тай мне уже рассказал. Так что никто не видел, что я творила с королём и принцами в бассейне.

Корим удовлетворённо кивает.

— Мы приносим тебе благодарность за спасение нашего отца и то, что ты сделала для рода Босвари. На нас перед тобой долг жизни, Рамина Сэйнар. Как мы можем искупить его?

— Я хочу, чтобы вы поклялись сохранить в тайне то, кто я на самом деле, — прошу твёрдо.

— Ты уверена? Долг жизни целого рода стоит гораздо большего.

— Уверена. Мне лично больше ничего не нужно. Я уже получила то, ради чего пришла в этот мир. Большого вы мне дать всё равно не сумеете.

Корим уважительно склоняет голову. И внезапно опускается на одно колено.

— Я, Корим Босвари, жизнью и силой клянусь любой ценой сохранить в тайне то, что в теле моей племянницы Мирэнхаш теперь обретается душа из другого мира, — торжественно и веско произносит он. В моём солнечном сплетении мягким касанием отзывается магия.

А дальше под моим недоумённым взглядом на колено опускается Гедаш Босвари и произносит аналогичную клятву. Поднявшись же, поднимает мёртвый взгляд на моего мужа.

— Я плачу по счетам, Сэйнар. Моё официальное отречение от трона в пользу брата будет озвучено, как только король придёт в себя.

На этом он, не прощаясь, уходит, оставив нас наедине с немного опешившим Коримом. М-да. Теперь уж точно быть Мэл королевой. Бедные босварийцы. Их устои пошатнутся.

Будущий король устало садится в кресло. Шумно выдыхает, потирая переносицу.

— Поздравляю, — произносит Тайрэн с некоторой долей сочувствия, устраиваясь на подлокотник рядом со мной и обнимая меня за плечи.

— Я не ожидал, что он сделает это, — признаётся Корим. — Никогда не думал, что увижу, как на глазах седеет мой брат. Он читал досье на Рифата, про его изыскания, то, что этот подонок творил с Солей, выводы целителей о воздействии магии крови на Лалерин... Гедаш всегда считал себя правым, оправдывал целями средства... А теперь в нём что-то сломалось. Бесы!!!!... — Он зарывается руками в волосы. — Мирэн... Я не был хорошо с ней знаком... и вот думаю, мог ли помочь чем-то? Мог ведь... Ей, Сольхиаль. Если бы знал...

— Вы можете помочь другим, — шепчу, прижимаясь щекой к руке мужа. Уверена, что Корим это сделает. Пускай не сразу. Пускай постепенно. В один день сломать сложившиеся за века традиции и нравы не сможет даже король, но то, что этот мужчина готов нести изменения в жизнь своего народа, я просто знаю.

Он ничего не отвечает. Лишь закрывает глаза. Опустошённый.

— Корим, мы хотим забрать дочь Сольхиаль с собой, — нарушает тишину голос Тайрэна.

— У вас нет такого права, — устало сообщает босвариец. — По закону опека над ребёнком должна перейти семье отца, но поскольку Рифат признан преступником, это будет оспариваться. Она Босвари по крови.

— Она Босвари по крови и может быть достойной невестой принцу Сэйнара, — ровно произносит мой муж.

Корим резко открывает глаза, буравит Тайрэна удивлённым взглядом, а потом понимающе усмехается.

— А я-то думал, зачем твои родители Дастиана привезли.

С Дастианом я уже сегодня познакомилась ближе. И случилось это как раз в покоях, выделенных Ляле, когда я-таки отбилась от попыток приспать одну уставшую ведьму и дорвалась её проведать. Свекровь уверила меня, что девочка идёт на поправку, но мне нужно было самой убедиться, да и просто её увидеть. Обнять. Почувствовать, что всё хорошо.

Девочка лежала на кровати, бледная, тихая. Едва сдерживая слёзы жалости, я смотрела на неё и радовалась, что она жива. Главное, что жива. А всю гадость с её души мы уберём. Я уже это делала, и ещё раз сделаю. Дайте мне только сил набраться. И ей немножко восстановиться.

С малышкой неожиданно вместо Гапки сидел брат Тайрэна. Устроился в небольшом кресле рядом с кроватью и с серьёзным ответственным видом рассказывал ей сказку. А Ляля слушала, не сводя глаз с красивого статного мальчишки так похожего на её обожаемого Рэна. Некоторое время я просто наблюдала за ними, откровенно любуясь. А потом сделала то, что больше всего хотелось — подошла и обняла свою кроху. Ляля, увидев меня, ничего не сказала, лишь расплакалась, сжимая мою шею руками так сильно, что дышать стало больно.

— Всё хорошо, малыш, всё хорошо. Теперь уже точно всё хорошо, — бормотала я ей, глядя вздрагивающие плечи. — Прости, что не уберегла от боли. Прости, моя маленькая. Этого больше никогда не повторится. Его больше нет. Того, кто мучил тебя, больше нет.

Выплакав своё горе и страх, она уснула у меня на руках, доверчиво прижавшись, позволяя напитаться душевными силами от её присутствия.

Дастиан же всё это время сидел молча, сочувственно хмурил брови и, не скрываясь, меня рассматривал.

А, когда девочка умиротворённо засопела, тихо сообщил, что хоаль Гапке пришлось отлучиться на кухню, чтобы обсудить меню для своей подопечной, а он не увидел необходимости звать служанок к девочке, если он мог за ней сам присмотреть. Я, честно говоря, сильно удивилась таким речам от десятилетнего парня, который мою Лялю первый день знает, на что принц — ещё один эмпат на мою голову — с понимающей улыбкой заметил, что ему уже объяснили про их с Лалерин возможную помолвку. И он счёл необходимым познакомиться с возможной невестой поближе, чтобы составить собственное мнение. Малышка ему понравилась. И он, как мужчина, готов предоставить ей защиту своим именем. Капец. Права была свекровь. К этим Сэйнарам ещё надо привыкнуть.

В общем Дастиан произвёл на меня неизгладимое впечатление своей рассудительностью. Тем сильнее захотелось узнать, каким Тай был в его возрасте.

И судя по взгляду Корима задумка с этой помолвкой может отлично сработать.

— Возможность ещё одного брачного союза между нашими семьями отцу может очень понравиться, — задумчиво тянет принц Босварии. — Вы уверены в своём решении? Хотите стать ей опекунами?

— Я хочу стать ей... мамой, — признаюсь в том, в чём сама себе боялась признаться, не зная как всё обернётся, и получу ли я хоть какие-то права на мою девочку. И реакции Тайрэна я тоже боялась. Не слишком ли много я на него взваливаю? Это не то решение, которое можно принимать одной, но обсудить его толком у нас до сих пор не было возможности и времени.

Корим поднимает вопросительный взгляд на моего мужа.

— Мы хотим стать ей семьёй, — с упором произносит Тай, и на моём плече раздражённо сжимаются его пальцы. Ой. Кажется, таки быть мне отшлёпанной.

— Хорошо, я подготовлю почву, — кивает Корим. Смотрит на меня. — Рамина, я пойму, если ты слишком устала и откажешь сейчас, но мне бы хотелось подробнее узнать про это проклятие. Можешь рассказать?

— В детальных подробностях не могу. Я не всматривалась, мне силы для другого нужны были. Знаю, что прокляла ведьма много столетий назад. Она любила принца из рода Босвари. Очень сильно любила, отдала ему свою невинность, рассчитывая стать ему женой. Забеременела. А он женился на другой, более выгодной невесте. И отверг эту девушку, заявив, что ребёнок не от него. Её дальнейшая судьба была жестокой. Я... не хочу об этом вспоминать, если честно. Он сломал ей жизнь, по сути. Девушка умерла, рожая своё дитя, и с последним выдохом прокляла всех мужчин Босвари, обрекая их на гибель от любви, как погибла от любви она. Она была очень сильной и всю силу вложила в это проклятие. — От воспоминаний о гнилом мерзком холоде чёрных нитей, меня передёргивает. — Оно росло, набирало обороты, напитывалось силой, ломая всё больше судеб, сводя с ума, толкая порой на безумные поступки, сея ненависть там, где до этого пылала искренняя любовь. Думаю, вы сами лучше меня знаете историю своего рода. Проклятие стало разрушать даже тех, кто ещё не успел полюбить. И ваша жена скорее всего смогла бы нормально родить, если бы не эта мерзость, что довела над вашей семьёй. Хотя вы и не любили её. Это спасло вас обоих.

— Не любил... — задумчиво и глухо произносит мужчина с тоской в глазах. Знаю, что утерянных детей он оплакивал. И знаю, что теперь у него всё может быть по-другому. — А отец...

— Извините, этого я вам рассказать не могу. Только если он сам захочет, — не хочу я говорить Кориму, что Ардораш их мать никогда не любил и не мог полюбить, всю жизнь скорбя об утерянной в юности любви. О таком не говорят.

— Я понимаю. Благодарю, Рамина, — кивнув, поднимается на ноги Корим.

На этом прощаемся все до утра.

Мы с Тайрэном уходим в наши покои, где я наконец позволяю себе уснуть в его руках. Ещё один день в Босварии пережит. А мне ведь вскоре предстоит путешествие в Сэйнар, домой к Тайрэну на ПМЖ. Ох. Волнительно что-то.

Следующий день начался для меня ближе к обеду. Я проснулась в кровати одна, вместо мужа обнаружив лишь примятую подушку. Но стоило мне опустить ноги на пол, как в спальню заглянула Жанис, личная камеристка Анэллии, которой свекровь препоручила заботу о моей персоне. Эта миловидная и улыбчивая женщина возложенной миссией прониклась и окружила «моей высочество» тщательной и неотвратимой заботой.

От неё и я узнала, что мой супруг рано утром отбыл в королевский дворец вместе с принцем Коримом. Туда же недавно отправились и их величества. А меня не будили, чтобы я отдыхала и восстанавливалась.

Леди и лорд Сатори тоже остались и уже спрашивали, не соблаговолю ли я с ними пообедать. Я, сообразив, хоть и не сразу, что речь идёт о Коре и Мэл, ответила, что конечно же соблаговолю, но только после того, как проведу Лалерин.

И потянулся этот неожиданно самый спокойный день за всё время моего пребывания в этом мире. От меня больше не требовалось никуда бежать, ехать, спасаться, спасать... Даже переживать, что будет дальше стало как-то лениво. Что будет, то будет.

Как и собиралась, я первым делом зашла к Лалерин, и с помощью Гапки искупала её, снимая следы кровавого заклинания. Потом действительно пообедала вместе с Кором, Наиле и Мэл, расспросив последние новости. Близнецы поведали, что Рэн хочет решить все вопросы касательно нашего с ним брака и помолвки Дастиана с Лялей как можно быстрее, чтобы забрать нас в Сэйнар. Так что, сегодня его до вечера его можно не ждать. Зато после обеда в сопровождении телохранителей вернулась свекровь, застав меня в покоях Ляли. На моих глазах проверила самочувствие девочки, посидела вместе с нами, наблюдая с улыбкой за играющей с Розой и Принцем крохой, а потом позвала меня пообщаться.

Тогда и рассказала, что утром в себя пришёл король Ардораш, ему уже намного лучше, и старый монарх уже вовсю вникает в курс дела. И высказал желание непременно пообщаться со мной.

От её величества я узнала и то, что Гедаш действительно официально отрёкся от трона.

— Король отправил его в ссылку. Вместе с женой, — на этой фразе моя свекровь едва заметно поморщилась.

— Вы не согласны с его решением? — осторожно поинтересовалась я.

— Почему же? Согласна. Только Тамира по-моему легко отделалась. Я понимаю, что Гедаш мог не знать, что творят с его дочерью, он мужчина, босвариец... Но она мать и должна была понять, заметить, — Нэлли хмуро посмотрела в окно. Мы сидели в гостиной наших с Таем покоев. — Я считаю её не менее виноватой в судьбе девочек, чем его, а возможно даже больше.

— Она слишком хотела власти, хотела быть королевой и закрывала глаза на всё, что могло помешать достижению этой цели, — вздохнула я. — Но ничего не проходит бесследно. Все получают по заслугам рано, или поздно.

— Ты что-то видела и про неё? — удивлённо вскинула брови моя собеседница.

Я неопределённо пожала плечами, не желая вдаваться в подробности.

— Ты знаешь, он просил меня о встрече, — задумчиво пробормотала Нэлли. Я не стала уточнять, и так поняв, о ком речь. — Сказал, что хочет поговорить и попросить прощения. Это было так... неловко для меня. Я ведь не она.

— Вы согласились?

— Нет. Сказала, что чту своего мужа, а он бы не одобрил такую встречу. Лишнее это.

— Он отступил? — я себе даже представить не могу, каково это занять тело женщины с таким багажом прошлого, какое было у матери Тайрэна. Можно только догадываться, что пережила Нэлли

в своё время.

— Ну как сказать? Он принёс мне извинения при Яргарде, — проворчала королева. А я представила лицо короля, когда его явно обожаемой жене в давней любви признавались. Не рожают такую ненависть угасшие чувства.

Впрочем, убедиться в том, что мой свёкр ещё тот собственник ревнивый, я смогла уже спустя час, когда они с Тайрэном вернулись из дворца Ардораша. Его величество лаконично поздоровался со мной, глянул хищно на супругу и вкрадчиво предложил ей пройти в их покои, чтобы обсудить один очень важный вопрос. Аннэллия зарделась, тихо вздохнула и покорно вложила свою ладонь в протянутую руку мужа. Уходя, они настолько лучились взаимной страстью, что я невольно смутилась и стрельнула взглядом в веселящегося Тайрэна. Похоже, для него такие сцены привычны.

— Нам, кажется, тоже срочно нужно обсудить важные вопросы, — многообещающе прошептал он, склоняясь ко мне и целуя

— Какие? — вскинула я удивлённо брови.

— Срочные, жена моя. Очень срочные, — рыкнул мой принц, подхватывая меня на руки и унося в спальню.

Ммм, по каждому вопросу я с ним в итоге согласилась и полностью капитулировала. Или он передо мной, тут уж как посмотреть. Мы жадно любили друга, потом вместе принимали ванну, потом снова любили, долго, нежно. Я плавилась в нежных умелых руках любимого, задыхалась от переполняющих меня чувств, от наслаждения и чувства полного единения. А когда мы насытили хоть немного свой голод друг по другу и лежали, переплетаясь телами, а его рука неспешно скользила по моей спине, Тай поцеловал меня в висок и сообщил главную новость дня.

— Завтра мы отправляемся в Сэйнар.

Глава 26

Тайрэн

Моя бы воля, я бы утащил Рами домой ещё тогда, когда унёс её едва живую из фонтана, откуда братья Босвари извлекали своего пребывающего в беспамятстве отца. Очищенного от проклятия, как и они сами. Произошедшее слабо укладывалось в голове. Всё это не укладывалось в голове... Проклятие, которое зацепило не только род Босвари, но и мой, получается... Тот факт, что мною попросту воспользовались. И нет, не Рамина. Она, как и я, стала пешкой в божественных руках.

Осознание ударило сильно. Злился ли я? О да! Ощутимая оплеуха для гордости вдруг узнать, что твои чувства, не только предугадали, но и умело спровоцировали тебя на нужную реакцию и действия. Жалел ли я? Ни секунды! Потому что... чувствовать и любить Рамину меня всё-таки никто не заставлял. Да, наше знакомство с ней, скорее всего, случилось по божественной воле, но я сам тянулся к ней раз за разом, покорённый чистотой её души. Я сам раз за разом принимал решение оставаться рядом с ней хотя бы во снах.

Праматерь подсунула мне искушение, перед которым устоять было невозможно, как уже сделала ранее с моим отцом. И моими руками, моим осознанным выбором и готовностью заплатить любую цену за жизнь любимой, притянула в этот мир такую нужную ей душу.

Стоило задать себе один единственный вопрос: "Отказался бы я от возможности знать Рамину, любить её, держать сейчас в руках?" и всё сразу становилось на свои места.

Так что к бесам всё! Любимая женщина — моя! Уже к вечеру мы будем в Сэйнаре, а через пару дней принародно пройдём положенные традициями брачные обряды, и я абсолютно уверен, что Венец Праматери моя супруга примет с такой же лёгкостью, с которой сделала это в своё время Нэлли. А дальше будет жизнь. Наша с ней совместная.

Но это всё лирика, а реальность кусалась необходимостью утрясти массу вопросов, включая наш спонтанный брак, который с учётом наших статусов надо было как-то официально... обозначить. К тому же нужно было решить и вопрос с маленькой Лалерин. То, что Рамина прикипела душой к крохе, я чувствовал отчётливо с самого начала нашего реального знакомства. И в моих силах было сделать так, чтобы у любимой женщины этого ребёнка не отняли. А то, что этот ребёнок по умолчанию становился теперь и моим... Что ж. Врать не буду, Ляля умудрилась и мне под кожу забраться. И брату неожиданно сразу приглянулась.

На переговоры и решение возникших проблем мы с отцом, при полном содействии босварийской стороны, потратили весь вчерашний день и добились того, что на сегодня остались одни лишь формальности. Всё-таки мирные переговоры между нашими домами давно велись, и вопрос брака тоже не раз поднимался. Ждало нас сегодня, в том числе, и официальное объявление в королевском дворце. А перед этим встреча моей жены с Ардорашем, на которой тот особо настаивал, что, впрочем, вполне понятно.

На эту самую встречу мы прибыли вдвоём в сопровождении Мэл и Кора. Ардораш, как и в прошлый раз, ждал нас в своём кабинете. Осунувшийся, бледный, но живее всех живых. Стоило прозвучать положенным приветствиям, Рами поинтересовалась, не возражает ли его величество, если она проверит, всё ли проклятье убрала. Тот, как ни странно, сразу согласился без каких-либо признаков недовольства. А в процессе обследования не преминул задать все вопросы, которые хотел. Впрочем, моя супруга в долгу тоже не осталась, беззастенчиво спрашивая у короля то, что никто, кроме неё бы не осмелился. На правах той, кто ответы и так при желании может узнать.

Как оказалось, о проклятии Ардораш и сам догадался. Началось всё с того, что его угасание и болезнь не поддавались лечению и замедлению. Лучшие лекари лишь руками разводили. Не умирают носители королевской крови так. Никто, кроме Босвари, если те доживали до старости. Закономерно, что король искал причины и информацию. И в конце концов нашёл, притом в архивах главного Храма Замайры. Без Праматери и тут не обошлось. Она явно позаботилась, чтобы её избранной сразу поверили и спасению не сопротивлялись.

Ардораш не отпускал нас до самой церемонии объявления. И клятву сыновей повторил. А потом лично повёл свою «внучку» в тронный зал. Я с его решением не спорил. У меня создалось стойкое впечатление, что он не до конца принял тот факт, что это не Мирэн. Знал, понимал, горевал, но вместе с тем воспринимал мою Рамину, как... родную. Возможно так ему легче. Кто я такой, чтобы судить?

Поскольку официально король Босварии всё ещё болен, у нас появился повод избежать торжественного приёма и ограничиться более узким кругом главных сановников Босварии и представителями нашего посольства, в качестве официальных свидетелей королевской воли.

Появление нашей троицы было воспринято оглушительной тишиной. А последующее явление короля и королевы Сэйнара в сопровождении третьего сына и вовсе произвело эффект массового оглушающего заклинания.

Что уж говорить о реакции на речь Ардораша, из которой, если вкратце, следовало, что между Сэйнаром и Босварией наконец заключен полноценный договор о союзе, я просил руки принцессы Мирэнхаш, принцессу в срочном порядке отдали за меня замуж из-за неуверенности пожилого короля в том, сколько дней ему отпущено, все брачные торжества пройдут в Сэйнаре. Думаю, что большинство наш брак ещё и со ссылкой Гедаша связали, но со сплетнями при своём дворе Босвари пускай уже сами разбираются.

Пока все переваривали новость, что следующей королевой Сэйнара скорее всего будет принцесса из рода Босвари, в зале появилась королева Зальфия, ведущая за руку испуганную Лалерин. Пришла очередь Дастиана по всей форме просить руки своей маленькой невесты, а ей отвечать своим согласием. Вполне искренним. А вслед за этим Ардораш сообщил, что ставшая круглой сиротой Лалерин, будет воспитываться в роду жениха, своей родной тётёй принцессой Мирэнхаш.

На этом собственно всё и закончилось.

Объявления прозвучали, подданным сообщили, что они свободны. Босвари и Сэйнары ушли из зала равными союзниками. Всё прошло чётко по плану.

А вот в королевском портале, откуда мы все должны были бы отправиться домой спустя час с лишним, случилось кое-что не запланированное. По крайней мере для нашей стороны.

Я обвёл взглядом всех собравшихся. Отец ещё обсуждал что-то с провожающим нас Ардорашем. Мама с Дастианом под руку, стояла рядом с ним. Рамина в шаге от меня тихо объясняла что-то Ляле и Гапке, которая попросилась с нами в качестве няни для малышки.

Кор крепко держал за руку свою Мышку, которая поглядывала на портал с нескрываемым испугом, но я уже знал, что она боится не самого перехода, а того, что будет после. Девчонка твёрдо уверена, что семья Кора её не примет.

Друг, кстати, времени даром не терял, и пока я решал свои вопросы, успел нарыть информацию о семье своей избранницы. Оказалось, что Наиле дочь большого, весьма уважаемого и знатного рода, глава которого даже знать не знал, что один из его многочисленных сыновей продал собственную дочь, чтобы угодить своей женщине. Вся семья была уверена, что девочка умерла.

Кор успел с превеликим удовольствием пообщаться с подонком, объяснив, насколько тот был не прав, обращаясь так со своим ребёнком. То, что от подонка осталось, детей делать уже не сможет. А глава рода с неменьшим удовольствием согласился отдать внуку замуж за её спасителя, особенно когда узнал, что собой представляет этот самый спаситель. Что примечательно, мнением этой самой внучки тоже не особо интересуясь. Кор смолчал, но запомнил.

А вот Мэл я сначала и не заметил. Её почти полностью заслонил собой Корим, нависая над девушкой. Наше блондинистое чудовище гневно шипело что-то своему обожаемому принцу, сверкая злыми глазами, и будь на месте босварийца кто-то другой, я бы уже ждал кровавой расправы. У подруги детства с докучающими ей разговор короткий. После неё они долго никому докучать не могут.

А тут Мэл вся кипит, глазами молнии мечет, а внутри изводится от ярости, тоски, и... надежды. Да и сам Корим далёк от спокойствия, испытывая весь спектр чувств, которые может вызвать только глубоко не безразличная женщина.

Они стоят довольно далеко от нас, почти у самого выхода, и их разговора не слышно. Но эмоции этой парочки мною ощущаются прекрасно.

Вот он тянется к её лицу, убеждая в чём-то. Мэл уворачивается с язвительным смешком, а в следующий миг оказывается в ловушке мужских рук. Босвариец прижимает её к себе, явно потеряв контроль, а наша фурия как-то не очень убедительно пытается отбиться, громко и совсем не цензурно советуя принцу валить к его покорным овечкам и оставить её в покое. Даже умудряется правдоподобно вырваться. Но ненадолго. Стоит ей сделать шаг в нашу сторону, как Корим весьма эффектно скручивает магией свою строптивую избранницу, рычит что-то ей на ухо и, взвалив девушку на плечо, уносит из зала, прямо на глазах у всех собравшихся, не обращая внимания на её разъярённое шипение.

— Э-э-э, когда он предупредил меня, что собирается пригласить Мэл остаться погостить у него, я думал, что это будет выглядеть по-другому, — ошарашенно ворчит Кор, смотря вслед уворованной сестре.

— Думаешь, надо вмешаться? — интересуюсь у него. Хотя уже и сам знаю ответ. Кажется, кого-то

только что заставили навсегда отказаться от гарема.

— Смейшься? Она нам головы открутит, — наигранно содрогается Кор. И тут же саркастически хмыкает. — Мэл прямым текстом запретила мне вмешиваться в их отношения. И спасти её тоже, если мне вдруг покажется, что надо. Ты же видел, что она и не сопротивлялась толком, так дурочку валяла.

— Что произошло? — слышу вопрос моего отца, который не мог не заметить столь фееричное исчезновение этой парочки и теперь явно недоумевает с происходящего.

— Всё в порядке, ваше величество. Моя сестра приняла приглашение его высочества и остаётся погостить у него на неделю, — докладывает Кор, едва сдерживаясь от смеха.

— Приняла приглашение? — скептически вскинув брови, уточняет Ардораш, который от своего сына такого точно не ожидал.

— Совершенно верно, ваше величество. Камэли входит в десятку лучших боевых магов Сэйнара. Поверьте, если бы она была против, это бы выглядело совершенно по-другому.

— Камэли Сатори, значит, — задумчиво щурит глаза босварийский монарх, тоже уже понявший, куда ветер дует.

— Ясно, — хмыкает Яргард. — Что ж, мой венценосный брат Ардораш, ждём вас с сыном в Сэйнаре, как только он убедит мою родственницу принять его предложение. А сейчас нам пора. Благодарим за гостеприимство.

С этими словами он обнимает Нэлли за талию и первый направляется к арке портала.

— Пойдём, жена моя, — улыбаюсь я Рамине, протягивая ей руку, и сразу же прижимаю её к себе.

Чувствую, что она волнуется и это волнение странным образом передаётся мне тоже. Я хочу, чтобы любимой понравилась Лоррая, чтобы она полюбила Сэйнара, чтобы мой дом стал для неё настоящим домом. Хочу, чтобы она была счастлива со мной в моём мире. Теперь уже нашем общем мире.

Рамина

Ох, этот момент наконец настал. После, казалось бы, бесконечных разговоров, церемоний и прочих событий сегодняшнего очень насыщенного дня, мы наконец уходим из Босварии. И меня уже даже не напрягает тот факт, что идти мы собираемся порталом. Личным королевским, который имеет достаточно мощи, чтобы перенести нас сразу в столицу Сэйнара Лорраю, в королевский дворец, если уж точнее. В мой новый дом.

Приближаясь к белесому туману портала, я сама не замечаю, как впиваюсь в волнении ногтями в руку мужа. Он бросает на меня внимательный взгляд, накрывает мои пальцы своей ладонью в ободряющем жесте и увлекает за собой.

Мучительные секунды потери ориентации и шаг в другую точку пространства. Открываю глаза, которые опять, оказывается, инстинктивно закрыла, и растерянно оглядываю более сдержанный в своей роскоши ещё один королевский порталый зал. И довольно большую компанию встречающих.

Растерянно моргаю и в тот же миг оказываюсь вовлечена в круговорот приветствий и знакомств. Меня вскоре уже обнимают сёстры Тая, отвечают учтивые поклоны и комплименты его малолетние братья, пока я сама в некотором офигении наблюдаю, как жмушаяся к Дастиану Ляля, застенчиво улыбается принцессам-близняшкам. Потом меня знакомят с высоченным и суровым дядей Кора и Мэл, тем самым герцогом Гиерно, который Глава Департамента госбезопасности Сэйнара, а ещё потом неожиданно с его женой миниатюрной блондинкой Скарлетт, которая почему-то ощущается не менее опасной, чем Мэл, но такой же замечательной. Кстати, новость, что их племянница осталась в Босварии, они встречают без удивления, а Скарлетт даже с наигранным и ироничным сочувствием замечает, что Корим-таки попался, что было вполне ожидаемо, раз уж их девочка задалась целью получить его.

Не знаю, сколько бы это длилось, но меня, оглушённую неожиданным количеством столь искреннего радушного внимания, внезапно подхватывает на руки мой муж и, пожелав всем хорошего дня, уносит в неизвестном направлении.

— Тай? Куда мы идём? — ошарашено интересуюсь я у благоверного.

— Туда, где будем только мы, — многообещающе произносит он, прижимая меня к себе крепче.

— А как же... все? Лалерин? — растерянно уточняю я, разрываясь между желанием действительно получить это вожаденное «наедине» и чувством ответственности перед ребёнком.

— За тем, как обустроится на новом месте наша Ляля, проследит моя мама, я уже попросил. Поверь, рядом с девочкой сейчас хватает тех, кто может о ней позаботиться и предугадать любую потребность. Твоего отсутствия она даже не заметит. Нас не будет всего сутки. Я бы и на более длительный срок тебя украл, но наша брачная церемония слишком важное действие, чтобы его отодвигать в нашем случае. Так что, пока всего лишь сутки. Я наконец получу тебя в безраздельное пользование, моя невероятно востребованная ведьмочка.

Сутки наедине. Такой роскоши у нас ещё не было. Стоит подумать об этом, как сердце начинает сбивать от предвкушения и радостного ожидания.

— А почему ты меня на руках тащишь? — интересуюсь у благоверного. — Я ходить ещё не научилась.

— Во-первых потому, что мне так хочется. А во-вторых... в этих босварийских платьях ты перемещаешься настолько медленно, что так и хочется тебя закинуть на плечо, чтобы быстрее было, — со смешком сообщает муж.

— Ах на плечо? — изображаю я наигранное возмущение. Веселье так и искрит в венах, да бабочки в животе порхают. Такой беззаботной я себя уже целую вечность не ощущала.

— Да ты права, на плечо не стоит. Нечего всем на мою собственность пялиться, — задумчиво изрекает Тайрэн, поглаживая моё бедро пальцем и размашисто шагая коридорами дворца.

Очень красивыми, надо сказать, коридорами, хоть я и не особо способна сейчас присматриваться. Если в Босварии мне всё напоминало Испанию и Гранаду, то дворец Сэйнаров вызывает ассоциации с Францией времён мушкетёров. Даже одежда попадающихся нам на пути придворных тоже весьма поддерживает это впечатление.

— Кстати, насчёт босварийского наряда... Могу я эту тряпку с лица снять? Или мне теперь вовек её носить, раз уж меня босварийской принцессой признали? — с нескрываемым опасением интересуюсь я. Мало ли что мне по этим королевским этикетам-протоколам положено.

Муж бросает на меня удивлённый взгляд, который правда сразу же становится задумчивым, а потом лукавым.

— Мне нравится эта мысль, — тянет он вкрадчиво.

Но я-то уже поняла ответ на свой вопрос, потому с превеликим удовольствием снимаю с лица карилью, как только мы оказываемся в карете, ожидающей нас у крыльца, и она трогается с места, увозя из дворца.

Ловлю жадный восхищённый взгляд мужа, чувствуя, как сбивается дыхание. И первая тянусь к его губам. Прикасаюсь нежно, ласкаю, вкладывая всю щемящую в моём сердце любовь к нему, моему невероятному принцу, моему любимому. Обхватываю его мужественное красивое лицо руками, как когда-то во снах напоминала пальцами каждую чёрточку. И дрожу от удовольствия, когда он проводит ладонями по моей спине. С тихим стоном отвечаю, когда любимый перехватывает контроль, сжимая меня в своих руках, и углубляет поцелуй, выпивая моё дыхание. Время и пространство теряют своё значение, растворяясь в томительном жаре нашего желания.

— Сладкая моя, любимая, — бормочет он, осыпая поцелуями моё лицо, заставляет запрокинуть голову и целует открытую незащищённую шею. — Я же тебе Лорраю показать хотел...

— Показывай, — смеюсь я, чувствуя, как плавится моя душа в огне разбуженного им голода. Он, как магнит для меня. Моё тело — хорошо настроенный инструмент, послушно отвечающий на каждое его прикосновение. Но и я имею над любимым не меньшую власть.

— Бессовестная, — прикусывает Тай мочку моего уха.

И неохотно отрывается от меня, смотрит в глаза, подносит руку к лицу и гладит щёку. А я прижимаюсь к его ладони, замирая так, без слов признаваясь в том, как сильно его люблю. Кажется, будто всю жизнь.

— Так куда мы едем? — шепчу тихо, чтобы хоть немного унять бешенное сердцебиение.

— Увидишь. Просто расслабься, — на его губах расцветает многообещающая улыбка.

И я делаю, как он просит. А вскоре начинаю понимать, что именно дарит мне мой мужчина.

Он много лет приходил в мои сны, и я, показывая ему свой мир, свой город, свои самые заветные и обожаемые места, то, что больше всего люблю, не раз признавалась, что хотела бы увидеть хоть краешком глаза, хоть что-нибудь о его жизни. Я так давно мечтала об этом.

И вот сегодня мой принц исполняет моё заветное желание. Остаток дня мы катаемся столицей его родной страны, гуляем, прикрытые иллюзией, в парке возле Военной Академии, где он когда-то учился, едим сладости на центральной площади, и ужинаем в роскошном ресторане напротив величественного здания Департамента госбезопасности, делами которого мой муж занимается с особой охотой... Тай рассказывает о себе. Наконец отвечает на все мои вопросы о его жизни... Признаётся о том, как сильно мечтал видеть меня рядом с собой.

И хоть я понимаю, что это лишь капля в море, из того, что он мог бы о себе поведать, но уже за это безмерно ему благодарна.

— Спасибо, — шепчу я, когда мы, держась за руки снова забираемся в нашу карету. — Возвращаемся во дворец теперь?

— Нет, — притягивает он меня в свои объятия, как только мы усаживаемся. — Я же говорил, что целые сутки ты будешь только моя.

— А потом я чья буду? — иронично фыркаю, нежась в его руках.

— О, поверь при дворе найдётся куча народу, на которую тебе придётся тратить своё время. И наставники в первую очередь.

— Наставники? — вскидываю я удивлённо брови.

— Они самые. Тебе нужно освоить магию, малыш. Я уверен, что как только ты это сделаешь, то и ведьмовской дар сможешь лучше контролировать, не надрываясь каждый раз.

Он умолкает, но я прекрасно осознаю, что мне грозит обучение не только магии. Я теперь, ни много ни мало, жена наследного принца, значит точно должна знать и этикет и протокол и, наверняка, ещё кучу необходимых в этом статусе знаний.

— Не волнуйся наперёд обо всём этом, — целует меня в макушку Тай. — Мама тебе с удовольствием поможет. Ей в своё время пришлось быть гораздо осторожней, поскольку кроме нас с отцом никто больше не знал, кто она.

Карета катит вечерними улицами Лорраи. А я, разглядывая чистые ухоженные улочки и красивые дома, задумываюсь о его словах. Мысль о помощи от свекрови меня совершенно не пугает. Тут мне, кажется, повезло, ибо абсолютно никакого негатива в мой адрес она точно не испытывает. Наоборот явно взяла меня под свою опеку, а тот факт, что она такая же попаданка, как я, и вовсе делает нас едва ли не родственными душами.

— Закрой глаза, Рами, — велит мне муж, прикасаясь губами к виску.

— Зачем? — с интересом выдыхаю, при этом подчиняясь.

— Сюрприз, — чувствую я его улыбку.

А в следующий миг на глаза мне ложится повязка. Я инстинктивно вскидываю руки и ощупываю мягкую плотную ткань. Муж осторожно завязывает её у меня на затылке.

— Доверяешь? — целует он мои губы.

— Всегда, — отвечаю, ловя это прикосновение своими губами.

Карета останавливается.

Я слышу как поднимается Тай, а потом он помогает подняться мне, снова подхватывая на руки. Несёт куда-то. Кажется, пред нами распахиваются какие-то двери. Шаги мужа становятся более гулкими, словно мы находимся в каком-то зале с каменным полом. Тай перехватывает меня, на секунду освобождая одну руку, а потом в пару шагов поднимается будто по ступенькам, и рядом слышатся ещё чьи-то шаги. Я только начинаю догадываться, что сейчас произойдёт, как ощущение перехода накрывает меня с головой, заставив вцепиться в мужа. Привыкну я к этим порталам когда-нибудь?

— Всё в порядке, любимая?

— Да. Мог бы и предупредить, — ворчу, переводя дыхание.

— Зачем? Ты бы наперёд нервничала, — хмыкает муж бессовестный.

— Можно уже снять повязку?

— Нет. Я скажу, когда.

Интересно, куда он меня принёс? Воображение начинает рисовать любовное гнёздышко в котором мы проведём остаток обещанных суток.

Когда спустя несколько минут Тай наконец ставит меня на ноги и сам снимает с моего лица повязку, я понимаю, что была не так уж далека от истины, но подобную красоту и представить себе не могла.

Мы находимся на огромном балконе. Белые перила, цветы в напольных вазах, порхающие белые занавески. Над нами звёздное небо, а под балконом плещутся об скалы морские волны.

— Где мы? — от восторга в груди спирает, и на глаза наворачиваются слёзы.

— Это наш летний дворец в южной провинции. Мы часто приезжали сюда всей семьёй. А сейчас отец подарил нам с тобой его на свадьбу, — обнимает меня со спины Тай. — Нравится?

— Ещё спрашиваешь! — смеюсь, впитывая потрясающий вид, вдыхая полной грудью морской воздух. — Это и есть твой сюрприз?

— Не только, — муж разворачивает меня к себе и ведёт за руку в спальню через стеклянные двери.

А там уже накрыт столик на двоих с цветами, вином, изысканными кушаньями... а взгляд то и дело притягивает огромная кровать, заставляя представлять, что будет со мной делать Тай на этом ложе. Но муж ведёт меня дальше и вскоре мы оказываемся в ванной комнате, больше напоминающей купальню, потому что вместо ванной тут целый бассейн с тёплой душистой водой.

— Помнишь те термальные источники? — целует мою шею Тай, принимаясь поднимать моё платье вверх, стягивает через голову.

— Разве их можно забыть? — хмыкаю я и тут же прерывисто выдыхаю, когда муж опускается позади меня на колени попутно целуя обнажённую спину и развязывая завязки панталон.

— Мне тогда ужасно хотелось искупать тебя собственноручно, — признаётся он, стягивая моё бельё, прикусывает ягодицу, проводит горячими ладонями по моим бокам, оглаживая, и помогает шагнуть вперёд, после чего поднимается на ноги.

И принимается раздеваться сам, многообещающе сверкая глазами. Устану ли я когда-нибудь любоваться своим мужем?

Ответив ему не менее жарким взглядом, отворачиваюсь и иду в бассейн, аккуратно спускаясь мраморными ступеньками, чувствуя кожей, что он смотрит на меня, наблюдает с голодным пристальным вниманием. И оттого мои движения сами собой становятся более плавными, соблазняющими, мне хочется его любования, его взглядов...

Я погружаюсь в воду, уже утонув с головой в своих эмоциях и чувствах. Которые тем острее, что я обнажена перед ним... во всех смыслах.

Страшно ли быть настолько открытой перед любимым человеком? Знать, что он точно знает, насколько ты в нём нуждаешься. Может, кому-то. Мне нет. Потому что я верю ему. Потому что любовь не делает меня слабой, а наоборот становится моей силой. Он — моя сила. Как и обещал.

Тай настигает меня, когда я уже отплываю на середину. Внезапно возникает рядом, смыкая вокруг руки, впивается в губы требовательным поцелуем, вторгаясь в рот языком. Обвиваю его ногами, беззастенчиво прижимаясь лоном к мужскому возбуждению. Он подхватывает меня под ягодицы, толкаясь бедрами, дразня своей плотью, потираясь, слегка проникая и отступая. Кусаю за улыбающиеся губы, впиваясь ногтями в широкие плечи. Хочу его. Так сильно хочу. Всегда.

— Люблю тебя, моя девочка, — шепчет в губы, соединяя наши тела, снова заставляя сердца звучать в унисон.

— Люблю, — отвечаю ему душой и телом, отдавая себя без остатка.

А спустя часы, наполненные томительной и жаркой страстью, лежа на мерно поднимающейся груди спящего мужа, слушая его сердце, я позволяю себе наконец почувствовать незнакомое ощущение будущего. Моего личного. С ним.

Мне больше не надо никуда мчаться по жизни. Не надо успевать жить. Я хочу смаковать каждую минуту. Я хочу прочувствовать всё, что нам на двоих отпущено. Наслаждаться каждым мгновением не потому, что оно последнее, а потому, что неповторимое. И я знаю, что со всем справлюсь. Знаю,

что впереди целая жизнь. Интересная и радостная, местами сложная, местами грустная, но такая настоящая. Наша с ним общая.